БИБЛИОТЕКА

ПРИ КЛЮ ЧЕ НИЙ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

СМ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"

4

МОСКВА 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

Д. МОРОЗОВ
А. ЛУКИН
Я. ГОРЕВ
П. НИЛИН
С. ЖЕМАЙТИС
Е. ФЕДОРОВСКИЙ
В. ПЕСКОВ
П. ЛИНЬКОВ
И. РОСОХОВАТСКИЙ
А. АДАМОВ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЧАСОВ ИЗ ЖИЗНИ РАЗВЕДЧИКА

Д. МОРОЗОВ

Это повесть о советском разведчике, который всю Великую Отечественную войну работал во вражеском тылу. Ее герой не вымысел автора. Обо всем, что написано в книжке, рассказал автору чекист-полковник, фамилию которого еще нельзя назвать.

В этой небольшой повести только один эпизод его работы, только тридцать шесть часов героизма, продолжавшегося годы. Но и события двух дней могут многое поведать о твердости и прочности того душевного материала, из которого сложен характер советского человека.

УБИТ ПОД БЕРЛИНОМ

Нелепый, в сущности, случай грозил провалом. Капитан Шварцбрук лежал мертвым на дне кузова «карманного грузовика». Осколок или, может быть, пуля угодила ему прямо в голову. Даже крови почти не было. Обер-лейтенант Либель посмотрел на желто-черный километровый столб возле шоссе: «До Берлина 30 километров». Дорога была пустынной. Да и кто бы сейчас обратил внимание на одинокий военный фургон у обочины и офицера возле него. Мало ли что? Может быть, водитель вышел осмотреть груз или проверить скаты.

Либель захлопнул заднюю дверцу крытого грузового фургона. Вот же угораздило этого капитана: прошел весь Восточный фронт, несколько операций в тылу у русских — и на тебе! Убит под Берлином, за сотни километров от фронта. Судьба? Обер-лейтенант задумчиво стянул с рук узкие замшевые перчатки и сел в кабину. Вставил ключ зажигания.

Но куда же все-таки ехать? Сколько сейчас времени? Всего половина первого. Значит, в запасе остается максимум час-полтора.

Обер-лейтенант Либель вспомнил все события этого утра с самого начала. Около девяти его вы-

звал непосредственный начальник — руководитель одного из отделений Центра военной разведки подполковник Мельтцер. Рядом с ним у стола, над которым висел большой портрет Гитлера, сидел знакомый Либелю офицер службы безопасности СД Иоахим Клетц, «чертов полицай», как называл его про себя обер-лейтенант. Бывший инспектор из уголовной полиции Гамбурга, Клетц в последние месяцы сделал неплохую карьеру.

Еще совсем недавно он служил в подземной резиденции Гитлера под зданием имперской канцелярии. Команда, ведавшая безопасностью фюрера, состояла из бывших детективов уголовной полиции. На этот ответственный пост штурмбаннфюрер сумел попасть благодаря «решительности и арийской непреклонности», которую он проявил в борьбе с белорусскими партизанами. У Клетца не было бы никаких серьезных шансов на дальнейшее выдвижение, если бы...

20 июля 1944 года в личной ставке Гитлера «Волчье логово», за сотни километров от Берлина, грянул взрыв. Полковник фон Штауффенберг, участник заговора высших офицеров и генералов вермахта, пронес в портфеле бомбу замедленного действия. Она взорвалась во время оперативного совещания. Сам Гитлер отделался нервным потрясением, однако многим эсэсовцам и офицерам службы безопасности СД эта история принесла немалую пользу. С того дня Гитлер окончательно перестал доверять даже своему генеральному штабу и центру военной разведки — абверу. По его приказу СС и СД были поставлены над всеми военными ведомствами.

Вот тогда-то штурмбаннфюрер Клетц, получив к своему чину добавление обер, и появился как «чрезвычайный уполномоченный» СД в абвере, в отделе «Заграница». Именно в этом отделе давно и благополучно служил обер-лейтенант Либель, отрабатывая свое право не быть посланным на фронт.

Способности бывшего полицейского инспектора в роли соглядатая развернулись в полной мере. С самого первого дня Клетц стал подозревать в измене

всех, начиная с начальника отдела подполковника Мельтцера и кончая вестовыми. Оберштурмбаннфюрер совал свой перебитый где-то в гамбургских трущобах нос во все дела, выискивая «шпионов». Внимание бывшего сыщика привлек и исполнительный обер-лейтенант Либель.

Обязанности Либеля были довольно сложными. Они требовали ловкости и умения заводить и поддерживать нужные знакомства. Он должен был, как говорят немцы, «проходить сквозь стены», потому что его функции не всегда укладывались в рамки служебных инструкций и предписаний. По долгу службы он встречал и расквартировывал в Берлине секретных агентов абвера перед их отправкой в русский тыл и, как доверенное лицо разведки, ведал снабжением их деньгами, документами и даже гардеробом.

Добыть квартиру, продовольствие, одежду в Берлине в то время, осенью 1944 года, было нелегко. Но надо сказать, что обер-лейтенант справлялся со всем этим неплохо. Подполковник Мельтцер был им доволен.

— Мой Либель в Берлине может все,— говорил он офицерам абвера.— Если вам нужны гаванские сигары или подлинный головной убор полинезийского вождя, он и это достанет! Кроме того, у него огромные связи там...— При этом Мельтцер делал значительные глаза, указывая в потолок.— Немножко легкомыслен. Да это и понятно: старый холостяк, со странностями. Но абсолютно преданный и знающий человек. Между прочим, он рисует — и совсем недурно,— я видел несколько его картин. Наверное, их хватило бы на небольшую выставку.

Вот с этих-то картин и начался конфликт Либеля с Иоахимом Клетцем. Вскоре после появления оберштурмбаннфюрера в отделе «Заграница», как-то вечером он остановил Либеля в коридоре и, явно желая блеснуть знанием личных дел сотрудников, сказал:

— Я советую вам, господин Либель, в следующий раз составлять свои финансовые отчеты менее поспешно. Я понимаю, это скучно, ведь заполнять

отчеты совсем не то, что рисовать картинки.— Он засмеялся, считая, что пошутил.

Правда, финансовые отчеты никак не входили в компетенцию оберштурмбаннфюрера СД, но «проклятый полицай» лез во все.

Либель помолчал, а затем, когда Клетц кончил смеяться, ответил:

— Интерес к живописи нисколько не мешает мне нести службу, господин оберштурмбаннфюрер. Кстати говоря, ею занимаются иногда и великие люди.

Клетц понял: Либель намекал на Гитлера, который в начале своей карьеры рисовал декорации.

Однако полицейский инспектор был не из тех, кто лезет в карман за словом.

— Я хорошо знаю, чем занимаются люди, и великие и рядовые,— отрубил он.— Это моя профессия!

С тех пор оберштурмбаннфюрер, носивший на мундире крест с дубовыми листьями за карательные экспедиции, не раз в присутствии Либеля заводил разговоры о «людях, которые не нюхали фронта», и даже о людях, которым «следовало бы понюхать фронт».

Либель никак не реагировал на эти прозрачные намеки и только про себя окрестил оберштурмбаннфюрера Клетца «чертовым полицаем».

В то утро, когда Либель явился в кабинет Мельтцера, присутствие там Клетца могло означать, что дело имеет чрезвычайную важность. В руках у Мельтцера Либель увидел телеграмму.

— Прошу вас, господин обер-лейтенант, встретить, соблюдая все правила конспирации, человека, о котором здесь идет речь,— сказал подполковник, протягивая Либелю телеграмму.— Поместите его в одной из наших квартир. Затем доложите мне и...— Мельтцер сделал паузу,— оберштурмбаннфюреру Клетцу. Пароль — «Циклон».

— Слушаюсь, господин подполковник,— ответил Либель. Он взял телеграмму и собрался было идти, как со своего места грузно поднялся Клетц.

— Задержитесь на минуту, мой дорогой господин Либель,— сказал он, подходя к офицеру вплотную.— Я хотел бы предупредить вас, что человек, которого вы встретите, вскоре отправится в тыл к русским для выполнения очень ответственного задания. Кроме того, он фрон-то-вик,— Клетц демонстративно подчеркнул это слово.— Я прошу вас как следует позаботиться о нем. Не давайте ему повода для жалоб. Доложите сегодня в четырнадцать часов.

— Слушаюсь, господин оберштурмбаннфюрер,— выдавил Либель.

Клетц с деланной улыбкой смотрел на него в упор, слегка наклонив вперед лысеющую голову.

Подымаясь по лестнице из подземного бункера, где помещались в то время служебные и даже жилые комнаты абвера, он развернул телеграмму. В ней говорилось, что некий капитан Шварцбрук в 12.00 прибывает экспрессом в Берлин из Дрездена. Либель взглянул на часы. Было уже девять. Правила конспирации запрещали встречать агентов на вокзале. Нужно снять капитана с поезда на последней станции перед Берлином.

Либель заправил свой малолитражный фургончик «оппель» и на полной скорости выехал к станции Зоссен.

Машина миновала пустынные перекрестки, на несколько минут ее задержала пробка у опрокинувшегося во время ночной бомбежки трамвая. Да, к осени 1944 года жизнь в Берлине все более походила на кошмарный сон. Огромный город непрерывно вздрагивал от ударов авиации союзников. Уже целые кварталы лежали в развалинах. Разбитые витрины и окна, словно подслеповатые глаза, глядели на улицы, некогда щеголявшие чистотой. На одном из углов над развалинами Либель увидел полотнище, на котором коричневыми буквами были выведены слова: «Мы приветствуем первого строителя Германии — Адольфа Гитлера». Это потрудились сотрудники ведомства пропаганды. «Ну что ж,— подумал Либель,— еще полгода, и этот «строитель» превратит Берлин в груду развалин».

...По сторонам загородного шоссе бежали ряды посаженных по линейке деревьев. Машина прошла через пригородные поселки, мимо чистых домиков под крутыми черепичными крышами. Раздумывая о своем, Либель едва не налетел на полосатый шлагбаум с надписью: «Ремонт. Объезд три километра». Дорога впереди основательно разбита, это снова следы бомбежки. Времени оставалось в обрез. Либель дал полный газ. Перед мостом через канал снова остановка. Заградительный отряд.

— На ту сторону нельзя, господин обер-лейтенант! — тревожно отрапортовал молодой ефрейтор из отряда фольксштурма.

По сторонам шоссе уже стояло с десяток машин, скрытых в тени кустов. Вдали, за каналом, стелился дым, оттуда доносился грохот зенитных батарей.

— Какого черта! — Либель с досадой ударил кулаком по баранке.— Кто у вас тут старший, позовите!

Юнец куда-то исчез и вскоре появился со стариком в форме фельдфебеля. Только что созданные той осенью отряды фольксштурма состояли из призывников семнадцати и шестидесяти лет. Старик, внимательно прищурив дальнозоркие глаза, долго разглядывал удостоверение Либеля.

— Абвер! Он из абвера! — зашептались стоявшие рядом мальчишки в солдатской форме.

Наконец старик уразумел, в чем дело, и лихо взял под козырек.

— Но ведь там, должен вам доложить, господин обер-лейтенант, как вы сами слышите, налет авиации... На станцию Зоссен... Это весьма опасно!

Либель усмехнулся.

— На фронте еще опаснее, фельдфебель!

Шлагбаум поднялся, и обер-лейтенант на полном ходу повел машину через мост. Еще с насыпи он увидел подымавшееся за дымным облаком пламя. Горела станция, а в полутора километрах от нее (Либель отлично определял на глаз расстояние), сбавляя скорость, подходил дрезденский экспресс. Свернув с шоссе, обер-лейтенант повел машину по

какой-то лужайке прямо навстречу поезду. И в этот момент послышался свист бомбы, раздался взрыв. Либель остановил машину и выскочил из кабины.

Основная часть самолетов — это были американские тяжелые бомбардировщики — уже прошла на Берлин. Но два самолета отстали и теперь атаковали станцию Зоссен и подходящий поезд. Крупнокалиберные пули грохнули по крышам вагонов.

Оттуда в панике выпрыгивали люди. Обер-лейтенант, не видя и не слыша ничего вокруг, кинулся к четвертому вагону. С трудом он пробился сквозь встречную толпу и втиснулся в купе. На диване сидел высокий загорелый человек в мундире капитана вермахта, одной рукой он прижимал к щеке носовой платок, другой держал большой черный портфель. Стекло в окне было разбито.

— «Циклон»! — сказал полушепотом Либель, автоматически подымая руку в приветствии.

Человек поднялся, не отнимая руки от лица.

— Возьмите мой чемодан,— сказал он.— Портфель я понесу сам, в нем документы. О черт, как это некстати! Меня огрело осколком стекла. Посмотрите, что там? — Он отнял руку.

— Пустяк,— сказал Либель.— Вам наложат шов. Немного рассечена щека. Идемте!

Взяв одной рукой чемодан, другой поддерживая капитана, Либель помог ему выбраться из вагона.

Они почти сбежали по насыпи и направились к машине. Американские самолеты разворачивались невдалеке на второй заход.

Обер-лейтенант помог высокому Шварцбруку влезть в фургон «оппеля».

— Что, не нашлось другой машины? — спросил капитан, втискиваясь в кузов.

— Инструкция требует, господин капитан, чтобы машина была закрытой и чтобы вас никто не видел. Мы поедем по городу,— ответил Либель.— Прошу вас, быстрее, самолеты возвращаются.

— Да, они теперь не отвяжутся. Штурмовать пассажирский поезд — это для них неплохое развлечение.

Либель захлопнул дверцу и под щемящий душу оглушительный треск новых очередей сел за руль.

На автокроссе с препятствиями Либель наверняка занял бы не последнее место. Сквозь всю суматоху, царившую на станции, он сумел пробраться на шоссе. Машину кидало из стороны в сторону, обезумевшие от страха люди бросались прямо под колеса, что-то сильно ударило по кузову то ли снаружи, то ли изнутри. Наконец по сторонам снова замелькали липы. Промелькнул мост, бросились врассыпную от машины мальчишки из фольксштурма. Фургон вышел из-под огня. «Ну, что вы скажете теперь относительно тыловиков, господин Клетц?»

Обер-лейтенант остановил машину. Нужно посмотреть, как там гауптман Шварцбрук. Пожалуй, надо бы сделать ему перевязку. Как всякий запасливый немец, Либель в то время возил с собой аптечку. Он достал ее из-под сиденья и отправился к задней дверце. На крашеном металле борта обер-лейтенант увидел свежую пробоину. С замирающим сердцем он открыл фургон. Капитан Шварцбрук лежал на дне кузова. Либель затаив дыхание осмотрел его. Мертв. Вероятно, это произошло, когда машина уходила со станции. Дурацкий случай!

Случай-то случай, но это грозило обер-лейтенанту Либелю многими неприятными последствиями. Теперь у оберштурмбаннфюрера Клетца были все основания дать возможность тыловику «понюхать фронт». Тем более что свидетелей гибели капитана Шварцбрука не было. «Чертов полицай» наверняка может назначить следствие. Все это никак не входило в планы обер-лейтенанта Либеля, тем более что он вовсе и не был ни Карлом Либелем, ни настоящим обер-лейтенантом. В секретных списках советской разведки перед его простой русской фамилией стояло совсем другое воинское звание: «Полковник».

Либель призадумался. В запасе у него всего часполтора. Но вот он принял решение и на своей машине, внезапно превратившейся в катафалк, помчался к Берлину.

Генерала Кребса — начальника штаба сухопутных войск — с утра одолевало растущее чувство раздражения, в причинах которого он, впрочем, побоялся бы признаться и самому себе.

Ночью он вернулся в Берлин из новой ставки в Гессене, около города Цигенберга, где вместе со всем составом генерального штаба вермахта принимал участие в совещании.

В подземном зале вокруг большого стола собрались фельдмаршалы и генералы. До начала совещания шли негромкие разговоры. Внезапно все стихло. Из потайной двери вышел фюрер. Минуту его взгляд блуждал по залу, он словно нюхал воздух. Затем, слегка волоча правую ногу, подошел к единственному креслу и сел, сильно сутулясь.

Кребс отметил, что левая рука фюрера стала подергиваться еще сильнее со времени прошлого совещания.

Сразу же после того, как генерал-полковник Йодль доложил о приближении Советской Армии к границам рейха, Гитлер, следивший за его докладом по карте, резко выпрямился, с силой бросив на стол толстый цветной карандаш. Глаза его вспыхнули знакомым всем угольным блеском.

— Высшие силы,— медленно начал он,— придут на помощь великой Германии. Русская армия погубит себя с первых шагов по нашей земле! Тогда пробудятся все силы нации! Тогда только мир узнает тотальную войну! — Голос его достиг верхней точки. Гитлер, казалось, старался перекричать самого себя. Бледное лицо стало зеленоватым.— Я снова поведу свою армию на восток!

В подземном бункере стало тихо. Было слышно, как где-то рядом капает вода. «Должно быть, умывальник»,— подумал Кребс. Он оглядел генералов, которые стояли, захваченные порывом фюрера. Фельдмаршал Кейтель снял старомодное пенсне и, близоруко щурясь, немного испуганно смотрел на Гитлера.

После глубокой паузы фюрер продолжал:

— Мировую историю можно делать только в том случае, если на деле станешь по ту сторону трезвого рассудка и вечной осторожности, все это нужно заменить фанатичным упорством. Только враги и трусы,— он снова начал с низкой ноты,— могут сомневаться в нашей победе. Военный и промышленный потенциал империи использован далеко не полностью... Моя армия несокрушима, мы получим...— Голос его снова оборвался.— Я отдал приказ о новых мерах,— тихо закончил он и резко повернулся.

Кребс заметил, как фюрер быстрым движением забросил за спину дрожавшую руку. Затем он вышел из бункера. Речь фюрера произвела на Кребса тягостное впечатление. «Видимо, это правда,— подумал он,— что доктор Морелль, личный врач фюрера, увеличил число возбуждающих уколов до шести в день. Гитлер, кажется, действительно тяжело болен».

Минуту царило молчание.

— Господа,— сказал Кейтель, надевая пенсне.— Исходя из данных о перегруппировке сил противника, а также из общего военного и политического положения...

«До чего же мерзкий голос и манера говорить»,— подумал Кребс.

— ...надо считать,— продолжал Кейтель,— что русские, вероятно, сконцентрируют свои главные силы на южных участках фронта. Удара следует ожидать прежде всего в Галиции...

После Кейтеля слово попросил генерал из группы «Центр». Он утверждал, что русское наступление развернется на севере, именно — в направлении границ Восточной Пруссии.

Кейтель устало улыбнулся и сделал плавный жест рукой, словно бы отодвигая от себя какую-то невидимую преграду.

— Я предварительно консультировался с фюрером, господа. Русские будут наступать именно на юге. И потому все контрмеры, предусмотренные

нами, надлежит предпринять в первую очередь на южных направлениях фронта.

Совещание вскоре закончилось. И вот после бессонной ночи, качки в самолете генерал Кребс, наконец, в Берлине, в главном штабе сухопутных сил.

Раздражение все еще одолевало его. События развивались с неотвратимостью падения авиабомбы, уже вылетевшей из открытого люка.

«Ожидать удара на юге...— вспомнил Кребс.— Ну нет, мой дорогой фельдмаршал. «Фанатичное упорство», о котором говорил Гитлер, требует не ожидания, а активных действий. Вы рано записали себя в спасители отечества. Фюрер отказался уже от многих подобных полководцев. Если мы не можем наступать на фронте, то это еще ровно ничего не значит!»

Кребс взял со стола свежий номер газеты «Фелькишер беобахтер».

В глаза ему бросились строки, выделенные в передовой жирным шрифтом: «Фюрер не смог бы сохранять железное спокойствие, если бы не знал, что он может бросить на чашу весов в решающий момент».

Доктор Геббельс имеет в виду «секретное оружие» — ракеты «Фау». Да, характер войны изменится. Старые фельдмаршалы не умеют вести тотальную войну, им придется уступить свое место таким, как он, Кребс.

Следуя духу времени, генерал подготовил свое секретное оружие.

Кребс встал из-за стола и отодвинул штору у огромной карты Восточного фронта. Ломаная красная линия начиналась у Баренцева моря. На юге она выступала крутой подковой.

Линия фронта. Вряд ли кто-нибудь в ту осень 1944 года мог бы подсчитать, на скольких картах в мире она была отмечена. Но все они в ту осень рассказывали об одном. Если бы могли ожить условные обозначения на этих картах, то можно было бы увидеть, как в Баренцевом море, скалывая намерз-

ший за ночь на палубе лед, шли в атаку на своих кораблях матросы советского Северного флота и как сквозь болота Полесья, протаскивая на плечах тяжелые орудия, двигались с боями советские солдаты белорусских фронтов. Как под солнцем южных степей город за городом отбивали у врага советские танкисты. Извиваясь под ударами красных стрел, линия фронта отползала на запад. Советская Армия освобождала от врага последние десятки километров родной земли.

Но был еще и другой фронт, о котором не писали в газетах. Его линию невозможно было увидеть. Бои на этом фронте не гремели взрывами бомб и залпами артиллерии. Сражения шли в едва уловимом треске и шорохе ночного радиоэфира, в приглушенном гуле одиноких самолетов, на большой высоте обходивших стороной военные объекты и большие города. Выстрелы и взрывы иногда звучали и здесь, но не они были решающими. Очень часто небольшой клочок бумаги со столбиком цифр оказывался сильнее атаки танковой дивизии, а два слова, брошенных вполголоса, решали судьбу армий. Генерал Кребс делал теперь ставку именно на этот фронт.

Циклон — так называют метеорологи зону низкого атмосферного давления. Бесшумно скользя над землей, циклоны несут грозы и бури. Это слово было избрано для того, чтобы обозначить секретный план диверсионных операций в тылу советских войск.

Еще в начале лета 1944 года генерал Кребс обсуждал план «Циклон» вместе с его авторами — генералом Рейнхардом Геленом и звездой гитлеровского шпионажа и диверсий Отто Скорцени. Элегантный, похожий на молодого адвоката Гелен и двухметровый, с лицом, иссеченным шрамами, громила Скорцени развернули тогда перед Кребсом заманчивую картину: аккуратно запланированные убийства, поджоги, взрывы мостов и железнодорожных узлов, распространение провокационных слухов. Все это было слито воедино.

Отборные диверсионные отряды абвера должны проникнуть в тыл советских войск на всем протяжении фронта. Они нанесут удар по коммуникациям, посеют в тылу террор и панику.

С тех пор над детальной разработкой этого плана тщательно работали и генеральный штаб сухопутных сил (ОКХ), и военная разведка абвер, и служба безопасности СД. Теперь наступило время действовать.

Подойдя вплотную к карте, Кребс вглядывался в район, лежащий глубоко за линией фронта, на его южном участке предгорья Карпат. Здесь «Циклон» нанесет свой первый удар. Вот у этой точки с неимоверно трудным славянским названием уже собрана первая боевая группа абвера. Сейчас особенно важно, чтобы первые диверсии произошли именно на юге.

«Посмотрим, что вы скажете, господин фельдмаршал,— подумал Кребс,— когда «Циклон» пройдет для начала по южным тылам русских. Они не смогут наступать. И все ваши прогнозы не оправдаются. А там — осенняя распутица, зима. Главное — выиграть время для переговоров с американцами. Союзники сами не испытывают большого восторга от русских побед на фронте».

Генерал припомнил все, что ему было известно о группе «Циклон-Юг». В нее, судя по докладам Мельтцера, вошли отличные разведчики, имеющие большой опыт тайной войны в России. Руководителя ее рекомендовал лично генерал Гелен. Сейчас группа ждет только командира и приказа действовать. Да, время наступило, пора начинать операцию!

Кребс резким рывком задернул штору на карте.

Фюрер, наконец, оценит его преданность и изобретательность, тогда недалеко и до фельдмаршальского звания. Сняв телефонную трубку, он набрал номер отдела «Заграница» абвера. К телефону подошел вездесущий Клетц.

— Слушаю вас, господин генерал,— ответил он.— Подполковника Мельтцера сейчас нет, но я тоже в курсе всех дел.

— Доложите, как идет подготовка плана «Циклон-Юг»,— внутренняя связь позволяла генералу говорить, не опасаясь, что его подслушают.— Необходимо ускорить начало операции именно на южном участке.

— Мне как представителю службы безопасности известно, господин генерал, что командир группы «Циклон-Юг» капитан Шварцбрук час тому назад уже прибыл в Берлин. Послезавтра, как это предусмотрено планом, он будет направлен за линию фронта. Мне известно также, господин генерал, что эта операция проводится совместно, точнее, абвером под руководством службы безопасности.

— Это не имеет особого значения, важен результат,— сказал Кребс, поморщившись от многословия уполномоченного.

— Разумеется, господин генерал, но я получил некоторые указания от обергруппенфюрера Кальтенбруннера...

Неуместное упоминание о начальнике полиции и службы безопасности, которого побаивались даже генералы, прозвучало, как вызов. Однако Кребс сдержался. У него было правило — не портить отношений с людьми, причастными к СД, в каком бы ранге они ни состояли.

— Постарайтесь выполнить все его указания как можно лучше,— ответил Кребс.— Что же касается капитана Шварцбрука, то он должен вылететь немедленно. Пусть подполковник доложит мне, когда все будет готово. Я приеду на аэродром проводить их.

Кребс повесил трубку. Похоже на то, что могущественная служба безопасности СД пытается взять в свои руки инициативу и руководство этой операцией. Ну нет, такой номер не пройдет. Абвер пока еще официально подчинен генеральному штабу. Несмотря на неприятный осадок от этого разговора, Кребс чувствовал некоторое удовлетворение. Итак, офицер, посланный Геленом, прибыл. Как его фамилия? В настольном календаре Кребс записал: «Капитан Шварцбрук».

«ГОТОВ ПОДТВЕРДИТЬ ПОД ПРИСЯГОЙ»

Подполковник Мельтцер быстро шагал по коридору — бетонной трубе, соединявшей подземные бункеры штаба абвера. Немногие из знавших Вальтера Мельтцера заметили бы, что он взволнован. Старый разведчик умел скрывать свои чувства.

Собственно говоря, здесь, в бетонном подземелье, и не от кого было скрывать их. Однако привычка. Мельтцер подошел к знакомой двери кабинета уполномоченного службы безопасности Клетца. Оберштурмбаннфюрер читал какой-то документ, и, когда к столу подошел Мельтцер, он как бы невзначай прикрыл его папкой.

— Вы чем-то встревожены, дорогой подполковник? — спросил Клетц.

В другое время Мельтцер непременно отдал бы должное проницательности Клетца, но сейчас он сказал без обиняков:

— Да. Мне только что позвонил обер-лейтенант Либель. На станцию Зоссен произведен налет американской авиации. Шварцбрука на месте не оказалось.

— Что значит не оказалось? — спросил Клетц, и Мельтцер увидел на его лице то самое выражение, которое когда-то приводило в трепет даже отпетых гамбургских бандитов.

— Его нет в числе убитых,— поспешил сказать Мельтцер,— я проверял на станции. Убитых всего трое. Одна женщина и два офицера.

— Так где же он? — Клетц встал.

— Поисками его сейчас занимается Либель. Я уверен, он найдет...

— Вы уверены! А знаете ли вы, дорогой подполковник, что в портфеле у Шварцбрука документы, связанные с операцией «Циклон-Юг»? Это вам известно?! — Клетц быстро овладел собой и снова сел.

Наступила пауза.

— Послушайте, это невероятно! Полчаса назад я сказал генералу Кребсу, что Шварцбрук уже прибыл в Берлин!

Мельтцер отметил про себя: «Оказывается, ты хотел выслужиться? Поделом! Теперь мы связаны одной веревочкой». А вслух сказал:

— Так вот почему я получил распоряжение о немедленной отправке Шварцбрука! Нам остается только помочь обер-лейтенанту Либелю. Я уверен, он справится с делом. Кстати, он просил у меня фотографию или словесный портрет Шварцбрука. Надеюсь, служба СД располагает ими? Это облегчит поиски.

— У меня нет ни того, ни другого,— уже совсем растерянно сказал Клетц.— Вы ведь знаете: это человек Гелена. Пришлось привлечь некоторых новых людей. Он находился в ведении фронтовых разведывательных групп. Здесь его никто не знает. Я немедленно запрошу его личное дело, а пока пусть Либель действует. Пусть учтет: если он не найдет Шварцбрука, фронта ему не миновать!

Мельтцер, собиравшийся уходить, остановился: теперь он чувствовал себя гораздо увереннее.

— Я не хотел бы, господин оберштурмбаннфюрер, нервировать сейчас нашего офицера. Он сам достаточно взволнован. Я слышу это по его голосу. Либель чрезвычайно исполнительный человек.

— Где он сейчас, этот Либель?

— На станции Зоссен.

— Но ведь теперь уже половина третьего! Хорошо, я сам позвоню туда.

Военный комендант станции Зоссен, услышав, что с ним говорит оберштурмбаннфюрер службы СД, переложил трубку из руки в руку.

— Этого мне еще только не хватало,— сказал он в сторону.— Да, господин оберштурмбаннфюрер, этот офицер обращался ко мне за списком убитых, совершенно верно, кажется, Либель. Слушаюсь, окажем ему полное содействие, слушаюсь.

Комендант повесил трубку и выглянул в окно. Да вот он, этот обер-лейтенант, бродит по перрону среди пассажиров разбитого экспресса.

Комендант надел фуражку и вышел на перрон. Наклонившись к самому уху Либеля, он сказал:

— Чем я мог бы помочь вам, господин обер-лейтенант? Мне только что звонили из СД.

Либель быстро обернулся.

— Помочь? Пожалуйста, у меня еще нет полного списка раненых.

— У меня его тоже нет, господин обер-лейтенант.

— Но, полагаю, вы хотя бы знаете, в какие госпитали они направлены?

— Разумеется.

— Затем мне нужен кондуктор четвертого вагона.

— Все кондукторы здесь, у начальника станции. Идемте.— По дороге комендант разглядывал идущего с ним офицера. «Должно быть, из СД или из абвера». Красивое волевое лицо, скандинавский орлиный нос, стройная фигура спортсмена. Тип настоящего арийца. На вид лет тридцать — тридцать пять. В серых глазах его комендант увидел острую тревогу.

— Вы кого-то ищете, господин обер-лейтенант? — наконец спросил он, не сумев подавить любопытства.

Серые глаза в упор взглянули на коменданта.

— Да, исчез родственник одного очень важного лица. Очень важного! — добавил обер-лейтенант.

Сказано это было таким тоном, что у коменданта похолодела спина.

Кондуктор четвертого вагона оказался высоким плотным старичком со старомодными седыми усами, торчавшими в стороны пиками.

— В пятом купе? — переспросил он.— В пятом купе...— кондуктор потрогал свои усы.— У меня отличная память, несмотря на возраст. В пятом купе... Это где ехал высокий черный капитан? Я хорошо помню, он никуда не выходил до самого Дрездена. А с ним двое штатских. Постойте... одного из этих штатских ранило прямо на насыпи, это пожилой господин в клетчатом пальто, его отправили в госпиталь с первой партией.

— А капитан? — спросил Либель.

— Капитан, по-моему, он... нет, я боюсь сказать вам точно, ведь в тот момент, вы сами понимаете... Я не помню, куда делся капитан. Но мне кажется, он не был ранен и уехал на попутной машине.

Либель поблагодарил старика. При содействии коменданта Либелю нетрудно было выяснить, куда направлена первая партия раненых.

По дороге от станции к Берлину он снова остановился у поста фольксштурма. Поговорив с фельдфебелем, обер-лейтенант выяснил, что у того записаны номера всех машин, прошедших через пост к Берлину. Либель похвалил его и списал номера машин, прошедших от станции Зоссен за полчаса от двенадцати до двенадцати тридцати. Интуиция разведчика подсказала ему, что такой список может пригодиться. Искать так искать, по всем правилам.

Через полчаса Либель уже сидел в госпитале у постели пожилого господина, о котором говорил кондуктор.

— Да, конечно, я помню офицера,— сказал раненый,— он был молчалив. Но я хорошо помню его лицо.

— А что произошло во время бомбежки? Видите ли, капитан — мой родственник, я должен был встретить его...

— Вы знаете, как только начался налет, я совершенно не помню, как очутился на насыпи. Потом эта нога, я упал. А капитан, мне кажется, побежал дальше. Боюсь утверждать, но мне помнится, он уехал на грузовом автомобиле. Хорошо помню, что в сторону Берлина.

— Номер или цвет машины вы не запомнили? — спросил Либель, доставая блокнот.

— Ну что вы, господин обер-лейтенант! До того ли мне было? Впрочем, вы можете спросить поточнее у моего соседа по купе господина Гарднера, он ведь не был ранен. Я дам вам его телефон. Это мой хороший знакомый.

Еще через полчаса Либель был уже на другом конце Берлина, в районе Карлсхорст, основательно потрепанном бомбардировками. Среди разбитых кварталов он с трудом отыскал дом, в котором жил знакомый господина в клетчатом пальто. Он отсиживался в бомбоубежище под домом. Это был высокий краснолицый здоровяк с большими голубыми гла-

зами навыкате. «Ну, уж ты-то испугался больше всех»,— подумал Либель и, взяв здоровяка под руку, сказал:

— Я к вам по чрезвычайному делу, господин...

— Гарднер,— рявкнул краснолицый.

— Видите ли, мне нужно выяснить некоторые обстоятельства этой ужасной катастрофы. Мне рекомендовали вас как человека с большим самообладанием. Другие совсем растерялись от страха.

— К вашим услугам,— господин Гарднер еще больше выкатил глаза.

— С вами в купе ехал офицер, капитан.

— Совершенно верно.

— Когда началась бомбежка и вы выходили из купе, капитан был впереди вас?

— Отлично это помню, я в тот момент нисколько не растерялся.

— А затем, у меня есть сведения, что капитан выбежал на шоссе и уехал к Берлину на попутной машине...

— Точно так! — Гарднер убежденно закивал головой.— Он еще помахал мне рукой.

— Вы готовы, если понадобится, подтвердить это?

— Ну, разумеется! Хоть под присягой. Я, знаете ли, в тот момент пожалел, что у меня в руках не было оружия, я непременно сбил бы этот самолет, он шел совсем низко. Честно говоря, если бы не настояли родственники, я никогда не спустился бы в бомбоубежище. А вот однажды...

Либелю пришлось еще с четверть часа слушать рассказ о «подвигах» господина с голубыми глазами. Наконец он вежливо перебил его:

— Простите, господин Гарднер, но меня ждут дела. Я непременно заеду к вам еще разок.

Было ровно семнадцать часов, когда Карл Либель вошел в уцелевшую на углу аптеку и снял телефонную трубку. Каким-то чудом телефон среди развалин еще действовал.

— Господин подполковник, я напал на след. Как с фотографией или приметами?.. Ах, вот оно что! Ну, будем надеяться. Слушаюсь.

Не торопясь, он вышел из аптеки. Серый фургон ожидал его за углом. Либель сел в кабину, включил зажигание и задумался. Итак, уже пять часов, как Шварцбрука нет в живых, а его ждут и абвер, и СД. и даже штаб сухопутных сил. Теперь есть свидетели, которые, пожалуй, подтвердят, что капитан Шварцбрук уехал со станции живым и невредимым.

Клетц и Мельтцер нервничают. Наверное, на них нажимает начальство. Безусловно, нужно учесть и то, что между абвером, СД и штабом сухопутных сил началась грызня. Каждый из начальников хотел бы присвоить себе честь организатора операции «Циклон». Ведь план разрабатывался совместно, однако делиться славой они вряд ли захотят.

Какую пользу для дела можно извлечь из всего этого?

Разведчик почувствовал себя игроком, которому на шахматной доске дают возможность сделать выгодный на первый взгляд ход. Но решение еще не пришло. Ведь игра идет не деревянными фигурками. Кое-что уже сделано. Но это еще подготовка к решительному ходу. Пока что он будет искать. Капитан Шварцбрук уехал в Берлин? Хорошо. Значит не должно остаться никаких следов.

Человека в столице найти не так-то легко. Нужно только сделать так, чтобы начальство не теряло надежды, иначе гестаповцы сами могут взяться за поиски. Можно ли быть уверенным, что в Берлине действительно никто не знает Шварцбрука? Если бы это было так, то тогда... Но прежде всего — следы.

Обер-лейтенант вышел из машины и стал рассматривать пробоину в кузове. Ее можно заделать. Но не может же он оживить капитана!

— Прошу вас предъявить документы! — К фургону подходил эсэсовский патруль. Двое рядовых и рослый роттенфюрер в каске, с автоматом на груди.

Либель достал из кармана удостоверение. Унтерофицер рассматривал его. Солдаты обошли машину, один из них взялся за ручку дверцы кузова.

— Кто вам дал право на обыск? — резко спросил обер-лейтенант.— Это машина абвера!

Роттенфюрер, возвращая удостоверение Либелю, взглянул на него, как на новобранца.

— Мы осматриваем все машины без исключения. Этот район объявлен на чрезвычайном положении, господин обер-лейтенант! Здесь много разрушенных магазинов, вывозить отсюда ничего нельзя. Мы действуем именем фюрера!

— Хайль Гитлер! — сказал обер-лейтенант.

— Хайль! — отозвались эсэсовцы.

Либель все еще стоял, загораживая собой дверцы. Эсэсовцы выжидающе смотрели на него.

— Вот что, роттенфюрер,— сказал Либель после паузы.— Я выполняю особое задание руководства СД и, следовательно, мог бы послать вас ко всем чертям...

Верзила взялся за автомат.

— Но я понимаю, разбитые дома, мародерство... У вас тоже служба. Можете заглянуть в фургон.

Роттенфюрер ухмыльнулся:

— Вот так-то оно будет лучше! — Он открыл дверцу и заглянул внутрь. Фургон был пуст.

Либель угостил солдат сигаретами и поехал дальше.

«ЦИКЛОН» ЗАРОЖДАЕТСЯ В ПРЕДГОРЬЯХ

Осень в Прикарпатье еще только началась, она уже ощущалась и в яркой голубизне сентябрьского неба и в промозглом дыхании утренних туманов.

«Покуда солнце взойдет — роса очи выест»,— вспомнилось Миколе Скляному. Запахнув как можно плотнее видавший виды кожушок, он пробирался через росистые кусты. Холодные обжигающие капли лезли за шиворот.

«Спасибо еще, эта баба кожух одолжила, а то в абверовском пиджаке и вовсе бы богу душу отдал! Вот пройдешься километров пять туда, да столько же обратно сквозь чащобу, да ночь в лесу посидишь. Старуха, хоть и ведьма, а выручила».

Скляной поднялся, наконец, на вершину заросшего лесом и кустарником холма, отсюда было видно далеко вокруг. По сторонам, словно стадо мохнатых зеленых медведей, громоздились один на другой холмы. Спокойно все, будто нет и не было никакой войны, будто в двухстах километрах к югу и на западе не ревел тысячами орудий фронт. Да, вот оно как обернулось. Быстро катился фронт на запад. А здесь, на занятой советскими войсками территории, уже восстанавливалась нормальная жизнь.

Над холмами послышался неторопливый стрекот самолета. Скляной спрятался под ветвями ближайшего дуба. Низко над землей шел У-2, почтовый или разведчик. Там, вверху, его уже озаряло вставшее солнце, красные звезды переливались на плоскостях. Микола проводил его настороженным взглядом. Носил когда-то и он такую же звезду на пилотке. И назывался тогда красноармейцем. Как будто недавно это было: всего три года назад, а кажется, прошла целая вечность. Сколько событий: плен, лагерь, потом отряд карателей и школа гестапо под Винницей. Да, далеко он ушел от красной звезды. В плен Микола сдался по доброй воле. Ему, редкостному радиомастеру из Львова, война с фашистами казалась тогда вовсе посторонним делом. Но, хлебнув лагерной жизни, он решил, что ему выгоднее полностью перейти на сторону гитлеровцев, чем мучиться в лагере. Так он попал в диверсанты. И вот уже полтора года страх перед расплатой гонит его все дальше и дальше по этой дороге. Теперь он опытный, бывалый радист-диверсант.

Нынешняя операция не нравилась Скляному — слишком далеко их забросили за линию фронта. Правда, и группа не мала — тридцать человек. Но что такое даже три десятка абверовских агентов, дерущихся с упорством обреченных? Чекисты не из робких. Скляной это знал.

Микола посмотрел на восток, еще километра полтора осталось до лагеря группы. Наметанным глазом с вершины холма он проложил путь сквозь кусты и, осторожно цепляясь за ветви и стволы, стал спу-

скаться с крутого склона. Ноги скользили по мокрой траве.

Хорошо, хоть не каждый день нужно приходить в группу. За всю неделю, что группа в сборе, он являлся всего два раза. Живет Микола, затаившись на глухом хуторе, у жадной неразговорчивой старухи. Впрочем, он сразу нашел с ней общий язык, предложив ей на выбор немецкие марки, польские злоты и советские рубли. Старуха долго думала, а потом взяла за постой сразу в трех валютах.

— Хоть что-нибудь да останется,— заключила она.

Когда Скляной рассказал об этом временному командиру группы лейтенанту Крюгеру, тот долго хохотал:

— По-моему, она ведьма! На русских хуторах всегда живут ведьмы, присмотрись-ка к ней!

Однако ведьма приняла Миколу совсем неплохо и даже вот одолжила ему старый кожух, который так греет холодными ночами, когда Скляной, сидя часами в лесу у переносной рации, вылавливает из далекого эфира позывные радиостанции абвера.

Сегодня ночью он получил особенно важное указание с добавлением немедленно передать его лейтенанту Крюгеру. Вот из-за этого и пришлось спозаранку тащиться сквозь мокрый кустарник.

«Покуда солнце взойдет — роса очи выест»,— снова вспомнилось ему.

— Ох, выест! — вздохнул Скляной и услышал негромкий оклик сзади из-за кустов:

— Стой!

Скляной вздрогнул и остановился, подняв руки вверх.

— Ложись.

Скляной лег, стараясь проглотить тугой комок, подступивший к горлу. Что-то уж очень чисто голос говорит по-русски. И только когда человек вышел из-за кустов, страх прошел. Лейтенант Роденшток тоже узнал Скляного.

— Что это ты на себя нацепил, Иван? — спросил лейтенант. В группе все немцы звали Скляного Иваном.

— Это русский кожаный пиджак,— ответил Микола.— Ведите меня к господину лейтенанту Крюгеру. Я получил важную радиограмму сегодня ночью. Приказано передать ее немедленно. А вы напугали меня, очень уж чисто говорите по-русски.

Роденшток довольно улыбнулся. Они прошли между кустов к хорошо замаскированному лагерю диверсионной группы. Да, Скляной с каждым днем все больше убеждался, что отряд подготовлен отлично. Самые боевые и опытные диверсанты вошли в группу. Пятеро из них отлично говорили по-русски и уже не раз бывали в советском тылу. Скляному стало ясно, что их группе командование придает особое значение. Это чувствовалось и по тому, как неусыпно следила радиостанция абвера за позывными группы. «А раз так,— думал он,— и у меня тоже есть возможность сделать карьеру. Дай-то бог!»

Подходя к Крюгеру, Скляной, уже вполне оправившись от недавнего испуга, приосанился. Широкоплечий рыжеволосый Крюгер, одетый в линялую советскую гимнастерку, галифе и кирзовые сапоги, сидел на поваленном дереве, выгребая из котелка завтрак — распаренный концентрат.

Увидев Скляного, он отложил котелок.

— Что-нибудь есть, Иван?

— Точно так, господин лейтенант, получена радиограмма о предстоящем прибытии командира группы. Велено передать вам лично, вот...— Он протянул Крюгеру бумажку со столбиком цифр.— Дальше я не расшифровал. Это по вашему личному коду.

— Хорошо! — сказал Крюгер.— Подождите, я прочту.

Скинув свой кожух, Скляной расстелил его в стороне у дерева и прилег. Уже сквозь дремоту он услышал взволнованный голос Крюгера. Тот звал Роденштока и еще кого-то.

— Ну, слава богу,— говорил Крюгер,— наконец-то кончается наше бездействие. Молниеносный рейд, а там два месяца отдыха в тылу. Послезавтра к нам прибывает командир группы. А вы знаете, кто им назначен? Капитан Шварцбрук. Отто Шварцбрук.

— Мне эта фамилия ничего не говорит,— отозвался Роденшток.

— Ну что ты! А я знаю его отлично, с ним не пропадешь! Это отличный специалист. Он работал у Скорцени.

— Фирма солидная. Когда он прибывает?

— Послезавтра.

— Ну что ж, Шварцбрук так Шварцбрук. Хорошо, конечно, если знаешь командира.

Сказать по совести, Роденшток был не очень доволен этим знакомством. Конечно, теперь Крюгер станет вторым человеком в группе, а он и сам мог бы рассчитывать на эту роль...

Обратно Скляной уносил в потайном кармане свернутую трубочкой бумажку с зашифрованной радиограммой. В ней сообщалось, что группа готова встретить капитана Шварцбрука. Местом явки был назначен хутор, где обосновался со своей рацией Скляной. Все равно сразу после прибытия капитана придется уходить в другое место. Обратный путь через кустарник еще больше измотал Скляного, но, вспомнив свои мечты о карьере, он завалился в сено спать лишь после того, как передал ответную радиограмму.

«КУДА ЖЕ ВЫ ПРОПАЛИ, КАПИТАН!»

Над Берлином тоскливо ныли сирены очередной воздушной тревоги. На центральных улицах было остановлено движение. Где-то в центре начался пожар. Карл Либель остановил машину. Придется из-за этих союзников пешком пройти пару кварталов. Он взглянул на часы: без двадцати восемь.

«Ну и денек,— подумал обер-лейтенант,— пролетел, как миг единый!» Усталость уже давала о себе знать. Он зашагал по краю мостовой вдоль тротуара. В быстро темневшем небе шарили лучи прожекторов, вспыхивали красные звездочки разрывов зенитных снарядов.

Навстречу Карлу бежали две растрепанные женщины. Та, что постарше, волочила по асфальту край

одеяла, свисавшего с плеч. Она ежеминутно наступала на него, путаясь и повторяя одно и то же:

— Боже мой, я совсем забыла, боже мой...

— Быстрее, мама,— подгоняла ее молодая,— до метро еще далеко, и я опоздаю на работу...

Либель учтиво посторонился, давая женщинам дорогу. Да, им тоже нелегко! Может быть, теперь они поймут, что такое война? Поймут и расскажут детям, чтобы те запомнили на всю жизнь...

Либель подходил к Фридрихштрассе. В самом центре города в небо поднималось пламя.

«Еще немного — и бомба попала бы в Имперскую канцелярию»,— подумал Либель и посмотрел на серое здание, над подъездом которого была укреплена огромная эмблема гитлеровского рейха. Орел, раскинув крылья, вцепился когтями в лавровый венок. Либель видел эмблему и раньше. Днем в полированных перьях орла — маленьких зеркальцах нержавеющей стали — отражалась вся жизнь улицы. Редкие автомашины (бензин забрал фронт), редкие прохожие (людей тоже забрал фронт). Сейчас, в зареве близкого пожара, перья орла вспыхнули красным отсветом. Казалось, орел ожил, его хищный глаз уставился на город, на бегущих людей, словно он выбирал очередную жертву. Либель усмехнулся. «Ну, уж если и до тебя добралась война, не усидеть тебе на своем месте».

В двух кварталах от рейхсканцелярии, окруженный аккуратным зеленым газоном, стоял небольшой газетный киоск. На его стенке среди реклам и объявлений висел большой плакат: человек с поднятым воротником, в темных очках и шляпе поднес палец ко рту. «Тсс! — гласила надпись.— Молчи! Тебя может подслушать вражеский шпион!» Около киоска возился, запирая дверь, газетчик с черной повязкой на глазу. Либель подошел к нему. Мимо сновали люди.

— Добрый вечер, Фред, что, уже есть вечерний выпуск?

— Господин обер-лейтенант! В такое время! Я за-

крываю. Ну хорошо.— Газетчик взял у Либеля сложенную вчетверо бумажную марку.

— Это необходимо сегодня,— тнхо сказал офицер.

Газетчик молча кивнул головой и, открыв дверь, нырнул в свой киоск.

— Вот все, что есть,— сказал он через полминуты, выходя из дверей и протягнвая обер-лейтенанту вечерний выпуск «Берлннер цейтунг».

— Спасибо, Фред, до свидания!

— До свидания, господин обер-лейтенант, сдачи, как обычно, не нужно?

— Заеду завтра!

Либель, засунув газету в карман, почти бегом вернулся к своему фургону. Он медленно поехал по темной улице. Только через полчаса ему удалось выбраться нз лабиринта центра города. Обер-лейтенант остановил свою машину около небольшого домика на окранне. На улице не было ни души. Загнав машину в гараж под домом, Лнбель поднялся на крыльцо. Дверь открылась изнутри без стука.

— Ты что-то уж очень долго, Карл, куда ты пропал? — спроснл молодой мужской голос.

— Ищу Шварцбрука,— ответил Либель.— Понимаешь, этот капитан исчез совершенно бесследно!

Они шагнули из темноты передней в светлую, хорошо обставленную комнату, окна которой были завешены плотными светомаскировочными шторами. Либель хорошо знал эту квартнру. Ее хозяин Михель Лемке, или Мишель, как его называли друзья, был одним нз немногочисленных помощннков полковника в его трудной н опасной борьбе. Биографня этого двадцативосьмилетнего немца была проста. Двадцати лет, после того как фашнсты казнили его отца-коммуниста, он бежал в Испанню. Сражаясь в рядах Интернациональной бригады, он знал, что бьется не только за свободу этой солнечной страны, но и против фашизма, который стал его врагом на всю жизнь.

Потом был переход через Пиренеи, лагерь во Франции, побег, еще один нелегальный переход гра-

ницы. Под чужим именем в июне 1941 года он попал в армию на Восточный фронт и уже в сентябре под Ленинградом сдался в плен советским солдатам. В Советском Союзе ему удалось встретиться с друзьями из Интернациональной бригады. С большой охотой он взялся за работу в советской разведке. Несколько заданий в прифронтовой полосе, а затем его перебросили в Берлин для связи с группой Карла Либеля.

Мишель был потрясен, когда впервые узнал, кто скрывается за маской немного развязного и пронырливого обер-лейтенанта из абвера. Он увидел, какую неоценимую роль в борьбе против фашизма играет тайная работа этого человека. И при всем этом Либель обладал искусством быть всегда в тени, оставаться незаметным. Вскоре после приезда в Берлин Мишель должен был вернуться обратно в Москву. Но потом планы изменились. Либель сумел пристроить его в Берлине в типографию, добыв Мишелю все документы инвалида войны. Иногда обер-лейтенант использовал его квартиру, чтобы на день-два поселить в ней очередного абверовского агента. Благодаря частым посещениям обер-лейтенанта соседи Мишеля считали, что он человек, связанный то ли с гестапо, то ли с каким-то еще секретным фашистским учреждением.

Вместе с газетчиком Фредом и другими участниками группы Мишель выполнял поручения Либеля, обеспечивая ему постоянную связь с Москвой. Так продолжалось уже почти полгода.

Когда сегодня утром Либель привез к нему домой в знакомом фургоне труп капитана, Мишель понял, что происходят чрезвычайные события. Он знал, что его друг относится к тому высокому классу разведчиков, которые умеют работать без стрельбы и тайного вскрытия сейфов. Либель не уходил от риска, но предпочитал рисковать с уверенностью в успешном окончании дела.

Оставшись утром один и просмотрев документы в портфеле Шварцбрука, Мишель понял, что игра и на сей раз стоит свеч.

Подойдя к окну, Либель поправил светомаскировку.

— Где этот капитан?

— Все там же,— Мишель кивком головы указал на дверь соседней комнаты.— К сожалению, не ожил.

— Теперь это было бы уже излишне, Мишель. Фигуры расставлены, и его позиция на доске должна быть именно такой. Мы с тобой обязаны поставить мат в один ход абверу, СД и штабу сухопутных сил.

— Так в чем же дело? — улыбнулся Мишель.

— У тебя найдется старый костюм? — спросил внезапно Либель.

— Конечно. Зачем тебе? Хочешь прогуляться в штатском?

— Это не мне, а господину капитану. Принеси, пожалуйста!

Либель вошел в соседнюю комнату. В углу, прикрытый ковром, лежал труп капитана Шварцбрука, которого он с таким усердием искал сегодня по всему городу. Разведчик отбросил ковер. С минуту он смотрел на капитана. Сколько преступлений было на совести этого человека! Карательные экспедиции по белорусским и украинским селам, расстрелы, виселицы, пытки. Жаль, конечно, что не удалось передать его прямо в руки советской контрразведки. «А там вас ждали даже больше, чем ждут сейчас в абвере, капитан Шварцбрук!» — подумал Либель.

— Ты так и не трогал его с тех пор, как я привез? — спросил он вошедшего Мишеля.

— Конечно, нет, я занимался его портфелем. Там много интересного.— Мишель стоял уже рядом, с потрепанным костюмом в руках.

— Да, вы почти одного роста. Ну, давай переоденем его.

Старый костюм Мишеля пришелся Шварцбруку в самый раз. Теперь капитан нисколько не напоминал того бравого офицера, каким он еще недавно сошел с поезда.

Либель порылся в своих карманах.

— В нашем деле надо быть запасливым. Давно уже у меня припасены хорошие документы. Вот.— Он достал потрепанный паспорт и еще какую-то книжечку и вложил их в боковой карман пиджака Шварцбрука.— Если верить документам,— сказал он,— перед нами тело мирного берлинского жителя Ганса Шумахера, погибшего при бомбежке. Похож?

— Похож,— подтвердил Мишель.

— Теперь надо доставить его на место происшествия.

— А ты не думаешь, что Шварцбрука, когда его найдут, могут опознать?

— Думаю, что нет. Видишь ли, Шварцбрук все время был в ведении фронта. Все его личные дела там. Клетц пытается сейчас запросить их. Но, я думаю, у него ничего не выйдет. Ведь ты знаешь, какая у них там сейчас неразбериха.

— А кто-нибудь лично знает Шварцбрука в Берлине? — быстро спросил Мишель.

— Этого я еще не выяснил до конца. Однако нам надо спешить. У меня есть кое-какие соображения... Да, вот последняя радиограмма из Москвы, расшифруй, пожалуйста, к моему приезду.

Либель развернул только что купленный им около рейхсканцелярии выпуск вечерней газеты. Внутри к одной из страниц была прикреплена еле заметная крошечная записка с рядом цифр.

Вдвоем с Мишелем они спустили тело Шварцбрука через люк на кухне в гараж. Через несколько минут Либель уже ехал по улице в своем фургоне, в кузове которого, как и утром, лежал убитый капитан.

Машина снова шла в объявленный на чрезвычайном положении Карлсхорст, в район разрушенных кварталов. Либель проехал знакомую аптеку. А вот и эсэсовский пост. Напрягая зрение, обер-лейтенант вглядывался в маячившие впереди фигуры. Неужели успели смениться? Нет! Тот же верзила роттенфюрер вышел в сумерках на середину мостовой и поднял руку.

— Запрещено, въезд закрыт!

— А! Это вы опять, роттенфюрер? — Либель, не заглушая мотора, высунулся из кабины.— Надеюсь, второй раз вы не будете обыскивать машину? Вы уже убедились, что я не мародер?

Эсэсовец опустил руку.

— Кто это там? — От стены отделилась еще одна фигура.

— Спокойно, Вальтер,— ответил долговязый,— это тот обер-лейтенант из абвера. Мы его уже проверяли. Пусть едет!

Роттенфюрер отошел в сторону и махнул рукой. В сгущавшихся сумерках Либель въехал в разбитые бомбардировкой кварталы. Он свернул в переулок, заваленный обломками. Запах гари и тления стоял здесь. Видимо, квартал был разбит совсем недавно. Ни жителей, ни прохожих. Пожалуй, подходящее место. Эсэсовцы выгнали отсюда всех и охраняют входы и выходы из района.

Взвалив на плечи Шварцбрука-Шумахера, Либель потащил его к дому, у которого еще уцелел парадный подъезд. Внутри было совсем темно.

Сорванные с петель двери, какая-то рухлядь валялись на лестнице. Он прислушался. Где-то в глубине полуразрушенного дома в мертвой тишине, видимо, уцелели часы с многодневным заводом. Мерные удары, похожие на звон далекого колокола, поплыли над развалинами. Девять раз. Надо спешить!

Сгибаясь под тяжестью ноши, Либель поднялся на несколько ступенек, лестница обрывалась, внизу чернел подвал. Осторожно, стараясь не шуметь, Либель спустил туда убитого капитана. «С этим кончено,— подумал он.— Через несколько дней, не раньше, здесь найдут Ганса Шумахера».

КАЖДЫЙ РЕШАЕТ ПО-СВОЕМУ

Генерал Кребс вернулся в штаб лишь под вечер, разбитый после дневного сна. С тяжелой головой он принялся за чтение сводок. Все говорило о том, что

русские готовят новый удар на юге. Судя по темпам подготовки, наступление могло начаться буквально со дня на день. Генерал задумался. Он снова вспомнил о группе «Циклон-Юг».

Сейчас, именно в эти дни, самое благоприятное время для действий на юге. Русские подтягивают в тылу резервы. Урал шлет технику эшелон за эшелоном. Для Кребса это не было чудом. Перед войной он работал в Москве помощником военного атташе. И именно знание России, которым он всегда гордился, помогло ему стать начальником генерального штаба сухопутных сил. Кребс вполне наглядно мог представить себе, как из глубины Сибири, которую некоторые верхогляды из вермахта считали ледяной пустыней, выходили и вступали в бой все новые и новые советские дивизии. Россия — «колосс на глиняных ногах», как называли ее пропагандисты доктора Геббельса,— превзошла его страну в производстве военной техники. Но генерал Кребс понимал, что это еще не последнее слово Советов. Он вспомнил афоризм канцлера Бисмарка: «Русские долго запрягают, но быстро ездят». Это было сказано еще в прошлом веке...

«Однако еще не все потеряно,— подумал генерал.— Сейчас надо выиграть время. Англичане и американцы в конце концов испугаются растущей мощи СССР, а тогда...»

Его размышления перебил телефонный звонок. Генерал услышал в трубке голос Эрнеста Кальтенбруннера — начальника имперской полиции службы безопасности СД, правой руки всемогущего Гиммлера.

— Только что я имел беседу с фюрером, генерал, он возлагает самые большие надежды на план «Циклон». Я сказал фюреру, что на южном участке фронта этот план уже начал осуществляться. Я не ошибся?

— Разумеется, нет. Не позже завтрашнего вечера мы уже получим первые сообщения от группы «Циклон-Юг»,— ответил генерал.

Кребс и Кальтенбруннер поговорили о других де-

лах. Но в конце разговора начальник СД снова напомнил:

— Так в ставке будут ждать сообщений о «Циклоне».

Положив трубку, Кребс задумался. Значит, исполнять этот план должны армейские силы, а сливки будут снимать СД! Ну ничего, он еще найдет возможность доказать, что операцию организовал лично он, Кребс, и больше никто. Но прежде всего следует ускорить ее начало.

Он приказал своему адъютанту телефонограммой запросить штаб-квартиру абвера, когда капитан Шварцбрук будет направлен в русский тыл.

Прочитав телефонограмму, оберштурмбаннфюрер Клетц схватился за голову. Мельтцер, узнав в чем дело, взволнованно заметался по бункеру.

— На протяжении нескольких часов Кребс уже дважды спрашивает об этом капитане. А где же ваш Либель? — спросил Мельтцера оберштурмбаннфюрер.— Человек, а тем более офицер — это не иголка в сене! В свое время в Гамбурге мы находили любого за два часа. А сейчас уже восемь!

— Но вы забываете нынешнюю обстановку. Либель тоже достаточно опытный человек. Вы еще мало знаете людей абвера.

— Я когда-нибудь докажу вам обратное, дорогой подполковник.

— Не уверен! Пока что вы своим поспешным докладом поставили и себя и нас в неловкое положение. В нашем распоряжении остается максимум три-четыре часа. А где Шварцбрук?

— Это я вас должен спросить!

Препирательства продолжались довольно долго. Мельтцер был в душе доволен тем, что Клетц попал в неловкое положение. Это послужит ему уроком, не будет соваться не в свои дела. Подполковник был твердо уверен в том, что со Шварцбруком ничего серьезного не приключилось. Если бы капитан погиб во время бомбежки, то первый же санитар или патрульный, увидев труп офицера, немедленно доложил

бы об этом по начальству. Безусловно, капитан жив. Может быть, он сошел по ошибке на одну станцию раньше, а может быть, не дожидаясь Либеля, уехал в Берлин. Мельтцер был уверен, что не позже завтрашнего утра Шварцбрук даст о себе знать.

Если бы заглянуть в мысли оберштурмбаннфюрера Клетца, то в них можно было бы обнаружить полный сумбур. Он понимал только одно: если Шварцбрук в ближайшие три-четыре часа не будет найден, то ему, Клетцу, угрожают большие неприятности. Он вовсе не был уверен, что Либель сможет найти исчезнувшего офицера, и с каждой минутой становился все раздражительнее, забыв о своей полицейской вежливости.

Мельтцер наслаждался этим, зная, что оберштурмбаннфюрер у него в руках. Он начал намекать на то, что мог бы уже сейчас доложить об исчезновении Шварцбрука генералу Кребсу.

Старинные часы на стене кабинета пробили девять.

Мишель встретил Либеля с расшифрованной радиограммой в руках.

— Москва просит немного задержать вылет командира группы «Циклон-Юг». Но мне и самому непонятно, как долго мы сможем тянуть с этими поисками. Может быть, мы предложим им наш план?

— Не спеши, я передал сегодня кое-что Фреду, мне кажется, что тебе сейчас представляется удобный случай вернуться к нашим. Однако надо все хорошо обдумать. Экспромты хорошо играть на рояле, а мы с тобой не пианисты.

Либель взял записку с шифром и аккуратно сжег ее над пепельницей.

— Но ведь пока все складывается в нашу пользу? — Мишель подсел ближе к столу.

— А ты знаешь такую русскую пословицу: «Семь раз отмерь — один раз отрежь»? Давай-ка сначала отмерять. Начнем сверху. Тащи портфель Шварцбрука.

Они склонились над столом, разбирая содержимое портфеля. Их интересовало все: и письма, и мелкие записки, и копии счетов. Здесь лежал и пакет на имя подполковника Мельтцера. План «Циклон» не был, конечно, новинкой для Либеля. Через знакомых офицеров он знал его и в общих чертах и кое-что из деталей. Он, например, слышал, что эпизод «Циклон-Юг» был задуман неплохо. Его авторы учли, что по дорогам Украины в глубь советской территории в то время постоянно шли колонны немецких военнопленных. Под видом такой колонны и должна была двинуться по советским тылам эта группа диверсантов абвера. Начальником конвоя должен был стать Шварцбрук, переодетый в форму старшего лейтенанта МВД. Либель и Мишель нашли в портфеле удостоверение войск МВД на имя Вилиса Дутиса с фотографией покойного капитана.

— Значит, Шварцбрук с акцентом говорил по-русски, они, видать, хотели выдать его за латыша,— сказал Либель.

— И я тоже говорю с акцентом,— заметил Мишель.

В отдельном пакете лежали красноармейские книжки, продовольственные аттестаты, требования для перевозки по железной дороге.

Все было сделано чисто. Либель долго с профессиональным любопытством разглядывал документы.

— Все сработано на подлинных советских бланках. Трудно придраться,— сказал он.

Была в портфеле и карта, на которой нетерпеливый капитан Шварцбрук уже отметил едва заметным пунктиром маршрут группы.

— Да,— сказал Либель,— вывод можно сделать такой: к этой группе сейчас приковано внимание начальства, потому что она первое звено всего плана «Циклон». Вот почему Шварцбрука засылают через Берлин. Выгодно ли нам, если эта группа сразу провалится? Сменят начальство, могут сменить и меня.

Либель встал и прошелся вдоль стола.

— Я сегодня чертовски устал. Давно я не попадал в такой сложный переплет.

— Может, хочешь кофе? — Мишель отправился на кухню.

А Либель сел в кресло и задумался. Чем они сейчас располагают: есть свидетельские показания кондуктора и этого Гарднера о капитане, есть еще список машин, который можно проверить.

— Но все это не главное, не главное...— сказал он вслух.

— Что не главное, Карл? — откликнулся из кухни Мишель.

— Да то, над чем мы с тобой ломаем голову. Главное, что нет Шварцбрука. Остались лишь мундир и портфель.

— Но ведь Клетц и Мельтцер пока не знают об этом.— Мишель разливал кофе в большие чашки. Снова наступило молчание.

— Да,— наконец сказал Лнбель,— надо выиграть время. Мы тоже не знаем, что они намерены теперь предпринять. Кстати, который час? Уже десять? Мне надо доложить о том, как идут поиски Шварцбрука. Он вышел в соседнюю комнату к телефону.

Оставшись один, Мишель взял со стола удостоверение на имя Вилиса Дутиса и долгое время разглядывал фотографию.

Вскоре вернулся Либель.

— Клетц требует, чтобы я немедленно явился к нему. Я поеду.— Обер-лейтенант переложил пистолет из заднего кармана в боковой.— А ты приготовься к нашему первому варианту, о котором мы говорили утром. Жди звонка!

ИОАХИМ КЛЕТЦ СОВЕРШАЕТ ПОДВИГ

Вызвав Либеля, Клетц грохнул трубкой об аппарат и заметался по бункеру.

Вот когда начался настоящий спектакль! Мельтцер, устроившись поудобнее в кресле, молча наблюдал его. Иоахим Клетц в следующие полчаса успел

израсходовать весь обширный запас ругани, который ему удалось накопить во время его полицейской службы в гамбургских трущобах. Он начал уже повторяться, когда в дверях бункера появился бледный и серьезный обер-лейтенант Либель. Клетц замолчал. При подчиненном он снова овладел собой.

— Докладывайте все и насколько возможно подробнее,— сказал он.— Что вы сделали, чтобы найти Шварцбрука?

Обер-лейтенант неторопливо рассказал обо всем, что произошло на станции Зоссен.

— Таким образом,— закончил он,— я убежден, что в этой панике гауптман Шварцбрук, не дожидаясь меня, уехал в Берлин.

— Кто это может подтвердить? — Клетц переходил уже на тон допроса.

— Кондуктор четвертого вагона, затем раненый в госпитале и — наиболее категорически — господин Гарднер, адрес которого я могу вам представить.— Либель подошел к столу и положил перед Клетцем листок из блокнота.

Клетц взял его и спросил:

— Ну, а что же вы предприняли дальше, обер-лейтенант?

Либель устало улыбнулся.

— Дальше, господин оберштурмбаннфюрер, дело времени. Видите ли, там у самой станции есть пост фольксштурма. Старичок фельдфебель и с десяток мальчишек, но они делают полезное дело, у них записаны все номера машин, которые проходят через их пост в Берлин. В интересующий нас отрезок времени прошло двенадцать машин. Семь из них я уже разыскал, но пока безрезультатно. Вы вызвали меня в тот момент, когда я уже почти нашел восьмую.

Мельтцер торжествующе посмотрел на Клетца. Ну что? Каковы люди абвера?!

— Должен вам сказать,— продолжал Либель,— что фотография или словесный портрет гауптмана значительно облегчили бы мне поиски, сэкономили бы время. Я бы показал фотографию водителям

или мог бы им рассказать, как этот Шварцбрук выглядит.

— Я уже говорил вам, Либель,— голос Клетца снова обрел вкрадчивость,— что у нас нет его портрета. Я пытался найти здесь человека, который лично знаком с Шварцбруком, но и такого не оказалось. Он находился в ведении фронтовой разведки. Пробовали связаться с фронтом, но ведь сейчас такое время! — Клетц безнадежно махнул рукой.— Я прошу вас только учесть, что в нашем распоряжении остается часа три-четыре. По приказу генерала Кребса Шварцбрук должен вылететь не послезавтра, а сегодня ночью.

— Я думаю, что нам не следует ничего скрывать от нашего офицера,— сказал молчавший до сих пор Мельтцер, обращаясь к Клетцу. Тот молча кивнул головой.— Сегодня днем господин оберштурмбаннфюрер по ошибке доложил генералу Кребсу, что Шварцбрук уже в Берлине и благополучно отдыхает. Вы понимаете теперь всю сложность положения?

Либель вместо ответа вытянулся в струнку. Клетц тоже встал, одергивая на себе мундир.

— Я поеду на розыски с вами, Либель,— сказал он.— Я покажу вам, как нужно работать! Давайте сюда список номеров машин!

Обер-лейтенант натянуто улыбнулся и достал из кармана еще один листок из блокнота.

— Буду рад случаю поучиться у вас, господин оберштурмбаннфюрер. Прошу прощения, я только выпью стакан воды, у меня пересохло в горле.

Клетц и Мельтцер склонились над списком. Первые семь номеров в нем были вычеркнуты.

— Эти я уже проверил,— сказал Либель, заглядывая через плечо.— Никто из них капитана не видел.

— Кому принадлежат остальные пять?

— Этого я еще не выяснил.

Клетц посмотрел на Либеля с явным сожалением.

— Из вас, обер-лейтенант, никогда не вышло бы порядочного полицейского детектива. Вы брали по одной машине? Так вы будете искать капитана еще

двое суток. Запомните, господа,— Клетц обращался уже и к Мельтцеру,— даже самый простой сыск не обходится без анализа!

Мельтцер кашлянул и отвернулся. А Либель с заинтересованным лицом присел к столу.

Клетц набрал номер телефона полицейского управления. Облокотившись на стол, Либель видел, как он записывал на листке фамилии и адреса владельцев машин. Либель с неподдельным интересом узнал, что первые две машины легковые, и одна из них принадлежит врачу, другая адвокату, затем в списке следовал грузовик, обслуживавший фирму «Братья Заукель», потом фургон из ресторана и кабаре «Медведь» и, наконец, грузовик компании «Нектар» (производство пищевых концентратов).

Поговорив с полицией, Клетц задумался.

— Может быть, нам все-таки подождать? — спросил Мельтцер.— Я думаю, к утру Шварцбрук появится.

— Во всяком случае, мы ничего не теряем, если попробуем,— отозвался Либель.— Господин оберштурмбаннфюрер имеет опыт в таких делах.

— Ну, в таком случае действуйте, господа, желаю успеха.— Мельтцер вышел.

Клетц оторвался от своих записей.

— Смотрите, Либель! — Лицо его разгорелось, он явно чувствовал себя в ударе.— Свидетели говорили о грузовике — значит, первые две машины не в счет.

— Это интересно,— сказал Либель.

— Анализируем дальше.— Клетц поднял палец.— Капитан едет в Берлин. Он приезжает, что-то задержало его. Что может задержать фронтового офицера в столице?

— Интрижка? — осторожно спросил Либель.

— Вы судите по себе!.. Куда мы должны сейчас ехать?

— В гараж фирмы «Братья Заукель». Так я думаю.

— К чертям собачьим! — Клетц вспылил.— Да у вас действительно нет ни грана здравого смысла и логики! Ведь, кажется, ясно, что настоящий фронтовик,

попав в Берлин, прежде всего захочет комфорта. Капитану подвернулась машина из «Медведя». Едем туда! — приказал категорически Клетц. Он достал из ящика стола пистолет и принялся заряжать обойму.

— Вот хорошо, что вы мне напомнили, господин оберштурмбаннфюрер, мой фургон тоже нужно зарядить, то есть, я хотел сказать, заправить, в баке нет ни капли.

— Хорошо, только быстро!

Либель вышел. Не спеша он поднимался по ступенькам из бункера. На часах было одиннадцать. Он сел в машину и поехал к заправочной колонке.

Вернулся он только через сорок минут. У входа в бункер его ожидал Клетц. Он был раздражен.

— Почему вы так долго, Либель?!

— Пришлось разыскивать бензин, в нашей колонке нет, но мне все-таки удалось достать. Кроме того, надо было достать и масло.

Наконец Либель и Клетц выехали на темную и пустынную набережную Шпрее. Было уже без четверти двенадцать.

— Что вам говорили свидетели о внешности капитана? — спросил Клетц.

— Он, кажется, высокого роста, темные волосы, довольно молод. Затем, у него в руках черный портфель. Он не расстается с ним. Кстати, вас не смущает, господин оберштурмбаннфюрер, что Шварцбрук отправился сразу в такое людное место, как «Медведь», а как же конспирация?

— Фронтовику можно многое простить, Либель, вы забываете, что это боевой офицер. В конце концов он отправится в русский тыл. А это сложнее, чем заехать в «Медведь».

— Все-таки у меня мало надежды,— вздохнул Либель и повернул машину в темный переулок.

— Куда это вы? Нам нужно прямо,— сказал Клетц.

— Там закрыт проезд. Все эти проклятые бомбежки!

Только еще через час, после долгих блужданий по улицам, фургон Либеля остановился, накоиец, у затемненного подъезда кабаре «Медведь».

Кабаре доживало свои последние ночи. Со следующей недели по приказу министра пропаганды Геббельса все кабаре и театры Берлина закрывались. Поэтому в тот вечер в «Медведе» было особенно людно.

Уже в вестибюле Либель отметил про себя, как преобразился Клетц. Куда делась его обычная медлительность? Ноздри перебитого носа бывшего сыщика расширились. Он был похож на матерую гончую, взявшую след.

— Идемте прямо в зал,— тихо бросил он Либелю.— Гараж от нас не уйдет!

Иоахима Клетца не надо было учить, как действовать в подобных обстоятельствах. В своей жизни он провел немало облав в таких заведениях. И хотя человек, которого он искал, по-видимому, не собирался бежать или сопротивляться, обстановка заставила его ощутить знакомый азарт.

Первый же вопрос, который он задал старшему кельнеру, заставил того проглотить любезную улыбку.

— Где здесь запасной выход?

— Вон там, господин оберштурмбаинфюрер,— вполголоса ответил старший кельнер, и на лице его появилась кислая мина. «Боже мой! Опять облава. В такой вечер!»

— Идите и встаньте там. Прикажите только после этого номера дать полный свет в зале. И при свете — самый боевой номер программы, понятно?

Кельнер отправился выполнять приказание. Клетц и Либель оглядывали зал.

На сцене, выхваченной из полумрака светом прожекторов, певец явно непризывного возраста исполнял известный романс.

В зале, казалось, никому не было дела до эстрады. Примерно две трети публики составляли офицеры с дамами и без дам. Клетц внимательно осмотрел столик за столиком, но в полутьме все офицеры казались похожими одии иа другого.

Наконец певец кончил благодарить Марию-Луизу. В зале вспыхнул полный свет, и тут же грянул джаз. По эстраде маршировали девицы в щегольских сапогах и военных фуражках. Раздались аплодисменты. Некоторые офицеры встали. Теперь Клетц уже не таился. Оставив Либеля у дверей, он пошел по проходу между столиками, дойдя до сцены, он повернулся и пошел обратно, кивнув головой старшему кельнеру.

— Пригласите ко мне вон того офицера, третий столик справа, скажите ему, что его спрашивают из СД.

Офицер, к которому обратился кельнер, вздрогнул, быстро встал, что-то сказал своей спутнице и чуть ли не бегом подскочил к Клетцу. Он был молод, высок, с коротко подстриженными темными волосами.

— Капитан Вагнер! — коротко отрекомендовался он, приветствуя офицеров.— Чем могу служить?

Клетц с досадой провел рукой по щеке, бросив быстрый взгляд на Либеля,— тот был явно расстроен.

Клетц задал капитану несколько ничего не значащих вопросов и отпустил.

— Нет, я рискну потерять здесь еще полчаса,— сказал Клетц.

Либель взглянул на часы, было половина второго.

— Я так и думал, вряд ли капитан пойдет в такое людное место,— сказал Либель и увидел, как раздулись ноздри у Клетца.

Он снова подозвал кивком кельнера.

— Кто провожает гостей в отдельные кабинеты?

— Сегодня я сам, господин оберштурмбаннфюрер, у нас уже мобилизовали в фольксштурм пять человек.

— Не было ли среди гостей высокого капитана?

— Довольно молодой, с темными волосами? — осведомился кельнер.— Я сам проводил его в кабинет номер восемь. Он и сейчас там с дамой. Просил не беспокоить его.

С Клетцем произошло нечто невообразимое. В одну секунду он будто вырос сантиметров на десять.

— Показывайте, где кабинет,— справившись с волнением, сказал Клетц.

Кельнер пошел впереди. Дверь восьмого кабинета оказалась закрытой.

— Что нужно? — ответил на стук резкий мужской голос.

— Откройте, господин капитан, служба безопасности!

Дверь отворилась. У порога стоял высокий молодой офицер. Увидев Клетца, он сделал шаг назад и впустил его в кабинет. На диване лежал большой черный портфель. За накрытым столом сидела красивая белокурая женщина в вечернем платье.

— Я хотел бы поговорить с вами наедине, капитан,— сказал Клетц.

Капитан выглядел раздраженным, он сдерживался, поглядывая на Либеля, стоявшего в дверях.

— Ну хорошо,— сказал он.— Фрау Берта, прошу извинения, выйдите на минуту, это, видимо, недоразумение.

— Меня зовут Эрна,— фыркнула блондинка.— Ты, милый, забыл все от страха! — Она схватила со стола свою сумочку и, шурша платьем, вылетела в коридор, толкнув Либеля.

Обер-лейтенант вошел в кабинет, плотно закрыв за собой дверь.

— Капитан Шварцбрук, если не ошибаюсь,— сказал Клетц.— Я очень рад, что мы вас нашли!

Капитан подскочил к дивану и, схватив портфель, другой рукой выхватил пистолет.

— Не двигаться! Кто вы такие?

— Успокойтесь, капитан, я оберштурмбаннфюрер Клетц, особый уполномоченный при отделе «Заграница», а это обер-лейтенант Либель.

Капитан поднял пистолет.

— Документы на стол!

— А вы молодец, Шварцбрук,— улыбаясь, сказал Клетц,— я не понимаю только, как вас, такого осторожного человека, занесло в это заведение. Но, впрочем, я не обвиняю вас, оставим это между нами.

«Циклон»!.. Либель, предъявите капитану удостоверение.

— Не надо,— сказал капитан.— Достаточно пароля. Но послушайте, как вы меня нашли?

В разговор вступил Либель.

— Это только благодаря проницательности господина оберштурмбаннфюрера,— сказал он.— Видите ли, я должен был вас встретить на станции Зоссен...

— Но там такое получилось,— уже дружелюбнее заговорил капитан,— хуже, чем на фронте. Мне подвернулась попутная машина, и я уехал. Однако ведь вылет назначен на послезавтра, зачем вы меня искали? — Капитан снова насторожился.

— Вы должны вылететь немедленно, Шварцбрук, есть приказ генерала Кребса.

— Но ведь у меня нет еще снаряжения...

— Все уже готово,— вставил Либель,— вы получите снаряжение у меня. А необходимые документы, надеюсь, уже у вас?

— Да, документы у меня. Кроме того, я привез пакет на имя подполковника Мельтцера. Но его я имею право вручить только лично...

— Хорошо,— сказал Клетц, сияя от удовольствия.— Подполковник Мельтцер, очевидно, прибудет прямо на аэродром. Сейчас два часа. В четыре мы встретимся на аэродроме. Обер-лейтенант, вам хватит времени, чтобы заехать за снаряжением? Поезжайте, я созвонюсь с Мельтцером.

— В таком случае до скорой встречи, господин оберштурмбаннфюрер.

Клетц проводил капитана и Либеля до машины. А сам поспешил к телефону.

— Я нашел Шварцбрука, дорогой Мельтцер! Ну, для меня это оказалось не очень трудной задачей. Да, я думаю, вы не станете возражать, я отправил его вместе с Либелем прямо на аэродром. На этот раз вы можете спокойно докладывать господину генералу.

НАД ФРОНТОМ НОЧЬ

Темная сентябрьская ночь стояла над фронтом. Но война не знает различия между днем и ночью. Под светомаскировкой по обе стороны линии фронта военная жизнь шла своим чередом.

Со скрытыми огнями в кромешной темноте мчались к фронту, тревожно постукивая на стыках рельсов, эшелоны. Где-то при свете коптилок в блиндажах склонялись над картами командиры советских дивизий, отмечая путь пройденный и тот, который еще предстоит пройти в нелегких боях. Где-то, закрывшись с головой маскировочной плащ-палаткой, ползли в ночной поиск солдаты-разведчики.

Ночной эфир над фронтом был наполнен радиосигналами. Они летели, то замирая, то сплетаясь в сплошной клубок точек и тире, голосов, цифр...

Освещенный зеленым огоньком своей рации, быстро работал ключом берлинский газетчик Фред. И, выбирая его сигналы из путаницы голосов, их принимал чуткий приемник под Москвой, на радиостанции Центра советской разведки. Под карандашом радиста еле слышные сигналы превращались в строчки:

«Корреспондент 75 сообщает координаты группы «Циклон-Юг», начало операции ускорено. Начнется завтра. Повторяю: начало завтра...»

В предгорьях Карпат, за двести километров от линии фронта, в советском тылу, на заброшенном хуторе, вздрагивая от ночного холода и страха, включил свою портативную рацию и Микола Скляной.

Снова, как и все эти дни, Центр абвера ответил немедленно, и лейтенант Крюгер, сидевший рядом с радистом, продиктовал:

— «Комадира группы принять готовы. Все в порядке».— И, подождав, пока Скляной закончит передачу, добавил по-русски: — Ну что ж, раньше так раньше. Меньше эшелонов пройдет к фронту. Так, Иван?

...А по темному загородному шоссе из Берлина на секретный военный аэродром мчалось несколько

машин со светомаскировочными синими подфарниками. Люди в первой машине — сером фургоне с военным крестом на борту — неторопливо переговаривались.

— ...И тут, Мишель, представляешь себе, Клетц говорит: «Я еду с вами»!

— Да, момент не из приятных. Но почему ты выбрал «Медведя»?

— Ты знаешь, я не выбирал. Ведь у меня был список машин, и среди них значился номер грузовика из «Медведя». Клетц захотел туда съездить. Ну, а потом я подумал, что будет лучше, если он сам тебя найдет.

— А как ты сумел позвонить мне?

— Это было не сложно. Я поехал заправлять машину. Труднее было протянуть полтора часа, чтобы дать тебе время доехать до «Медведя». А ты хорошо держишься. Но смотри не перехватывай. Мельтцер опытнее Клетца. Ты хорошо переклеил фотографию на удостоверении. Пришлось повозиться?

— Твоя школа. К твоему звонку я был уже готов.

— Продумай еще раз каждое слово. И вот еще что: обязательно сразу же после приземления свяжись с нашими. Они предупреждены. Теперь помолчим. Перед дорогой...

Километрах в трех от фургона, нагоняя его, шел «оппель-капитан». На заднем сиденье подполковник Мельтцер говорил Клетцу:

— ...но ведь и обер-лейтенант Либель принимал участие в поисках!

— Ваш Либель птенец в таких делах. Он искал бы еще двое суток. В Гамбурге у нас бывали и не такие случаи.

Мельтцер замолчал, и внезапно простая догадка озарила его. Ну конечно! Как он раньше этого не понял? У Клетца есть своя связь с капитаном Шварцбруком. Наверное, Шварцбрук сообщил Клетцу, что прибыл и отдыхает в «Медведе». Оберштурмбаннфюрер и капитан разыгрывали всю эту историю как по нотам. Вот почему Клетц так уверенно поехал в ка-

баре. Этот бывший полицейский не так прост, как кажется, с ним необходимо быть осторожнее!

— Я думаю,— сказал Мельтцер,— что для всех нас будет лучше забыть эту историю с поисками. Приказ отдан — мы его исполняем в срок. Я благодарен и Либелю и вам.

Клетц не ответил. Он загадочно, как показалось Мельтцеру, улыбнулся.

Еще в двух километрах позади бесшумно летел по асфальту огромный лакированный «хорх». Генерал Кребс, откинувшись на мягкое сиденье, молчал, углубленный в свои мысли. Ему не о чем было разговаривать ни с адъютантом, ни с шофером. Он думал только о том, что его личное присутствие на аэродроме даст ему потом право говорить, что он, а не кто-нибудь другой своими руками организовал эту операцию.

У самого въезда на аэродром «оппель-капитан» нагнал фургон. Обе машины рядом, словно принимая парад, проехали вдоль строя ночных бомбардировщиков, стоявших на краю летного поля, и повернули в сторону, где на бетонной ленте уже рокотал, прогревая моторы, «юнкерс-290».

Пока солдаты из аэродромной команды перегружали из фургона в самолет последнюю часть снаряжения для группы, четыре человека, стоя поодаль, разговаривали.

— Да, вы заставили нас поволноваться, капитан, мы беспокоились, а здесь еще начальство перенесло вылет.

— Я этого не знал, господин подполковник, имею же я право хоть немного отдохнуть? Мне всю войну не приходилось бывать в Берлине.

— Вам не к чему оправдываться, дорогой капитан,— вставил Клетц,— как представитель СД я могу удостоверить, что с вашей стороны нет никакой вины. Виноват обер-лейтенант Либель, который не сумел вовремя встретить вас.

— Я прошу вас, господин оберштурмбаннфюрер, не придавать этому значения. Обер-лейтенант, кажет-

ся, помог найти меня. Кто же знал, что вылет перенесут?

— Согласен с вами, дорогой капитан, но у каждого из нас есть свои обязанности.

— Я должен передать вам пакет, господин подполковник. Вот он... А это я беру с собой. Портфель мне больше не нужен. Обер-лейтенант, возьмите его на память о нашей встрече. О! Кажется, прибыло начальство?

К самолету легко подкатил лакированный «хорх».

— Да, это сам генерал Кребс, пойдемте, я вас представлю ему,— сказал Мельтцер.

Генерал, выйдя из машины, прервал официальный доклад подполковника:

— Все это я уже знаю, подполковник, нам надо спешить. Капитан Шварцбрук! — Он вгляделся в лицо офицера, сделавшего шаг вперед.— Я кое-что слышал о вас, капитан, ведь вы были участником спасения Муссолини, когда его вырвали из рук мятежников летом прошлого года?

— Так точно, генерал.

— Мне приятно с вами познакомиться. Почему вы до сих пор в мундире?

— В русскую форму я переоденусь в самолете, русский мундир на плечах — большая тяжесть, господин генерал!

Подполковник Мельтцер шепнул Либелю:

— Он умеет разговаривать с начальством, этот капитан.

Кребс продолжал:

— Я приблизил срок вылета по личному указанию фюрера. Сейчас наступило самое удобное время для действия вашей группы... Помните, что основной удар надо нанести по коммуникациям. Мосты, тоннели, железнодорожные узлы. Ясно? Желаю вам удачи, капитан! И помните, что обо всех действиях вашей группы будут докладывать лично фюреру. Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — отозвались офицеры, вскидывая руки.

Генерал повернулся к Мельтцеру и Клетцу.

— Прошу вас, господа, лично проследить за радиосвязью с группой в течение ближайших суток.

Отдав это распоряжение, Кребс, считая, что его миссия здесь окончена, уехал.

— В свою очередь, желаю вам счастливого пути, господин капитан,— сказал Мельтцер.— Надо спешить. Рассвет уже близко.

— Счастливо оставаться, господа, до свидания, обер-лейтенант! — сказал Мишель, пожимая руки.— Надеюсь, мы еще встретимся, и у нас будет больше времени для разговора.

Командир группы легко поднялся по трапу в кабину самолета. Офицеры отошли к своим машинам. «Юнкерс» взревел и побежал по взлетной дорожке. Две маленькие звездочки от выхлопов мотора еще некоторое время виднелись в ночном небе, но вскоре и они растаяли на востоке.

— Отличный парень этот капитан,— сказал Клетц, открывая дверцу машины.

— Если бы все офицеры вермахта были такими, мы давно бы одержали победу,— ответил Либель.

Клетц остановился.

— Что вы хотите этим сказать, обер-лейтенант?

— Только то, что капитан Шварцбрук образец настоящего солдата фюрера, господин оберштурмбаннфюрер.

— Не мешало бы кое-кому из абвера брать с него пример,— сказал Клетц.— Эти люди рискуют жизнью... Да, между прочим, я все-таки узнал, кто лично знает Шварцбрука. Это лейтенант Крюгер. Он сейчас временно возглавляет диверсионную группу «Циклон-Юг».

Либель резко повернулся и отошел к своей машине.

— Прошу прощения, мне надо осмотреть мотор. Я сегодня совсем загонял свой фургон.

Открыв крышку капота, Либель навалился грудью на крыло машины. Он старался сдержать себя, но какая-то мгновенная слабость сковала тело. Он крепко стиснул пальцами лицо: вот они, эти экспромты. Как он мог не учесть такого поворота? Если бы суметь

вовремя предупредить об этом Мишеля. Нужно что-то предпринять, и немедленно. Иначе провал!

Он протянул руки к мотору, бесцельно шаря по нему, точно там, в лабиринте горячего металла, был спрятан ответ на новый вопрос, вставший перед ним.

За спиной проскрипел голос Клетца:

— Давайте быстрее, обер-лейтенант. Пора ехать. Я очень сожалею, дорогой подполковник, но не могу поехать с вами на радиостанцию. У меня еще куча дел.

Либель резко выпрямился.

— Все готово, можно ехать. Позвольте, господин подполковник, я поеду на радиостанцию вместе с вами? Хочется довести дело до конца.

Либель снова чувствовал во всем теле необычайную легкость, будто бы и не было позади этих напряженных часов. Мельтцер пересел в его машину.

* * *

Начальнику отдела контрразведки «СМЕРШ»
майору МЕЛЬНИЧЕНКО Б. Т.

В дополнение к ранее данным указаниям приказываю закончить операцию по захвату группы «Циклон-Юг» сегодня не позднее 18 часов. План операции остается без изменений. Следует обратить особое внимание на безопасность прибывшего сегодня командира группы, имеющего документы на имя ст. лейтенанта МВД В. Дутиса. Немедленно после задержания указанное лицо должно быть изолировано от участников диверсионной группы и доставлено ко мне лично.

Генерал-майор БЫСТРОВ».

ПОЕДИНОК НА ХУТОРЕ

Лейтенант Крюгер сидел в халате за столом и неторопливо хлебал из большой глиняной миски молоко с накрошенным туда хлебом. После концентратов это

нехитрое крестьянское блюдо казалось ему райской пищей. Напротив него, подперев голову руками, сидел Микола Скляной. Над ним весь угол занимали черные, в серебре иконы. Лейтенант, медленно двигая челюстью, разглядывал их. Оба они не спали всю ночь, ожидая прибытия капитана Шварцбрука. По инструкции сразу же после приземления капитан должен был явиться сюда, на этот удаленный от дорог и деревень хутор. Однако прошел уже полдень, а новый командир все еще не появлялся.

— Иван,— сказал Крюгер,— а ты знаешь, что в Европе очень ценятся старые русские иконы? Когда я был в Париже, то вот за это,— он указал на угол,— можно было бы приобрести целое состояние.

— У нас во Львове можно было бы достать кое-что и поинтереснее. До войны, конечно. Сейчас вряд ли что осталось.— Скляной вздохнул.— Господин лейтенант, вас не беспокоит, что его все еще нет? Может быть, господин капитан отправился прямо в отряд?

— Это исключено.— Крюгер допил остатки молока прямо из миски.— Шварцбрук должен прибыть сюда. Наверное, его немного отнесло ветром. А потом у него кое-какой груз. Он должен его где-то спрятать... А куда ты дел старуху?

— Запер в погребе.

— Я ведь приказал тебе убрать ее.

— Мне не хотелось стрелять, здесь очень далеко слышно.

— Можно было бы и без стрельбы. Ну ладно. Нечего тебе рассиживаться, иди-ка посмотри вокруг.

Скляной нехотя взял из-под лавки советский автомат, одернул кургузый, выгоревший штатский пиджак и, тяжело шаркая сапогами по глиняному полу, вышел из хаты.

Лейтенант слышал, как скрипнула калитка в изгороди. Он больше не мог сопротивляться одолевшему его сну. «Пятнадцать минут,— убеждал он себя,— не больше. Это после еды». Черные иконы в серебряных оправах расплывались перед ним. Лейтенант положил голову на стол и уснул, как будто провалился

в темную, душную яму. Снился ему Берлин. Он идет с капитаном Шварцбруком по Унтер-ден-Линден. Они тащат огромный ящик с иконами.

...Скляной засел в кустах неподалеку от единственной заросшей травой дороги, ведущей на хутор. Ему было не до сна. Одолевала смутная тревога. Что-то уж очень долго нет командира группы. А ну как его схватили при приземлении? Тогда всем им будет конец. Капитан, конечно, ради своего спасения выдаст всю группу. Может быть, удрать сейчас, пока он здесь один? А куда пойдешь? Скляной задумчиво смотрел на дорогу, спускавшуюся с холма. И вдруг он вздрогнул. Прямо по тропе вдоль кустов шел человек в форме советского офицера. Он шел свободно, не таясь. За плечами у него был вещевой мешок, какой Микола и сам носил когда-то.

Скляной схватил автомат, потом отложил его. Высокий молодой офицер с полевыми погонами старшего лейтенанта подходил все ближе. Радист поднялся из-за кустов. Увидев Скляного, офицер остановился.

— Ну, что смотришь, парень,— спросил он, улыбаясь,— не знаешь, где здесь живет лесник Семен Макарович?

На сердце у Скляного отлегло, это был пароль для встречи.

— Семен Макарович уехал во Львов, будет через три дня,— ответил он.— Здравствуйте, господин Шварцбрук, давно вас ждем.

— Тише ты, как тебя зовут?

— Иван,— сказал Скляной.— Пойдемте скорее в хату, там вас ждет лейтенант Крюгер.

— А откуда ты знаешь мою фамилию?

— Лейтенант сказал, он ведь воевал вместе с вами!

Мишель остановился, внимательно глядя на «Ивана». Тот тоже встал.

— Ну порядки здесь у вас! Не слишком ли много разговоров? — Он перешел на немецкий язык.— По-немецки понимаешь?

— Научился,— ответил Скляной.

— Ну, хорошо, идем, сейчас устроим сюрприз лейтенанту.

— Какой сюрприз? — Скляной робко улыбнулся.

— Увидишь, только не забегай вперед! Возьми мой рюкзак.

Мирно беседуя, они дошли до хутора. В хате они увидели лейтенанта Крюгера, который все еще крепко спал, положив на стол свою лохматую голову.

— Он что, пьян? — спросил шепотом Мишель.

— Нет, просто не спал ночью.

Мишель подошел к Крюгеру и потряс его за плечо. Крюгер вскочил на ноги.

— Вы крепко спите, лейтенант, а спать не время!

Крюгер таращил глаза. Перед ним стоял незнакомый человек. Рядом, скрывая усмешку, переминался с ноги на ногу Скляной.

Крюгер быстро пришел в себя, рука его непроизвольно схватилась за пистолет.

Но офицер крепко придержал руку.

— Кто вы? — спросил Крюгер, пытаясь вырвать руку.

— Я капитан Шварцбрук, если вам угодно,— улыбаясь, ответил офицер.

Крюгер отскочил к стене, схватив со стола автомат.

— Это не Шварцбрук. Иван, кого ты привел?! — закричал он.

— Успокойте свои нервы, лейтенант. «Циклон распространяется на восток!»

Услышав условный пароль, Крюгер не выстрелил. Скляной не очень понимал, что происходит.

— Руки вверх! — скомандовал Крюгер.— Быстрее, быстрее! Вот так! А теперь выкладывайте: кто вы такой? Вы не капитан Шварцбрук. Я знаю его лично!

Мишель улыбнулся.

— Вы меня обрадовали, лейтенант Крюгер. Если бы вы не оказали мне такой встречи, вам пришлось бы плохо. Ваш радист уже внушил мне подозрение, признав во мне Шварцбрука.

— Говорите ясней!

— Разумеется, я не капитан Шварцбрук. Но таково решение командования. В Берлине появилось подозрение: не успели ли русские подменить вашу группу. Если бы и вы признали во мне Шварцбрука, то сами понимаете...

Крюгер медленно опустил автомат.

— Я шел на риск, конечно, но теперь все в порядке. Шварцбрук примкнет к нам по пути. А пока командование группой поручено мне.

— Я ничего не знаю об этом!

— В том-то все и дело. Узнаете. Ладно, откройте мой рюкзак, там есть фляга с французским коньяком. Мне его подарил перед отлетом генерал Кребс.

Осведомленность и манера говорить несколько успокоили Крюгера. «Черт знает, что они там, наверху, могут накрутить? — подумал он. — Хотя, конечно, чтобы прикрыть от риска Шварцбрука, может быть...»

— Неужели вы думаете, Крюгер,— продолжал Мишель,— что если бы я шел к вам не по своей воле, то наш разговор все еще продолжался бы? Вас уже давно бы схватили.

Крюгер был в растерянности. Нет, конечно, он не поверил. Но стрелять тоже не решался. А вдруг это правда? Очень уж уверенно держит себя этот человек. И потом такой чистый берлинский выговор...

— Но где гарантия, что вы говорите правду? И почему я должен передать вам командование группой?

— Гарантией будет прибытие Шварцбрука через три дня, а пока, дорогой Крюгер, вам придется подчиниться.

Но Крюгеру очень не хотелось расставаться со своей ролью командира.

— Ваше имя и звание? — спросил он.

— Обер-лейтенант абвера Фридрих Боле, а по документам старший лейтенант конвойных войск МВД Вилис Дутис.— Мишель достал из кармана кителя удостоверение.

Крюгер внимательно осмотрел его. На фотографии был человек, называвший себя Боле.

Микола Скляной тем временем достал из рюкзака большую флягу. Повесив автомат на плечо, он пошарил по полке, прикрытой занавеской, и обнаружил там несколько огромных, отлитых из зеленого стекла рюмок, оставшихся в хате с лучших времен.

Три рюмки он поставил на стол. Гость сразу же подошел к столу и, взяв флягу, наполнил рюмки. Крюгер по-прежнему стоял у стены, держа автомат в опущенной руке. Микола не решился присесть к столу раньше лейтенанта и тоже остался стоять. Офицер сел на лавку спиной к Скляному и поднял рюмку.

— Ну, кажется, можно поздравить меня с прибытием. Да что вы в самом деле? В конце концов я застал вас спящим, лейтенант, и мог сделать что угодно, чего же вы боитесь? Сразу чувствуется, что вы из фронтовой разведки. В абвере бывают и не такие комбинации!

Но Крюгер не спешил. Он действительно не был искушенным и опытным разведчиком. Его роль в операциях в основном всегда сводилась к диверсиям. Если нужно было подорвать мост или железнодорожную линию, тут Крюгер не стал бы ни у кого спрашивать совета. А в этой ситуации он никак не мог разобраться.

— Иван,— обратился он, наконец, к Скляному,— пойди и немедленно запроси Центр. Передай такую радиограмму...— он задумался.— Как бы это сформулировать? Дай бумагу.— Он черкнул несколько цифр на листке.— Вот.

— Слушаюсь, господин лейтенант!

— Я буду здесь.— Крюгер взглянул на прибывшего офицера.

Тот спокойно поставил на стол рюмку.

— Первую радиограмму должен передать я,— сказал Мишель.— Кроме того, отныне, как командир группы, только я буду передавать радиограммы.— Он встал из-за стола.

— Ни с места! — закричал Крюгер, снова подымая автомат.— Извините, господин обер-лейтенант, сначала вы проверяли меня, а теперь я проверяю вас. Я не выпущу вас живым до того, как мне ответит Центр. Иван, отправляйся немедленно!

Скляной, словно обрадовавшись возможности убраться из этой комнаты, где с минуты на минуту того и гляди начнется перестрелка, быстро вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Учтите, лейтенант, что ответственность за промедление с началом операции вы берете на себя.

Крюгер молчал. Через некоторое время он сам спросил у Мишеля:

— Вы давно из Берлина?

— Вылетел сегодня ночью. Слушайте, сколько времени уйдет на этот ваш запрос?

— Я думаю, не больше часа.

— А сколько идти до группы?

— Об этом мы поговорим позже.

Мишель прикидывал: если час уйдет на запрос и еще хотя бы час пути до группы, то все будет в порядке, за это время чекисты уже успеют оцепить район. Хорошо, что он последовал совету Карла и после приземления установил связь с советской контрразведкой. Группа не выйдет отсюда. Но теперь в опасности Либель. Нельзя проваливать группу в открытую. Они могут успеть сообщить. Надо любой ценой вывести из строя рацию. Но как? Этот рыжий бандит наверняка будет стрелять, если начать сопротивляться. Надо чем-нибудь отвлечь его внимание.

Он сделал настороженное лицо и поднял руку.

— Внимание, Крюгер, вы слышите? — И вдруг Мишель сам, к своему удивлению, услышал сдавленный женский крик, доносивший откуда-то, будто из-под земли...

Однако Крюгер спокойно ответил:

— Боюсь, что вскоре в этом доме еще кто-нибудь закричит.

Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

РАДИСТ УЗНАЕТ ПОЧЕРК

Дежурный радист приемной радиостанции абвера под Берлином принял вахту по связи с группой «Циклон-Юг» ровно в полдень. Проверив точность настройки на диапазон, обер-ефрейтор Тоске нацепил наушники и, приняв удобную позу, приготовился слушать. Рядом с ним уже шестой час непрерывно по собственной инициативе дежурил обер-лейтенант Либель. Он вызвался и здесь помогать Мельтцеру. Вахта постоянной связи с группой была похожа на рыбную ловлю в незнакомом месте. Не известно, в какой именно момент клюнет. Пока что из эфира доносился только обычный треск и шорох атмосферных разрядов. Днем помех было больше. Тоске для развлечения постарался представить радиста группы. Россию он видел только на картинках и в кино, поэтому она представлялась ему длинным рядом серых деревянных изб. Радист «Циклона» с автоматом на плече должен был, наверное, скрываться в подвале именно такого дома. Вот, прислушиваясь к шагам наверху, он включает питание рации, берется за ключ...

Тоске вдруг и в самом деле услышал тонкое, искаженное дневными помехами попискивание, условные позывные «Циклона». Он откорректировал волну и, подождав вызова, ответил трижды условными сигналами. Да, это был «Циклон-Юг». Радист группы мог бы передавать и другие сигналы, но дежурный на радиостанции Центра все равно узнал бы его.

У каждого радиста при работе на ключе есть свой «почерк», такой же определенный, как и тот, которым человек пишет на бумаге. Всех своих клиентов, засевших где-то в русском тылу, Тоске отлично узнавал по почерку, да, это, безусловно, «Циклон-Юг».

— «Циклон-Юг» вызывает,— сказал обер-ефрейтор Либелю.— Приготовьтесь записывать.

— «Циклон-Юг»,— сказал радист,— просит подтвердить изменения в плане операции. Следует ли передавать командование прибывшему вместо командира. Выйду на связь через пятнадцать минут, пятна-

дцать минут. Я «Циклон-Юг».— Сняв наушники, Тоске посмотрел на Либеля.— Вы все поняли?

— О да! — ответил Либель. Он взял бланк с записью и зашагал по коридору.

В соседнем с аппаратной кабинете у большого стола сидел, о чем-то разговаривая с офицером радиостанции, подполковник Мельтцер. Либель подошел к подполковнику.

— Ну, наконец-то «Циклон-Юг» отвечает. Вот радиограмма.

— Что там? — спросил Мельтцер.

Либель прочел так, как он записал, слово в слово: «Циклон» просит подтвердить изменения плана операции, следует ли передать командование прибывшему».

— Дайте-ка радиограмму,— Мельтцер два раза прочел бланк расшифровки.— Что это значит? Разве ему раньше не было дано распоряжений? Какие изменения? — Мельтцер в недоумении перевернул бланк и посмотрел на него с обратной стороны.

— Я, кажется, догадываюсь, господин подполковник,— заговорил Либель.— Мне Шварцбрук говорил еще по дороге сюда, что они не очень ладили в свое время с лейтенантом Крюгером. Видимо, Крюгер сомневается в его полномочиях. Кроме того, лейтенант, вероятно, имеет в виду время начала операции. Он почему-то не согласен начинать раньше на сутки. Наверное, не успел подготовиться.

— Ах, вот оно что. Черт бы побрал всех этих карьеристов! Нашли время и место для выяснения отношений. И это хваленые фронтовые разведчики! С нашими такого не бывает. Либель, запишите текст ответной радиограммы:

«Все полномочия переходят к прибывшему командиру группы. Операцию начать немедленно. Доложить об исполнении». Кроме того, спросите у них, когда они смогут доложить о начале операции.

Либель быстро записывал.

— Вы, наверное, смертельно устали, обер-лейтенант,— сказал Мельтцер.— Сдайте радиограмму и поезжайте отдыхать. Вы за минувшие сутки как следует поработали.

— Я хотел бы остаться здесь с вами, господин подполковник.

«Парень явно хочет взять реванш»,— подумал Мельтцер.

— Ну хорошо, обер-лейтенант, можете остаться. Что это вы носите пистолет в боковом кармане?

— Я положил его туда еще днем, во время поисков Шварцбрука, да так и забыл.

Через полчаса поступила новая радиограмма «Циклона».

— Вот теперь это похоже на стиль Шварцбрука!— воскликнул Либель, подавая бланк Мельтцеру.

«Циклон распространяется. Первая сводка будет дана завтра утром».

Подполковник взял телефонную трубку.

— Это подполковник Мельтцер, из абвера, соедините меня с генералом Кребсом.— Прикрыв рукой трубку, он сказал Либелю: — На этот раз первым доложу я, а не Клетц.— И, подтянувшись, отрапортовал в телефонную трубку: — Докладывает подполковник Мельтцер, господин генерал. «Циклон распространяется». Первая сводка будет получена завтра утром... Благодарю вас, господин генерал!

Либель с большим трудом довел машину от радиостанции до Берлина. На набережной Тирпиц, у штаб-квартиры абвера, он высадил Мельтцера, а сам поехал домой. Что происходит сейчас там, у Мишеля? «Циклон-Юг» не должен провалиться немедленно. Если группа исчезнет, то это вызовет серьезное подозрение. С другой стороны, положение Мишеля в группе тоже рискованное. Одно только успокаивало Карла Либеля: у Мишеля рядом друзья. Они помогут.

Либель приехал домой, лег в постель и усилием воли заставил себя уснуть. Неизвестно, что еще впереди. Нужно быть свежим, готовым ко всему. За долгие годы работы во вражеском тылу он привык управлять своими чувствами.

...А на далеком хуторе в Прикарпатье в этот час события приобретали новый оборот.

В тот момент, когда послышался крик, Мишель лихорадочно обдумывал свой следующий шаг. Этот

Крюгер из тех головорезов, что может в любую минуту выпустить в него всю обойму своего «вальтера».

Напряжение росло. Выручил Скляной. Он ворвался в хату с шифровкой. Расшифровав радиограмму Центра, Крюгер, улыбаясь, спросил Мишеля:

— Простите, господин обер-лейтенант, не имеете ли вы отношения к группенфюреру господину Эрнсту Боле *?

— Я его близкий родственник,— сухо ответил Мишель.

— Вам уже приходилось бывать в России?

— Конечно!

— В таком случае я очень рад нашему знакомству. И еще раз прошу прощения за неласковую встречу.

— Пустяки, служба прежде всего. Однако кто это там так кричит?

— Это хозяйка хутора, старуха, мы заперли ее в погребе. Иван, я же приказал тебе ее ликвидировать!

— Минутку, лейтенант, теперь командовать буду я. Старуха может нам еще пригодиться. Иван, приведи ее сюда. Надеюсь, вы не говорили при ней по-немецки?

— Я ее даже не видел,— ответил Крюгер.

«Старуха» оказалась женщиной лет около пятидесяти. На ней был тот самый кожух, который она ссужала несколько часов назад Скляному. Увидев людей в советской военной форме, она сразу же заговорила.

— Где же это видно, паны офицеры, чтобы совать людей в подвал. Змей! — Она погрозила кулаком Скляному.— Дезертир проклятый. Добрались до тебя!

Мишель засмеялся.

— Наш товарищ поступил, конечно, неправильно. Но он не дезертир, гражданка. Вы что, одна здесь живете?

— Совсем одна,— ответила женщина,— мужа в сорок первом году забрали в армию. Два сына было.

* Генерал-лейтенант СС Эрнст Боле — один из руководителей СС гитлеровского рейха.

Один в партизаны ушел, другой не знаю куда.— Она замолчала, опустив глаза.

— Он служил в полиции? — спросил Крюгер.

— Кто же его знает, где он служил. Полгода уж нет. Одна с хозяйством управляюсь. Да и хозяйства осталось: корова, лошадь да куры.

— Не так плохо для этого времени,— сказал Мишель.— Вы хотите, чтобы муж и сыновья вернулись?

— А как же не хотеть?

— Тогда надо помочь нам. Вы должны запрячь лошадь и проводить нас до станции.

— Нет такого права, чтобы лошадей отбирать! — закричала женщина.

— Мы не отбираем. Вы поедете с нами,— спокойно и настойчиво сказал Мишель.— А со станции возьмете лошадь обратно.

— Не поеду, хоть стреляйте, не поеду.

Крюгер поднял пистолет. Но «обер-лейтенант Боле» задержал его.

— Учтите, гражданка, ваш муж и сын — советские солдаты, ваш долг помочь нам.

Женщина постояла молча, потом слезы потекли у нее по щекам. Она повернулась и, вытирая глаза концом платка, пошла запрягать лошадь.

НА ЧЕТВЕРТОМ КИЛОМЕТРЕ

Майор Мельниченко приказал водителю остановить машину. Навстречу по дороге строем по три двигалась небольшая колонна немецких военнопленных. Впереди, сзади и по сторонам шло несколько советских солдат-автоматчиков. Немцы были оборванные, грязные, обросшие трехнедельными бородами. За спинами у многих топорщились бурые от грязи вещевые мешки. Позади конвоя шагал высокий старший лейтенант в форме войск МВД и рядом с ним рыжий широкоплечий сержант с автоматом и трофейным «парабеллумом» на боку. Еще дальше, шагах в тридцати, тащилась крытая брезентом телега с высокими бортами, управляла которой женщина в рваном кожухе. Рядом

с ней тоже сидел автоматчик — остроносый парень в меховой кубанке.

Майор вышел из машины, два офицера и водитель остались на месте.

— Стой! — скомандовал майор.— Начальник конвоя ко мне!

Старший лейтенант, придерживая прыгающую на боку полевую сумку, подбежал к нему и старательно взял под козырек.

— Старший лейтенант Дутис,— представился он.

— Что за команда?

— Конвоируем на ближайшую станцию группу военнопленных в количестве двадцати восьми человек!

— Документы.

Рыжий сержант насторожился и подошел поближе.

Старший лейтенант, открыв полевую сумку, достал бумаги.

— Так вы из хозяйства товарища Медведева? — Он с интересом посмотрел на старшего лейтенанта.— Сами что, из Латвии?

— Так точно, товарищ майор!

— Почему вам не дали транспорт?

— На этих вояк, товарищ майор, транспорт расходовать? Пешком пройдутся. А мы люди привычные.

Майор внимательно просмотрел документы, вернул их старшему лейтенанту. Он прошел вдоль колонны и направился к телеге. Старший лейтенант и рыжий сержант сопровождали его.

— Разрешите колонне следовать дальше, товарищ майор, путь далекий,— попросил старший лейтенант.

— Добро, пусть идут. Что в телеге?

— Оружие, товарищ майор, трофеи! Сержант, ведите колонну, я нагоню.— Рыжий неуверенно повернул назад.

Майор приоткрыл край брезента. Взглянул на вороненые новенькие автоматы и снова закрыл. Достав портсигар, он предложил старшему лейтенанту папиросу. Старший лейтенант охотно взял, но не закурил, а сунул в карман.

— А это что за женщина? — Майор указал на хозяйку хутора, сидевшую на телеге.

— Местная жительница, товарищ майор, хозяйка ближнего хутора, помогла нам. Будет сопровождать нас до станции, чтобы забрать свою лошадь.

Молчавшая до сих пор женщина, услышав, что разговор идет о ней, вдруг соскочила с козел.

— Вот вы мне скажите, пан офицер,— обратилась она к майору.— Где есть такой закон, чтобы отбирать лошадей? Разве советские солдаты так поступают?!

Майор смутился.

— Лошадь вам вернут, не беспокойтесь.— Он повернул к машине.

Группа уже проходила мимо машины. Пленные в упор разглядывали сидевших в ней офицеров.

Майор и старший лейтенант вместе дошли до машины. Когда взревел мотор, старший лейтенант тихо сказал:

— Юго-запад, от хутора пять километров. В пещере радист, а на самом хуторе... Счастливого пути, товарищ майор! — добавил он громко, увидев, что к ним снова подходит рыжий.

— Желаю успеха, старший лейтенант! — Майор дал знак ехать.

Мишель оглянулся на Крюгера, тот был совсем рядом. «Черт бы его побрал, этого рыжего бандита! — подумал Мишель.— Как не вовремя он подошел! Нужно было еще сказать майору о Роденштоке, который остался на хуторе для связи со Скляным. Это может теперь спутать все карты. Конечно, лейтенанту вряд ли удастся уйти». Мишель готов был побежать следом за машиной. Может быть, придумать какой-нибудь благовидный предлог и вернуться на хутор самому? Нет, нельзя оставлять группу. Она может изменить маршрут.

— Ну что? — спросил он Крюгера.— Натерпелись страха?

— Чепуха, надо было захватить машину.

— И поднять тревогу на всю окрестность? Нет, лейтенант, у вас мало опыта в таких делах. Вот вы говорили, что следует пристрелить женщину, а видите, в ее сопровождении мы выглядим гораздо убедительнее.

Крюгер молчал.

— Теперь я совершенно уверен в надежности своих документов. Интересно, как там этот ваш Иван? Он верный человек?

— Вы, кажется, могли убедиться в этом,— ответил Крюгер и, ускорив шаг, обошел группу. Он зашагал впереди.

Оставшись один позади строя, Мишель достал папиросу, которой его угостил майор, разорвал гильзу и незаметно вынул из нее записку. «Захват группы намечен на четвертом километре». Мишель сунул бумажку в карман. Сколько еще до этого четвертого километра?

Дорога виляла между холмами, поросшими лесом. Откуда-то издалека донеслось еле слышное гудение паровоза. Навстречу прошла колонна грузовиков. Сидевшие в них советские солдаты кричали пленным:

— Гитлер капут!

Какой-то молодой боец, перегнувшись через борт, крикнул Крюгеру:

— Эй, сержант, подбрось-ка нам парочку, мы с ними потолкуем!

Крюгер сжал кулаки.

«Уже недалеко,— подумал он.— Судя по карте, мы выйдем как раз к тоннелю. Здесь до ночи должна остаться первая диверсионная группа». Теперь он покажет этому берлинскому обер-лейтенанту, на что способен Крюгер. Первый же эшелон, взорванный внутри тоннеля, прерывает движение по этой дороге не меньше чем на десять дней. Пока русская контрразведка будет искать диверсантов в этом районе, грянут взрывы у моста через Днестр и еще дальше в русском тылу.

А в это время майор Мельниченко с младшим лейтенантом Черниковым и старшиной Лобановым уже подъехали к хутору, где скрывался Скляной со своей рацией. Поставив машину перед хатой, они вошли во двор.

— В хате, наверное, никого нет,— сказал лейтенант,— нечего даже заходить.

— А где же хозяйка? — поиитересовался Лобанов, заглядывая в дверь.

— Оии взяли ее с собой. Это ведь оиа обращалась ко мие. Надо перехватить радиста в пещере.

Пробираясь сквозь кусты, они двииулись к тому месту, где еще утром находился лагерь группы, оставив у машины водителя. Все оии хорошо зиали эти места. Еще перед войиой здесь была погранзоиа той самой заставы, которой комаидовал тогда еще старший лейтеиаит Мельиичеико.

Накоиец шедший впереди старшииа Лобаиов дал зиак остаиовиться.

— Вои за теми кустами та самая пещера, товарищ майор. Это я как сейчас помню,— сказал старшииа.

— Тогда так,— майор передал свою плащ-палатку старшиие,— обходи сверху, а мы с младшим лейтеиантом пойдем прямо. Мы его вызовем, тут и возьмем. Только учтите, товарищи, брать иадо живым, чтобы ничего ие успел. Поиятио?

Бесшумно раздвигая кусты, старшииа пополз вправо. Немиого погодя так же неслышио вперед двинулись майор и младший лейтеиант. За кустами виднелось темное отверстие пещеры.

— Давай,— майор троиул за плечо младшего лейтеиаита.

Черииков застоиал так убедительно, что майор вздрогнул и с тревогой посмотрел иа товарища. Младший лейтенант улыбиулся и застоиал еще раз так, будто жить ему осталось полмииуты. Кусты у входа в пещеру дрогиули. На площадке появилась согиутая фигура Скляиого с автоматом, прижатым к животу.

— Кто здесь? — прерывающимся от испуга голосом спросил ои.— Кто здесь? Стрелять буду!

Ои ие успел еще окоичить последнюю фразу, как сверху, развериув в воздухе плащ-палатку, на иего прыгиул старшина Лобаиов.

В ту же секунду выскочивший из кустов майор ударом иоги отбросил в сторону выбитый из рук радиста автомат. Черииков бросился в пещеру.

Оглушенный виезапным ударом, Скляиой лежал ничком.

— Не пришиб ли ты его, старшина? — сказал майор.

Они вдвоем перевернули Скляного. Лицо его было бледно. Он, словно рыба, вытащенная на берег, ловил ртом воздух.

— Жив, подлюга,— констатировал Лобанов.

Младший лейтенант вынес из пещеры рацию, упакованную в ранец.

— Здесь все в порядке,— сказал он,— еще не успели развернуть.

— Когда очередной сеанс связи? — спросил майор.

Скляной поднял на него непонимающие глаза. Майор повторил вопрос. Радист молчал.

— Ошалел слегка,— заметил Лобанов,— во мне ведь без малого шесть пудов будет.— Он приподнял Скляного и посадил, прислонив спиной к дереву.

— Ну, давай, давай,— обратился к диверсанту он,— не ферштеешь, что ли? Некогда здесь с тобой!

— Рус, русский я,— вдруг выдохнул Скляной.— Русский.— И добавил торопливо: — Вечером связь в двадцать один час. Граждане, все скажу, только...— Оцепенение его прорвалось вдруг слезами.

Чекисты терпеливо ждали. Наконец Скляной замолчал, шмыгая носом и утираясь рукавом.

Радист покорно поднялся. Сотни раз за последние годы в страшных своих снах он видел этот момент. В своем воображении он убегал, отстреливался, погибал... Но все прошло значительно проще. Заплетающимися ногами он двинулся вперед. Как же это? На секунду блеснула мысль: «А может быть, и эти из абвера, проверяют?» Но, взглянув на сопровождавших его офицеров, на выражение лиц, по выгоревшей форме, по каким-то еще едва уловимым приметам Скляной понял — эти настоящие...

...Каково же было удивление чекистов, когда, подойдя к хате, они не нашли своей машины. У самого порога они наткнулись на распростертое тело сержанта-шофера. Черников и Лобанов склонились над ним. Сержант был мертв, он получил смертельный удар чем-то тяжелым в затылок.

— Кто это сделал? — сурово спросил майор у Скляного.

Микола упал на колени.

— Я не виноват, господин майор, клянусь богом. Это, наверное, лейтенант Роденшток — он оставался на хуторе для связи.

...Роденшток гнал машину на предельной скорости. «Козел» прыгал на ухабах. В голове диверсанта уже сложился ответный план действий. Когда Роденшток увидел подходившую к хутору машину с советскими офицерами, он подумал, что это случайность, и затаился на сеновале.

Однако, услышав слова майора о пещере и о том, что к нему «обращалась хозяйка», Роденшток понял их по-своему. Стрелять он побоялся и решил действовать осторожно.

Спустившись с сеновала, он выждал, пока водитель не вышел из машины, и, подкравшись к нему сзади, ударил растерявшегося сержанта прикладом автомата по голове. Теперь быстро нагнать колонну! Взять с собой командный состав группы — и к фронту. Можно было бы, конечно, удирать и одному, но Роденшток решил, что вдвоем или втроем будет вернее.

Навстречу Роденштоку шла колонна грузовиков. Проскочив мимо них на полной скорости, лейтенант заметил, что последняя машина разворачивается. Он хотел свернуть, но шоссе вошло в узкую теснину между двумя холмами, мелькнул мимо чудом уцелевший километровый столб с цифрой «четыре». И в этот момент он увидел впереди группу. Позади нее все так же медленно тянулась телега.

«Общую тревогу подымать нельзя,— мелькнуло у Роденштока.— В машине поместится еще три-четыре человека. Кого же взять? Конечно, Боле, Крюгера и еще двоих в советской форме».

Поравнявшись с телегой, он остановился.

Увидев Роденштока, диверсанты остановились.

— Что произошло, Роденшток? — спросил Мишель, подходя к нему.

— Нас предала старуха.— Лейтенант старался го-

ворить как можно тише.— Пусть люди идут дальше. Садитесь. Скажите им, что мы поедем вперед.

— Это невозможно,— ответил Мишель.

Сзади на шоссе послышался рокот приближающихся грузовиков. Роденшток бросился к захваченной машине, собираясь удрать в одиночку.

Диверсанты забеспокоились. Рыжий Крюгер в недоумении обернулся. Надо было что-то предпринять и сделать это немедленно.

Мишель решился.

— Предатель! — крикнул он по-немецки и, выхватив пистолет, выстрелил лейтенанту в затылок.

Колонна смешалась в беспорядочную толпу, диверсанты бросились к телеге с оружием. Мишель вскочил на подножку машины, вырвав автомат у солдата, сидевшего в телеге.

— Ни с места, прекратить панику! — срывая голос, закричал он по-немецки и в этот миг увидел, как раздвинулись кусты по сторонам дороги. На шоссе, замыкая группу в тесное кольцо, выходили советские автоматчики. Из кустов глядели стволы пулеметов.

— Бросить оружие,— приказал по-немецки чей-то властный голос.

Один из первых швырнул на асфальт свой автомат лейтенант Крюгер.

...В условное время, в девять часов вечера, дежурный радиостанции абвера под Берлином услышал позывные группы «Циклон-Юг»... Радист быстро записывал: «Сегодня днем на дороге к Черновицам уничтожена машина с группой советских офицеров во главе с полковником. Через тоннель в сторону фронта за три часа прошло два эшелона с техникой, готовимся к операции № 1, сообщу в шесть часов утра».

Радист немедленно передал шифровку в отдел «Заграница». Принял ее обер-лейтенант Либель. Когда он доложил об этом подполковнику Мельтцеру, тот сразу же позвонил генералу Кребсу.

— Благодарю, подполковник,— сказал генерал.— Прошу вас и впредь немедленно информировать меня. Кроме того, составьте список отличившихся в подготовке операции. И пожалуйста, не передавайте это

дело в руки СД. «Циклон-Юг» — это наша заслуга.— Затем Мельтцер позвонил Клетцу.— Поздравляю вас, господин оберштурмбаннфюрер, операция «Циклон-Юг» началась. Да. Можете не беспокоиться, я уже доложил об этом генералу.

Положив трубку, Мельтцер сказал Либелю:

— Вы получаете сутки отпуска, дорогой обер-лейтенант, кроме того, можете рассчитывать на награду.

— Благодарю вас, господин подполковник, я готов на все для моей родины.

Либель вышел на вечернюю берлинскую улицу, освещенную заревом пожаров.

Прошло только тридцать шесть часов с того момента, когда он отправился встречать капитана Шварцбрука на станции Зоссен. И вот одержана первая победа в очередном сражении без выстрелов.

Получив радиограмму «об успешных действиях группы», полковник понял, что произошло за линией фронта. Теперь радист группы «Циклон-Юг» будет трудиться не за страх, а за совесть, передавая радиограммы под диктовку советских контрразведчиков.

Не исключена, конечно, возможность того, что СД попробует проконтролировать. Ну что же, он постарается помочь и контролерам разделить участь диверсантов из группы «Циклон-Юг».

Он остановился на перекрестке. Прямой как стрела проспект уходил на восток. Может быть, это только показалось ему, что в потемневшем небе уже видны зарницы приближающегося фронта. Сколько пройдет еще месяцев и дней, пока над поверженной германской столицей взовьется знамя Победы, водруженное советскими воинами! Много дней, тысячи часов, подобных только что пережитым. Но эти тридцать шесть не прошли даром — сегодня он помог приблизить день победы над фашизмом.

Либель быстро зашагал по улице. Сутки отпуска, щедро подаренные Мельтцером, будут как нельзя более кстати. Впереди много дел. Операция «Циклон»

ведь еще только начинается. Но и он сам пока еще не использовал всех возможностей своей группы.

Размышления полковника прервал стук солдатских сапог. Навстречу шел патруль. Солдаты старательно отдали честь офицеру. Он ответил. Затем прошел по проспекту еще несколько кварталов и свернул в переулок.

Там его ждал «Фред».

А. ЛУКИН

РАССКАЗЫ О КУЗНЕЦОВЕ

приговор приведен в исполнение

15 ноября 1943 года в логове фашистов — городе Ровно советскими партизанами был похищен один из высокопоставленных гитлеровцев, генерал фон Ильген. Эту дерзкую операцию осуществил бесстрашный разведчик Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов.

Немецкое командование переполошилось. Из штаба в подразделения полетели телефонограммы. Вот текст одной из них, перехваченной советской разведкой:

«Телефонограмма из оперотделения штаба 110-й пехотной дивизии в 254-й гренадерский полк.

20.11.1943 г. 14.00

Надо учесть, что похищенный 15.11.1943 года партизанами в Ровно командующий Восточными частями генерал-майор Ильген увезен ими дальше на какой-то повозке, возможно, какой-то автомашине.

Во всем армейском округе тотчас должен быть установлен контроль за автомашинами. Местным комендантам следует указать, что они должны проводить контроль в своих районах при помощи местной стражи. Оперотделение 1А».

О подробностях известной операции рассказывает бывший заместитель командира специального партизанского отряда Д. Н. Медведева — Александр Александрович Лукин.

* * *

К осени 1943 года дни фашистской оккупации на Украине были сочтены. Активная партизанская и диверсионная работа в тылу врага (теперь не таком уж и глубоком) в условиях решительного наступления Красной Армии приобретала особое значение.

Поэтому на совещании в штабе отряда, которым командовал полковник Д. Н. Медведев, было принято решение: не ослабляя основную чекистскую работу по добыче разведывательных данных о фашистской армии, осуществить ряд актов возмездия над особо ненавистными народу фашистскими сатрапами в Ровно.

Разумеется, первым (как и раньше) в этом списке палачей стояло имя Эриха Коха, рейхскомиссара Украины и гаулейтера Восточной Пруссии. Но наместник фюрера, напуганный размахом всенародной партизанской борьбы на Украине, предпочитал отсиживаться в эти дни подальше от своей так называемой «столицы». Надо сказать, что судьба хранила этого гитлеровского приспешника, и опасался он не зря: при первой же возможности наш замечательный разведчик Николай Кузнецов привел бы в исполнение смертный приговор над Кохом. Но судьба лишь отложила акт справедливого возмездия: через много лет польский народный суд приговорил его к повешению... Но это случилось позднее, а тогда, в теплый октябрьский вечер 1943 года, после всестороннего и детального обсуждения было названо еще несколько имен, в том числе фон Ильген.

Среди наиболее высокопоставленных гитлеровцев в Ровно генерал фон Ильген играл роль весьма заметную. Он командовал всеми так называемыми «остентруппен» — «восточными войсками». Эти части состояли из самых отпетых подонков, которых только могли собрать гитлеровцы на оккупированной территории. Это были предатели Советской Родины, изменившие воинской присяге, и откровенные уголовники. Значительную часть контингента составляли антисоветские элементы, как выжидавшие двадцать лет своего часа, так и вернувшиеся из-за рубежа вместе с очередными хозяевами.

Среди этих последних, например, был крупный петлюровец, облачившийся теперь в форму немецкого генерала, Омельянович-Павленко. Его преступления в годы гражданской войны еще не забыла Украина...

Войска Ильгена включали так называемую «русскую освободительную армию» (как пышно именовали себя предатели-власовцы), украинские националистические части «казаков» и «восточный легион» из уроженцев Кавказа, Средней Азии и т. п. Население ненавидело и презирало этих выродков даже больше, чем немцев. Именно войска Ильгена осуществляли карательные акции, сжигали деревни, расстреливали мирных жителей. Их в первую очередь командование германской армии бросало против партизан. Казнь Ильгена неминуемо внесла бы панику и растерянность в не очень-то сплоченные ряды этого воинства, показала бы им в полной мере неизбежность близкой расплаты за измену.

Мы рассчитывали также, что кое-кто из этих людей, надевших гитлеровскую форму из малодушия, но не погрязших еще в преступлениях против соотечественников, найдет в себе силы и мужество порвать с фашизмом, искупить вину перед Родиной.

Итак, Ильген был обречен. План операции тщательно разработан и утвержден в штабе отряда. Осуществление ее поручалось небольшой группе наших разведчиков — всего из шести человек — во главе с Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Задачу уничтожения фон Ильгена облегчало одно немаловажное обстоятельство: в самом его логове — одноэтажном особняке на Млынарской улице, 5 — был наш человек.

...В ресторане «Дойчегофф», куда вход был открыт только для немецких генералов, офицеров и чиновников, самой популярной официанткой слыла Лидия Лисовская — стройная сероглазая красавица с волосами цвета спелой ржи, лет двадцати пяти. Была она обаятельна, умна, всегда весела. При взгляде на нее вряд ли кто-нибудь сказал бы, что Леля, кумир завсегдатаев «Дойчегоффа», перенесла тяжелую утрату — ее муж, капитан польской армии, погиб в фашистском концлагере.

По роду работы Лидия постоянно вращалась среди немецких офицеров, как правило, в разной степени подвыпивших — следовательно, разговорчи-

вых. Это привлекло к ней внимание шефов ровненского гестапо. Ей предложили сотрудничать в этом мрачном учреждении. В обязанности вменили: регулярно доносить о настроениях и разговорах между собой армейских офицеров. Лисовская приняла это предложение гестапо, но... с ведома командования нашего отряда, так как уже давно была советской разведчицей, опытной, бесстрашной, изобретательной. Достаточно сказать, что именно ее квартира на улице Легионов, 15, была основной базой Кузнецова — «Пауля Зиберта», произведенного нами к этому времени из обер-лейтенантов в капитаны вермахта.

Нашей разведчицей была и двоюродная сестра Лидии — Майя Микота. Тоже красавица, тоже официантка в офицерском казино и тоже... агент гестапо. Майя на несколько лет моложе Лидии.

С некоторых пор сонм поклонников Лисовской пополнился еще одним. Да не каким-нибудь лейтенантом, а генералом! Высоким, здоровенным, с бычьей шеей борца, еще сравнительно молодым — лет сорока пяти, не более. Генерал фон Ильген не был легкомысленным человеком. Но внешность Лидии, привлекательная и строгая одновременно, «высокое» происхождение (многие в Ровно почему-то считали Лисовскую графиней), превосходные манеры невольно вызывали интерес, льстили самолюбию. И фон Ильген поддался всему этому. В результате последовало весьма лестное предложение: сменить должность официантки в «Дойчегоффе» на почетное и чрезвычайно респектабельное положение экономки командующего особыми войсками.

Не буду скрывать, что предложение Ильгена, сделанное в сентябре, как нельзя больше отвечало нашим планам. Неожиданно оказалось, что прихоть генерала пришлась по душе и господам из ровненского гестапо, не доверявшим никому, даже командующим собственными войсками. Гестапо не преминуло приставить к Ильгену «своего человека». Так, на всякий случай. Более того, гестапо сделало все от него зависящее (а попробовали бы вы найти в гитлеровской Германии хоть что-нибудь, не завися-

щее от «государственной тайной полиции»), чтобы Лидия Лисовская, и только она, получила доступ в особняк на Млынарской улице.

Поистине удивительная «общность» интересов: едва ли за всю войну гитлеровский генерал, гестапо и советская разведка желали одного и того же!

В конце сентября Лидия приступила к своим новым обязанностям: необременительным — кастелянши и требующим огромного нервного напряжения — нашей разведчицы.

Стены генеральской гостиной стали отныне нашими ушами. Почти ежедневно мы получали крайне интересные новости. Одна из них самым непосредственным образом отразилась на судьбе самого Ильгена.

Среди особо важных немецких учреждений в Ровно был штаб полицей-фюрера Украины, генерала полиции и обергруппенфюрера СС Прицмана. Сам Прицман постоянно жил в Берлине, а в Ровно регулярно приезжал обычно в сопровождении громадной свиты на восьми автомобилях. Офицеры в его штабе имели чины не ниже капитанского.

Наши разведчики установили, что ровненская квартира Прицмана находится на Кёнигсбергштрассе, 21, и вели за ней постоянное наблюдение. От них-то и стало известно, что в конце октября на этой квартире происходило какое-то важное совещание, в котором, кроме Прицмана, принимали участие начальник тыла германской армии генерал Китцингер, Ильген и генерал Пиппер, известный своими карательными делами в европейских странах, оккупированных гитлеровцами, и прозванный за свою жестокость «майстер тодт» — «мастер смерти». О важности этого совещания говорил уже тот факт, что его проводил специально прибывший из Берлина «шеф дер банденкампф фербанде» — «шеф по борьбе с бандами» — обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Желевский, будущий палач восставшей Варшавы.

Через два дня — совещание на тот же предмет, но уже, так сказать, на низшем уровне, проводил со

своими старшими офицерами Ильген в собственном особняке.

Лидии Лисовской Ильген поручил приготовить в соседней комнате чай, и это было его непоправимой ошибкой. Иначе содержание сделанного им вступительного слова вряд ли стало бы достоянием нашего штаба. А между тем именно так и произошло.

— Господа,— начал Ильген,— как вам уже известно, по приказанию фюрера наши доблестные войска производят в настоящее время выравнивание линии фронта (так стыдливо было принято именовать отступление под непрерывными ударами Красной Армии, уже подошедшей к Киеву). Особо важное значение в этих условиях приобретает прочность и спокойствие нашего тыла. Между тем с прискорбием следует признать, что наш тыл наводнен бандами партизан, что усугубляет наши трудности. Необходимо немедленно ликвидировать партизан. Таков приказ фюрера. Шеф по борьбе с бандами обергруппенфюрер фон дем Бах-Желевский указал, что в первую очередь необходимо уничтожить отряд Медведева, действующий в непосредственной близости от Ровно, в Цуманских лесах.

Итак, сообщаю вам, что «охота на медведя» откроется на рассвете 8 ноября. Накануне у русских национальный праздник. Они, конечно, будут его отмечать и вряд ли на следующий день будут способны оказать нашим войскам серьезное сопротивление. Непосредственное руководство акцией возложено на генерал-майора Пиппера. Уверен, господа, что скоро я буду иметь возможность побеседовать с командиром партизан.

Офицеры слушали внимательно. С еще большим вниманием изучали на следующий день это заявление мы в штабе отряда.

О готовящейся операции одновременно с Лидой узнал и гауптман Зиберт.

— Тебе хорошо, Пауль,— жаловался ему по пьяной лавочке в казино старый «приятель», офицер полевой жандармерии Рихард,— будешь прохлаждаться в Ровно. А мне предстоит принимать участие

в «охоте на медведя». Не скажу, чтобы это меня очень радовало...

Заказав еще одну бутылку коньяку, Кузнецов вытянул из жандарма кое-какие весьма полезные подробности.

Третье сообщение поступило от нашей разведчицы Вали Довгер, мнимой невесты Пауля Зиберта. Валя была сотрудницей рейхскомиссариата Украины, куда ее приняли по рекомендации самого Эриха Коха! Начальник Вали, доктор Круг, относился к ней весьма снисходительно (еще бы: рекомендована Кохом!) и позволял себе вести в ее присутствии достаточно конфиденциальные разговоры.

В рейхскомиссариате знали, что отец Вали Довгер, преданный Германии «фольксдойче», якобы убит партизанами. И доктор Круг счел своим долгом сказать Вале, что скоро «смерть» ее отца будет отомщена.

— Каким образом? — спросила девушка.

И доктор Круг выложил ей все, что знал о предстоящей операции.

Таким образом, мы узнали о ней сразу из трех источников: от Лисовской, Кузнецова и Довгер.

Мы не теряли времени даром и подготовили гитлеровцам достойную встречу. Правда, мы, признаться, не ожидали, что наступление на нас будет произведено столь крупными силами. Группировка «мастера смерти» Пиппера включала 1-й и 2-й берлинские полицейские полки, роту СС из 2-й штурмовой бригады СС Дирливангера, части из 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция» и другие подразделения.

Против партизан были брошены авиация, артиллерия и тяжелые минометы. Это был самый тяжелый бой, который пришлось выдержать нашему отряду за всю его историю. Не буду описывать все перипетии боя — это тема для самостоятельного рассказа. Скажу только: патриотизм, беззаветное мужество, массовый героизм советских людей победили. Гитлеровцы были разбиты наголову и позорно бежали, потеряв свыше шестисот человек убитыми и

ранеными. Убит был и сам «майстер тодт» — генерал Пиппер. Трофеи мы захватили огромные: орудия, минометы, пулеметы, автоматы, винтовки, боеприпасы, снаряжение и т. п.

Генерал Ильген оказался прав: мы действительно хорошо встретили 26-ю годовщину Великого Октября,— правда, не так, как он предполагал.

Сразу же после боя штаб принял решение: в довершение к этому сюрпризу нанести по гитлеровской администрации в Ровно три удара подряд. И первый — по Ильгену, как одному из главных организаторов направленной против нас операции. Но в первоначальный план внесли существенную поправку, а именно: учитывая пожелание Ильгена поговорить с командиром партизан, мы решили доставить ему это удовольствие.

Группа Кузнецова получила новый приказ: не ликвидировать Ильгена, а похитить.

Окончательный план был приведен в действие после того, как Лидия Лисовская представила нам подробное описание образа жизни генерала, распорядок дня, привычки и т. д. Из привычек наше внимание особо привлекла следующая: Ильген всегда обедал только дома — вскоре после полудня и, как правило, один. Опаздывал к обеду только в исключительных случаях.

В это время в доме, кроме генерала, находились Лидия, кто-либо из двух адъютантов и денщик. Наружную охрану у выездных ворот несли один часовой до шести часов вечера и усиленный пост из трех солдат после шести. Следовательно, всю операцию нужно было провести не позднее шести, а лучше всего примерно в час дня.

На руку оказалось еще одно обстоятельство: оба адъютанта-немца 10 ноября отбыли на неделю в «служебную командировку» в Германию, чтобы отвезти несколько чемоданов с награбленными вещами семье генерала. Лучше не придумаешь! В особняке на эти дни оставался лишь денщик — из русских «казаков».

Подготовительная часть операции возлагалась

на Лиду и Майю, исполнительная — на Николая Кузнецова, Николая Струтинского, Яна Каминского и Мечислава Стефаньского. Струтинский был разведчиком нашего отряда. В форме немецкого солдата он часто сопровождал Кузнецова в поездках в Ровно в качестве шофера.

Ян Каминский и Мечислав Стефаньский были местными подпольщиками, бесстрашными польскими патриотами. В первые месяцы сотрудничества с нами они полагали, что имеют дело с агентами разведки союзников и представителями лондонского эмигрантского правительства. Со временем, убедившись в их непримиримой ненависти к фашизму, мужестве и горячей симпатии к Советскому Союзу, Кузнецов (с разрешения командования, разумеется) открыл им правду.

...15 ноября 1943 года вся боевая группа собралась еще с утра на квартире Яна Каминского. Шли последние приготовления к операции. Кузнецов придирчиво проверял каждую мелочь. Прежде всего форма. Внимательно осмотрел самого себя в зеркало. В памяти еще живо было воспоминание о том, как при первом выходе в Ровно он привлекал внимание (хотя и не подозрение) всех встречных военных тем, что был в пилотке. Оказывается, пилотку принято было носить лишь на фронте, в тылу же — фуражку, знаменитую немецкую фуражку с высоко заломленным верхом.

Сейчас все в порядке. Мундир не с иголочки, но и не потрепан, хорошо подогнан. На плечах погоны капитана. На груди слева, ниже кармана,— «железный крест» первого класса. В петлю пуговицы продернута ленточка «железного креста» второго класса (при получении высшей награды низшая уже не носилась — только ленточка). Медаль «За зимний поход на Восток» (Николай Иванович ухмыльнулся, вспомнив, что сами немецкие солдаты метко называли ее «мороженое мясо»). Справа — знак за тяжелое ранение. Разумеется, все — и награды, и звание, и ранения — аккуратно вписаны в офицерскую книжку.

Так же тщательно осмотрел товарищей. Николай Струтинский уже давно привык к немецкой солдатской форме. Ян Каминский и Мечислав Стефаньский, по-видимому, отлично чувствовали себя в форме офицеров рейхскомиссариата Украины (РКУ), хотя и облачились в нее лишь полчаса назад.

— Как машина? — спросил Кузнецов Струтинского.

— Отлично выглядит, Николай Иванович.

Вопрос был не праздный. Автомобиль, великолепный мощный «адлер», наши разведчики «одолжили» (без обещания вернуть) у самого ровненского гебитскомиссара Беера. Разумеется, ее пришлось перекрасить. Сделал это с большим знанием дела наш партизан Василий Бурим. Он изменил ее цвет таким хитроумным методом, что нипочем нельзя было определить, что лишь несколько дней назад на ее бока легла свежая серая краска.

В 12 часов дня Кузнецов встал: «Пора...»

...Разбрасывая колесами ноябрьскую грязь, серый «адлер» вылетел на центральные улицы города. Несколько минут езды, и машина уже на Млынарской улице. Мелькают мимо уютные одноэтажные домики. Прохожих почти не видно — местные жители стараются обойти район, где живут многие видные немцы, стороной. Вот и особняк Ильгена, окруженный палисадником. Перед окнами уныло отмеривает шаги часовой с винтовкой за плечом. При виде машины с офицерами он вытягивается в струнку.

Не повернув головы, Кузнецов краем глаза напряженно всматривается в окна. В угловом окне занавеска приспущена до половины... Так уже было и вчера и позавчера. Это условный знак. Лидия сообщает, что операция откладывается.

Сквозь зубы Кузнецов бросает Струтинскому: «Прямо...» Машина летит дальше.

Остановка возле маленького ресторанчика. Здесь, по договоренности, свидание с Лидией в случае неудачи. Кузнецов выходит из машины, остальные остаются.

Через полчаса появляется Лисовская. Впархивает оживленная, веселая.

В их сторону никто даже не смотрит; обычное дело: офицер встречается со «знакомой девушкой».

Придвинувшись ближе, Лидия быстро шепчет:

— Генерал звонил: задерживается в штабе. Приедет обедать в четыре. У нас с Майей все готово. Ждем.

Кузнецов облегченно вздохнул. Откладывается, но все же не отменяется, как вчера и позавчера, когда Ильген вообще не приезжал домой.

— Ну, мне пора.— Допив свой кофе, Лидия встает, на ходу целует «капитана» и бежит к выходу, бойко постукивая каблучками модных туфелек.

Расплатившись, покидает кафе и Кузнецов.

В машине происходит короткое совещание.

— В городе оставаться незачем,— говорит Николай Иванович,— считать минуты — лучшее средство взвинтить себя до предела, а нервы нам еще потребуются. И крепкие. Едем-ка, друзья, за город!

Мало кто знает, что, перед тем как совершить этот знаменитый в истории Отечественной войны подвиг, герои-разведчики мирно гуляли по осеннему лесу, словно набираясь в общении с родной природой сил и мужества.

...В шестнадцать ноль-ноль серый «адлер» как вкопанный стал у дома № 5 по Млынарской улице: занавеска на угловом окне была поднята до самого верха!

На этот раз удача явно была на их стороне: двумя минутами ранее из соседнего особняка вышли генералы Кернер и Омельянович-Павленко, ближайшие помощники Ильгена. Встреча с ними могла бы сорвать операцию.

Кузнецов вышел из машины, спросил у вытянувшегося «казака»:

— Генерал дома?

«Казак» (его фамилия была Луковский) виновато пробормотал:

— Я не понимаю по-немецки, господин гауптман...

Брезгливо отмахнувшись, гауптман вошел в особняк. Следом за ним — остальные.

В гостиной навстречу Кузнецову поспешил денщик.

— Господин гауптман, генерала нет дома, прикажете подождать или передать что...— и замер, увидев устремленный ему в живот зрачок «парабеллума».

— Не шуметь! — повелительно сказал Кузнецов по-русски.— Я советский офицер, партизан, понятно?

Мясников (такую фамилию носил денщик) все понял и, охнув, опустился без сил на стул. Его мгновенно обыскали.

Из дальних комнат уже спешили Лида и Майя Микота.

— У нас все готово, личные вещи генерала упакованы в два чемодана.

Убедившись, что денщик не способен ни к какому сопротивлению, Кузнецов вышел на крыльцо.

— Эй ты,— крикнул он часовому на ломаном русском языке,— иди сюда!

— Не имею права с поста,— нерешительно пробормотал тот.

— Быстро-быстро! — уже с угрозой в голосе приказал гауптман.

Забыв про устав, Луковский поспешил подчиниться. В прихожей ранее, чем он успел что-либо понять, его обезоружили, втолкнули в комнату и усадили рядом с Мясниковым.

Начался обыск квартиры. Карты, фотографии, служебные бумаги, личная переписка тонули в недрах объемистого портфеля. Николай Струтинский быстро облачился в каску и амуницию разоруженного Луковского и занял его место перед крыльцом.

Тем временем Лида и Майя вели идеологическую обработку «казаков».

— Эх вы, были грицами, а стали фрицами! — безжалостно и гневно бросала им в лицо Майя.— В немецкие холуи записались. А что дальше будет? Вы знаете, что Киев освобожден?

Мясников невнятно оправдывался:

— Мы мобилизованные насильно. По своей охоте разве пошли бы? Возьмите нас в лес, к партизанам, не пожалеете, если поверите.

Луковский был, видно, решительнее. Трудно сказать, что пережил за десять-пятнадцать минут этот человек, совершивший в жизни страшную ошибку, исправить которую дано не каждому... Он неожиданно встал и обратился к Николаю Ивановичу:

— Генерал меня знает в лицо, нехорошо выйдет, да и разводящий подойти может. Дозвольте снова на пост встать...

И Кузнецов согласился. Согласился, хотя шел на немалый риск. Потому что чутьем разведчика, сердцем советского человека понял: довериться можно.

Струтинский вернулся в дом, на его место снова встал Луковский. Правда, патроны из магазина его винтовки были на всякий случай вынуты.

В начале шестого где-то вдалеке послышался звук мотора. Лида чуть отодвинула занавеску и увидела, как из-за угла вырвался длинный черный «мерседес». «Едет!»

Все быстро разошлись по заранее условленным местам.

Через несколько минут, не удостоив вставшего во фронт часового даже кивка, в дом вошел Ильген. Лидия, выбежавшая в переднюю, помогла ему снять шинель.

Генерал был в хорошем настроении. Отпустил Лисовской грубоватую казарменную шутку, вымыл руки, весело осведомился: «Что сегодня на обед, фройлейн Леля?» — и в недоумении уставился на вставшего в двери солдата (Струтинского).

— Как сюда попал? Вон!..

— Спокойно, генерал.

Ильген стремительно обернулся на незнакомый голос. Он увидел неизвестного ему подтянутого гауптмана с пистолетом в руке. В первую секунду Ильген ничего не понял. Но с объяснением «капитан» не замедлил.

— Предатель! — взревел Ильген (он до конца не верил, что Кузнецов не германский офицер) и всем

своим огромным, мускулистым телом стремительно ринулся на Кузнецова.

Завязалась отчаянная борьба. Ильген был очень силен, в молодые годы, видимо, всерьез занимался борьбой и боксом. Ярость к тому же удвоила его силы.

В бешеной свалке переплелись пять тел. В ход пошли и кулаки и каблуки. Струтинскому, пытавшемуся загнать в генеральский рот кляп, Ильген до кости прокусил руку. Не утерпев, в драку ввязался и Мясников — на стороне партизан. С большим трудом генерал был скручен.

Отдышавшись, Кузнецов прочитал ему лекцию о хорошем поведении.

— Спокойнее, Ильген,— мягко выговаривал он.— Будьте же благоразумны. На первый раз, учитывая неожиданность, мы вас прощаем. Но впредь советую не ерепениться.

В конце концов Ильген вроде притих.

Первыми из особняка вышли Каминский и Стефаньский с портфелем. Затем Струтинский и Мясников вынесли генеральские чемоданы. Чтобы ввести немцев в заблуждение, денщик оставил по приказанию Кузнецова на столе записку:

«Спасибо за кашу. Ухожу к партизанам и забираю с собой генерала. Смерть немецким оккупантам! Казак Мясников».

Затем на крыльце показался Кузнецов, заботливо придерживая Ильгена за локоть. Руки генерала были связаны за его спиной. Мясников и Стефаньский уже сидели в машине. Струтинский стоял, поджидая, возле открытой дверцы.

— Скорее! — услышал Николай Иванович взволнованный голос Луковского.— Смена идет!

Действительно, в конце улицы уже маячили фигуры трех солдат.

И тут Ильген вдруг вырвался из рук Кузнецова, вышиб языком изо рта кляп и заорал во всю силу легких:

— На помощь! На помощь!

Кузнецов, Струтинский, Каминский успели поймать Ильгена за плечи, заткнули рот, завернули на голову полу шинели, чтобы никто из случайных прохожих не узнал генерала в лицо. Извернувшись, Ильген умудрился ударить Каминского сапогом в живот. И тут же на ноги ему навалился, отбросив винтовку, «казак» Луковский.

В мгновение ока генерала втащили в машину. Мотор взревел, и...

— Что здесь происходит?

Кузнецов резко обернулся. К машине на крик спешили трое немецких офицеров. Руки у всех — на кобурах пистолетов.

Это был решающий момент операции. На карте стояло все: и успех дела и жизнь разведчиков.

Спокойно, с самым независимым видом «Пауль Зиберт» подошел к гитлеровцам. Козырнул.

— Я офицер службы безопасности. Мы выследили и арестовали советского террориста, одетого в нашу военную форму. Прошу удостовериться в моих полномочиях.

В руке отважного разведчика уже тускло блестела овальная металлическая пластинка — жетон сотрудника гестапо.

Этого было достаточно. Не было во всей германской армии ни одного офицера любого ранга, который решился бы задавать лишние вопросы обладателю подобного знака.

Роль нужно было доиграть до конца. В распоряжении Кузнецова были еще две-три минуты.

— Прошу предъявить ваши документы.

Офицеры послушно протянули свои удостоверения. «Гауптман Зиберт» внимательно просмотрел их и вернул владельцам, кроме одного, привлекшего его особое внимание.

— А вас, господин Гранау,— обратился он к коренастому военному в коричневом кожаном пальто,— прошу следовать за мной в гестапо в качестве свидетеля. Вы можете быть свободны, господа.

Пожав плечами, человек в кожаном пальто спокойно уселся в машину. Он, Пауль Гранау, личный

шофер Эриха Коха, чувствовал себя совершенно спокойно.

Это была удача, хотя и совершенно случайная, но заработанная выдержкой и находчивостью: кроме Ильгена, прихватить еще и коховского шофера!

Офицеры поспешили удалиться подальше от греха. Кузнецов вернулся к «адлеру» и сел рядом с Николаем Струтинским. Машина была уже набита до предела — семь человек! — а еще предстояло както усадить Каминского.

Выход нашел Струтинский:

— В багажник, живо!

Едва Каминский кое-как втиснулся в тесную железную коробку, «адлер» рванул в темноту. На огромной скорости, петляя по пустым улицам, автомобиль промчал за городскую черту и через час достиг, наконец, надежного убежища на хуторе Валентина Тайхмана, вблизи сел Новый Двор и Чешское Квасилово.

...Тайхман был бедным польским крестьянином, которого судьба наделила огромной семьей — девятью детьми. Старшему было лет семнадцать. До 1939 года семья жила в невыразимой нищете и встала на ноги лишь при Советской власти. Естественно, что и Тайхман, и жена его, и дети ненавидели оккупантов.

Тайхман был замечательным садоводом и устроил вокруг своего дома небольшой питомник фруктовых деревьев.

Со стороны дороги дом летом был почти неразличим — тонул за листвой молодых вишен и яблонь.

По многим причинам хутор оказался очень удобной явочной квартирой. В частности, именно здесь регулярно меняли облик автомобили, которыми пользовался Николай Кузнецов.

В это укромное место и были доставлены Ильген и Гранау. Кузнецов рассудил правильно, что в этот день не стоит и пытаться доставить генерала в отряд, поскольку похищение не осталось незамеченным. Действительно, новый караул, не застав на месте Луковского и обнаружив у палисадника утерянную

Ильгеном в борьбе фуражку, забил тревогу. Немедленно были подняты на ноги и гестапо, и СД, и жандармерия.

Все дороги были перекрыты. Начались поиски, которые продолжались много недель. В частности, советская войсковая разведка перехватила по радио сообщение, приведенное в начале моего рассказа.

На хуторе Валентина Тайхмана Николай Кузнецов допрашивал всю ночь генерала Ильгена и шофера Коха и получил от них важные сведения. Так как вывезти их в отряд оказалось невозможным, здесь же, на хуторе, оба фашиста нашли свою могилу...

Пока Николай Кузнецов допрашивал Ильгена, в Ровно состоялся второй акт подготовленного чекистами для оккупантов «спектакля». Местом действия был избран ровненский вокзал. Главную роль штаб поручил разведчику Михаилу Шевчуку и подпольщикам Борисову, Серову и Буднику, для чего и снабдил их мощной миной с часовым механизмом, спрятанной в обычном чемодане.

Ровно было охвачено паникой. После освобождения Красной Армией Киева многочисленные немецкие офицеры и чиновники уже не помышляли ни о чем, кроме бегства. Спасая свою шкуру, тысячи гитлеровцев устремились к поездам. За билеты платили бешеные деньги, места в грузовиках брались чуть ли не с бою. Город наводнили толпы дезертиров.

Чтобы как-то удержать эту лавину и навести порядок, вокзал окружили плотной цепью вооруженных жандармов. Прорваться сквозь эту стену Шевчуку не удалось.

— Что ж,— поразмыслив, сказал он товарищам,— придется искать попутчика.

Попутчик нашелся в нескольких кварталах от вокзала в лице немолодого гитлеровского подполковника, еле волочащего два увесистых чемодана.

Нагнав фашиста, Шевчук остановил свою пролетку (специально выделенную ему для дела) и участливо предложил:

— Если господину нужно на вокзал, могу подвезти.

Обрадованный немец не знал, как и благодарить своего спасителя. Дальше было разыграно без заминки. Шевчук лихо подкатил к главному входу вокзала. Серов и Будник подхватили чемоданы подполковника и вместе с ним преспокойно направились к двери. Жандарм пытался было их остановить, но подполковник поспешил оборвать его:

— Эти люди со мной!

Так разведчики проникли в зал ожидания первого класса, куда допускались только старшие офицеры. С большим трудом они услужливо разыскали для «своего» немца свободное местечко на лавке, заботливо поставили рядом чемоданы, но не два, а три... После чего покинули зал, напутствуемые словами самой горячей признательности со стороны пока еще живого подполковника...

Мина сработала в два часа тридцать минут ночи. Последствия ужасающего взрыва превзошли все ожидания его устроителей. Потолок зала первого класса целиком обрушился, похоронив под обломками десятки офицеров. Поднялась неописуемая паника. Крики, стоны раненых, пистолетные выстрелы слились в невыразимую какофонию.

Услышав взрыв и стрельбу, солдаты из воинского эшелона, подходившего к Ровно, решили, что вокзал захвачен советскими парашютистами, высыпали из вагонов и открыли ружейный и пулеметный огонь по пылающему зданию. Эта же мысль пришла в голову и охране вокзала, но она приняла за десантников солдат, наступавших цепью со стороны путей. Завязалась ожесточенная перестрелка, стоившая жизни еще нескольким десяткам гитлеровцев.

Бой затих лишь на рассвете, когда обе стороны поняли, что воюют со своими.

Но неприятности, которые предстояло перенести Коху за эти два дня, взрывом вокзала не окончились. Впереди был еще один акт — снова с участием Николая Кузнецова.

...Утром 16 ноября в соответствии с планом совет-

ских чекистов Николай Иванович должен был ликвидировать главного немецкого судью Украины оберфюрера СС Альфреда Функа.

Функ, как и сам Кох, был одним из любимцев Гитлера, осыпавшего его пышными чинами и званиями. В одно и то же время оберфюрер СС Функ являлся президентом немецкого верховного суда на Украине, сенатс-президентом верховного суда в Кёнигсберге, чрезвычайным комиссаром по Мемельской области, главным судьей СА группы «Остланд», председателем «национал-социалистического союза старшин» и прочее, и прочее.

Звания разные, но должность у него была, в сущности, одна: уничтожать советских людей. По приказам-«приговорам» Функа ежедневно расстреливали и вешали по всей Украине сотни патриотов.

Верховный суд занимал унылое трехэтажное здание, выходящее одной стороной на Немецкую улицу, другой (с угла) — на Парадную площадь. Третья сторона здания выходила на тихую и малолюдную Школьную улицу.

Быть может, убить Функа было легче где-нибудь в другом месте и в другое время, но командование решило это сделать именно в здании суда и сразу же за похищением Ильгена и взрывом вокзала.

Мы знали, что Функ, человек аккуратный и педантичный, каждый день брился в парикмахерской на Немецкой улице, почти напротив суда. Без нескольких минут девять он пересекал улицу и входил в здание.

Брил Функа один и тот же мастер — Ян Анчак, бывший польский офицер, тесно связанный с нашими разведчиками. В Ровно у него была семья — жена и две маленькие дочки-близнецы. Худой, с глубоко посаженными черными глазами, услужливый и подобострастный с клиентами-немцами, Анчак выглядел человеком, никогда не державшим в руках никакого иного оружия, кроме бритвы. У гитлеровцев он не вызывал ни малейшего подозрения. Этому способствовала и его известность как мастера «самого» Функа.

...В восемь часов двадцать минут утра 16 ноября на Школьной улице, не доехав до суда метров пятьдесят, остановился серый «адлер» (с новым номером), из него вышли два офицера в форме РКУ (из-за расшитых фуражек их прозвали «золотыми фазанами») — Кузнецов и Каминский.

Солдат-шофер — Николай Струтинский — остался в машине и, казалось, задремал за рулем. Офицеры перешли площадь и разошлись в разные стороны. Кузнецов стал медленно прогуливаться по тротуару, Каминский занял позицию, откуда было удобно наблюдать за окном парикмахерской Анчака.

Потянулись минуты напряженного ожидания. Несмотря на ранний час, на улице было многолюдно. Кузнецов и Каминский то и дело отвечали на приветствия офицеров, сами приветствовали. Впрочем, после ночной тревоги мало кто обращал внимание на подобные мелочи.

В восемь тридцать к главному входу суда подъехал грузовик с двумя десятками эсэсовцев.

Струтинский нащупал под сиденьем автомат и насторожился, полагая, что это неожиданное осложнение сорвет операцию. Но Кузнецов и Каминский продолжали как ни в чем не бывало спокойно прохаживаться на своих постах.

В восемь сорок пять на мгновение откинулась занавеска в окне парикмахерской — Анчак подал знак, что через несколько минут он закончит бритье. И сразу же Каминский сдвинул фуражку на затылок — это уже был сигнал Кузнецову.

В восемь пятьдесят занавеска откинулась совсем. Каминский приподнял фуражку, Кузнецов взглянул на часы и направился неторопливо к дверям суда. Струтинский завел мотор...

Из дверей парикмахерской вышел Функ и пошел навстречу возмездию. Николай Иванович отлично изучил расположение всех коридоров и комнат в здании суда. Знал все ходы и выходы, в том числе и малоприметный на Школьную улицу. Сейчас ему требовалось единственное — войти в дверь одному, не столкнувшись ни с кем из сотрудников. Иначе

чем объяснить, что, оказавшись внутри здания, он не пойдет ни на лестницу, ни в боковые коридоры, а быстро станет прямо за дверью? И это было учтено: Кузнецов превосходно понимал, что сотрудники суда займут свои рабочие места раньше (хотя бы за несколько минут), чем прошествует в свой кабинет на втором этаже главный судья.

Кузнецов стоял, вплотную прижавшись к стене, затаив дыхание, не шелохнувшись. Справа послышались шаги — кто-то шел по коридору к двери. Шаги приблизились и удалились, уже на лестнице.

Николай Иванович не успел даже перевести дыхания, как хлопнула входная дверь... Все остальное произошло за какую-нибудь долю секунды — Николай Кузнецов вскинул «вальтер» и почти в упор трижды выстрелил в Функа. Потом быстро, но без суеты он сбросил плащ и фуражку офицера РКУ, надел спрятанную под плащом обычную общевойсковую фуражку, спокойно прошел по правому коридору и вышел на Школьную улицу.

Эсэсовцы у главного подъезда видели, как из здания суда вышел пехотный офицер и уехал на сером «адлере», но не обратили на него никакого внимания. Выстрела они не слышали.

О том, что произошло дальше, рассказал Ян Каминский, некоторое время еще остававшийся на своем посту возле парикмахерской.

Труп Функа обнаружили только через две-три минуты. На втором этаже здания суда настежь распахнулось окно, и площадь огласил чей-то истерический крик:

— Президент убит! Президент убит!

Поднялась тревога. Эсэсовцы у подъезда, видимо, связали уехавшего на автомобиле офицера с убийством и устремились в погоню. В двух-трех кварталах от площади они действительно настигли серый «адлер», в котором сидел какой-то офицер. Его выволокли из машины, избили до полусмерти и отправили в гестапо.

Это удачное совпадение дало Николаю Кузнецову те самые драгоценные минуты, которые позволи-

ли ему и Струтинскому бесследно раствориться... Благополучно ушел с площади и Ян Каминский.

После похищения Ильгена, взрыва на вокзале и невероятного по дерзости убийства Функа гитлеровцы в Ровно совсем потеряли головы. Паника достигла предела. Среди перепуганных немцев ходили самые невероятные слухи о «большевистских террористах», якобы наводнивших город и беспощадно уничтожающих высокопоставленных лиц. По всему городу начались повальные облавы, документы проверяли не только у местных жителей, но и у солдат и офицеров. Подозрительных лиц арестовывали сотнями. Для населения ввели новые паспорта. «Террористы» мерещились повсюду; жителям запрещали выходить из домов позже шести часов вечера, ходить группами больше двух человек, носить чемоданы, свертки, сумки и даже держать руки в карманах.

Целыми днями по улицам разъезжали автомобили с громкоговорящими установками: жителей убеждали помогать властям в поимке «террористов».

Немецкая газета опубликовала некролог за подписью самого Эриха Коха под заголовком: «Судебный президент страны убит». Дальше следовали угрозы...

Несмотря на все старания, никто из наших разведчиков не был задержан. Правда, военная контрразведка задержала Лидию Лисовскую и Майю Микоту и подвергла их допросу. Но у обеих девушек было великолепное алиби. Лисовская сразу же после похищения генерала Ильгена пошла на свидание к знакомому гестаповцу, который и подтвердил потом, что провел с ней чуть ли не весь день и вечер.

Майя же отправилась к своему «шефу» — крупному гестаповцу, фашистскому разведчику фон Ортелю и проделала у него несложную, но надежную операцию с настенными часами. В результате фон Ортель готов был поклясться, что, начиная с четырех часов дня и до позднего вечера, Майя была в его секретной резиденции.

После вмешательства шефа СД Лидия и Майя были освобождены.

Так двадцать лет тому назад в «столице» оккупированной гитлеровцами Украины был осуществлен дерзкий план советских разведчиков.

операция «дальний прыжок»

Николай Кузнецов вышел из дома № 15 по улице Легионов часов в десять вечера. Его удерживали, уговаривали остаться еще на часок-другой, но он все-таки ушел, сославшись на усталость и головную боль. На самом деле причина была другая. Просто хотелось побыть одному, собраться с мыслями, проанализировать наблюдения последних дней.

Было уже темно. Редкие фонари едва пробивали шуршащую пелену не по-осеннему теплого моросящего дождя. Кузнецов шел мерным, четким шагом, ставшим таким привычным за этот год жизни в чужой шкуре. Низко надвинув на брови козырек высокой фуражки, подняв воротник светло-серого форменного плаща, он шагал, не сворачивая перед лужами, как, должно быть, шагал бы на параде в Берлине.

Каждые пять-десять минут навстречу попадались парные патрули: нахохленные солдаты в стальных шлемах, с автоматами наготове. «Боятся...» — со злым удовлетворением подумал Николай Иванович.

Действительно, после событий минувшего лета, особенно взрыва Прозоровского моста, оккупанты резко усилили охрану всех военных и гражданских объектов в Ровно, удвоили численность патрулей в городе, ввели новые строгости.

Впрочем, Кузнецова это не слишком беспокоило. Документы обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта всегда были в полном порядке. В бумажнике своевременно появлялись новые командировочные

предписания, аккуратно проставлялись где положено нужные подписи и печати.

Любой патруль, который проверял его документы, узнавал из них, что имеет дело с заслуженным фронтовиком, кавалером двух «железных крестов», сейчас, после тяжелого ранения на Восточном фронте, являющимся уполномоченным хозяйственного командования — «Виршафтскоммандо» (сокращенно «Викдо») — по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта. Это обстоятельство вполне оправдывало его частые приезды в Ровно.

Так шагай же смело, страж нового порядка в Европе обер-лейтенант Зиберт, по притихшим улицам зеленого украинского города Ровно! Подобострастно тянутся перед тобой тошнотворно угодливые полицаи, почтительно приветствуют тебя патрульные автоматчики и рослые жандармы с металлическими бляхами на груди, под воротом. Но держись подальше от окраинных уличек и глухих переулков, здесь высокая офицерская фуражка, «железный крест» на груди уже не защита. Могут обернуться мишенью для меткой партизанской пули.

Николая Ивановича даже передернуло от этой мысли, впервые пришедшей ему в голову. Он никогда не боялся смерти: ни в бою, ни в застенках гестапо. Но погибнуть от руки своего... Почему-то он раньше никогда не задумывался над тем, что ведь может случиться и такое... Потом представил, как приедет в этот город после войны, пройдется по знакомым улицам с Валей Довгер, Лидией Лисовской, Майей Микотой. Да первый же мальчишка потащит их в милицию! Он представил, как будет яростно доказывать какому-нибудь усатому старшине, что они не «гады», известные всему городу, а советские разведчики, и невольно улыбнулся.

Сестрам, конечно, нелегко. Действительно, все Ровно знает, что их квартира на улице Легионов, 15, откуда он только что вышел, место постоянных гулянок оккупантов, а сами хозяйки работают в фашистских казино. Эх, девушки, девушки! Как же вам при-

ходится! В конце концов он-то рискует только своей жизнью, а они гораздо большим — честным именем. Каково-то им жить в родном городе на виду у всех с репутацией «немецких овчарок».

«А ведь они очень красивы»,— неожиданно, словно удивившись этому, подумал Кузнецов. Они действительно были хороши. Лидия — высокая, гибкая, стройная. Лицо словно выточенное, с большими серо-голубыми переливчатыми глазами в обрамлении пышных волос цвета спелой ржи. А Майя совсем другая, даже не скажешь, что двоюродная сестра: худощавая, живая. И глаза редкие — зеленые...

Николай Иванович с ужасом представил, что будет с его помощницами, если в гестапо станет известно, что Лисовская и Микота на самом деле не их агенты, в чью обязанность входит приглядывать за гарнизонными и приезжими офицерами вермахта, а разведчицы специального советского чекистского отряда, в который входит и он, Николай Кузнецов.

А Валя Довгер? Эта худенькая сероглазая девушка так умело разыгрывает роль «невесты» обер-лейтенанта Зиберта, что ввела в заблуждение самого Эриха Коха, рейхскомиссара Украины и гаулейтера Восточной Пруссии. По его личной рекомендации она проникла на работу в рейхскомиссариат!

И снова вернулся к предмету своих постоянных размышлений в последнее время. Пауль фон Ортель... Что делает в Ровно этот внешне невозмутимый, явно с незаурядным умом эсэсовский офицер? То, что он был разведчиком, и не из мелких, Кузнецов не сомневался. И опирался в этом выводе отнюдь не на одну интуицию, но и на вполне реальные факты. Прежде всего фон Ортель в свои двадцать восемь лет был явно молод для звания штурмбаннфюрера СС. Он мог получить его только за какие-то особые заслуги. В то же время Ортель, это чувствовалось, обладал немалым опытом.

Штурмбаннфюрер был довольно высок, крепко сбит и подтянут. Негустые темные волосы его разделял безукоризненный косой пробор. Светлые глаза смотрели умно и настороженно.

Никто не знал, где он служит, и вообще, связан ли хоть с каким-нибудь учреждением в городе. Держался он абсолютно независимо. Несколько раз Зиберт имел повод убедиться, что Ортель, не занимая вроде бы никакого официального поста, пользуется в гестапо и СД огромным влиянием. В деньгах, в отличие от других приятелей Зиберта, не нуждался.

За бесконечно долгие месяцы работы во вражеском тылу Николай Иванович научился довольно легко и быстро разбираться в характерах своих многочисленных «друзей»-офицеров и нащупывать слабые стороны каждого. С фон Ортелем держаться нужно было предельно осторожно. Кузнецов понимал, что ничего пока не подозревающий штурмбаннфюрер не оставит без внимания ни одного неверного слова или жеста. Поэтому мы с Николаем Ивановичем решили в отряде, что он не будет никогда даже пытаться заводить какую-нибудь игру с фон Ортелем, предоставив событиям развиваться своим чередом. Это была единственно правильная линия поведения, в чем в конце концов мы и убедились.

В первые недели работы в Ровно немецкие офицеры казались Николаю Ивановичу на одно лицо — просто гитлеровцами, оккупантами, которых надо бы уничтожать, но с которыми он, Кузнецов, вынужден ходить по одним улицам, веселиться в одних ресторанах, говорить на одном языке, здороваться за руку. Ненависть к злейшим врагам Родины со временем не уменьшилась, а, наоборот, возросла. Но со временем возросли выдержка и хладнокровие разведчика, неизмеримо вырос и опыт. Какими ни похожими были новые «друзья» нашего разведчика, все же они были разными, с разными судьбами, характерами и вкусами. От его способности разобраться в них зависел и успех дела.

Кузнецов знал теперь, как следует разговаривать со старым кадровым майором, участвовавшим еще в первой мировой войне, и как — с новоиспеченным лейтенантом войск СС. Знал он теперь, что, скажем, летчики и танкисты свысока относятся к пехотинцам,

что фронтовики недолюбливают офицеров тыловых учреждений, что даже среди гестаповцев можно различать убежденных фанатиков фашизма и хладнокровных убийц, не имеющих никаких убеждений вообще.

Фон Ортель был, безусловно, самым любопытным человеком из всех, с кем дружил обер-лейтенант Зиберт в Ровно. Он выгодно отличался от многих офицеров вермахта своим кругозором, независимостью, эрудицией, остроумием. Прекрасно знал литературу и разбирался в музыке.

Однажды в присутствии Зиберта фон Ортель подозвал в ресторане какого-то человека, судя по одежде и внешности местного, и заговорил с ним на чистейшем... русском языке. Разговор, довольно пустячный, длился минут десять. Ничем не выдав, что он понимает хоть слово, Кузнецов внимательно слушал. Николай Иванович вынужден был признать про себя, что, заговори с ним фон Ортель, скажем, где-нибудь на улице Мамина-Сибиряка в Свердловске, он бы никогда не подумал, что это иностранец. Штурмбаннфюрер владел русским языком не хуже, чем сам Кузнецов немецким.

— Откуда вы так хорошо знаете русский? — Задавая этот вопрос, первый за всю историю их знакомства, Кузнецов ничем не рисковал.

— Давно им занимаюсь, дорогой Зиберт. А вы что-нибудь поняли?

— Два-три слова. Я знаю лишь несколько десятков самых нужных готовых фраз — по-военному разговорнику.

Фон Ортель понимающе кивнул.

— Могу похвастаться, что говорю по-русски совершенно свободно. Имел случай не раз убедиться, что ни один Иван не отличит меня от своего компатриота. Разумеется, если на мне будет не эта форма...

Фон Ортель весело захохотал, а Кузнецов с ненавистью в душе покосился на серебряный погон эсэсовского мундира.

Посерьезнев, фон Ортель продолжал:

— Вы производите впечатление человека, который умеет хранить секреты. Так уж и быть, признаюсь вам, что я имел случай перед войной два года прожить в Москве.

— Чем же вы там занимались?

— О! Отнюдь не помогал большевикам строить социализм.

— Понимаю...— протянул Кузнецов.— Значит, вы разведчик?

— Не старайтесь выглядеть вежливым, мой друг. Ведь про себя вы употребили другое слово: шпион. Не так ли?

Кузнецов в знак капитуляции шутливо поднял руки.

— От вас ничего невозможно утаить. Действительно, я именно так и подумал. Простите, но у нас, армейцев, эта профессия не в почете.

— И зря,— ничуть не обидевшись, сказал эсэсовец.— При всем уважении к вашим крестам могу держать пари, что причинил большевикам больший урон, чем ваша рота.

Постепенно Кузнецов убедился, что фон Ортель, несмотря на свою кажущуюся привлекательность, человек страшный. Враг хитрый, коварный, беспощадный. По-видимому, эсэсовец по-своему привязался к боевому фронтовику, проникся к нему доверием, а потому и перестал стесняться совершенно.

Поначалу Кузнецова изумляло, с какой резкостью, убийственным сарказмом отзывался фон Ортель о руководителях германского фашизма. Геббельса и Розенберга он без всякого почтения называл пустозвонами, Коха — трусом и вором, Геринга — зарвавшимся лавочником. Подслушай кто-нибудь их разговор — обоих ждала петля. А фон Ортель только хохотал.

— Что вы примолкли, мой друг? Думаете, провоцирую? Боитесь? Меня можете не бояться. Бойтесь энтузиастов без мундиров, я их сам боюсь...

Перед Кузнецовым день за днем раскрывалась отвратительная сущность человека, страшного даже

не своей человеконенавистнической идеей, а полной безыдейностью. Фон Ортель был абсолютным циником. Для него не существовало никаких убеждений. Он не верил ни во что: ни в церковные догмы, ни в нацистскую идеологию.

— Это все для стада,— сказал он как-то, бросив небрежно на стол очередной номер «Фелькишер беобахтер».— Для толпы, способной на действия только тогда, когда ее толкает к этим действиям какой-нибудь доктор Геббельс.

— Но почему же вы так же добросовестно служите фюреру и Германии, как и я, хотя и на другом поприще? — спросил Зиберт.

— А вот это уже деловой вопрос,— серьезно сказал фон Ортель.— Потому что только с фюрером я могу добиться того, что я хочу. Потому что меня удовлетворяет и его идеология, хотя я в нее не верю, и его методы, в которые я верю. Потому что мне это выгодно.

Безусловно, на отношениях фон Ортеля и Зиберта сказывалось и то немаловажное обстоятельство, что обер-лейтенант, всегда обладавший крупными суммами денег, ни в чем, по существу, не зависел от штурмбаннфюрера СС, не обращался к нему никогда ни с какими просьбами — даже самыми пустячными.

И если фон Ортель был действительно заинтересован в привлечении Пауля Зиберта к каким-то своим делам, то он, фон Ортель, должен был первым чем-то проявить свое расположение.

И штурмбаннфюрер сделал это.

...Никто из сотрудников рейхскомиссариата не знал с достаточной достоверностью, что входит в круг служебных обязанностей майора Мартина Геттеля. Никто не мог похвастаться, что был у него не то что дома, но даже в служебном кабинете. Геттель не впускал в него даже уборщицу и самолично возился с веником и совком.

Большую часть рабочего дня кабинет долговязого «рыжего майора» (так его называли за глаза) был закрыт на ключ, а его хозяин бродил, вроде бы бесцельно, по служебным помещениям, болтая с колле-

гами. Но и офицеры в более высоких чинах избегали, кроме как в случаях совсем уж крайней необходимости, обсуждать что-либо с Геттелем.

Однажды майор напросился проводить до дому Валю Довгер — мнимую «невесту» Зиберта и нашу разведчицу на самом деле. Общество Геттеля было малоприятно девушке, но она резонно полагала, что не стоит выказывать свою неприязнь почти незнакомому офицеру, который, как было нетрудно догадаться, мог причинить серьезные неприятности и более крупным фигурам, чем скромная делопроизводительница рейхскомиссариата из «фольксдойче».

Поначалу Геттель был достаточно тривиален. Преподнес несколько дежурных армейских комплиментов, потом с грустью в голосе признался в одиночестве. Валя уже знала, что после подобных вступлений, как правило, следует предложение провести вечер в ресторане, и приготовилась уже было ответить, что ходит куда-либо очень редко и только в сопровождении жениха, как... как поняла, что ее спутника интересует вовсе не она сама, а именно ее жених.

— Все-таки многое несправедливо в нашем мире,— жаловался Геттель,— стоило только обер-лейтенанту Зиберту приехать в Ровно, как он сразу встретил такую прелестную девушку. А я сижу здесь уже бог знает сколько и не завел ни одного интересного знакомства...

Майор печально вздохнул и спросил:

— Ну скажите, пожалуйста, как это ему так удалось?

Внутренне насторожившись, Валя защебетала. С самым беспечным видом она пересказала давно и основательно разработанную историю своего знакомства с женихом.

Не будь у Геттеля молчаливо признанной всеми репутации соглядатая, его расспросы вполне могли бы сойти за чрезмерное любопытство, и только. Но что скрывается за этими вопросами? Обычная подозрительность профессиональной ищейки или обоснованное серьезное подозрение? Немаловажное значение имело и то, кому докладывает Геттель. Одно

дело, если он просто осведомляет обо всем неладном кого-либо из высших чиновников РКУ, другое дело — абвер, и уж совсем другое — если гестапо или СД.

В любом случае Валя понимала: нужно немедленно предупредить Кузнецова.

Между тем, как ни растягивал Геттель дорогу, они подошли к дому Вали. Прощаясь, «рыжий майор» выразил надежду, что фройлейн Валентина устроит ему при случае встречу с обер-лейтенантом.

Валя обещала.

В тот же вечер девушка подробно, не пропуская ни малейшей детали, передала Николаю Ивановичу содержание тревожного разговора.

Командованию отряда было над чем задуматься. С одной стороны, ничто, кроме расспросов Геттеля, не давало основания полагать, что Зиберт выслежен и разоблачен. Иначе не гулять бы ему уже по улицам Ровно, а сидеть на Почтовой, 26, где размещалось гестапо.

С другой стороны, могло быть и так, что гитлеровцы «зацепили» его, но не имеют пока серьезных доказательств, что перед ними советский разведчик, и выжидают. Против этого соображения говорило то, что вряд ли в таком случае гестапо стало бы действовать столь прямолинейно.

Наконец, имела право на существование и третья — самая правдоподобная — версия, что Мартин Геттель вел непонятную пока игру самостоятельно, до поры до времени никого в нее не посвящая. Тщательно взвесив все «за» и «против», мы склонились в пользу третьей версии и рекомендовали Кузнецову пойти на встречу с Геттелем, не теряя, разумеется, благоразумия.

И вот тут-то фон Ортель и сделал шаг, который в условиях фашистской Германии, где соглядатайство было нормой поведения, должен был быть расценен как высшее проявление дружбы и доверия.

— Не нравится мне этот майор Геттель из рейхскомиссариата,— сказал как-то Зиберт фон Ортелю.— Уж слишком он часто провожает Валю. Я, конечно,

не ревную, но моей невесте его ухаживания неприятны.

Фон Ортель внимательно посмотрел на Зиберта и после минутного раздумья сказал:

— Я вполне разделяю неприязнь фройлейн Валентины к этому ее поклоннику. Я ваш друг, Пауль, поэтому желаю вашей невесте держаться подальше от Геттеля. Я встречал этого парня в «доме Гиммлера» на Принц-Альбрехт-штрассе. Прикажете разъяснить, что это значит?

Разъяснений не требовалось. Вся Германия содрогалась при простом упоминании этого адреса. На Принц-Альбрехт-штрассе, 8, в Берлине размещалось главное управление гестапо и СД. Значит, Геттель действительно гестаповец!

Николай Иванович теперь не сомневался, что раз Геттель завел разговор о нем с Валей Довгер, он непременно попытается прощупать и других его знакомых. Этот прогноз подтвердился уже на следующий день: «рыжий майор» вызвал к себе Лидию Лисовскую.

— Должен вас предупредить,— начал он,— что содержание нашего разговора строго конфиденциально и не имеет никакого отношения к факту нашего личного знакомства. Вы поняли меня?

Лидия поняла.

Удовлетворенно кивнув, Геттель продолжал:

— Что известно вам или вашей сестре об обер-лейтенанте Зиберте?

Пожав плечами, Лидия рассказала все, что считала нужным. Следующий вопрос Геттеля был довольно неожиданным:

— Не говорил ли Зиберт вам что-нибудь об Англии?

Лидия недоуменно переспросила:

— Об Англии? Никогда! Почему он должен говорить со мной об Англии? У нас достаточно других интересных тем для бесед.

Геттель был упрям.

— В таком случае, может быть, он употреблял иногда в разговоре английские слова?

Лидия рассмеялась.

— Но я не знаю английского языка... Насколько мне известно, Пауль говорит только по-немецки... Правда, он знает несколько десятков польских и украинских слов. Но их знают все немецкие офицеры, кто здесь служит.

Геттель задумался. Наконец он пришел к какому-то решению.

— Я попрошу вас сделать следующее, фройлейн. Попробуйте как-нибудь в разговоре с Зибертом вроде бы случайно употребить словечко «сэр». Приглядитесь, как обер-лейтенант прореагирует на такое обращение, и доложите мне.

Дав понять, что разговор окончен, Геттель встал со стула и рявкнул:

— Хайль Гитлер!

Теперь уже все прояснилось. Сам того не ведая, майор Мартин Геттель раскрыл перед нами свои карты. По-видимому, он почему-либо всерьез предположил, что обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт является... английским разведчиком, агентом пресловутой Интеллидженс сервис.

Мы поняли, конечно, почему Геттель, подозревая Зиберта в шпионаже, не пытался его задержать, а стремился к личному знакомству. По-видимому, майор, будучи по роду службы человеком, достаточно хорошо информированным о положении на фронтах, понимал уже, что гитлеровская Германия войну проиграла, что близкий крах неизбежен, а вместе с ним неизбежна и расплата за преступления, совершенные фашистами и лично им на советской земле. И этот продажный шпион решил заранее войти в контакт с английской разведкой, чтобы, переметнувшись вовремя на ее сторону, уйти от возмездия.

Он логично рассчитывал, что «английский шпион» Зиберт оценит его молчание по достоинству и замолвит за него, майора Геттеля, несколько добрых словечек перед своим начальством в Лондоне. А там не все ли равно, кому служить, Германии или Англии, лишь бы спасти свою шкуру. Не он, Геттель, первый, не он последний... А коли так, следовательно, Геттель

не мог ни с кем из своего начальства поделиться подозрениями о личности обер-лейтенанта Зиберта.

Было решено: Николай Иванович Кузнецов пойдет на встречу с майором Геттелем, чтобы использовать сложившуюся ситуацию в интересах советской разведки.

Встреча, к которой так стремился гестаповец, состоялась 29 октября 1943 года на квартире Лидии Лисовской. Геттель держался чрезвычайно дружелюбно, всячески старался показать свое расположение к новому знакомому, расточал комплименты в адрес невесты обер-лейтенанта.

— Фройлейн Валентина всеобщая любимица в рейхскомиссариате,— с умилением говорил он.— Предлагаю тост за ваше счастье, Зиберт!

Когда выпили еще по нескольку рюмок, Кузнецов встал и, словно эта мысль только что пришла ему в голову, предложил:

— А не встряхнуться ли нам сегодня как следует по поводу знакомства, господин майор? — И, смеясь, добавил: — Если вы гарантируете, что моя невеста ничего не узнает, то мы можем превосходно провести время в обществе двух очаровательных дам...

Геттель все понял сразу. Зиберт, конечно, не станет приглашать случайного знакомого на холостяцкий кутеж с дамами — видимо, речь пойдет на интересующую обоих тему. Он, разумеется, согласился.

Офицеры распрощались с Лисовской и вышли из дома. При виде хозяина невысокий, коренастый шофер-солдат услужливо распахнул дверцу автомобиля.

— Николаус! — Зиберт неопределенно помахал ладонью.— Едем, маршрут обычный.

Струтинский нажал на стартер, и машина мягко тронулась с места.

Кузнецов вез Геттеля на квартиру надежного человека — нашего подпольщика Леонида Стукало. Но от этого варианта пришлось отказаться. На улице поблизости от дома Стукало что-то случилось, собралась толпа, прибыла уголовная полиция.

«Этого не хватало! — с досадой подумал Кузне-

цов.— Придется перестраиваться». И Николай Иванович приказал Струтинскому ехать по другому адресу: улица Легионов, 53.

— Мы возвращаемся? — с удивлением спросил Геттель.

— Нет, просто я хотел заехать за одной дамой, она здесь живет, но в последний момент вспомнил, что она уже должна быть у подруги,— сказал Кузнецов первое, что пришло в голову.

...Роберт Глаас был ничем не примечательным сотрудником «Пакетаукциона» — весьма характерного оккупационного учреждения, специально занимающегося отправкой в Германию посылок с продовольствием и вещами, награбленными гитлеровцами у населения. Глаас считался ревностным служакой, исполнительным, услужливым, хотя и не хватающим звезд с неба. У начальства был на хорошем счету.

Начальника «Пакетаукциона» генерала Германа Кнута — второго заместителя рейхскомиссара Украины Эриха Коха — должно быть, хватил бы апоплексический удар, если бы он узнал, что этот скромнейший из его офицеров на самом деле голландский коммунист-подпольщик, связанный с нами и оказавший нам уже ряд услуг.

На его-то квартиру и решил ехать Кузнецов после того, как отпал дом Леонида Стукало.

Глаас встретил неожиданных гостей приветливо. Быстро накрыл на стол. Кузнецов снял портупею с кобурой, велел Струтинскому повесить ее на гвоздь за шкафом, предложил разоблачиться и Геттелю. Нехотя майор тоже освободился от оружия.

— Мои приятельницы, видимо, немного задерживаются,— улыбаясь, сказал Зиберт.— Давайте выпьем пока, господин майор, чтобы не терять времени зря.

Геттель не возражал, и Николай Иванович налил в рюмки яичный ликер. Постепенно развязался многозначительный разговор с взаимными намеками, тонкими иносказаниями.

Неизвестно, чем бы кончилась эта дипломатическая игра Кузнецова с Мартином Геттелем, если бы

Николай Струтинский не совершил ошибки. Совсем небольшой. Пустячного промаха. Но в разведке крупные и не нужны. Обычно вполне достаточно бывает и пустячных. Николай Струтинский, когда Кузнецов на минуту вышел в кухню вымыть руки, без разрешения подсел к столу...

Майор Геттель осекся на полуслове. Немецкий солдат, к тому же поляк по национальности, никак не мог бы позволить себе сесть за офицерский стол, даже если бы его позвали. Но подобной фамильярности не потерпит и кадровый английский офицер! А только им в представлении Геттеля и был обер-лейтенант Пауль Зиберт!

Значит... Значит, Зиберт не агент Интеллидженс сервис! Но в таком случае кто же он? Неужели советский разведчик?! В глазах Геттеля мелькнул ужас. Он рванулся к своей портупее.

Через полминуты Геттель был скручен и крепко привязан к стулу. Побелевшего от страха майора непрерывно била нервная дрожь. На лбу выступили крупные капли холодного пота.

По воле случая игра отменялась. Теперь Николаю Ивановичу не оставалось ничего другого, как, отбросив маскировку, просто допросить гитлеровского контрразведчика. Пытаясь вымолить себе жизнь, Геттель рассказал все, что знал.

— Кто такой штурмбаннфюрер Ортель? — спросил Кузнецов.

— Этого я сказать не могу...

— Повторяю вопрос: кто такой Ортель? — Кузнецов повысил голос.

— Но я этого действительно не знаю! — истерически вскрикнул Геттель.— Это не известно никому!

— Даже доктору Иоргенсу, начальнику СД? — с иронией спросил Кузнецов.

— Даже ему! Я знаю только одно, что у штурмбаннфюрера Ортеля огромные полномочия от Главного управления имперской безопасности в Берлине. Он имеет право, минуя все инстанции, лично связываться с группенфюрером СС Миллером и группенфюрером СС Шелленбергом.

Кузнецов чуть было не присвистнул: «Ого! Значит, фон Ортель действительно птица крупного полета».

— Каково же его официальное положение в Ровно?

— Не знаю. С нами он почти не имеет никаких дел. У него есть нечто вроде конторы на Немецкой улице, 272, под видом частной зубоврачебной лечебницы. Два или три раза к нему приезжали из Германии какие-то люди. Иногда он увозил к себе по собственному выбору арестованных из гестапо. Никто из них обратно не вернулся. Для чего они были нужны фон Ортелю и что он с ними сделал, мне не известно.

Кузнецов видел, что Геттель не врет. Он понимал, что местные гестаповцы, судя по всему, ничего не знали о секретной деятельности Ортеля в Ровно. Ничего интересного майор больше рассказать не мог. В заключение Николай Иванович задал ему все же еще один вопрос:

— Почему вы решили, что я англичанин?

— Никак не думал и не мог предполагать, что у русских могут быть такие разведчики,— мрачно буркнул Геттель.

На следующий день майор Мартин Геттель не явился в рейхскомиссариат. Не вышел он на работу и послезавтра. Курьер, посланный к нему на дом, нашел пустую квартиру, в которой, судя по тонкому слою пыли на мебели, несколько дней уже никто не жил...

...Помимо квартиры Лидии Лисовской, Зиберт и фон Ортель часто встречались в одном из самых популярных среди оккупантов злачных мест города — офицерском казино на главной — теперь именуемой Немецкой — улице. Фон Ортель был неравнодушен к рулетке и картам. Зиберт же посещал это заведение потому, что здесь всегда толпилось много офицеров всех родов войск, от которых он черпал немало ценных сведений.

— Знаете, Зиберт,— задумчиво сказал как-то при очередной встрече фон Ортель,— вы мне чем-то глу-

боко симпатичны. О, не пытайтесь отшучиваться. Уверяю вас, что в этом подлунном мире отыщется не больше десятка людей, которым я симпатизирую.

Голос эсэсовца звучал проникновенно и искренне.

— Почему? — осведомился Кузнецов.

— А вы можете назвать мне хоть пяток наших общих приятелей, которых вы хотели бы считать своими друзьями?

Кузнецов совершенно искренне ответил:

— Нет.

Фон Ортель удовлетворенно засмеялся.

— Вот видите! Но бог с ними. Поговорим о вас. Скажите откровенно, вы, получивший от русских уже две пули, а от фюрера — два креста, неужели вы еще рветесь на фронт?

— Я солдат, господин штурмбаннфюрер. Если меня вновь пошлют на фронт, буду сражаться без раздумий за фюрера, немецкий народ и великую Германию!

Ортель укоризненно развел руками:

— Великолепно! Но, Пауль, зачем же так официально? Я ведь не ваш командир полка. И потом — почему вы думаете, что борьба с нашими врагами ведется только на фронте?

Зиберт скривил губы в презрительной гримасе.

— Ну, конечно, здесь, в Ровно, полно борцов с девчонками и инвалидами, за которыми мерещатся советские диверсанты и партизаны!

Теперь нахмурился фон Ортель.

— Не говорите так легкомысленно, Зиберт. Партизаны — это очень серьезно, к нашему величайшему сожалению. И я не завидую тем, кому приходится ими заниматься. Но речь не о том. Я не считал бы себя вашим другом, если бы вдруг предложил вам заняться подобным делом.

Ортель умолк, задумавшись. Казалось, он что-то взвешивал в своем уме. Николай Иванович не прерывал молчания собеседника, понимая, что сейчас-то разговор и подойдет к самому главному, к тому, из-за чего, в сущности, вел он эту дружбу, поддерживать которую означало ходить по самому лезвию ножа.

Вдруг фон Ортель словно очнулся, вынул из кар-

мана черного кителя плоский серебряный портсигар с впаянными в верхнюю крышку двумя золотыми «молниями» — эмблемой СС. Кузнецов осторожно взял предложенную сигарету.

Прикуривая, он все время чувствовал внимательный, оценивающий взгляд фашистского разведчика. Закурили.

— Пауль,— размеренно, очень буднично начал фон Ортель,— что вы скажете, если я предложу вам сменить амплуа? К примеру, стать разведчиком?

Николай Иванович чуть не поперхнулся в изумлении голубым дымом египетской сигареты.

— Я?! Вы смеетесь, Ортель. Ну какой из меня разведчик? Я просто пехотный офицер, который может командовать ротой, и, пожалуй, все. Вот уж о чем никогда не думал, да и, признаться, профессия эта, при всем уважении к вам, мне никогда особенно не нравилась.

Ортель дружески хлопнул Зиберта по колену, сказал с оттенком нравоучительности:

— Мой дорогой, пиво тоже с первого раза никому не нравится. Как говорят французы, всем без исключения нравятся одни только луидоры. Ну, а что касается того, годитесь вы или нет для работы в разведке, позвольте уж судить мне. Верьте моему слову — годитесь.

Если бы штурмбаннфюрер знал, какую святую истину изрекал он в эту минуту!

Ортель умел «обрабатывать» собеседников. Он понимал, что сказал для одного раза слишком много скромному фронтовику, который должен еще переварить столь неожиданное и чреватое многими последствиями, хотя и лестное, предложение, и перевел беседу на другую, вполне безобидную тему.

О состоявшемся разговоре Кузнецов немедленно доложил командованию. Судя по всему, Ортель клюнул на Зиберта. Что ж, в сущности, это даже подняло вражеского разведчика в наших глазах. Видимо, он умел разбираться в людях, если остановил свой выбор на обер-лейтенанте Зиберте, предпочтя его сотням офицеров, околачивающихся в Ровно.

Мы предложили Кузнецову продолжать игру, не связывая себя, однако, какими-либо определенными обязательствами.

— Постарайтесь выяснить,— напутствовали мы Николая Ивановича,— в какое конкретное дело хочет втянуть вас этот благодетель. Учтите, однако, что не исключена и возможность провокации, будьте предельно осторожны, не перестарайтесь.

Кузнецов вернулся в Ровно.

Первой, кого он встретил, была Майя Микота. И не случайно. Ортель явно выделял веселую, обаятельную девушку из всех, кто бывал на вечеринках в доме Лидии Лисовской. Он немного ухаживал за ней, но не слишком серьезно, с оттенком какой-то снисходительности, постоянно поддразнивал, но не зло. Одним словом, вел себя так, как иногда взрослые мужчины ведут себя с очень молоденькими девушками. Майя и впрямь была молода — в ту пору ей исполнилось всего восемнадцать. Тем не менее девушка очень умело пользовалась этой своеобразной «слабостью» штурмбаннфюрера и, невинно флиртуя, вытягивала из него немало интересной и ценной информации. Как «агент» гестапо, Майя находилась в непосредственном подчинении у фон Ортеля, и матерый разведчик всерьез обучал ее хитрым приемам шпионского ремесла. Благодаря этому обстоятельству мы получили некоторое представление о методах подготовки немецких шпионов.

Ортель был честолюбив и возлагал — в будущем — на свою ученицу большие надежды. Он дал ей кличку Мата. Самой Майе это ничего не говорило: Мата так Мата, не все ли равно, как числиться в секретной картотеке фон Ортеля? Но мы, узнав об этом в отряде, немало посмеялись. Так звали знаменитую немецкую шпионку времен первой мировой войны — танцовщицу варьете Мату Хари. На ней сделал карьеру сам руководитель гитлеровской военной разведки пресловутый адмирал Вильгельм Канарис. Видно, штурмбаннфюрер фон Ортель и впрямь намеревался далеко шагнуть с помощью нашей Майи!

Николай Иванович встретился с Микотой днем.

Во время продолжительной прогулки девушка успела рассказать ему о всех ровненских новостях и в заключение сказала:

— Кстати, мой шеф собирается куда-то уехать.

— Фон Ортель?

— Да. Он был очень доволен чем-то, говорил, что ему оказана большая честь, что дело очень крупное.

— Куда?

Майя только пожала плечами.

— Не сказал...

— Майя, постарайтесь восстановить в памяти все подробности разговора, все детали. намеки. Это очень важно!

Девушка и сама понимала, что это важно, но только покачала головой.

— Я не спрашивала, а он не говорит. Вот разве что... обещал мне привезти, когда вернется, персидские ковры.

Кузнецов был взволнован. Интуицией разведчика он чувствовал, что между приглашением сотрудничать в разведке и предполагаемым отъездом фон Ортеля неизвестно куда есть какая-то связь. Персидские ковры? Вряд ли это случайно. Они тоже имеют какое-то отношение к операции, в которой Ортель, судя по всему, что уже было о нем известно, должен сыграть не последнюю роль.

Прощаясь, Кузнецов дал девушке наставление:

— Постарайтесь вытянуть из него все возможное. Прикиньтесь расстроенной его отъездом, намекните, что вы к нему неравнодушны и обеспокоены. И запомните каждое его слово, каким бы пустяком оно ни казалось на первый взгляд.

Разведчики попрощались и разошлись в разные стороны.

Очередная встреча Кузнецова с фон Ортелем произошла вечером следующего дня в обычном месте — ресторане при офицерском казино. Фон Ортель успел до прихода Зиберта выиграть двести марок у какого-то подполковника-летчика, был по этому поводу в хорошем настроении и слегка пьян. Он ничем не

напомнил о прошлом разговоре, но неожиданно сказал:

— Такому человеку, как вы, Зиберт, нужны друзья, способные оценить ваши способности и найти им должное применение.

Фон Ортель умел производить эффекты: он высказал намерение познакомить Зиберта при первой возможности («О! Это будет очень скоро!») со штурмбаннфюрером СС Отто Скорцени.

— Скорцени?! Герой Абруццо, освободитель дуче?! — недоверчиво воскликнул Зиберт.

— А почему бы нет? — небрежно ответил вопросом на вопрос фон Ортель, явно наслаждаясь произведенным впечатлением.— Отто — мой старый приятель и сослуживец. У нас с ним и сейчас есть кое-какие общие дела.

Кузнецову, разумеется, было знакомо это зловещее имя. Вот уже несколько месяцев подряд оно не сходило со страниц фашистских газет и журналов, сопровождаемое самыми громкими эпитетами. Геббельсовская пропаганда облекла Скорцени ореолом почти мистической легенды, превознесла как идола германской расы.

Николай Иванович запомнил крупную фотографию на первых полосах и кадр кинохроники: фюрер лично вручает огромному, двухметровому верзиле в эсэсовском мундире, с грубым лицом, исполосованным шрамами, «рыцарский крест».

Любой новобранец вермахта мог без запинки отчеканить о «великой» услуге, оказанной бравым штурмбаннфюрером (тогда еще гауптштурмфюрером) самому Адольфу Гитлеру.

25 июля 1943 года лопнул, как пустой прогнивший орех, фашистский режим в Италии. Муссолини был арестован. Новый премьер-министр маршал Бадольо начал переговоры с американцами и англичанами об условиях выхода Италии из войны.

Арестованного Муссолини под строжайшей усиленной охраной секретно переводили с одного корабля на другой, пока не водворили в туристском отеле «Кампо императоре» в труднодоступном горном мас-

сиве Гран-Сассо в районе Абруццо. Место было совершенно неприступным: добраться до отеля можно было только по подвесной дороге.

Отто Скорцени сумел добраться. По личному приказу Гитлера он с командой головорезов-диверсантов на специальных планерах приземлился возле самого отеля, обезоружил растерявшуюся охрану и на легком самолете вывез дуче в Германию.

Тогда-то и подняла фашистская пропаганда невиданный ажиотаж вокруг имени Скорцени. За пышной трескотней были умело скрыты где-то на заднем плане другие, гораздо менее громкие «подвиги» Скорцени: подлое убийство в 1934 году канцлера Австрии Дольфуса, арест во время аншлюсса этой страны президента Микласа (бесследно исчезнувшего) и канцлера Шушнига (отправленного в лагерь смерти Заксенхаузен), зверские расправы над мирными жителями в Югославии и Советском Союзе.

К моменту описываемых событий штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени был секретным шефом эсэсовских террористов и диверсантов в VI управлении Главного управления имперской безопасности. Его побаивался даже сам начальник VI управления бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг. Еще бы! Ведь на этот пост дрессировщика эсэсовских тайных убийц Скорцени был рекомендован не кем иным, как начальником Главного управления имперской безопасности, начальником службы и полиции безопасности Эрнстом Кальтенбруннером! И в СС и в СД все знали, что Кальтенбруннера и Скорцени связывает давняя пятнадцатилетняя дружба.

Вот с каким человеком намеревался познакомить Николая Ивановича Кузнецова штурмбаннфюрер фон Ортель!

Только далеко за полночь эсэсовец напомнил Зиберту о своем предложении. Он был уже очень пьян. Может быть, из-за возбуждения, связанного с предстоящим отъездом, но Ортель впервые за все время знакомства с Зибертом потерял над собой контроль. Глаза его лихорадочно блестели, всегда аккуратный пробор растрепался, речь стала сбивчивой и невнят-

ной. Когда он наливал Зиберту очередную — бог весть какую по счету — рюмку коньяку, его всегда твердая рука непривычно подрагивала. Несколько капель янтарной жидкости грязными пятнами расползлись на крахмальной скатерти.

— Ну, Пауль, так что вы надумали?

Кузнецов рассмеялся.

— Вы мне не сказали главного, штурмбаннфюрер, что я должен буду делать?

— То же самое, что вы уже делали много раз,— рисковать жизнью. Правда, не в этом мундире, а в штатском. И еще разница — в случае успеха, кроме новой ленточки, вы получите деньги, настоящие деньги, а не эти паршивые марки, которые вы так щедро швыряете в этих жалких кабаках.

Тут уже Кузнецов удивился по-настоящему. Фон Ортель схватил его за плечо, чуть не силой пригнул к столу и жарко задышал в самое ухо:

— Это будут настоящие деньги, мой друг, с которыми не пропадешь нигде, даже если наш любимый великий рейх растает, как мыльный пузырь! Золото, доллары, фунты! А такие люди, как мы, Зиберт, всегда пригодятся. Конечно, с русскими не столкнешься. Меня они попросту повесят. Вы, может быть, отделаетесь десятью годами где-нибудь в Сибири. Тоже перспектива не из лучших. Но слава богу, на Земле еще есть неплохие места — Южная Америка, например. А?! А с американцами или англичанами, я уверен, мы рано или поздно поладим, нужно только время...

Кузнецов был ошеломлен этим невероятным цинизмом. Или, быть может, провокация? Вряд ли... Такие речи в гитлеровской Германии никто не рискнул бы произносить, даже провоцируя. Медленно, словно раздумывая про себя, Кузнецов нерешительно произнес:

— Так вы думаете, Ортель, что наше дело плохо?

— Швах! — И фон Ортель грубо выругался.— После Сталинграда и Курска нас может спасти только чудо. А роль чудотворца поручена мне, Скорцени...

Ну и еще кое-кому. Вы тоже можете стать одним из святых, если только захотите. Выпьем за чудеса!

Выпили. Фон Ортель продолжал:

— Я отправляюсь в Иран, мой друг.

Зиберт очень естественно удивился:

— В Иран? Я думал, ваша специальность — Россия.

Ортель мотнул головой.

— На сей раз Иран. В конце ноября там соберется Большая тройка. Мы повторим прыжок в Абруццо! Только это будет дальний прыжок. Мы ликвидируем Большую тройку и повернем ход войны. Мы сделаем попытку похитить Рузвельта, чтобы фюреру легче было сговориться с Америкой.

Николай Иванович почувствовал, как внутри у него словно что-то оборвалось, с трудом удержался от того, чтобы тут же, под грохот оркестра, звон рюмок, пьяные возгласы гитлеровцев не выстрелить в самодовольное, лоснящееся от выпитого коньяка лицо эсэсовца. Сдержался. Только сжал на мгновение кулаки под столом.

Фон Ортель между тем увлеченно продолжал:

— Вылетаем несколькими группами. Людей готовим в специальной школе в Копенгагене. Вам придется тоже туда отправиться недели на две, чтобы подучиться кое-чему.

— Что ж,— твердо сказал Кузнецов,— я согласен.

Фон Ортель не скрывал своего удовлетворения.

— Вот это мужской разговор, Пауль! Значит, я на вас рассчитываю.

В отряд Кузнецов вернулся возбужденный до предела. Даже не переодевшись, доложил Дмитрию Николаевичу Медведеву, замполиту Сергею Трофимовичу Стехову и мне о готовящемся покушении на руководителей антигитлеровской коалиции.

— ...Полагаю, что при следующей встрече Ортеля необходимо уничтожить,— такими словами закончил Кузнецов доклад.

По-человечески мы понимали порыв Николая Ивановича, но как чекисты сознавали и то, что этого делать ни в коем случае нельзя. Мы не могли позволить

тронуть фон Ортеля и пальцем — более того, с этой минуты мы обязаны были проследить, чтобы с фашистским разведчиком вообще, упаси боже, не приключилось бы никакой неприятности.

— Фон Ортель — наша единственная ниточка к этому заговору. Если вы убьете его, ниточка оборвется, ищи потом ветра в поле. Нужно войти в его полное доверие, узнать точно, кто, кроме него и Скорцени, готовится к поездке, приметы этих людей, адреса в Тегеране, наконец, план покушения.

Несколько минут Кузнецов сидел молча, охватив голову руками. Наконец он встал, прошелся по «чуму». Уже своим обычным голосом сказал спокойно:

— Простите, товарищи, за горячность. Я, конечно, был не прав.

— Нужно достать фотографию фон Ортеля,— сказал я.

Кузнецов задумался и с сожалением покачал головой.

— Боюсь, что сфотографировать его незаметно так, чтобы получился отчетливый снимок, невозможно. Он очень осторожен. На улице всегда надвигает козырек на самые глаза, в помещении садится в тень, подпирает левой рукой щеку... Да и времени уйдет много на отправку снимка в Москву, а остались считанные дни.

Я и сам знал, что времени мало. Оставался один выход. Мы дали Николаю Ивановичу лист бумаги и предложили составить то, что в криминалистике называется словесным портретом, а в переводе на обычный язык — исключительно точным и подробным описанием внешности человека, сделанным по определенной научной системе.

Многие криминалисты при розыске преступников предпочитают пользоваться словесным портретом нежели фотографией, потому что фотография часто схватывает случайное, нехарактерное для данного человека выражение лица или фиксирует его под каким-то одним поворотом. Словесный же портрет основывается на объективных неизменных приметах.

Составление правильного словесного портрета

дело сложное, требующее очень острой наблюдательности. Даже такому внимательному человеку, как Николаю Кузнецову, для этого потребовалось полтора часа напряженного труда.

Тут же радиограмма с сообщением о готовящемся покушении и словесным портретом фон Ортеля была отправлена в Москву.

* * *

...В большом сером здании в центре Москвы подтянутый капитан положил на стол одного из руководителей советской контрразведки только что расшифрованную радиограмму, полученную из особого чекистского отряда, которым командовал полковник Д. Н. Медведев.

Уже немолодой человек с очень усталым лицом вынул из кармана очки, тщательно протер стекла кусочком замши и погрузился в чтение.

— Что ж,— сказал он в раздумье сам себе,— факты подбираются интересные.

Он вышел из-за стола и, набрав шифр замка, отворил тяжелую дверь большого сейфа, встроенного в стену кабинета. Порывшись в стальном чреве сейфа, он разыскал тонкую папку, вынул из нее два листка бумаги и внимательно перечитал оба. За скупыми строчками первого из двух донесений перед его глазами, как ожившая, предстала картина происшедшего на днях события...

...Глухая осенняя ночь в столице одного из фактически оккупированных гитлеровцами балканских государств. Шурша шинами, мягко покачиваясь по бетону, на летное поле аэродрома к огромному бомбардировщику без опознавательных знаков подкатывает длинный черный «мерседес». Из него выходит, зябко поеживаясь, ничем не примечательный мужчина с ординарной внешностью мелкого банковского чиновника. Но это не банковский чиновник. И не мелкий. Это начальник VI управления Главного управления имперской безопасности бригаденфюрер СС

Вальтер Шелленберг. Ему навстречу уже спешат двое. Докладывают. Их имена не окутаны легендой, подобно имени Скорцени, но в узких кругах известны не меньше. Штурмбаннфюрер Юлиус Бертольд Шульце оказал свою первую важную услугу Адольфу Гитлеру еще в «ночь длинных ножей», когда помог избавиться от соперников: Рема и Шлейхера. О многом мог бы рассказать и второй — оберштурмфюрер СС Вилли Мерц.

Под черным крылом самолета застыли еще шестеро с горбами парашютов за спиной. У них нет имен. Имена остались в Копенгагене. Да они и не нужны. Как бы ни кончилась операция — успехом или провалом, эти шестеро не вернутся никогда. Но они об этом не знают...

Доклад окончен. Короткая команда — и поле пустеет. Отъезжает в сторону черный «мерседес». Взревев моторами, бомбардировщик уходит в ночь. Замер в своей кабине штурман. На столике перед ним — подсвеченная слабой лампочкой карта. Кружком помечен конечный пункт маршрута: Шираз.

Черный «мерседес» неслышно мчит к городу. Откинувшись на мягком кожаном сиденье, бригаденфюрер торопливо набрасывает радиограмму: «Берлин, Принц-Альбрехт-штрассе, № 8. Секретно, имперского значения. Рейхсфюреру СС Гиммлеру. Операция «Дальний прыжок» началась».

...И второе донесение, всего в несколько строк: об активизации в последнее время резидента гитлеровской разведки в Иране известного археолога доктора Макса фон Оппенгейма.

Положив перед собой три листка бумаги, немолодой усталый человек негромко, сам для себя произнес только два слова:

— Значит, Тегеран...

* * *

Обер-лейтенант Пауль Зиберт не смог больше встретиться со своим другом и возможным будущим начальником. Как только он через несколько дней

вернулся в Ровно, взволнованная Майя Микота сообщила ему удивительнейшую весть: штурмбаннфюрер СС фон Ортель накануне застрелился в своем кабинете в помещении «зубоврачебной лечебницы» на Немецкой улице, 272. Так сказали Майе в гестапо. Трупа своего поклонника она лично не видела...

Кузнецов не сомневался, что трупа «самоубийцы» вообще не существовало. Его волновало одно: почему фон Ортель так стремительно и неожиданно покинул Ровно, симулировав (в симуляции Кузнецов не сомневался) самоубийство? Причин могло быть только две: неожиданный вызов в Берлин или раскаяние в излишней откровенности с пехотным офицером. Во втором случае Кузнецову грозила немалая опасность. Фон Ортель мог позаботиться об устранении опасного для него свидетеля (как-никак фон Ортель разгласил Зиберту государственную тайну).

Мы приняли все необходимые меры для обеспечения безопасности Николая Ивановича. Но о причине внезапного исчезновения фон Ортеля из Ровно до сих пор можем только догадываться.

...Странные события разыгрались в последние дни ноября 1943 года в Тегеране. Один за другим исчезли неизвестно куда некоторые видные члены местной немецкой колонии. Слуга одного из них, войдя утром, как обычно, в спальню хозяина с пачкой свежих газет, нашел лишь смятую постель и оторванную пуговицу от пижамы. Все костюмы висели на обычных местах в шкафу.

По ночам в разных уголках города вдруг вспыхивала короткая, но яростная перестрелка. Иногда же тишину просто разрывал одинокий пистолетный выстрел. Правоверные мусульмане только качали в недоумении бородами: шумным городом стал Тегеран!

В одном из домов по улице, ведущей к аэродрому, иранская полиция обнаружила трупы двух молодых мужчин неизвестной национальности, без документов.

Опознать убитых не удалось, да никто к этому и не стремился. На телах обнаружили только одну особую примету: странные значки, вытатуированные под мышкой левой руки. Неторопливые тегеранские полицейские, разумеется, не знали, что такие значки, обозначающие группу крови, наносились на кожу только эсэсовских офицеров...

Самолет С-54, неофициально, но прочно прозванный «Священной Коровой»* с президентом Соединенных Штатов Америки Франклином Делано Рузвельтом на борту пролетел из Каира 1310 миль над Суэцким каналом, Иерусалимом, Багдадом, реками Евфрат и Тигр и, наконец, приземлился на тегеранском аэродроме. Уставшего после долгого пути, уже тогда смертельно больного президента отвезли в посольство США в двух километрах от города.

Группа, сопровождавшая Рузвельта на конференцию, включала семьдесят семь человек. В нее входили личный советник Гарри Гопкинс, начальник личного штаба президента адмирал Леги, Аверелл Гарриман, генералы Маршалл, Арнольд, Сомервелл, Хэнди, Дин, зять президента майор Джон Беттигер и другие (в том числе знаменитые филиппинские повара).

На следующее утро — в воскресенье 28 ноября — к Рузвельту вошли взволнованные Гарриман и начальник секретной охраны президента Майкл Рейли.

Гарриман рассказал Рузвельту, что русские только что поставили его в известность о том, что город наводнен вражескими агентами и возможны «неприятные инциденты» — в устах Гарримана это вежливое выражение означало «покушение».

— Русские предлагают вам переехать в один из особняков на территории их посольства, где они га-

---

* Это выражение употребляется в английском языке для иронического обозначения неприкосновенного предмета или лица (от распространенного на Востоке культа священной коровы).

рантируют полную безопасность — так закончил Гарриман свое сообщение.

— Ну, а вы что скажете, Майк? — обратился Рузвельт к начальнику своей охраны. Мрачный Рейли лишь пробурчал что-то отдаленно похожее на совет принять приглашение.

В три часа дня президент и его ближайшие помощники уже переселялись на территорию советского посольства в центре Тегерана. Остальная группа лиц, прибывших с президентом, остановилась в Кемп-парке, где помещался штаб американских войск, в районе Персидского залива.

Английское посольство, где остановился премьер-министр Черчилль, располагалось в непосредственной близости от советского и тоже было взято под усиленную охрану.

Советская разведка надежно обеспечила безопасность Большой тройки.

...Примерно через месяц за тысячи километров от Тегерана, в Ровненских лесах мы получили запоздавшие московские газеты. С величайшим удовольствием одну из них — «Правду» от 19 декабря 1943 года — мы показали Николаю Ивановичу Кузнецову. Потом уже он пересказал содержание короткой заметки, аккуратно отчеркнутой красным карандашом, Майе Микоте в качестве компенсации за так и не привезенные ей персидские ковры.

Текст гласил:

«Лондон, 17 декабря (ТАСС). По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем

чтобы избежать необходимости поездок по городу... Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана».

Так советские разведчики прервали «Дальний прыжок» гитлеровской разведки.

Я. ГОРЕВ

ТАКИМ Я ПОМНЮ ЗОРГЕ

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза товарищу Рихарду Зорге».

За выдающиеся заслуги перед Родиной и проявленные при этом мужество и геройство присвоить товарищу Рихарду Зорге звание Героя Советского Союза посмертно.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
А. МИКОЯН

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль.
5 ноября 1964 года

«Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека, какого он только может достигнуть, тогда человек не боится ни страданий, ни боли, ни горя, ни нужды, тогда человек перестает бояться смерти, хотя только тогда он научится по-настоящему любить жизнь».

Ф. Э. Дзержинский

Советские люди с восхищением произносят имя Героя Советского Союза Рихарда Зорге — пламенного коммуниста, легендарного разведчика, неутомимого борца за мир и согласие между народами.

Подвиг Зорге предстал теперь перед нами во всем своем величии. Нас удивляет и поражает не только то, что было сделано этим неутомимым тружеником. Для миллионов советских людей имя Зорге стало символом беззаветного служения долгу, непоколебимой преданности Родине, идеалам свободы, коммунизма. Перефразируя известные слова Белинского, можно сказать, что Зорге погиб для того, чтобы жило человечество.

К сожалению, до того как имя Зорге было возвращено советскому народу, оно не раз использовалось нашими недругами для разжигания антикоммунистической истерии. Многие буржуазные биографы Рихарда Зорге сознательно шли на подтасовку исторической истины. Они пытались сделать из Зорге ловкого одиночку, разведчика-супермена. Его сравнивали с наиболее удачливыми рыцарями плаща и кинжала из западных разведок. Но лучшим ответом на все эти домыслы могут служить слова самого Рихарда:

«Главная моя цель заключалась в том, чтобы защищать социалистическое государство, чтобы оборонять СССР, отводя от него различного рода антисоветские политические махинации, а также угрозу военного нападения.

Советский Союз не желает политических конфликтов или военных столкновений с другими странами. Нет у него также намерения совершать агрессию против Японии. Поэтому я и моя группа прибыли в Японию вовсе не как враги Японии. К нам никак не относится тот смысл, который вкладывается в обычное понятие «шпион». Лица, ставшие шпионами таких стран, как Англия или Соединенные Штаты, выискивают слабые места Японии с точки зрения политики, экономики или военного дела и направляют против них удары. Мы же, собирая информацию в Японии, исходили отнюдь не из таких замыслов... Центр инструктировал нас в том смысле, что мы своей деятельностью должны стремиться отвести возможность войны между Японией и СССР. И я, находясь в Японии, и посвятил себя разведывательной деятельности, с начала и до конца твердо придерживался этого указания».

Таково политическое кредо Рихарда Зорге — разведчика, борца за мир, коммуниста. Не поиски слабых мест противника, открытых для внезапных ударов, а глубоко гуманная борьба против войны, во имя мира и безопасности своего Отечества. Однако недруги Зорге чаще всего замалчивали подлинные мотивы его деятельности. В этой связи особый интерес представляют документальные свидетельства тех, кому довелось лично знать Рихарда Зорге, плечом к плечу работать с ним. Автор публикуемых записок — Я. Горев — по праву называет Зорге своим товарищем. Он сам из этой когорты отважных, сам был одним из бойцов невидимого фронта — советским разведчиком в логове врага.

Член партии коммунистов с 1920 года, Я. Горев начал свою деятельность в партии как журналист — был редактором газеты. Потом — на профсоюзной, партийной работе, политработник, редактор армейских журналов. Я. Горев — автор учебника для комсомольских политшкол, нескольких трудов по вопросам политики партии, был автором ряда статей по истории партии.

В 1928 году Горев поступил на историко-партий-

ное отделение Института красной профессуры. Перед ним открывается будущее историка-исследователя. Однако партия направляет его на другую работу. С последнего курса института Я. Горев по рекомендации одного из видных командиров Красной Армии, Павла Ивановича Берзина, уходит в органы советской разведки. За многие годы работы за границей он выполнил не одно важное задание, прошел через многие испытания. Но испытания не сломили его воли. Он остался человеком стальной коммунистической закалки.

Воспоминания Я. Горева о Рихарде Зорге отличаются строгой документальностью и достоверностью. Это правдивый, волнующий рассказ о прекрасном подвиге советского разведчика во имя человеческого счастья, во имя коммунизма.

С. ГОЛЯКОВ

ВСТРЕЧА С РАМЗАЕМ

Берлин, середина июня 1933 года. Первые месяцы фашистского господства, кровавого гитлеровского террора. В многочисленных застенках гестапо гибли тысячи, десятки тысяч лучших сынов Германии — коммунисты, антифашисты. В труднейших условиях патриотические, демократические силы стали организовываться для борьбы с фашизмом.

Я тогда готовился к отъезду в один из районов Дальнего Востока. От руководителя берлинской нелегальной организации, которого знал как Оска́ра, я получил указание встретиться с товарищем Рамзаем. Оскар сказал мне, что Рамзай отправляется на очень ответственное задание, что мы с ним в дальнейшем окажемся «соседями» и нам следует договориться по некоторым оперативным вопросам.

Конспиративные встречи... Со временем мы приобретали необходимые навыки; наше поведение должно было быть совершенно естественным — так, чтобы мы ничем не выделялись среди окружающих нас людей на улице, в парках, в кафе. Без таких навыков невозможно было бы выполнять задания революционной нелегальной работы во вражеском логове.

На встречи мы шли внешне спокойными. Это не значит, что мы не испытывали определенного внутреннего волнения. Но мы научились настолько владеть собой, что со стороны не видно было и следа этого волнения. Ничем не выдавая внутренней тревоги, надо было по пути к месту встречи незаметно и тщательно проверить, нет ли «хвоста» — полицейской слежки. Во время самой встречи мы обязаны

были также незаметно и зорко наблюдать за тем, что происходит вокруг нас. Все эти обязательные правила бдительности и осторожности надо было тем более соблюдать в условиях тогдашнего Берлина, отправляясь на встречу с Рамзаем — Рихардом Зорге.

Много их было, этих конспиративных встреч. Внешне похожие друг на друга, каждая из них имела свои особенности, рождала особые переживания. Каждая оставляла какую-то зарубку в памяти, то большую, то меньшую. Со времени встречи с товарищем Зорге прошло больше тридцати лет, но в памяти сохранилось многое, даже некоторые детали, сами по себе маловажные.

Был погожий день. В воздухе еще держалась весенняя, бодрящая свежесть. Яркое солнце и цветущие деревья придавали праздничность чистым и аккуратным берлинским улицам. И было как-то по особому обидно, что этими улицами завладели фашистские бандиты.

Встреча была назначена в кафе в одном из аристократических пригородов Берлина. Здесь попадалось меньше гитлеровских молодчиков: их внимание главным образом привлекали более пролетарские районы города. Время встречи — двенадцать часов дня, когда посетителей в кафе должно было быть немного.

Точность для нас была абсолютным законом. Когда я подошел ровно в назначенное время, Зорге уже был на месте, он сидел за одним из столиков на открытой просторной террасе кафе. Посетителей было всего несколько человек.

Я сразу узнал Рихарда по сообщенным мне данным и приметам, подошел к нему, широко улыбаясь. Скучающему официанту должно было показаться, что это встретились старые друзья. И действительно, мы ими вскоре себя и почувствовали. Обстановка нелегальной работы за рубежом связывала нас особой, товарищеской близостью. Думается, что она сродни тому боевому товариществу, которое объединяло людей на фронте. Это то же «чувство локтя», которое

сплачивало всех, кто разными средствами и методами боролся против одного и того же врага — против фашистской гадины, за Советскую Родину, за социализм.

Рихард Зорге был стройным, статным, представительным человеком, выше среднего роста (но не такой высокий, как актер Хольцман, играющий роль Зорге в фильме «Кто вы, доктор Зорге?»).

Где-то я прочитал, что у него было «чуть грустное» выражение лица. Это неверно. Может быть, так получается по фотографиям, но это явно не соответствует действительности. Его светлые глаза, черты лица, жесты, мимика — все выражало волевую решительность, интенсивную работу мысли, убежденность в своих суждениях, проницательный, острый ум. Это интересное, значительное лицо очень запоминалось. Достаточно было хоть раз в него вглядеться, чтобы определить, что это человек, твердо уверенный в себе, закаленный большим опытом жизненной борьбы. Рихард был энергичен, но не суетлив, был конкретен, деловит. Не навязывал своего мнения, но убеждал логикой и продуманностью предлагаемых им решений. Был живым, интересным собеседником, любил шутку.

Мы относительно быстро договорились по оперативным вопросам (разговаривали мы по-немецки). Рихард пришел на встречу с готовыми, хорошо обоснованными предложениями, быстро согласился с некоторыми моими поправками. И мы перешли к обмену мнениями о политической ситуации в мире.

Очень хотелось «наговориться вдоволь», до конца использовать столь редкую при нашем нелегальном положении возможность потолковать по душам, поделиться мыслями, сопоставить оценки политической обстановки. Но требования конспирации ставили жесткие лимиты времени, нельзя было засиживаться больше чем на час. В условиях конспиративной встречи шестьдесят минут — это значительный промежуток времени. Но каким малым он показался, когда столько хотелось высказать! Это был «бег против времени».

Рихард говорил емко, сжато, стараясь вложить максимально возможное содержание в минимально необходимый срок. И здесь обнаружилась та черта его характера, которая за его аналитическим умом далеко не всегда была различима: я имею в виду революционную страстность товарища Зорге. Теперь правильно пишут о его способностях исследователя. В других условиях и в другое время из него, вероятно, вышел бы большой ученый. Но наиболее замечательной, я бы сказал доминирующей, чертой его характера была страстная тяга к революционному действию, к революционной борьбе.

Со страстной убежденностью Рихард развивал следующие мысли. Он предупреждал против недооценки гитлеровского фашизма. Рихард ни на минуту не сомневался в его конечном поражении, но считал абсолютно неправильной оценку, что «Гитлер долго не продержится», что подобный варварский режим «не может» длительно существовать. Такие оценки были тогда довольно распространенными среди антифашистов, и Зорге резко осуждал эти взгляды как опасные с точки зрения организации эффективной борьбы с фашизмом.

Он ясно видел возросшую опасность войны против Советского Союза. Это была центральная идея его аргументации. Ход событий приведет к фашистской коалиции государств — Германии, Японии и Италии, и ведущей силой в этом тройственном союзе агрессоров будет по своему военно-экономическому потенциалу гитлеровская Германия.

Общее заключение Рихарда было таково: происходит коренной сдвиг в мировой обстановке, силы фашизма и войны организуются для наступления.

В этом свете Рихарду вполне ясна была вся важность миссии, которую ему предстояло выполнить в Японии.

Он умел заглядывать вперед. По отдельным замечаниям, которые он сделал в беседе, можно было заключить, что он уже тогда, летом 1933 года, видел в общих чертах направление своей будущей работы

в Токио. Но Рихард не любил прожектерства, хорошо понимал, что только обстановка на месте может подсказать конкретные пути действия. Ему хорошо известны были исключительные трудности нелегальной работы в Японии. Он знал, что в те времена, например, японская контрразведка к любому иностранцу «прикрепляла» шпиков для постоянной слежки. Но эти трудности, видимо, только «возбуждали аппетит» Рихарда. Как о чем-то само собой разумеющемся он говорил о том, что подобные представления об «особых трудностях» весьма относительны, что в любой обстановке можно добиться успехов, если правильно сориентироваться и уметь использовать представляющиеся возможности.

«Конечно,— добавил он с задумчивой улыбкой,— нужно и немного везения».

Когда я пытался сформулировать главное впечатление, которое осталось у меня от Рихарда Зорге, то это была его целеустремленность — целеустремленность советского военного разведчика-коммуниста, поставившего все свои незаурядные способности, свои замечательные волевые качества на службу Советской стране, делу социализма.

Расставаясь, мы сказали друг другу «до свидания». Мы рассчитывали, что нам придется еще свидеться на каком-нибудь «дальневосточном перекрестке».

ПУТЬ В ТОКИО

Рихард Зорге приехал в Германию, чтобы заручиться корреспондентским билетом германских газет и получить заграничный паспорт.

Этот план кажется очень рискованным. В самом деле, Зорге с 1919 года по 1924 год боролся в рядах Компартии Германии, причем последние два года он был на нелегальном положении. Разве можно было активному в прошлом немецкому коммунисту отправляться под своим подлинным именем в гитлеровскую Германию, да еще попытаться добыть здесь «путевку» в Токио?

Было хорошо известно, что в руки нацистов, захвативших власть в январе 1933 года, попали «дела» активистов компартии, которые составлялись органами полиции, находившейся до 1933 года преимущественно под контролем правых социал-демократов (так было, в частности, в Берлине и Гамбурге). Надо было считаться с тем, что соответствующее досье было составлено полицией и на Зорге. Кроме того, он мог быть опознан людьми, с которыми сталкивался в годы работы в Компартии Германии, и отсюда могли возникнуть всякие осложнения.

Да, это были совершенно реальные опасности. Их видели и учитывали и руководство и сам Рихард.

9 июня он пишет из Берлина в Центр: «Положение для меня здесь не очень привлекательно, и я буду рад, когда смогу отсюда исчезнуть».

3 июля он сообщает: «При большом оживлении, которое существует в здешних краях, интерес к моей личности может стать чересчур интенсивным».

Рассуждая «вообще», Рихарда нельзя было направлять в Германию. Но истина конкретна. План руководства был чрезвычайно смелым и — правильным.

Он был осуществлен благодаря искусству такого выдающегося руководителя советской разведки, как Павел Иванович Берзин, и такого талантливого разведчика, как Рихард Зорге.

О товарище Берзине, этом замечательном революционере, старом большевике, многое можно и нужно сказать. Здесь я ограничусь только одним фактом. В декабре 1934 года он писал мне: «В нашей работе смелость, дерзание, риск, величайшее «нахальство» должны сочетаться с величайшей осторожностью. Диалектика!»

П. И. Берзин и был мастером этой «разведывательной диалектики». Берлинский план может служить ее блестящим примером. Само собой разумеется, что он был связан с риском, но без риска подобные вопросы решать было нельзя. Главное заключалось в том, что шансы на удачу были весьма значительными, что принятое решение оправдывалось конкретными

обстоятельствами. Оно базировалось на двух строго взвешенных соображеиях.

Во-первых, аппарат гестапо только создавался, это был еще иачальиый пернод организации фашнстского террорнстического режнма, период ломкн и иеразбернхн. Логичио было считать, что гнтлеровцам в этот пернод было не до разбора полицейских архивов.

Во-вторых, лнчиые качества Рнхарда, его ум, мужество н выдержка, приобретениый им к тому времени большой опыт иелегальной работы позволяли твердо рассчитывать на успех операцин.

Он очеиь осиовательио и старательио подготовился к поездке в Германию. Один товарищ, который тогда часто встречался с Зорге, рассказывал, что ои читал все, что можно было достать из иацистской лнтературы. Ои спецнально изучал н усваивал ходкне нацистские фразы н термииы, пытался вживаться в мир нацистских настроенн́й. Книгу Гитлера «Майн кампф» ои практически выучил наизусть.

Он явился в Германию, так сказать, «идейио подковаииым». В беседах на политические и идеологические темы ои, вероятио, мог давать очко вперед завзятым иацистам...

При содействин некоторых антнфашистов Зорге получнл представительство двух крупных газет: «Берзеи-курир», выходившей в Берлние, и «Фраикфуртер цейтуиг», издававшейся во Франкфурте-иа-Майие. В догнтлеровские времена последняя была, пожалуй, наиболее авторитетиым органом лнберальиой буржуазиой печати в Гермаиии. «Фраикфуртер цейтуиг» пользовалась большим влияиием в иителлигентской среде, имела вес за границей. Гитлеровцы стремились использовать в своих целях авторитет газеты, чтобы оказывать через нее влияиие на кадры иителлигеиции виутри страиы и на общественное миеиие за граиицей. Газета внешие сохраияла свою литературиую маиеру пнсьма, в ней ие было той вульгарной крнкливости, что в других гитлеровских газетах. Это была парадиая газета иацистов. Стать ее корреспондентом в Японни было большим успехом Рнхарда.

Кроме того, он договорился о сотрудничестве в некоторых ежемесячных немецких журналах и в крупной амстердамской газете. С одной газетой у него был письменно закрепленный договор, с другими — только «джентльменское» соглашение. Но в любом учреждении в Токио он имел право сослаться на свою связь со всеми этими органами печати. Все они значились на его визитной карточке, которая имеет столь важное значение за границей.

Все это давалось нелегко, потребовались почти два месяца усилий и хлопот в условиях постоянно подстерегающих опасностей.

Во все редакции были назначены доверенные лица нацистской партии, без их санкции не могло быть и речи о назначении заграничного корреспондента. Этот барьер Зорге преодолел вполне успешно: редакционные «фюреры» в беседах с Зорге быстро убеждались в его безусловной идейной благонадежности...

Рихард Зорге был на редкость смелым человеком, но в то же время он был осторожен. Он вел себя осмотрительно, старался возбуждать поменьше шума вокруг своей персоны. Не хотел идти на излишний риск: ведь это могло поставить под удар выполнение порученного ему задания.

Встал вопрос: представиться ли в министерстве пропаганды? Так было принято среди корреспондентов, уезжающих за границу. Зорге имел даже рекомендательное письмо к видному чиновнику министерства. Но Рихард решил туда не являться. Он был уверен, что дело сойдет и без этого визита, который был небезопасен. На «министерском уровне» могли более подробно заинтересоваться прошлым Рихарда. Нечего было лезть на рожон.

Возникла и другая проблема. Руководство военной разведки рекомендовало ему вступить в нацистскую партию. Сделать это теперь же, в Германии, чтобы явиться в Токио с нацистским билетом в кармане? Это было заманчиво, но рискованно. В случае вступления в партию в Германии могли начать копаться в его прошлом. Зорге правильно рассчитал,

что это легче и вернее будет сделать на месте, в Токио. В самом деле, он туда приедет в качестве лица, облеченного политическим доверием: сам по себе факт направления его корреспондентом видных нацистских газет служил политической рекомендацией для приема его в нацистскую партию.

Заграничный паспорт был получен без всяких задержек.

В последнем письме из Берлина от 30 июля Зорге писал: «Я не могу утверждать, что поставленная мною цель достигнута на все сто процентов, но большего просто невозможно было сделать, а оставаться здесь дальше для того, чтобы добиться еще других газетных представительств, было бы бессмысленно. Так или иначе, надо попробовать, надо взяться за дело. Мне опротивело пребывать в роли праздношатающегося. Пока что могу лишь сказать, что предпосылки для будущей работы более или менее созданы».

В этих словах — весь Рихард Зорге с его неукротимым стремлением к действию, к выполнению долга коммуниста-разведчика, с его скромностью в оценке того, что им сделано. Он себя видит в роли «праздношатающегося», в то время как он успешно справился с труднейшим заданием. Он мог быть вполне довольным достигнутыми результатами.

Когда в октябре 1941 года Р. Зорге был арестован, руководители гестапо бросились к архивам и нашли там полицейское «дело», в котором с немецкой аккуратностью были перечислены все «коммунистические грехи» Рихарда. Но тогда, в 1933 году, Зорге так умело маскировался, что никакому нацисту и в голову не приходило сомневаться в его фашистских взглядах, никто не считал нужным проверять его прошлое. «Дело» спокойно пребывало в пыли и мраке архивных подвалов. На это и рассчитывало руководство, Рихард оправдал все ожидания.

Тот «мандат», который он получил от нацистов в форме корреспондентского билета, облегчал старт работы Рихарда в Токио. Но впереди ждала длинная и очень трудная дистанция.

Зорге прибыл в Японию 6 сентября 1933 года.

По соображениям конспирации мы не смогли встретиться, но в течение полутора лет поддерживали с ним конспиративную связь, была у нас довольно регулярная переписка. Мне посчастливилось за это время, так сказать, с близкой дистанции наблюдать, как развертывалась необычайная разведывательная деятельность Рихарда Зорге — деятельность, которая нами теперь воспринимается как легендарный подвиг, длившийся целых восемь лет.

Чтобы полно и объективно оценить то, что было сделано Зорге для Советской страны, надо представить себе те труднейшие условия японской действительности, в которых протекала его работа.

С первого дня вступления на японскую землю Рихард превратился в объект неустанного полицейского «внимания». За Рихардом беспрерывно следили полицейские шпики. Это делалось совершенно открыто. На квартире эта функция осуществлялась обслуживающим персоналом. Постоянно сообщалось в полицию, кто посещает квартиру; нередко рылись в вещах, причем далеко не всегда считали нужным ставить их на прежнее место.

Благодаря своему опыту и уму Зорге сумел приспособиться к обстановке. 7 января 1934 года он сообщил в Центр: «Я особенно не боюсь больше постоянного и разнообразного наблюдения и надзора за мной. Полагаю, что знаю каждого в отдельности шпика и применяющиеся каждым из них методы. Думаю, что я их всех уже стал водить за нос».

Но Рихард хорошо понимал, что он все время ходит по острию ножа. 1 января 1936 года он пишет: «Трудность обстановки здесь состоит в том, что вообще не существует безопасности. Ни в какое время дня и ночи вы не гарантированы от полицейского вмешательства. В этом чрезвычайная трудность работы в данной стране, в этом причина того, что эта работа так напрягает и изнуряет».

Опасность шагала по пятам все восемь лет пребывания Зорге в Японии. Всегда и везде надо было сохранять настороженность, чтобы не споткнуться, не оступиться.

В подобных условиях Зорге смог развить необыкновенно успешную деятельность, заставив отпетых фашистов невольно работать на советскую разведку. Он добывал ценнейшую, жизненно важную информацию об агрессивных планах фашизма против Советского государства. Свою маскировку под нациста Зорге доводит до виртуозного совершенства.

Он становится шулунгслейтером, то есть он руководит «политическим просвещением» членов нацистской организации, агитацией и пропагандой. Он издавал в посольстве газету немецкой колонии, «дружил» с корреспондентом центрального органа нацистской партии «Фелькишер беобахтер», а также с заведующим токийским отделением официального германского телеграфного агентства Дейчес Нахрихтенбюро. Когда последний уезжал в отпуск или командировку, Зорге его замещал. Одним словом, Зорге стал ведущим «идеологическим работником» немецкой колонии в Токио.

Все поведение Зорге было строго продумано. Он никогда не переигрывал. Его поведение было естественным, непринужденным — под стать уверенному в себе фашисту.

В августе 1949 года военное министерство США опубликовало документ о разведывательной деятельности Р. Зорге в Японии. Название документа: «Меморандум для печати. Прилагается доклад штаба Дальневосточного командования. Разведывательная организация Рихарда Зорге». Этот документ — антисоветский, антикоммунистический, выдержанный в типичных для Пентагона тонах «холодной войны». Но и в этом «меморандуме» его авторы вынуждены отдать должное замечательным достижениям Зорге, в частности его блестящему умению маскироваться. «Многие его японские коллеги по печати,— отмечается в «меморандуме»,— видели в нем типичного высокомерного нациста и избегали его».

Один товарищ, который наблюдал Рихарда на дипломатических приемах, рассказывает, что он внешне выступал «как самый выдержанный пруссак-нацист». К дипломатам и гражданам других стран Зорге относился в полном соответствии с политикой «своего» германского правительства. Проявляя дружественное отношение к союзникам-итальянцам, прохладно держался с французами или англичанами и стремился избегать контактов с советскими людьми.

Особенно ярким свидетельством прочности нацистской маскировки Зорге были его отношения с полковником Мейзингером, представителем гестапо в Токио. Тот настолько отличился своими неслыханными зверствами и разбоями в Варшаве, что даже среди гестаповцев его считали «совершенно бесчеловечным». Одно время предполагалось даже предать Мейзингера суду, но его друзья добились отмены этого решения и направления его в Токио. И вот даже с этим чудовищем из чудовищ Зорге сумел установить «дружественные отношения».

Сделаем здесь одно отступление. В книге Ч. Уайтона «Величайшие разведчики мира», вышедшей в Англии в 1962 году, утверждается, что в гестапо возникли подозрения в отношении Зорге. Было проведено «тщательное расследование», изучены архивные материалы, «и сложилось мнение, что прошлое у Зорге не совсем чисто». Было приказано установить за ним наблюдение, и «с этой целью» Мейзингер был направлен в Токио.

Все эти утверждения — сплошной вымысел, пущенный в оборот гестаповцами, в частности, тем самым гестаповцем Шелленбергом, который, согласно Уайтону, вел это мнимое «тщательное расследование». Цель этой довольно прозрачной лжи очевидна: оскандалившиеся деятели гестапо пытались таким образом «доказать», что они не все прозевали, что они разглядели в Зорге что-то подозрительное. В действительности же Зорге пользовался неизменным полным доверием нацистов. Это и дало ему возможность вплоть до самого ареста продолжать свою разведывательную работу. В американском «меморандуме»

указывается, что Мейзингер смотрел на Зорге как на своего друга и сообщал ему очень много ценных сведений. Мейзингер считал, что Зорге является единственным человеком, «на которого можно до конца положиться». Когда Зорге был назначен на должность пресс-атташе посольства и по существующим правилам ему нельзя было продолжать свою корреспондентскую работу, Мейзингер через посредство германского министерства внутренних дел добился, чтобы Зорге одновременно с работой в посольстве продолжал заниматься журналистикой. Когда Зорге был арестован, Мейзингер заявил, что японская полиция, очевидно, допустила грубую ошибку и он не верит тому, что Зорге советский разведчик.

Но особенно большое значение для разведывательной деятельности Зорге имели его отношения с военным атташе, а потом послом Германии в Токио Эйгеном Оттом. Чтобы в полной мере оценить значение того факта, что Зорге сумел «приручить» этого человека, надо учесть, что сам Отт был крупным немецким разведчиком.

Еще в период первой мировой войны Отт сотрудничал с известным полковником Николаи, руководителем немецкой военной разведки. В двадцатые годы Николаи отошел от официальных разведывательных дел, но с приходом Гитлера к власти он вернулся к старой «профессии», работая под прикрытием Института истории новой Германии в качестве его директора. Николаи и явился инициатором посылки Отта осенью 1933 года в Японию с основной задачей наладить сотрудничество между германской и японской разведками. Отт, который был тогда полковником, поехал в Японию в качестве военного наблюдателя. Он должен был изучить политическую обстановку в стране и представить свой доклад весной 1934 года. Отт «подружился» с известным японским разведчиком Дойхара, числившимся начальником «континентальной службы», то есть всей разведывательной деятельности на материке. Уехав в Германию и представив требуемый доклад, Отт вернулся оттуда в 1934 году на должность военного атташе.

В этой должности он пробыл до 1938 года, когда был назначен послом. К моменту назначения послом Отт был уже генералом.

Зорге познакомился с полковником Оттом еще в конце 1933 года, когда Отт был на положении военного наблюдателя. С течением времени их «дружба» становилась все более тесной. Зорге помогал Отту в составлении отчетов и докладов в Берлин.

Отт весной 1934 года должен был составить доклад о политическом положении в Японии. От качества этого доклада зависела оценка результатов его командировки как военного наблюдателя и возможность его назначения военным атташе.

Потом, когда Отт был назначен военным атташе, от него также требовали не только чисто военных докладов, но и военно-политических. Возможность стать послом зависела в весьма значительной степени от того, как в Берлине будут оценивать его политический кругозор.

Помощь Зорге в составлении докладов была для Отта исключительно важной. Зорге не только хорошо знал политическую обстановку, но, как был убежден Отт, вполне владел нацистской идеологией и умел в докладах давать такую интерпретацию политических событий, которая вполне соответствовала настроениям и устремлениям нацистских властей.

Вот как в одном из донесений описываются служебные отношения Отта и Зорге: «Когда Отт получает интересный материал или собирается сам что-нибудь написать, он приглашает Рамзая, знакомит его с материалами. Менее важные материалы он по просьбе Рамзая передает ему на дом для ознакомления, более важные секретные материалы Рамзай читает у него в кабинете».

Ганс Мейснер, который был тогда третьим секретарем посольства, сообщал, что Отт показывал Рамзаю такие секретные бумаги, которые он не имел права показывать даже первому секретарю посольства.

В дальнейшем, когда Отт стал послом, Зорге приходил к нему каждый день по утрам; они вместе про-

сматривали поступившую дипломатическую почту и советовались между собой, как отвечать на ту или иную бумагу. Одно время, когда Отт был еще военным атташе, Зорге помогал ему также в шифровке телеграмм, узнав благодаря этому тайну германского шифра.

Таким образом, генерал Отт, матерый немецкий разведчик, стал первоклассным источником информации для советской разведки.

«Дружба» между Оттом и Зорге оказывала свое влияние на других работников посольства: они легко вступали в доверительные отношения с Зорге. Это относилось и к новому военному атташе майору Шоллю, к военно-морскому атташе Венеккеру и другим. Все они охотно делились с Зорге теми сведениями, которыми располагали по своему служебному положению. Ничего не подозревая, все они «по мере сил и возможности» работали на советскую разведку. Даже представитель гестапо Мейзингер, как мы видели, снабжал Зорге ценными сведениями.

В американском «меморандуме» говорится: «Вероятно, никогда в истории не существовало столь смелой и успешной разведывательной организации. Начав с ничего в стране, в которой Зорге до этого никогда не был, он сумел развернуть самую всеобъемлющую и успешную разведывательную деятельность».

Для людей из Пентагона все это кажется необъяснимым, ибо им не понять, в чем сила советской разведки, советского разведчика. Им не понять, что источником силы Рихарда Зорге были его убежденность коммуниста, его любовь к Советской Родине, социализму. Им не понять, что именно эта идейная сила давала возможность коммунисту Рихарду Зорге так виртуозно маскироваться под нациста, глубоко проникнуть в самое логово врага и раскрыть планы фашистов против Советского государства. Им не понять, что при всей тяжести, лежавшей на плечах Рихарда Зорге, который в очень тяжелых условиях должен был выполнять сверхтрудные задания, он всегда чув-

ствовал свою кровную связь с партией и народом, ради блага которых он с таким блестящим умением и самоотверженностью выполнял свой долг разведчика-коммуниста.

Как же удавалось добывать ценнейшие сведения и передавать их в Центр?

СМЕЛОСТЬ ПЛЮС ОСТОРОЖНОСТЬ

Положение, которое Зорге создал себе в посольстве, открыло богатейшие возможности добывания ценной для советской разведки информации. Часть секретных документов Отт давал Зорге на дом. Рихард отрабатывал и фотографировал их вместе с одним из своих помощников, Бранко Вукеличем.

Вукелич (кличка «Жиголо») обладал замечательными качествами революционной стойкости. Это был испытанный, надежный боец, безотказный работник. Он умело, преданно, с полной отдачей сил и способностей выполнял порученное ему дело.

Вукелич родился в 1904 году в Югославии. Двадцати лет, во время учебы в Загребском университете, он был арестован как член марксистского студенческого кружка. Потом переехал в Париж, учился в Сорбонне. В стенах этого университета он стал коммунистом.

Вукелич работал в Японии в качестве корреспондента парижского прогрессивного иллюстрированного журнала «Ви» и видной белградской газеты «Политика» (тогда — буржуазно-либерального направления). Он приехал в Токио в феврале 1933 года — за семь месяцев до Зорге.

Как правило, японская полиция особенно внимательно присматривалась к иностранцам именно в первые месяцы их пребывания в стране. Вукелич же был настолько поглощен своей корреспондентской деятельностью, что не вызывал никаких подозрений. Какие бы наблюдения за ним ни устраивались, результат был всегда один и тот же: полицейские шпики могли только подтвердить, что Вукелич заботился

лишь о своей журналистской профессии и ничем другим не занимался. Но если бы ищейки смогли заглянуть в душу молодого югослава, они бы наверняка забили тревогу. Убежденный антифашист, ярый противник милитаризма во всех его проявлениях, Вукелич был искренним, настоящим другом нашей страны, нашего народа, в котором он видел защитника интересов угнетенных во всем мире.

Именно эти качества убежденного коммуниста, неутомимого борца против фашизма и военной опасности позволили Вукеличу стать одним из самых близких помощников Зорге.

Какова была роль Бранко Вукелича в организации Зорге? Вукелич снабжал организацию политической информацией. Для этого у Вукелича были широкие возможности — особенно с августа 1935 года, когда он был назначен на должность заместителя заведующего токийским отделением тогдашнего французского официального агентства Гавас.

В период японской провокации против Монгольской Народной Республики и военного столкновения у Халхин-Гола Вукелич как представитель Гаваса выезжал на место боев вместе с другими корреспондентами и привез из поездки ценную информацию.

Кроме того, Вукелич слыл «закоренелым» фотолюбителем. Он был членом общества фотолюбителей, много снимал и, не вызывая подозрения, имел на квартире маленькую фотолабораторию.

Успешной работе Вукелича способствовали его располагающий к себе характер и умение ладить с людьми. Зорге писал о нем 19 декабря 1937 года: «Он пользуется симпатиями окружающих и находится вне подозрения». В письме от 22 июля 1940 года Рамзай говорит: «Жиголо находится здесь восемь лет без перерыва. Это является здесь в смысле времени максимумом для иностранца. Он здесь настолько прочно вжился, что было бы просто жалко, если бы пришлось его куда-нибудь пересадить. Он говорит и читает на местном языке почти совершенно, а это является здесь большой редкостью».

Таков был один из помощников Зорге. Но все же самая большая ответственность, самая важная работа лежала на самом Рихарде. И прежде всего потому, что наиболее важные секретные документы Отт давал Зорге только для ознакомления в стенах посольства.

Зорге много сделал для тренировки своей памяти. Он научился запоминать наизусть целые страницы с цифровыми данными. Надо к тому же учесть, что документы давались Рихарду только на ограниченное время, их нельзя было по нескольку раз перечитывать.

Отт, как это обычно бывает у немецких чиновников, был очень пунктуален, у него был точный, раз навсегда установленный распорядок дня. В одно и то же время, минута в минуту, он приходил на работу, уходил на обед, принимал подчиненных, уходил на доклад к послу Дирксену (когда был еще военным атташе). Зорге и приспособился к этому «железному» распорядку дня. Он приходил к Отту за десять-пятнадцать минут до того, как тот должен был уйти, и на время его отсутствия (оно длилось от двадцати до сорока минут) брал у него документы, снимал копии с наиболее важных.

Это было актом подлинного героизма советского разведчика в интересах Родины и социализма. Вся восьмилетняя работа Зорге в Токио была подвигом.

Информационные материалы по разным маршрутам доставлялись доверенными лицами органам советской разведки. Оригинальным был путь доставки разведывательной почты в начале 1938 года. Зорге поехал тогда в Гонконг с дипломатической почтой германского посольства, а заодно взял с собой и свою собственную. В Гонконге состоялась встреча с приехавшим туда курьером Центра, которому Зорге передал свои материалы.

Наиболее трудной задачей было налаживание прочной, беспрерывной радиосвязи с Центром; от этого в решающей степени зависела эффективность работы всей разведывательной организации Зорге. Первые

два года дело не ладилось, но затем проблема была разрешена. Радиосвязь функционировала бесперебойно вплоть до ареста Зорге благодаря тщательной организации, продуманной до мельчайших деталей, самоотверженным усилиям и находчивости.

Передачи велись в разных квартирах сотрудников Зорге, расположенных в различных частях города. Запеленговать странствующую радиостанцию контрразведка не смогла. В 1941 году, когда полиция активизировала пеленгацию, количество передач было сокращено. Аппаратура у радиста была относительно небольших размеров, укладывалась в маленьком чемоданчике. Много выдумки было применено, чтобы получше замаскировать переноску аппаратуры с квартиры на квартиру. К этому часто привлекалась жена радиста. Чемоданчик, завернутый в фуросики — японский шелковый платочек для свертков,— покоился на дне корзинки, которую женщины берут с собой для закупки всякой снеди. Поверх чемоданчика были овощи, фрукты, корм для кур (жена Клаузена их завела специально для того, чтобы иметь повод покупать корм).

Когда Клаузен перешел на радиоаппарат малых размеров, встал вопрос об уничтожении прежнего, крупногабаритного. Решено было, что вместе с Вукеличем они бросят старый радиоаппарат в озеро в одном из мест отдыха, далеко от Токио.

Клаусен рассказывал об одной смешной детали этого путешествия:

«Мы вышли из яхты на берег, и, прежде чем я успел взять чемодан, его поднял бой из ресторана. Он был очень удивлен.

— Что это у вас такое тяжелое?

Я ответил:

— Так как у вас нет пива, мы взяли его с собой.

— У нас много пива,— ответил бой сердито и обиженно».

Клаусен и Вукелич отъехали на лодке подальше от берега и избавились от своего обременительного груза. И это был единственный случай, когда радио-

аппаратура Зорге пришла в соприкосновение с лодкой и водными просторами.

Возможно, что кое-кто из читающих эти строки испытывает некоторое разочарование. Значит, не праздничная яхта, бороздящая морские волны, глядящая в ночную темь своими ярко освещенными иллюминаторами? Не дача на берегу моря, «приблизительно в часе езды от Токио», которую купил Зорге и «куда немедленно перебрался с аппаратурой радист Макс Клаусен»? Не рыболовная шхуна, не «несговорчивый рыбак», который сперва обязательно хотел «вообще продать свое суденышко», «чтобы не иметь ничего общего» с «этими иностранцами», а в конце концов согласился сдать шхуну в аренду ровно за тысячу долларов и даже остался на ней капитаном (так замечательно точны во всех деталях и подробностях некоторые заграничные авторы!)?

Значит, Зорге и Клаусен не выходили регулярно ночью или по вечерам в море «рыбачить»? И не приглашал Зорге иногда в такие поездки «своих знакомых из числа сотрудников германского посольства, журналистов, дипломатов, высокопоставленных японских чиновников и старших армейских офицеров»?

И вместо всего этого — нечто столь прозаическое, как «авоська» на японский манер, в которой «домашняя хозяйка», жена Клаусена, переносила части радиоаппарата?

Это было, конечно, куда менее эффектно и сенсационно, но обеспечивало бесперебойную радиосвязь с Центром.

А если бы Зорге применил подобные эксперименты с яхтами и шхунами, то он был бы очень быстро раскрыт. Встал бы вопрос: откуда у Зорге вдруг появились такие большие деньги? И что произошло бы, если бы «несговорчивый рыбак» поделился с кем-нибудь своими наблюдениями о том, что происходит на его шхуне? Да и японская контрразведка, тщательно наблюдавшая за всеми без исключения иностранцами, разве не заинтересовалась бы такой шхуной? Не ясно ли, что радиостанция, действующая

в ограниченном районе, легко была бы запеленгована?

Не надо быть специалистом, чтобы убедиться, что все эти побасенки — прямая нелепость. Все это рассчитано на то, чтобы придать известную меру «достоверности» сообщениям заграничных авторов, которые якобы придерживаются «документального подхода» к освещению событий.

Рихард Зорге не гнался за эффектами. Он продумывал до деталей организацию своей разведывательной работы, с полным чувством ответственности перед Родиной, с полным сознанием всей важности выполняемых им заданий. Он действовал очень смело и очень осторожно, чтобы добиться прочного и длительного успеха.

ТРУД И ЕЩЕ РАЗ ТРУД

На каком бы посту ни работал советский человек, главным условием успеха его деятельности является труд — упорный, самоотверженный труд на благо Советской страны, в интересах борьбы за коммунизм. Это в полной мере относится и к советским разведчикам. Зорге был человеком недюжинных способностей и в то же время великим тружеником.

Его рабочий день был крайне напряженным. Он должен был прежде всего сочетать руководство разведывательной организацией с работой журналиста. Репутацию лучшего германского корреспондента на Дальнем Востоке нелегко было завоевать. Для этого нужно было беспрерывно расширять свои знания. Сам Зорге рассказывал, что он собирал в своей библиотеке, насчитывавшей от восьмисот до тысячи томов, все переводные издания японских книг, лучшие книги, написанные иностранцами о Дальнем Востоке. Рихард настойчиво изучал древнюю историю Японии — политическую и социально-экономическую. Зная историю Японии, было много легче разобраться в современных политических и экономических проблемах страны.

Вот что он сам писал об этом:

«Я очень подробно изучал аграрную проблему, потом переходил к мелкой промышленности, средней и, наконец, тяжелой индустрии. Я, конечно, изучал также общественно-социальное положение японского крестьянина, рабочего и мелкого буржуа...

...Я интересовался также развитием японской культуры с древних времен, влиянием, которое на это развитие оказывали разные китайские школы, и развитием культуры в современный период, начинающийся эрой Мейцзи. Вдобавок к своей библиотеке я пользовался библиотекой посольства, личной библиотекой посла, библиотекой Восточноазиатского германского общества».

Весь этот огромный труд был подчинен одной цели: невзирая на прочность и многосторонность своих общественных связей, несмотря на свои особо близкие, доверительные отношения с послом, Зорге неустанно заботился об усилении и развитии своего положения как корреспондента. В свою очередь, авторитет, завоеванный Зорге в этой области, немало способствовал упрочению его позиций в немецком посольстве.

Зорге по этому поводу писал:

«Мое изучение страны было важно для моего положения как журналиста, ибо без такого багажа я не был бы в состоянии подняться над уровнем среднего немецкого корреспондента — уровнем не особенно высоким. Мои знания дали мне возможность найти в Германии признание как лучшего корреспондента по Японии. Редакция «Франкфуртер цейтунг» часто хвалила меня за то, что мои статьи поднимали ее международный престиж. Именно благодаря моему солидному положению как журналиста германский МИД предложил мне высокую официальную должность пресс-атташе».

«Свою позицию в посольстве я завоевал не только потому, что у меня были приятельские отношения с работниками посольства; наоборот, кое-кто из этих работников неблагожелательно относился к факту моего влияния в посольстве. Главными причинами, создавшими мое положение в посольстве, были мои

большой запас общей информации, мои обширные знания Китая и детальное изучение Японии. Без этого, несомненно, никто из работников посольства не стал бы обсуждать со мной политические вопросы или просить у меня совета по секретным проблемам. Многие из них обращались ко мне с такими проблемами, так как они были уверены, что я чем-нибудь посодействую их разрешению. Никто из работников посольства не был так хорошо знаком с Китаем и Японией, как я».

Отт, старый офицер рейхсвера, не был убежденным нацистом. Люди его круга недолюбливали «коренных нацистов», «нацистов-выскочек». Зорге же в его глазах был солидным представителем догитлеровской интеллигенции. Отт не обладал большим политическим кругозором, и этот недостаток «восполнялся» советами и помощью его «друга» Зорге, столь эрудированного в сложной политической обстановке на Дальнем Востоке. К тому же Отт видел в Зорге надежную «идеологическую опору». Отт видел в Рихарде выдержанного, образованного нациста, мнение которого в определенной мере служило гарантией против политических ошибок, против политически неверных, с точки зрения нацистской идеологии, представлений.

Содействие Отту в составлении политических докладов и донесений часто сводилось к тому, что Зорге в основном сам писал эти документы; давал советы послу, которые принимали характер «инструктажа» по разным проблемам положения на Дальнем Востоке; обсуждал с Оттом текущие посольские дела, текущую корреспонденцию посольства. Все это отнимало очень много времени. Рихарду часто приходилось работать в посольстве по ночам. Иногда он возвращался оттуда крайне усталый, истощенный.

К Зорге стекалось огромное количество информаций в результате чтения секретных документов, бесед с Оттом и другими работниками посольства. На некоторых сообщениях Зорге ставилась отметка: «Вечером у Отта». Это была информация, собранная на вечерах, устраиваемых для узкого круга гостей на квартире

Отта за чашкой чаю или за коктейлем; здесь, кроме немцев, бывали и иностраицы.

Поступающие сведеиия надо было проанализировать, обобщить. Путем оценки, сопоставления надо было определить степеиь достоверности той или иной ииформации, из противоречивых иногда сведений выделить иаиболее вероятное, отсеять иесущественное от существеииого, неизменно и целеустремленно руководствуясь при этом главными разведывательиыми целями, которые были поставлены Центром. Только после этого можио было приступить к труднейшей задаче составлеиия максимально коротких и совершенно четких радиодонесений.

В беседах надо было стремиться к тому, чтобы узиать побольше иеобходимых сведений. И в то же время иельзя было проявлять излишнего любопытства. У Зорге со временем выработалось замечательное умение незаметно, вскользь брошеиным замечанием иаводить собеседника иа высказываиия, которые от него требовались. Помогла делу его профессия журналиста, которому «по штату положеио» быть любопытным. Но эту профессиоиальную «любознательиость» надо было проявлять в меру, не переигрывая. Всегда надо было помнить об опасности, чтобы ие выдать себя реакцией на то или иное сообщение. Поведение должио было быть выдержанио-нацистским: надо было радоваться таким сообщеииям, которые были благоприятны для фашистской Германии, и, наоборот, выражать иедовольство и разочароваиие по поводу таких иовостей, которые соответствовали интересам Советского Союза, интересам борьбы с фашизмом. Причем реакция иа услышанное, ее виешиие проявлеиия должиы были быть естественными, непосредственными. Зорге всем этим овладел в совершеистве. Но сколько это требовало неустаиного нервиого напряжеиия!

Уже одно то, о чем было рассказаио выше, делало рабочий день Рихарда весьма напряженным. Но ведь было еще миого других дел, которые требовали виимания и времени — времеии столь дорогого, столь иедостаточиого.

Надо было «усердно» заниматься делами посольской нацистской организации, своими «местными функциями», как Зорге выражался в переписке с Центром. Ведь Зорге отвечал за «политическое просвещение» членов нацистской организации...

Надо было посещать разные балы и вечера, устраиваемые в немецкой колонии. Здесь «спрос» на Зорге, этого общительного, яркого, умного, обаятельного человека, был очень большой; надо было идти в ногу с «обществом». Зорге был «другом дома» у Кауманна, представителя германских авиационных компаний в Японии, у Моора, представителя крупнейшего германского концерна Сименса. Это были влиятельные члены немецкой колонии в Токио, они пользовались большим весом в посольстве, «тесная дружба» с ними еще больше укрепляла положение Зорге среди работников посольства. В то же время Зорге выведывал у Каумана и Моора немало ценной информации о германских военных поставках.

Представляет интерес следующий рассказ радиста Клаузена о том, как он, приехав в Токио в декабре 1935 года, впервые увидел Рихарда. Это было в немецком клубе, где был организован «вечер берлинцев». Рихард был в центре внимания собравшихся. Во фраке и цилиндре, он под общие веселые замечания и выкрики в тот вечер выступал в роли продавца сосисок (сосиски продавались по повышенным ценам на благотворительные цели).

У Рихарда времени было в обрез. А тут целый вечер пришлось потратить на развлечение «берлинцев». И все же надо было закреплять свою репутацию «хорошего немца», не отрывающегося от своих земляков.

В конце 1935 года Зорге пишет в Центр, что главная беда — это нехватка времени.

Зорге работал и тогда, когда болел. Нельзя без волнения читать о следующем эпизоде, о котором рассказывал радист Клаузен.

В мае 1938 года Клаузен поздно вечером был вызван в больницу. Оказалось, что во время поездки на мотоцикле Зорге попал в серьезную аварию. Все его

лицо было в крови, передние зубы выбиты, на голове рана. Случилось так, что в кармане у Зорге был агентурный материал. Если бы Зорге дал себя сразу уложить в постель, то у него забрали бы одежду, и материал был бы неизбежно обнаружен. Напрягая всю силу воли и нервов, превозмогая страшную боль, Зорге потребовал немедленно вызвать к нему Клаусена, придумав для этого правдоподобное объяснение и отказываясь ложиться, пока тот не придет. «Вскоре после того, как я уехал из госпиталя,— рассказывает Клаусен,— Рихард потерял сознание». Но он успел незаметно передать Клаусену материал, который мог привести к беде.

Несмотря на сильную боль, Зорге работал даже в больничной палате. Немецкий военный атташе майор Шолль часто навещал Зорге в больнице, делился всякими новостями. Клаусен рассказывает, как он сам приносил Рихарду бумагу и карандаш и тот писал телеграммы для передачи по радио.

То же, по словам Клаусена, происходило в последние месяцы перед арестом, когда у Зорге побаливало сердце и ему приходилось то и дело ложиться. Он лежал в постели и диктовал мне телеграммы, которые я должен был отправлять.

Зорге никогда не бывал вполне удовлетворен тем, что им было достигнуто. Мысль его постоянно работала над тем, как бы еще больше улучшить, расширить возможности получения разведывательной информации.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ КОММУНИЗМУ

Героизм советских людей, героизм борцов за коммунизм в своих проявлениях разнолик, многогранен.

...Под сильным огнем противника бойцы залегли. Но надо идти вперед, нужно во что бы то ни стало занять неприятельскую позицию. И вот один из воинов ужс поднялся, ринулся вперед, увлекая за собой всех остальных, обеспечивая успех сражения.

На окопы надвигается неприятельский танк, вы-

шло из строя противотанковое орудие, отказало противотанковое ружье. Из окопа поднимается боец, идет навстречу танку. Сильный рывок, точный расчет — и связка гранат летит под танк, останавливает его...

Много было примеров героизма на фронтах Великой Отечественной войны. При всем многообразии подвигов их объединяла одна общая черта: они были совершены в открытом бою, на виду у боевых товарищей, на миру.

Резко отличен по своим внешним проявлениям героизм советского разведчика Рихарда Зорге, выполнявшего особо важные для нашей Родины задания в стане врага.

Вот он на балу в немецком посольстве оживленно беседует с дипломатом Ш., доверенным лицом нацистского министра иностранных дел Риббентропа, только прибывшим из Берлина. Они несколько раз чокнулись, а теперь отошли в отдаленный угол зала, продолжая свой весьма, видимо, доверительный разговор...

Вечером Рихарда срочно вызывают к послу Отту. За чашкой кофе с ромом посол показывает телеграмму из Берлина, которая ввергла его в замешательство: опять какой-то малопонятный зигзаг в политике нацистского правительства. Что по этому поводу думает доктор Зорге? Что надо ответить, чтобы попасть в тон правительству?

Со стороны глядя, говоришь себе: о каком же героизме тут может быть речь? Просто приятное времяпрепровождение. Не в окопной грязи, а в ярко освещенных залах, среди «изысканного» общества.

Так это выглядит внешне. А в действительности работа, которую проводил Зорге, была до предела полна опасностей. И предпосылкой ее успеха был такой же порыв, такая же преданность делу борьбы за коммунизм, как у фронтовых бойцов.

Совершенно неправильно было бы ставить вопрос: а какой подвиг выше — совершенный в открытом бою или на «невидимом фронте»? Здесь сравнение невозможно.

Это разные проявления героизма. Подвиг Зорге был длительным, беспрерывным, осуществлялся он не на родной земле, а далеко от нее, во вражеской среде, и выступать ему приходилось, как однажды писал Зорге, в очень неприятной роли.

Быть всегда бдительным, чтобы неосторожный шаг не привел к опасным последствиям. Постоянно сознавать особенность бытия разведчика, когда одно непредвиденное обстоятельство может вдруг нарушить и разрушить всю маскировку, то видимое «прочное положение», которое он себе создал тяжелым и умелым трудом.

С настойчивой решимостью, целеустремленно и последовательно использовать каждую предоставляющуюся возможность для выполнения поставленных Центром задач и, более того, самому создавать эти возможности. Проявлять максимум инициативы, выдумки и в то же время соблюдать строжайшую дисциплину в соответствии с директивами Центра.

Сочетать революционную страстность с точным, холодным расчетом, большой размах и смелость — с кропотливой, тщательной разработкой всех деталей намеченных операций. Идти на риск, когда это оправдывается обстоятельствами, когда это диктуется интересами дела; не поддаваться искушению показать самому себе, «какой я невероятно храбрый», и избежать авантюризма.

Сколько для всего этого требуется выдержки и силы воли, как напряженно должен работать ум, как надо дисциплинировать свои чувства, мобилизовать все свои способности, поставить на службу делу свой жизненный опыт и свои знания! И какая огромная нагрузка на нервную систему!

Зорге умел приспосабливаться к трудностям, он не любил говорить о них. Его никогда не останавливал дополнительный риск, если он был убежден, что этого требуют интересы советской разведки. Сколько раз бывало, что Центр не соглашался с предложениями Зорге, считая, что их реализация связана с чересчур большой опасностью. Но Зорге убедительно и горячо

доказывал, что задуманное возможно осуществить, и Центр в конце концов полагался на душевные и умственные качества Зорге, на его замечательное чутье разведчика.

И вот даже такой человек начиная с 1938 года пишет домой об «изнуряющем характере» своей работы, о том, как истощены нервы. То и дело он в письмах упоминает о физическом недомогании, о том, что дают о себе знать раны, полученные на фронте в первую мировую войну. Но куда острее еще, чем эти физические испытания, давала себя чувствовать тоска по Родине, товарищам, тоска, которую мы, нелегальные разведчики, так остро ощущали на чужбине.

Представитель Центра «Алекс» (тов. Борович), который встретился с Зорге осенью 1936 года в Пекине, рассказывает: когда они прощались с Рихардом, у этого стального, волевого человека были слезы на глазах.

Зорге писал Центру 26 апреля 1938 года: «Причины моего настойчивого желания поехать домой вам известны. Вы знаете, что я работаю здесь уже пятый год. Вы знаете, что это тяжело. Мне пора поехать домой и остаться там на постоянную работу».

Но уехать было нельзя. Нельзя было терять завоеванное: ведь никто не мог бы заменить Зорге в роли доверенного советника немецкого посла. А международная обстановка, в том числе обстановка на Дальнем Востоке, все больше осложнялась, все больше возрастала опасность фашизма и войны против Советской страны. Зорге это понимал, неимоверные трудности работы ни в какой мере не ослабляли его боевой дух.

7 октября 1938 года он пишет: «Пока что не беспокойтесь о нас здесь. Хотя нам здешние края крайне надоели, хотя мы устали и измождены, мы все же остаемся все теми же упорными и решительными парнями, как и раньше, полными твердой решимости выполнять те задачи, которые на нас возложены великим делом».

В конце же этого года Зорге пишет, что работать становится все труднее, но зато мы становимся все

опытнее. «Мы,— отмечает он,— уже стали «стариками» на работе».

21 февраля 1939 года он посылает радиограмму к годовщине Советской Армии: «Мы стоим на своем посту и вместе с вами встречаем праздник в боевом настроении».

В этих словах ярко выражен героизм Зорге, героизм непоколебимого бойца «невидимого фронта». И эти слова ежедневно и ежечасно подтверждались замечательными делами, приносившими величайшую пользу Советскому государству. Как умно, как творчески он действовал, чтобы еще больше расширить информацию для Центра! Приведу пример.

В марте 1938 года он убеждает Отта (тогда еще военного атташе) совершить поездку в Маньчжурию, зная, что обо всем увиденном и услышанном Отт обязательно расскажет Зорге, своему «другу» и «советнику». Отт уже собрался выехать, как в конце месяца пришло известие о его назначении послом. И Зорге устраивает так, что в Маньчжурию направляется помощник военного атташе майор Шолль. Шолль задержался в Маньчжурии дольше запланированного времени, и Зорге, которому Шолль теперь уже нужен был в Токио, добился его срочного вызова из командировки.

Чрезвычайно трудно в статье подвести итог всему тому, что Зорге сделал для советской разведки. Мы укажем лишь на часть информации, которую он дал Центру начиная с 1939 года.

В первые месяцы 1939 года Зорге сообщил, что Гитлер поставил первоочередной задачей разбить Польшу, затем Францию и Англию, а нападение на СССР будет осуществлено после разгрома Европы. В мае 1939 года, уточняя эти сведения, Зорге передал, что нападение на Польшу будет произведено 1 сентября, как это в самом деле и произошло.

В 1940 году заблаговременно было сообщено о сроках наступления германских войск на Францию и основном направлении стратегического удара немецких войск.

Самое первое предупреждение о готовящейся Гитлером войне против Советского Союза Зорге послал еще 18 ноября 1940 года. Со слов человека, выбравшегося из Германии, сообщалось о проводимых там мерах по подготовке к войне.

11 апреля 1941 года Зорге предупреждает о войне на основе данных, сообщенных ему хорошо информированными немецкими военными и дипломатами. 2 мая Зорге информировал Центр со слов посла Отта, что Гитлер «решительно настроен» начать поход против СССР, что критический момент — это окончание сева, что Германия хочет собрать урожай. В том же месяце Зорге сообщил примерное количество войск, которое будет сосредоточено. 15 мая Зорге сообщил, что нападение Германии произойдет 20—22 июня. Было еще несколько телеграмм о надвигающейся войне, посланных Зорге между 15 мая и 15 июня.

И не вина Зорге, что эти его предупреждения, как и предупреждения некоторых других советских разведчиков, остались без внимания.

22 июня фашистская Германия напала на Советский Союз, 26 июня Зорге радирует:

«Выражаем наши лучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу».

Теперь совершенно исключительное значение приобретал вопрос о дальнейшем направлении агрессии японского милитаризма.

Начиная с 1938 года Зорге систематически и правильно информировал Центр о борьбе двух группировок японского милитаризма — первой, состоящей главным образом из представителей армии, отстаивавшей «северное направление» агрессии — против Советского Союза, и второй группировки, представленной кругами военно-морского флота, считавшей, что экспансия японского милитаризма должна быть в первую очередь направлена в сторону Юго-Восточной Азии и Соединенных Штатов Америки. Для той и другой группировок агрессия против Китая, которая широко развернулась в 1937 году, явилась подготовкой к следующим этапам агрессивных планов Японии.

С началом Великой Отечественной войны жизненно важное значение приобретала информация о том, собирается ли Япония напасть иа Советский Союз. Эта информация была необходима для решения вопроса о том, какое количество войск может быть сиято с Дальнего Востока и брошено против рвущихся вперед германо-фашистских войск, продвигавшихся к Москве.

Рихард Зорге хорошо понимал значение стоящей перед ним задачи. Всю свою неуемную энергию, все свое громадное умение разведчика, всю революционную страсть борца за коммунизм ои мобилизует для выполнения задания Центра.

30 июля Зорге по радио доносит, что, если Красная Армия остановит немцев у Москвы, Япоиия ие выступит против Советского Союза. Как это впоследствии было установлено по докумеитам, захвачеиным после войны в Германии и Японии, сообщеиие Зорге было совершеино точным: Япония вступила бы в войну, если бы была взята Москва.

Все это озиачает, что войны в текущем году не будет.

Телеграммы относительно плаиов японской военщины были последними, посланными Рамзаем до ареста. Но как неоценимо значение этих слов, переданных самым мужественным и талантливым советским разведчиком-коммуиистом! Какое достойное, какое иеобыкновенно яркое завершение восьмилетнего подвига служения Советской Родине, служения делу коммунизма в труднейших условиях!

Войну против фашистской Германии мы выиграли благодаря неисчерпаемым силам советского социалистического строя, благодаря массовому героизму советских людей. И лепта, которую в нашу победу внес Рихард Зорге, была особенно весомой. То, что им было сделано, стоит в ряду самых выдающихся подвигов суровых дней Великой Отечественной войны.

18 октября были арестованы Вукелич, Клаусен и Зорге. Несколькими днями раиьше — Одзаки...

Тесная камера тюрьмы Сугамо в Токио. Дневной свет еле проникает через небольшое окошко с желез-

ной решеткой, расположенное под самым потолком. Маленькая электрическая лампочка, какая-то недужная, подслеповатая. Ни свет, ни тьма.

День ли теперь, ночь ли — об этом, привыкнув к обстановке, Зорге научился догадываться лишь по шорохам и звукам, которые улавливались им в определенные промежутки на протяжении суток. Его поместили в такую камеру, где тишина была наиболее полной,— в расчете внушить советскому разведчику ощущение одиночества, покинутости. Днем и ночью улавливались мягкие шаги надзирателей, через одни и те же промежутки времени кто-нибудь останавливался у волчка, заглядывал в камеру. Зорге должен был всегда знать и чувствовать, что за ним неустанно наблюдает недреманное полицейское око.

Рихарду Зорге все эти полицейские изощрения были безразличны, он внутренне посмеивался над этими психологическими хитростями. Мысль работала очень интенсивно. Зорге беспрестанно задавал себе вопрос: все ли он сделал, чтобы выполнить свой долг разведчика, долг коммуниста? И как он ни был самокритичен, Зорге должен был сказать себе, что работал с полной отдачей сил, что его организация принесла немало пользы Советской Родине, делу борьбы за коммунизм. Это сознание укрепляло, внушало бодрость, уверенность.

Но было одно чувство, которое вызывало у Зорге постоянную боль. Он, человек революционной мысли и революционного дела, не мог привыкнуть к состоянию вынужденного бездействия.

Японские полицейские и судьи тянули с разбором дела. Суд состоялся только в сентябре 1943 года, спустя почти два года после ареста Зорге. На вынесенный ему смертный приговор он подал апелляцию, которая была отклонена через четыре месяца — в январе 1944 года. А до казни прошло еще целых десять месяцев, в течение которых Зорге каждый новый день должен был ждать исполнения приговора, каждый день он засыпал тревожным, каким-то нереальным сном, задавая себе вопрос, не последняя ли это ночь, которую ему осталось жить.

Во время бесконечных, изнурительных допросов Зорге заявил: «Октябрьская революция указала мне путь, которым должно идти международное рабочее движение. Я тогда принял решение не только теоретически и идеологически, но и действенно, практически в нем участвовать. Все, что я предпринимал в жизни, тот путь, которым я шел, было обусловлено тем решением, которое я принял 25 лет тому назад. Происходящая германо-советская война еще больше укрепила меня в правильности того коммунистического пути, который я избрал. Я об этом заявляю с полным учетом того, что со мной произошло за 25 лет моей борьбы, в частности, и с учетом того, что со мной произошло 18 октября 1941 года».

День 7 ноября был не случайно избран японской контрразведкой для казни Зорге. Это, очевидно, было придумано как особо изощренная форма мести: все коммунисты мира, весь международный пролетариат, все прогрессивное человечество празднуют этот день, годовщину первой великой пролетарской революции, изменившей безвозвратно ход мировой истории. А вот вы, коммунист Рихард Зорге, за вашу строптивость и твердокаменную революционную волю будете именно в этот день повешены.

Классовый враг не понимал, что, действуя таким образом, он невольно отдал дань уважения советскому разведчику. Ибо злоба врага — лучшая похвала советскому человеку, коммунисту.

На казнь Зорге шел спокойно, уверенно. Перед тем как открылся люк, он успел сказать внятно и четко: «Да здравствует Коммунистическая партия, Советский Союз, Красная Армия!»

Тремя годами раньше в радиограмме, переданной к 1 Мая 1941 года, Зорге сказал: «Всеми своими мыслями мы проходим вместе с вами через Красную площадь».

7 ноября 1964 года исполнилось 20 лет со дня казни Рихарда Зорге. В этот день советские люди, гордясь своими великими достижениями, готовясь к новым трудовым боям на пути к коммунизму, думали о

тех, кто погиб за наше дело, за то, чтобы росла и процветала наша страна.

И мы в этот день, шагая по площадям и улицам необъятной Советской страны, с особой теплотой вспоминали имя отважного разведчика, Героя Советского Союза Рихарда Зорге, чья прекрасная жизнь была вся без остатка отдана борьбе за коммунизм.

П. НИЛИН

егор или василий?

В прошлом месяце пулеметчик Егор Мурашов, наконец, получил долгожданное письмо из дома, из Сибири.

Мать писала ему, что в доме у них все хорошо, все благополучно, и, кроме того, Аниса, жена старшего брата, Василия, родила мальчика.

Мальчик справный, веселый и походит на дедушку Ивана Григорьевича. Хотели его поначалу назвать Иваном.

Но пока еще никак не назвали, потому что неизвестно, где находится в настоящее время его законный родитель, гвардии сержант Василий Мурашов.

Без его согласия как-то неудобно называть дитя. Вдруг он потом скажет, что без него тут самоуправничали, когда он был на войне! Написали ему уже три письма, но ответа никакого не получили. Где он, Василий, что с ним?

Дома, конечно, понимают, что война не сахар, всякое могло случиться. Но лучше отписать как следует, что случилось,— будет легче.

Мать просила Егора Мурашова как можно скорее выяснить, где его брат, и немедленно сообщить о нем в Сибирь, в город Усолье.

«Посылаю тебе, Егорушка,— писала мать в конце письма,— мое родительское благословение. Пусть хранит тебя в боях наш сибирский святой Иннокентий, в которого ты, конечно, не веришь, но он все равно тебя должен хранить, раз я ему молюсь каждодневно. И брата твоего Василия тоже должен. И он, наверно, живой и здоровый и в полном порядке, но отписать вовремя не успевает, потому что мы тоже не дураки и понимаем, что письма писать там, наверное, не очень хорошая обстановка.

Привет тебе и низкий поклон ото всех.

Мама твоя Катерина Михайловна Мурашова».

Пулеметчик Егор Мурашов показал это письмо своему начальству, и начальство нашло уважительной причину, по которой он просил разрешения отлучиться хотя бы часа на два, поискать брата в соседней части, где он встречался с ним недели три назад.

Василий тогда волновался насчет жены своей Анисьи. И теперь ему, конечно, радостно будет узнать, что жена благополучно родила, и именно мальчика, как он хотел.

Пулеметчик Мурашов тоже не думал, что с братом могло случиться какое-нибудь несчастье. Он шел в соседнюю часть по весенней распутице, по жидкому, израненному артиллерией лесу, уверенный, что встретит брата.

Но в части сказали, что сержант Мурашов сейчас находится в разведке. А писарь, которого пулеметчик угостил закурить, добавил еще по секрету, что разведка чего-то затянулась и никто не знает, когда теперь сержант вернется.

— Но ты заходи сюда в другой раз,— сказал писарь.— Я твоего братенника знаю. Он хороший парень. И если будут какие сведения, я тебе сообщу.

Пулеметчик Мурашов вернулся в свою часть встревоженный. А вдруг действительно Васька пропал? Что тогда написать домой?

В тревоге он прожил весь день и ночью в плохом настроении пошел на свой пост, на передний край, где улегся в еще по-весеннему голом кустарнике и, вглядываясь в сторожкую ночную темноту, прислушиваясь к тишине, продолжал думать о брате.

Потом он стал думать о племяннике, о том, как племянник вырастет, станет рослым мужиком и будет расспрашивать своего старенького дядю о подробностях гибели его, племянника, отца.

Ночь была мглистая. Накрапывал мелкий дождь.

Егор Мурашов притаился во тьме около своего пулемета, выдвинутого далеко вперед, и ждал всяких неожиданностей. Ждал и думал.

Впереди, где-то совсем близко, были немцы, но их не слышно и не видно.

Между немцами и русскими тишина, и тьма, и непролазная весенняя грязь.

И где-то в тылу у врага по этой грязи, по лужам, по лесному перегною, может, ползет сейчас на брюхе в ночи разведчик, гвардии сержант Василий Мурашов.

Всю зиму он ползал по тылам врага, по снегу. И сейчас ползет. А может, уже...

Дождь то усиливался, то стихал, то снова усиливался.

Егор Мурашов укутывался в плащ-палатку и, не мигая, смотрел во тьму, где ничего разглядеть нельзя было, кроме трех кустов осины, одиноко стоявших среди широкого поля.

На этом поле в прошлом году в это время сеяли хлеб, и в этом году, чуть позднее, тоже будут сеять, потому что немцы не удержатся тут долго, как не удержались на том месте, где сидит сейчас пулеметчик Мурашов.

Все время линия фронта продвигается вперед. Иногда ночью продвигается, иногда — на рассвете, иногда — днем. И сегодня, может быть скоро, опять начнется наша атака с левого фланга, или с правого, или с центра.

Война продолжается и в метель, и в мороз, и в дождь. И линия фронта все время извивается, как змея.

Немцы сейчас сидят в окопах, ожидая, может быть, что русские вот-вот откроют внезапный огонь. А может, немцы сейчас сами собираются прощупывать русских.

Обманчива тишина на переднем крае, особенно весной, особенно ночью, особенно когда идет дождь.

Под плащ-палаткой тепло и уютно пулеметчику Мурашову. Он натянул плащ-палатку и на голову, чтобы укрыться от дождя.

Но через мгновение встрепенулся, высвободил ухо — сначала одно, потом другое.

Нет, нельзя с головой закрываться, никак нельзя! А вдруг чего случится?.. Надо слушать.

И пулеметчик снова вслушивается в тишину.

Позади него чуть слышно чавкает грязь. Пулеметчик Мурашов не шевелится, замер. Грязь чавкает совсем близко.

Пулеметчик потрогал гранату. Ох, как нагрелась она у него на животе! Прямо горячая!

Грязь чавкает позади пулеметчика. Позади наши, но немец тоже может прийти с тыла.

Вовремя Егор Мурашов освободил уши. Он напряженно вглядывается в темноту.

И наконец успокаивается. По приметам, только ему понятным, он различает в кромешной тьме политрука. Политрук молча подползает к нему.

— Ну как дела, Мурашов? — шепотом спрашивает политрук.

— Ничего,— шепотом же отвечает Мурашов.

Политрук ложится около него на примятые еловые ветки, и оба молчат. И оба молча вглядываются в темноту.

Пулеметчик хотел бы поговорить сейчас с политруком, рассказать ему про брата, и про племянника, и про Сибирь.

Но говорить нельзя. Ничем нельзя выдавать своего присутствия в этом месте.

Можно только лежать, молчать и думать. И пулеметчик снова думает о своих семейных делах. И так проходят минуты и часы. И проходит ночь.

А перед рассветом впереди вдруг зачавкала и зашевелилась грязь. Пулеметчик чуть приподнялся, весь настороженный, напряженный, будто готовясь к прыжку.

— Фрицы! Фрицы, товарищ политрук! — прошептал он.

— Вижу,— чуть слышно ответил политрук и тоже насторожился. В темноте уже можно было различить три или четыре фигуры. Одна из них прижалась к земле, другие, переваливаясь на ходу, продвигались вперед.

Вот одна фигура приподняла голову, вглядывается, вслушивается и опять ползет. Она уже близко.

Можно, пожалуй, открывать огонь из пулемета.

Но Егор Мурашов медлит. Политрук тихонько толкает его в плечо. Мурашов, должно быть, не слышит.

Политрук снова толкает его. Первая фигура подползает совсем близко. Между нею и пулеметчиком метров, наверное, двадцать, не больше.

— Ну, стреляй же, Мурашов! — Политрук в третий раз толкает его в плечо.

Мурашов, наконец, поворачивает голову к политруку. И они понимают друг друга без слов.

Мурашову хочется взять немцев живьем. Он без слов просит политрука продвинуться к пулемету. А он, Мурашов, попробует подойти к немцам с тыла. И, зажав в руке гранату, он сию же минуту по-кошачьи неслышно, пользуясь прикрытием из кустов, уползает в сторону.

А еще через минуту политрук слышит его голос впереди, в темноте.

— Сдавайтесь, гады,— негромко говорит пулеметчик и добавляет чуть громче еще два-три слова, которые ни по радио не передают, ни в печати не публикуют.

В темноте молчание. Потом политрук видит, как одна фигура по-медвежьи тяжело выпрямляется, встает на колени.

— Бросай оружие! — говорит пулеметчик.— Бросай...

И опять эти самые слова.

— Наши, что ли? — медленно и удивленно спрашивает фигура.

— Руки вверх! — уже кричит пулеметчик Мурашов.

— Не шуми,— спокойно просит фигура.— Я же спрашиваю: наши, что ли?

— Бросай оружие, тебе говорят! — настаивает пулеметчик и чуть спокойнее спрашивает: — Вы кто такие есть?

— Да это ты, Егорша, что ли, глухарь собачий? Окосел? — раздраженно спрашивает фигура.

— Василий?

И в этом слове в голосе пулеметчика сразу совмещаются и радость, и разочарование, и конфуз.

— Это как же я тебя сразу-то не признал, Василий Семеныч? За фрица принял...

Пулеметчик ползет к брату. Между ними громко чавкает грязь.

— Погоди,— говорит Василий и снова уползает назад, в совсем густую, непроглядную темноту.

Пулеметчик возвращается к политруку. Политрук молчит. Потом чуть слышно смеется в темноте. Пулеметчик говорит задумчиво:

— Бывает какая глупость... а? Брата родного чуть не прикончил. И откуда он взялся, шайтан его знает!

Минуты через три к ним приближаются ползком фигур десять-пятнадцать или больше. Всех не различишь в темноте.

Это сержант Мурашов выводит на нашу сторону свою разведывательную группу.

Молча они продвигаются гуськом мимо сторожевого охранения и уползают в наш тыл.

А Егор Мурашов по-прежнему лежит у пулемета.

Политрук пробыл около него еще минут десять и тоже уполз.

Егор Мурашов лежит один и думает о странностях судьбы.

Утром гвардии сержант Василий Мурашов, уже доложивший в штабе о результатах разведки, явился, чисто выбритый и чуть исхудавший, в землянку к брату-пулеметчику, разбудил его и спросил, что слышно из дому.

О ночном происшествии ни старший, ни младший брат не сказали ни слова, будто ночью ничего особенного не произошло.

Сидя на бревнышке, Егор Мурашов рассказывал не торопясь, по порядку, все, что пишет мать, и потом сообщил о рождении племянника.

— Понимаешь, ребенка-то они еще никак не назвали. Все тебя разыскивали.

— А как же он без имени живет? Надо бы его все-таки назвать.— И Василий задумался.

— А кроме того,— продолжал Егор,— мамаша пишет, что они желают, чтоб мальчишку назвали как-нибудь получше. В том смысле, что, мол, обычай есть называть по какому-нибудь хорошему случаю. Например, она пишет так: «Может, у вас в части есть какой-нибудь герой, так вот,— она пишет,— хорошо бы мальчика, раз он первый, назвать, как какого-нибудь героя...»

Василий продолжал думать. Потом сказал:

— Ну что ж, давай назовем Егором. Пускай у нас в семействе будет два Егора. И оба Мурашовы.

— Почему Егором?

— Потому,— сказал Василий почти сердито и помолчал, сколько требовало раздумье.— Потому, что если б трус на твоем месте сегодня ночью сидел, то меня бы, может, больше не было. Он с испугу обязательно бы в меня или гранату кинул, или из пулемета шарахнул.

— Это правильно,— согласился Егор и, тоже помолчав некоторое время, спросил: — А как же тебя нелегкая на меня-то занесла, прямо на пулемет?

— Заблудились мы! — вздохнул Василий.— Ведь тут, где теперь наши, немцы на прошлой неделе помещались. Ну, мы идем из разведки. Прошли одно место, потом другое, теперь ищем третье, где бы меньше насыщенность была. Вижу я — все как будто в порядке, но кто-то в кустах шевелится. Я думаю — фрицы. Ну, думаю, или так пройдем, или с боем. А лучше всего, если заберем пулеметчика. Я к нему для этого и подползал...

— Значит, Вася, и ты меня бы мог прикончить? — спросил Егор.

— Свободно,— сказал Василий.— Ничего хитрого нету.

— Отчаянный ты мужик, Василий Семеныч,— почтительно произнес Егор. И потом спросил: — А может, назовем племянника Василием? Пускай у нас в семействе будет два Василия. По-моему, это правильно...

Василий молчал.

ДУЭЛЬ

Иван Торопов стоял на посту у шоссе. А вокруг бушевала весна, как бушует она все этн дни в потревоженных войной подмосковных лесах.

Но война уже отодвннулась от лесов Подмосковья, н тут, где стоял часовой, не слышно было даже артнллерийского гула.

Иван Торопов стоял у шоссе н смотрел туда, где поблескивающнй под солнцем мокрый асфальт слнвался с голубеющим небом. По этой дороге он шесть месяцев назад приехал сюда нз Сибнрн, был в боях, лежал два раза в госпитале.

А сейчас все это осталось далеко позади. И позадн как будто осталась война с ее грохотом, треском и внезапной, летучей смертью.

Здесь было тнхо, солнечно, мнрно. Часового томила тишина, от которой, таежный человек, он отвык в последнне месяцы, и в мечтательной тишине ему думалось теперь, что и война, может быть, никогда не начиналась и он никогда не уезжал нз Снбири.

В подмосковных лесах растут почти такне же сосны и ели, как в тайге, только, пожалуй, не так густо. Но так же пахнут онн по весне. И так же дышит влажная земля. И среди кустов шевелится туман.

Белка лнняет сейчас в тайге. Голодная, она ищет кедровый орех, затерявшнйся где-то под мокрой хвоей, под прошлогодней травой. Бить ее жалко в такое время, да н смысла никакого нету. Шубка у нее сейчас линялая, в лохмотьях.

Иван Торопов ннкогда не гнался за таким товаром. Он убнл в своей жизнн не одну сотню белок, и все это были белкн первый сорт. И еще он, наверно, много убьет нх, когда кончнтся война н он уедет обратно в Снбнрь, в деревню Оёк, что под Иркутском.

В Снбири у него два сына — четырех и двух лет. Вот они подрастут, н он будет водить нх на охоту, будет учнть нх охотничьей хнтрости н сноровке. Белку, например, надо бнть в глаз, тогда неиспорченная

шкурка у нее будет первый сорт. Чего? Глаз у белки не видно? Шибко маленькие у белки глаза? Это ничего не значит. Надо приглядеться, на то и охотник.

И маленькие сыновья в мечте виделись Ивану Торопову большими парнями, такими же рослыми, как он сам — их родитель. Он их видел с собой на охоте.

Над шоссе кричали вороны, и крик этот снова возвращал часового в мир реальных вещей. Он заметил, что вороны прицеливаются к какой-то куче. Из кучи торчали сапоги и руки, как сучья.

Часовой знал, что это немцы, убитые еще зимой, вынуты сейчас из придорожных кюветов, из лесной чащи и собраны тут, перед тем как будут закопаны в землю. В стороне красноармейцы копают могилу. Озорной красноармеец лопатой пугает ворон.

Зимой тут шли бои, а теперь тишина и благодать, и шумят только весенние ручьи да противно каркают вороны, учуявшие мертвечину. И в воздух, смолистый, густой, ароматный, проникают сладковатые струйки трупного запаха.

А надо всем этим голубеет чистое, нежное, обогретое солнцем небо. И не хочется верить, что невдалеке отсюда еще идут кровопролитные бои. Бои идут вокруг вот этого же шоссе.

В небе кружит, распластавшись в синеве, крупный ястреб.

Часовой поднял голову, смотрит на него и думает, что ястреб сильно походит на истребитель. Наши истребители народ так и называет «ястребками».

Часовой смотрит на ястреба и не видит, как из-за леса появляется настоящий истребитель. Часовой только слышит нарастающий шум мотора и медленно поворачивает голову. Истребитель, наверно, наш. Но зачем он стреляет?

Иван Торопов вглядывается в него острым охотничьим глазом и, наконец, явственно различает на нем фашистские знаки. Чего ему надо тут? В кого он стреляет?

Хорошо бы все-таки часовому укрыться куда-нибудь на всякий случай. Вдруг немец сослепу попадет

в него, убить может. Но укрыться некуда, да и нельзя часовому уходить с поста.

Часовой смотрит в небо, заслонив глаза от солнца ладонью. А истребитель все стреляет и снижается. И часовой чувствует, как по плечу, под шинелью, потекло у него что-то теплое и густое. Истребитель стреляет в него.

Иван Торопов отступает на шаг, становится за толстый ствол сосны и вскидывает винтовку.

— Эх, мать честная, в какое место целиться-то, не знаю! Ведь стальной он, дьявол, не пробьешь, однако, пулей-то его.

Но Иван Торопов все-таки стреляет в самолет. И под ясным небом завязывается неравная дуэль.

Истребитель кружит над часовым, как те вороны, и свистят пули, вгрызаясь в асфальт, в шоссе.

В ответ на множество пуль истребителя часовой может выпустить только одну, потом другую, третью, четвертую, пятую. И обойма пустая.

Иван Торопов не спеша заправляет вторую обойму. Он не чувствует теперь, как теплые струйки крови пробиваются у него под шинелью, под гимнастеркой.

«Голову бы он мне только не попортил»,— тревожно думает часовой.

И снова, старательно прицеливаясь, стреляет.

Пускай бы он ниже спустился, истребитель, видно было бы хоть летчика, а то что ж так палить в божий свет, как в копейку. Не видно ничего, и патронов не наберешься.

А у немца патронов, наверно, много. Ему патроны готовит чуть ли не вся покоренная им Европа. Вот немецкий летчик и затеял, может быть из баловства, этот поединок с одиноким часовым. Конечно, из баловства, из озорства. Он уже выпустил в часового несколько очередей и не очень тревожится, должно быть, что не все пули попадут в часового. Но все-таки удивительно, что часовой там стоит, при шоссе, до сих пор. Летчик видит его за сосной. Часовой не прячется. Он просто стоит и стреляет.

А может быть, это вовсе не часовой? Может быть,

это памятник, монумент? Живой человек давно уже должен бы упасть. Чудес не бывает.

Чтобы еще раз убедиться в этом, истребитель снизился до бреющего полета и в тот же момент, кувыркнувшись, врезался металлическим носом в кювет, около мертвых немцев, над которыми только что кружили вороны.

Через мгновение упал и часовой Иван Торопов.

А когда его подняли и доставили в медсанбат, оказалось, что он получил тридцать восемь пулевых ранений. Но он все еще жил.

— Попал я в него? — озабоченно спросил он.

— Попал.

— Куда? В какое место попал-то?

— В самую середку, как надо.

— Правду вы говорите?

— Правду.

— Ну, слава богу! — удовлетворенно сказал Иван Торопов и потом, напрягая все силы, медленно, с расстановкой добавил: — А я, однако, весь изболел душой. Думаю, неужели я в него не попаду? Ведь я не знаю, в какое слабое место у него целиться. Ведь я в самолеты-то ни разу, однако, не стрелял.

Он виновато улыбнулся, как бы испрашивая прощения за то, что в самолет он раньше никогда не стрелял, и с этой улыбкой умер.

С. ЖЕМАЙТИС

БЕШЕНЫЙ "ТИГР"

— Ксюша? — спросил Иванов.— Быть не может! Вот дела! Тут немцы, танки, и она еще в придачу.

Ложкин, не отрывая глаз от бинокля, ответил:

— Да, это она. Умница! Видишь, вначале шла по той стороне дамбы, затем перебралась через бетонную трубу на нашу сторону.

Иванов протянул руку.

— Дай-ка я взгляну: неужели что с Кирей стряслось? Мы тут спим, как в доме отдыха.

— Зря мы согласились оставить его у старика.— Ложкин снял с шеи ремешок и протянул небольшой цейсовский бинокль.

Иванов нашел девочку среди высокой болотной травы; она уже перебралась через топь, заросшую камышом, и, низко пригибаясь, быстро шла прямо на их крохотный островок, затерявшийся посреди заболоченной низины. Мелькнуло ее смуглое испуганное личико и скрылось в траве. Иванов стал осматривать деревню на бугре. Из нее выехал грузовик с с крытым кузовом и, пыля, покатил по дамбе. У кузницы два немецких солдата бегали вокруг танка и ловили белую курицу; третий стоял, держась за бока; автомат мотался у него на шее.

— Будто все спокойно,— сказал Иванов, опуская бинокль,— солдаты кур ловят.

— Нет, что-то с Кириллом неладно.

Они молча с тревогой ждали девочку, думая о раненом товарище.

Кирилла Свойского ранили в ногу еще при переходе линии фронта. Несколько дней он крепился, говоря, что рана пустяковая: пробита мякоть ноги. Но сказались большие переходы, ночевки в поле, по сырым оврагам, в лесу. Нога разболелась. Прошлую ночь они несли его, стараясь уйти как можно даль-

ше от передовой. И вот под утро наткнулись на деревушку, где не было немцев.

Кирилла взялся выходить старик кузнец.

— Я его так спрячу, что сам не найду,— шутил он, отечески посматривая на разведчиков.— Не беспокойтесь, товарищи, выходим мы вашего Кирилла вот с Ксюшей. До вечера на сеновале полежит, а ночью в лес отвезу, там у меня пасека небольшая. Жалко, сейчас нельзя: скоро туман разойдется. Курорт, а не пасека. Может, и вы надумаете, денек-другой поживете? У нас тихо. Вчера только разъезд на мотоциклах заглянул. Походили по избам, побормотали что-то и уехали назад по дамбе. Теперь не скоро снова появятся. Ну как, может, и впрямь поживете у нас?

Ложкин, к великому неудовольствию Иванова, наотрез отказался от приглашения кузнеца.

— Раз такое дело, то придется вам дневать в болоте. Правда, островок там есть, сухой довольно. Ксюша проводит вас.

— Мы сами найдем,— сказал Иванов, недовольно хмурясь.

— Ни в коем разе. Заблудитесь. Весь день в воде просидите, а вам выспаться надо. Вот возьмите хлеба, сальца.

Тоненькая девочка сидела на кровати, натянув на плечи одеяло, и не спускала огромных глаз с Иванова и Ложкина.

— Не дай бог, еще в трясину попадете,— сказала она и спрыгнула с кровати,— а я здесь все тропинки знаю. Мы через этот островок раньше в дальний лес по ягоды ходили. Когда в Горелихе еще фашистов не было.

— Лесом до Горелихи, если в обход,— пояснил кузнец,— пятнадцать верст, а через болото и пяти не будет. Ну идите, пока туман не разошелся. Хотя в деревне народ у нас хороший, да, может, чужой кто гостит. Лучше уж поберечься.

Кирилл Свойский, прощаясь, сказал:

— Ну и местечко вы мне подобрали! Всю жизнь мечтал пожить в такой деревне среди лесов. Птицы

поют, слышите? И войны нет. Как на необитаемом острове. Через недельку выйду из ремонта в такой обстановке.

— Только без фокусов, Кирилл,— предупредил Ложкин.— Нам вряд ли удастся побывать здесь еще раз до наступления.

— Само собой. Будем пчел разводить с дедом.

Иванов помог ему забраться на сеновал.

Они долго шли в густом утреннем тумане по невидимой тропинке среди сизых от росы камышей.

Девочка привела их на островок.

— Ну вот, тут хорошо вам будет. Я пойду. А вы еще придете?

— Придем.— Иванов погладил ее по мокрой головке.— Обязательно придем. Только ты никому...

— Разве можно! — Ксюша вспыхнула от обиды и убежала.

Взошло солнце, ветер разогнал туман; разведчики просушили мокрое обмундирование и, обманутые тишиной, уснули на мягкой влажной земле. Проснувшись около полудня, увидели, что в деревне немцы. И вот к ним бежала Ксюша с какими-то вестями.

Она влетела на бугорок, задыхаясь. В ее испуганных глазах мелькнула радость.

— Ой! Вы здесь, а я-то думала...— Она упала на землю.

Ее подняли, напоили водой из фляги.

— С Кириллом что-нибудь? — спросил Иванов.

Она часто закивала.

— Пусть успокоится,— сказал Ложкин.

— Нет, нет, я ничего... сейчас.

— Успокойся, Ксюша.— Иванов протянул флягу.— Попей еще.

— Нет, нет... спасибо... танкисты его...

Иванов взялся за голову.

— Предали Кирюху! Эх!..

— Нет, не предали! Как вы можете так говорить!

Глянув в ее большие серые глаза, Иванов забормотал:

— Да не про тебя я, не про деда. Кто-нибудь...

— Никто его не предавал! Нет у нас в деревне предателей! Слышите! Нет!

— Ну прости, Ксюша. Как же тогда?

— Сам он! Может, ничего бы и не было, если бы оставался на сеновале, куда вы его положили. Он сам оттуда спустился. Не хотел, чтобы его нашли у нас. Он благородный человек! — Она опять так взглянула на Иванова, что тот опустил глаза.— Ни я, ни дедушка не видали, как он спустился. Дедушка ушел в кузницу, а я обед готовила на летней кухне. Он пополз через огород, потом через канаву и в крапиву и там спрятался. В это время в деревню танк пришел со станции, не по дамбе, а с той стороны. Остальные застряли. Санька Бармин говорит, что мост возле Захаровки вместе с «тигром» провалился. Это же «тигры». Один у нас остановился. Четыре немца вошли. Стали везде шарить, в кастрюлю заглянули. Гогочут. С ними собака бульдожка. Страшная-престрашная. На меня рычать стала, они прогнали ее. Увидали лукошко с яйцами, плясать стали. Один стал яичницу жарить. Другой водку принес — вот такую бутыль. К нам на стол ставит, как дома. Третий сел как барин. Четвертого нет. Наверное, думаю, в погреб полез. Вышла посмотреть и слышу, лает бульдожка в крапиве, хрипит аж, а к нему бежит тот самый четвертый фашист и вытаскивает револьвер. Подбежал к крапиве и что-то закричал, а из крапивы — «бац, бац!». И он упал. Те трое сначала не обратили внимания, потом один вышел, стал звать: «Ганс, Ганс!» А тот Ганс оказался не убитый, а только раненый; поднимается из канавы, за плечо держится. Остальные, как увидали его, тоже пистолеты вынули. Галдят. Потом стали окружать крапиву. Не стреляют, а в них из крапивы — «бах, бах!..».

— Из пистолета? — спросил Иванов.

— Кажется. Такое ружье дедушка спрятал.— Она показала на автомат Иванова.

— Это теперь не имеет уже значения,— сказал Ложкин.

— Да нет, не говори. Как это мы проспали? Там Кирюха погибал, а мы...

— Он еще не погиб,— перебила Ксюша.

— Взяли!

— Да. Привели его к нам во двор. Он упал и лежит. Весь в крови, рука покусанная. Два немца его привели. Третий раненую собаку принес и положил на мою кровать. Дядя Кирилл долго лежал с закрытыми глазами. Потом открыл, увидал меня... Увидал... И улыбается... Смеется, будто ему совсем не больно... Говорит: «Жалко, нечем было... Передай ребятам — не сдался я. Проклятая собака, руку размозжила. Левой рукой стрелял, не мог обойму сменить. Автомата не было». Говорит, будто бредит, а сам в небо смотрит. Потом прибежал Санька Бармин, дергает меня за платье: дедушка, дескать, зовет. Пошла я в кузницу. Ну, и он послал к вам. Велел передать, что облава будет. Вам надо скорей уходить в лес за болотные выселки. Если долго в лесу пробудете и есть нечего будет, то на краю выселок есть дом с желтыми ставнями. Там наша тетя живет, Елена Ильинична. Она вас накормит и схоронит. Только скажите, что Василий Михайлович послал. Пожалуйста, уходите. Мне обратно бежать надо. Ну, до свидания!

— Подожди, Ксюша,— остановил ее Ложкин,— сколько танкистов у вас остановилось?

— Теперь три. Одного раненого увезли. Да еще один офицер, да два солдата взад-вперед ходят и кур ловят, а третий наш дом караулит. Санька Бармин говорит, что еще человек триста в лес кинулись — наших искать. Потом еще у Головачевых в огороде кухня на колесах стоит. Да и так куда ни посмотришь, то везде они.

— Понятное дело,— сказал Иванов.— Ты, Ксюша, если еще нашего Кирилла не увели и можно будет ему шепнуть, то скажи, что товарищи, дескать, мы, стало быть, его помним и не оставим в беде. Пусть только ведет себя тише, на пулю не лезет. Поняла?

— Конечно! Я скажу все! Вот увидите! Они же по-русски не понимают. И хоть бы понимали, я не боюсь их!

Ложкин покачал головой:

— Это очень опасно. И я не вижу, чем мы ему сможем помочь. Если бы узнать, когда его поведут и куда. Но это невозможно. Спасибо тебе, милая! Иди к дедушке и передай ему, чтобы уходил на пасеку. И вытри глаза. На войне нельзя плакать.

— Я знаю... знаю...— Слезы потоком хлынули из ее глаз.

Стол в доме кузнеца был завален едой, заставлен бутылками. Танкисты и майор — командир пехотного батальона — праздновали свою первую победу. Пленного они посадили на стул у противоположной стены возле кровати.

— Он недурно держится, черт меня подери! — сказал майор, отхлебнув из кружки.— Мне хотелось бы так вести себя на его месте. Я думаю, он вполне заслужил глоток рома?

Танкисты захохотали. Майор подошел к пленному и протянул стакан с ромом.

Свойский взял стакан здоровой левой рукой, усмехнулся:

— Что же, за вашу погибель, за нашу победу!

Выпив, он обвел глазами сидевших за столом и с силой ударил стакан об пол. Осколки брызнули во все стороны. Это вызвало новый взрыв смеха у танкистов. Майор сказал:

— Жаль такого передавать в руки гестапо. Я на вашем месте, господа, отправил бы его потихоньку к праотцам. Он заслужил честную солдатскую пулю.

— Прекрасная идея! — воскликнул танкист с нежно-розовыми щеками и пушком на верхней губе.

Майор похлопал его по плечу.

— И на войне надо быть гуманным, лейтенант.

Свойский не слушал чужую, непонятную речь. Ром приглушил боль. Он пошевелил пальцами руки, покусанной собакой. «Шевелятся,— подумал он.— Пустяк, могла бы за неделю поджить». Капля крови тяжело упала на пол. «Не перевязали даже. Хотя зачем? А вот его перевязали». Он бросил взгляд на кровать: там лежал бульдог, обмотанный бинтами.

Свойский поймал себя на мысли, что ему жаль собаку. Вспомнилось, что мальчишкой он мечтал именно о бульдоге. Отец обещал купить, как только они получат отдельную квартиру. Прикрыв веки, он стал думать о всем хорошем, что было в его жизни. Вспомнил, как мать привела его в школу. День выдался ясный, солнечный, было грустно и почему-то страшно. Потом вспомнился вечер, когда пришел с работы отец, стал расспрашивать о школе, о ребятах и сказал: «Ну вот, и ты уже вступил на трудовую дорогу. Учись хорошенько. Окончишь вуз, и поедем мы с тобой странствовать в Африку или лучше всего на Гавайские острова».— «Почему на Гавайские?» — спросила мама. «Но ведь мы должны побывать на Гавайях!» — удивился отец. И это показалось тогда Кириллу таким убедительным, неоспоримым. Мама только улыбалась, а отец был строг и серьезен, как человек, принявший важное решение...

Скрипнула дверь. В комнату боком шагнула Ксюша. Постояла у порога и, глядя на немцев, повернувших к ней головы, сказала срывающимся от волнения голосом:

— Дядя Кирилл! Товарищи вас не забудут. Они выручат, спасут вас. Вот увидите! — Взглянув на Свойского, она повернулась и выбежала за дверь.

— Вилли,— сказал розовощекий лейтенант,— видимо, эта маленькая дикарка сообщила, что готово козье рагу. Подите на кухню, проверьте.

Невысокий широкоплечий танкист с готовностью вскочил и вышел из комнаты.

Майор проговорил, печально глядя на пустую бутылку из-под рейнского вина:

— Девчонке жаль козу, но ведь и они должны нести какие-то жертвы в этой ужасной войне.

За дверью раздался тупой стук, загремело ведро.

— Я опасаюсь за рагу,— сказал розовощекий танкист.— Ловкость Вилли известна. Ганс! Выясни последствия этой новой катастрофы.

Высокий танкист с маленькой головкой и покатыми плечами хохоча вышел за дверь.

Свойский прислушивался к шорохам за дверью. И ему показалось, что там его товарищи. Это было невероятно. Он понимал, что его ничто не спасет, и приготовился к смерти еще тогда, когда немцы входили в деревню. Если бы не собака, он не дался бы в руки врагов живым. Сейчас он впервые испугался по-настоящему не за себя, а за товарищей. Он знал, что они, желая спасти его, идут на верную гибель.

Опять что-то стукнуло. Свойский был не из тех людей, что долго предаются бесплодным раздумьям. Он попробовал ступить на больную ногу — боль пронзила все тело, потемнело в глазах. «Шага три сделаю,— решил он.— До майора — не больше. Я собью его головой с ног». И радость предстоящей схватки горячим, нервным трепетом побежала по его телу. «Нет, я не буду обузой для ребят, я смогу ползти, стрелять левой рукой...»

Распахнулась дверь. В комнату, пятясь задом, входил танкист с маленькой головкой, за ним виднелась ухмыляющаяся физиономия второго танкиста. Они вносили противень с жареным козьим мясом.

После ухода Ксюши Ложкин долго молча лежал на спине, наконец спросил у Иванова:

— Тебе никогда не приходилось водить танк?

— Да нет, какой я танкист! Раз только на тридцатьчетверке прокатился. Помнишь, когда перед наступлением в Сапожкове стояли? На месте пулеметчика сидел, рядом с водителем. Особенной сложности в управлении нет. На трактор похоже.

— Ну, а если пришлось бы?

— Ну что экзаменуешь? Прямо спрашивай: сможешь на «тигре» уехать? Дьявол его знает! Надо попробовать!

— В доме их всего пятеро.

— Да батальон в деревне!

— Его не будем вводить в игру.

— Хорошо бы.

— Только так.

— Самое трудное подойти к дому незаметно.

— Незаметно не удастся.

— Тогда как же? Может, проследим, на какой машине его повезут?

— Этот вариант отпадает.

— Да его могут повезти не по дамбе.

— Мы подойдем открыто.

Ложкин поспешно вытащил из трофейного ранца штаны и мундир немецкого солдата.

— Прекрасно! Мне почему-то показалось, что я выбросил это тряпье.

— И сейчас не поздно.

— Я не шучу. Ты не раз завидовал мне, когда я отправлялся на прогулку в этом маскировочном костюме, и вот тебе представляется такая же возможность.

— Что же, я буду играть глухонемого? Да у них и глухонемые бормочут не по-нашему.

Ложкин покачал головой.

— Дело проще. Тебе надо сыграть роль пленного.

— Тебе мало одного?

— Ты вникни в эту идею!

— Пробую... Постой, постой! — Иванов оторопело улыбнулся.

— Понял теперь?

— Ну голова, дьявол тебя возьми со всеми потрохами! Вот это придумал! Пленный! На самом деле, кому в голову придет, что я за пленный!

— Я тоже так думаю. Помоги мне надеть сапоги. Спасибо. Твой автомат придется бросить. Там новый добудешь. Теперь прицепи на пояс гранаты, рубаху из-под ремня выпусти, пистолет в рукав. Когда пойдем к дому, не забудь держаться как пленный.

— Не приходилось.

— Ты попробуй. Мне тоже никогда не приходилось служить фюреру.

— Ясно. Теперь все без сучка без задоринки пойдет,— шептал Иванов, рассовывая из вещевого мешка по карманам пистолетные обоймы.— Все будет не хуже, чем в лучших домах Барселоны, как говорит Кирилл. Эх, живой ли, бродяга! Устроили парня на отдых и лечение...

Ложкнн посмотрел на часы.
— Половина третьего. В три мы должны быть возле кузницы.
— Точно. Патруль пойдет в тот конец деревнн.
— Вначале махнем к дамбе.
— Правильно. А там кустами вдоль дороги к самой кузнице. Ну, дай руку, хоть дело и верное, а всетаки...
Они крепко пожали друг другу руки.
Пока онн пробирались через осоку н камыши, по дороге прошлн две машины; на большой скорости промчались три мотоцнклиста.
— Зашевелились,— сказал Иванов.— Блокнровали дороги. Сейчас все гарннзоны поднялись на ноги. Слышишь, в лесу стрельба?
— Прочесывают лес.
— Хорошо, что не начали с нашего болота.
— Виднмо, болото не внушает нм особых подозреннй.
— Не поэтому. Кирилл их надоумнл пройтнсь по лесу. Крапива ведь со стороны леса.
Онн подошли к дамбе. Здесь густо подняпнсь молодые осины н березняк; эта поросль тянулась почти до самой кузннцы. Никем не замеченные, онн прошлн по ней и остановилнсь, чтобы собраться с снлами для последнего броска. Из ннзинки, где они стояли за кустом бузнны, виднелась только крыша избы, башня танка и на самом бугре — кузннца с настежь распахнутыми дверями. Пылал огонь в горне — Ксюша раздувала мехи. Кузнец выхватил из горна белый, сыпавший искры кусок железа, опустил на наковальню. Послышались удары молота о мягкий металл. В дверях остановнлись два солдата с автоматамн. Онн стояли и смотрели на работу кузнеца. Удары молота сталн звонче: железо остыло. Кузнец сунул его в огонь. Солдаты поплелись в другой конец деревни.
Разведчикн не промолвили ни слова, зорко осматриваясь по сторонам. Они должны были пройти эти двести метров усталым, неторопливым шагом, как и полагалось идти пленному и конвоиру. Самым труд-

ным было выйти на открытое место и сделать первый десяток шагов. Ноги словно налились свинцом, хотелось повернуться и скрыться, бежать под сень деревьев. Только сейчас, казалось им, они поняли всю непродуманность своего замысла. Ведь ими не учтены самые простые, такие очевидные случайности.

В ближних домах могли расположиться пехотинцы, да они там и стоят, и первый выстрел поднимет их на ноги.

В саду кузнеца может оказаться походная кухня.

Может внезапно появиться ватага солдат-мародеров. Совсем недавно они ловили у кузницы кур.

Эти «может, может» заполняли голову. Будто откуда-то появившийся доброжелатель спешил предупредить, помочь перед последним, решающим шагом.

«Я взялся управлять танком,— думал Иванов,— а смогу ли завести мотор?»

Ложкина мучила мысль, что он втянул в это безнадежное дело друга и ведет его на верную гибель.

Тренированная воля поборола эти трусливые сомнения. Шаг стал легче, уверенней. На каждые «может» и «если» теперь находилось решение. Страх исчез, дерзкая уверенность в успехе пронизала каждую клеточку, каждый нерв. Все, что им надо было сделать, казалось таким пустяком по сравнению с пережитыми опасностями, и они, забыв об осторожности, пошли быстрее, почти побежали к кузнице.

Первой их увидела Ксюша. Она выпустила из рук веревку от кузнечных мехов и слабо вскрикнула. Дедушка, в раздумье разгребавший угли в горне, повернулся и тоже увидал русского, торопливо взбиравшегося по склону, а за ним немца с автоматом. Он вышел из кузницы, осмотрелся. Пыля по единственной улице, к лесу уходило отделение пехотинцев; за дорогой дымила походная кухня, там у плетня стояли патрульные и разговаривали с поваром. Из дома доносились музыка и хохот. Часовой стоял, заглядывая в окно.

— Ксюша, беги к тетке и жди там меня, живо!

Не глядя на внучку, кузнец взял железный брусок. Ксюша забилась в угол за мехи.

Иванов вбежал в кузницу.

— Стой, дед,— сказал он, задыхаясь,— Это Николай! Киря где? Живой?

Вошел Ложкин.

— Не узнал, дедушка?

Брусок выпал у кузнеца из рук.

— Да как же вы это? Там он, с ними. Жив еще, кажется. Не узнал я тебя, Николай, чуть было грех не вышел. Куда мне девать-то вас теперя... Хоть ночью бы...

— Не до разговоров,— оборвал Ложкин и, кивнув Иванову, стал наблюдать за домом через щель в стене кузницы.

Иванов зашептал:

— Мы уедем на танке. Кирю спасем. А ты беги. Сейчас уходи. Сколько их там? Хотя это уже все равно!

— Четверо осталось да часовой. Как же вы это? Вот беда-то! Куда я вас теперь дену?

— Не причитай, дед. Где Кирин автомат? Мы пришли не прятаться.

— В саду закопал.

— Зря. Но ничего, этого добра будет...

Ложкин кивнул.

— Не торопись,— строго сказал кузнец.— Ксюша убежала? — Он повел глазами по углам своей кузницы.— Нету ее? Это хорошо.— Он нагнулся, поднял брусок и сказал Ложкину: — Давеча я тебя за ихнего принял. Понимаешь, чем дело пахло?

— Да, да! Но нам нельзя терять ни секунды.

— Знаю. Сам ходил в разведчиках.— Кузнец сжал брусок.— Пойдемте! Кирилл — мой гость, и раз так получилось, то я в ответе и за него и за все. Без меня у вас ничего не выйдет. Четверо их в хате, да автоматчик в сенях. Ночью все равно бы избу запалил! Постойте.— Он вышел, посмотрел по сторонам. Вернувшись, сказал: — Поблизости никого. Я пойду первый, с часовым справлюсь. Как выйду на крыльцо, тогда вы подходите.

— Нет,— сказал Ложкин.— Идемте все вместе.

Быстрее! Вы, отец, вперед, да это спрячьте в карман! Иван, руки за спину!

Кирилл Свойский сидел на стуле и думал о словах Ксюши.

«Что пришло в голову ребятам? Где они? Наверное, где-то поблизости, раз девочка виделась с ними. Они хотят отбить меня у конвоя. Ясно!»

В голове его складывался дерзкий план нападения на машину, в которой его везут. Все получалось не так уж сложно, во всяком случае, не сложнее, чем переход через вражескую оборону. «Бывают дела и посложнее. А со мной будто все в порядке: нога почти не болит. Рука — тоже терпеть можно. На правой пальцы шевелятся.— Он сжал руку и невольно поморщился от боли.— Надо надеяться только на левую. Ничего, обузой не буду. Подамся в лес, к партизанам. Должны же быть где-то здесь партизаны!»

Напротив за столом ревел проигрыватель; танкисты и майор подпевали, стуча кружками. Солнце светило в открытые окна, празднично искрилось стекло на столе. Влетел шмель и, чего-то испугавшись, опрометью бросился назад, в сад, к цветам и солнцу.

Из-под иголки проигрывателя полилась нежная, щемящая сердце мелодия. За столом притихли. Майор уставился на пленного. Кирилл увидел его глаза, маленькие, белесые, как у слепого, и понял, что майор хочет убить его. Убить сейчас, здесь. Майор вытащил из кобуры «вальтер» и, не спуская глаз со своей жертвы, стал медленно поднимать пистолет.

Кирилл Свойский сказал сдавленным голосом:

— Мерзавец! Стреляй! — Он резко вскочил. Стал на здоровую ногу, опираясь рукой о спинку стула.— Ну что же ты не стреляешь?

Майор засмеялся дребезжащим смешком и повернулся к танкистам:

— Что я вам говорил? Такого врага убивать — наслаждение. Я попаду ему в переносицу. Кто хочет пари?

— Принимаю пари,— отозвался розовощекий танкист.

— На тысячу марок!

— Идет!

В это время заскрипело крыльцо под чьими-то тяжелыми шагами и со двора раздался пронзительный крик.

Свойский узнал голос Ксюши:

— Дедушка, вернись. Не надо, дедушка!

Майор, невольно морщась, опустил пистолет.

— В такой обстановке я действительно могу лишиться тысячи марок.

За дверью раздались шаги, голоса, упало что-то тяжелое.

— Шульц, что там у тебя, скотина?..— закричал майор, вскакивая.

Дверь распахнулась — в комнату шагнул Ложкин, повел стволом автомата.

— Руки вверх! Ни одного движения.

Вилли и танкист с маленькой головкой медленно подняли руки; розоволицый выхватил пистолет. Ложкин выстрелил в него, а на долю секунды позже из сеней щелкнул второй выстрел, и майор, вскинувший «вальтер», рухнул к ногам Свойского. В окне показался кузнец и осторожно закрыл его.

Свойский нагнулся, поднял пистолет убитого майора и сказал:

— А я вас так ждал, ребята! Ух, и надоела мне вся эта компания!

Он сел на стул, чтобы не упасть от охватившей его вдруг слабости. Все свои силы, волю он собрал, сжал в комок, чтобы достойно встретить смерть, и сейчас наступила реакция. Он смотрел, будто сквозь туман, как его товарищи обыскивали пленных, перебрасывались короткими фразами. На кровати захрипел и затих бульдог.

— Отдал концы,— сказал Свойский.— Жалко, а мог быть хорошей собакой.

— Киря! — Над ним стоял Иванов и тряс за плечо.— Киря, идем, бери меня за шею!

— Подъем! А Колька чистый эсэсовец.

Ложкин торопливо просматривал солдатскую книжку убитого танкиста. В комнату, рванув дверь, заглянул хозяин. Тяжело дыша, он зашептал:

— Идут, двое. Как же теперь?

— Успокойтесь! Иван, музыку! — Ложкин, поправив пилотку, вышел в сени и стал в дверях, выходящих на крыльцо.

Опять полилась нежная, щемящая сердце мелодия.

Один из патрульных, проходя мимо, взглянув на нового часового, спросил:

— Ты что, только что сменился?

— Да.

— Что, уже шлепнули пленного?

— Нет еще.

— Мы же видели его во дворе. И стрельбу слышали.

— Водили в уборную. Стреляли танкисты и наш майор в фотографии этого старика.

— А-а,— разочарованно протянул второй солдат.— Мы вернулись, думали посмотреть. Ты махни рукой, когда его...— Солдат подмигнул.— Мы возле кухни будем. Наш Шульц говорил, что его далеко не повезут. А ты что, из пополнения?

— Да.

— Так ты помаши рукой.

— Я передам вашу просьбу майору, он помашет вам рукой.

— Выслуживается, хочет получить «железный крест» вне очереди,— сказал первый солдат.

— Видно, что еще не нюхал пороху,— сказал второй солдат.— Пошли, Адольф. С таким недолго нарваться на неприятности.

Патрульные стояли на дамбе и курили, когда из дома вышли два танкиста и влезли в машину. Скоро танк застрелял, зачихал, потом, взревев, развернулся на одном месте и остановился носом к дороге. С крыльца спустились еще два танкиста, ведя под руки пленного.

Патрульные, наблюдая за ними, говорили:

— Я еще ни разу не видел, чтобы пленных возили в танке.

— Говорят, что в лесу выбросили десант. Везет этим танкистам: броня чуть не полметра. Не успели

приехать, как взяли пленного. Награду получат, не понюхав пороха.

— Смотри, и старика берут с собой.

— Я сразу подумал, что он связан с партизанами.

— Адольф!

— Что, Отто?

— Они подожгли дом!

— Это уже свинство: мы живем в сарае, а они жгут дома, и со всем добром! Я заглядывал в окно, там было что взять.

— Нет, это не они, а наш майор. Я его знаю. Пойдем! Мы еще успеем кое-что вытащить, пока не разгорелось как следует.

Они побежали к горящему дому. Возле танка их остановил окрик:

— Назад! Не сметь подходить к дому!

Танкист с автоматом выглядывал из башни.

— Назад!

Шепча проклятья, патрульные отошли в сторону и остановились.

Танк качнулся и, взревев, двинулся. Из кузницы прямо на танк бежала девочка. Она что-то кричала, выставив вперед руки, будто хотела остановить стальную громадину. И танк остановился. К несказанному удивлению патрульных, танкист, грозивший им автоматом, спустился на землю, поднял девочку и передал второму танкисту, тоже вылезшему из башни. И танкисты и девочка скрылись в танке.

Танк выехал на дорогу и, грузно покачиваясь, помчался по единственной улице к лесу.

Патрульные медленно побрели к горящему дому. Теперь уже нечего было спешить: пламя вырывалось из сеней и окон.

— Отто!

— Что, Адольф?

— Ты не находишь, что вот из-за таких людей мы можем проиграть войну?

— Не говори глупостей.— Отто оглянулся.— Все-таки ты, Адольф, угодишь в штрафную роту за такие разговорчики. Меня, например, при виде горящего дома врага всегда охватывает желание поджечь це-

лый город. Куда же, однако, делись тот часовой и майор?

— Ушли садом под прикрытием дымовой завесы.

— Нет, тут что-то не то. Наш майор любит смотреть на такого рода вещи.

— Да, все как-то странно получилось: майор с часовым исчезли, дом горит... И этот проклятый танкист, который нас чуть не застрелил...

— Не кажется ли тебе, что он кого-то напоминает?

— Вот именно, Отто! Бывают же такие схожие голоса.

— Ты не разглядел его лица?

— Да нет. Я видел только глаза да ствол автомата. Страшные глаза.

— Я тоже не разглядел его рожи.

— И еще одну странность ты не заметил?

— Их и так достаточно на сегодня.

— И все-таки я вижу, что не все из них ты заметил.

— Что еще?

— Да то, что у двоих танкистов штаны были не по форме.

— Ну, это тебе показалось.

— Нет, в этом я хорошо разбираюсь. У одного, что шел вторым, совсем русские штаны. А у второго, с автоматом, штаны пехотинца.

— Этого не может быть, и ты хорошо знаешь. Просто у тебя галлюцинации от зависти.

— Есть чему позавидовать! Такой танк лучше бункера.

— Да, но и они горят, как свечи.

— Реже, чем наш брат отправляется батальонами в райские кущи.

— Хорошо, что тебя никто не слышит.

— Я это знаю.

Патрульные повернулись и, оглядываясь, пошли от дома, охваченного пламенем. В отдалении группами стояли солдаты, любуясь пожаром.

— Отто!

— Что, Адольф?

— Как сменимся, надо будет обязательно найти того солдата.

— Да, да. И внушить ему, что не следует особенно задирать нос там, где свистят пули.

— Это ты можешь с ним беседовать на эти темы. Мне просто хочется найти его и убедиться, что не он уехал на танке.

— Какую ты несешь чепуху, Адольф, просто смешно подумать! Ведь если разобраться в твоих мыслях, то черт знает что получается.

— Вот именно, Отто. Страшно подумать!

Когда «королевский тигр» подходил к последнему дому деревни, Ложкин увидел на дороге женщину с двумя ребятами. Из окна вылетел узелок и покатился по земле. За оградой этого дома было много солдат; они ходили по двору, толпились у колодца; из окон также выглядывали солдаты, глазея на приближающийся танк. Женщина подняла узелок, схватила за руки детей и перешла улицу.

Ложкин сказал в шлемофон:

— Иван, задень за угол левого дома.

— Есть!

«Королевский тигр», издав угрожающее рычание из выхлопных труб, вильнул с дороги, подмял изгородь, сирень в палисаднике и ударил левой гусеницей в угол дома. Стена рухнула, подняв облако пыли.

Танк покатился дальше по проселку. За ним бросились было солдаты, но скоро отстали, махая руками и посылая проклятья.

Кузнец, стоявший вместе с Ложкиным в башне, прокричал:

— Десятка полтора немцев придавило домишком Петьки Куралева, а это его жена! Петька где-то у вас воюет. Вернется, вместе будем строиться. Ишь, высыпали, руками замахали — не нравится, а бабу с детишками выгнали из дома — это хорошо?!

На месте водителя сидел длинный танкист с маленькой головой. Рядом с ним примостился Иванов, показывая дулом пистолета направление. Танкист старательно, как на учениях, вел грузную машину угодливо, стараясь предупредить каждый жест своего страшного соседа. Он с готовностью направил танк на дом, а когда снова вырулил на дорогу, то даже улыбнулся, показав большие желтые зубы.

— Старайся, это тебе зачтется,— сказал Иванов.— Держи прямо в лес. Так и жарь!

Танкист закивал головой. Ему было страшно. Совсем недавно, каких-нибудь полчаса назад, это был дисциплинированный, в меру храбрый солдат. Не задумываясь, он повел бы танк на русские позиции, проявив уставную доблесть. Но то, что случилось с ним, было так не похоже на все, к чему он готовился в Гитлерюгенд, а затем в военной школе, где ему втолковывали, что он ариец, сверхчеловек, рыцарь в несокрушимом панцире, перед которым падут в прах все враги, расступятся все преграды. И действительно, еще вдали от фронта он уже захватил в плен русского солдата. И какого солдата! Его распирало от чванливой гордости, когда, сидя за столом, он ел жареное мясо, пил французский коньяк и смотрел на истекающего кровью пленного. Внезапно все полетело вверх тормашками. Он сам стал пленником, в бок его упирается ствол пистолета, он убивает своих, способствует побегу русских разведчиков. И бог знает, что он еще станет делать, чтобы остаться в живых.

На месте пулеметчика сидел Кирилл Свойский, рядом съежился Вилли. Ксюша примостилась сбоку и перевязывала Кириллу руку. В танке нашлась аптечка. Ксюша залила искусанную руку йодом и теперь заматывала бинтом. Свойский здоровой левой рукой взялся за пулемет.

— Сидите смирно! — сказала Ксюша.— Ну что вы все время вертитесь! Тут и так трясет, а вы еще вертитесь. Весь йод разлила вам на штаны. Ну, что вы смеетесь?

Свойский плохо слышал ее слова из-за гула, наполнявшего кабину.

— Прекрасно, Ксюша! Понимаешь, все прекрасно! — крикнул он.

— Что же прекрасного? Вот вам руку чуть не отгрызли, дом наш спалили. И неизвестно, что еще будет. Ну вот. Не больно? — спросила она, осторожно завязав бинт.

— Какая там боль! Все будет отлично. Жалко, не удалось мне позагорать на вашей пасеке, медку поесть. Спасибо! Рука как новая.

— Куда мы едем?

— К своим, Ксюша. Вот ахнут ребята, если мы на «тигре» приедем!

— Какие ребята? Ваши дети?

— Да нет! Солдаты. Товарищи.

— А что это вы все за ручку крутите?

— Это пулемет.

— Вы из него стрелять будете?

— Если придется.

— В немцев?

— Да, если полезут.

— Может, не полезут?

— Все может быть. После сегодняшнего во все поверю. Я ведь тебе, Ксеня, еще спасибо не сказал?

— За что?

— Да если бы ты не закричала...— Голос Свойского заглушил треск бревен и рев мотора.

Танк продавил небольшой мостик через речушку и благополучно выполз на дорогу.

— Силен зверь! — прокричал Свойский.

— Он мягкий. Я головой стукнулась, а он мягкий.

— Резина! А так он не особенно мягкий. Ксеня!

— Что?

— Не думал я, что есть такие храбрые девочки.

— Где есть? Какие девочки?

— А вот такие, как ты!

— Я?! — удивилась Ксюша.— Если бы вы знали, как я испугалась. Я думала, что вас всех убили.

— Ну, а на танк кто бросился?

— Я за дедушку испугалась. Куда, думаю, его увозят!

— То за нас испугалась, то за дедушку, а за себя забыла испугаться!

— За себя я сейчас боюсь.

— Чего же бояться в таком танке?

— Вдруг они узнают и будут стрелять?

— Напрасное занятие. Пулей нас теперь не пробьешь.

— А в окошки залетят!

— Люки мы закроем. Вот только в эти щелки будем смотреть, а они из непробиваемого стекла.

— Где же мы едем? — Она, опершись о плечо Свойского, выглянула из люка.— Ой, это же дорога на горелую поляну. Там малины сейчас!..— Она сжала плечо Свойского.— Солдаты! Смотрите, сколько! Почему они нам руками машут?

— За своих принимают. Думают, подмога.

Танк миновал солдат, высланных майором для прочесывания леса. Еще с полчаса он шел, подминая широкими гусеницами молодые деревца, росшие по обочине проселочной дороги, потом свернул в сторону, пересек луг, поросший высокой некошеной травой, и с ревом, развернувшись носом к дороге, остановился на опушке. Умолкли рев и лязг, только глухо урчал мотор.

Ложкин заглянул в кабину водителя:

— Ксюша!

— Что?

— Тебе пора выходить.

— Приехали!

Свойский пожал ее тоненькое запястье.

— Спасибо тебе за все и до свидания, хорошая ты девчонка!

— До свидания, дядя Кирилл. Руку завтра еще перевяжите.

— Перевяжу, не беспокойся.

— Йодом помажьте.

— Помажу.

— Нет, я пролила его, вы тогда мазью из белой баночки, только хорошенько.

— Мазью так мазью.

Иванов стянул с головы шлем.

— Тесен, проклятущий! — Ои помог девочке перебраться в башню и сам вылез вслед за ней, оставив водителя под охраной Свойского.

Ложкин помог спуститься иа землю кузиецу и Ксюше и сам спрыгнул в высокую траву. Они отошли от машины. Кузнец помолчал; прислушиваясь, сказал тихо:

— Вам из леса иельзя выходить. Поезжайте вот так.— Ои махиул рукой иа северо-восток.— Дорога там иичего, твердая до вырубок, а там этого дьявола бросайте и пробирайтесь к партизанам: они возле болот держатся. Там отряд Кости Зеленухина из Малой Гаврилихи. Они помогут...

На землю грузно спрыгнул Иванов и подошел, щурясь от яркого света.

Ложкин вопросительно посмотрел на него.

— Не бойся,— сказал Иванов,— я ему руки скрутил. Никуда не денется. Я вот хотел Кузьму Ефимовича спросить, как без особой канители выбраться на шоссе. Оио ведь лесом идет, где-то здесь, иеподалеку. Достаиь-ка карту, Коля...

Разглядывая карту, они ие заметили, как из горловииы башии вылез Вилли и, неслышио соскользиув иа землю, пригиувшись, бросился в лес. Первой увидела его Ксюша и, вскрикиув, протяиула руку:

— Вон ои. Побежал!

Иваиов бросился за танкистом. Затрещали сучья, резаиула автоматиая очередь. Иваиов долго не возвращался. Из лесу еще раз донесся дробиый стук автомата, ио уже где-то далеко от поляны.

Ложкии сказал кузиецу:

— Какая иепоправимая оплошиость!..

— Да, если удерет, то худо наше дело.

Ксюша сказала, посмотрев на Ложкииа:

— Так мы им и дадимся! Вот возьмем и тоже пойдем к партизаиам. Верио, дедушка?

— Теперь у нас одна дорога. Зайдем на пасеку, возьмем харчишек и подадимся искать Костю Зелеиухина.

— Лучше в танке поедем. Его никакая пуля не пробивает. Правда ведь, не пробивает?

Ложкнн покачал головой, прнслушнваясь:

— Нельзя с намн, Ксюша. Идн н помогай дедушке во всем. До свндання! — Он протянул руку кузнецу.— Спасибо!

— Не за что... Где это Иван замешкался?

— Вернется.— Ложкнн повел глазамн на Ксюшу.— Пора.

— Да, нам самое время.— Кузнец кнвнул и пошел, держа внучку за руку.

Пройдя несколько шагов между деревьями, Ксюша повернулась н сказала:

— Обязательно приезжайте к партнзанам. А того танкнста не убнвайте, лучше в плен его возьмите. Не надо его убнвать! В плену онн смнрные.— Личико ее было не по-детски сосредоточенно и строго.

Еще не затнхлн шагн кузнеца и Ксюшн, как вернулся Иванов. Он остановнлся, тяжело дыша, и, виновато улыбаясь, сказал:

— Ну и натворнл я дел, Коля!

— Убежал?

— Не совсем... почти...

— А точнее?

— Ух, дай отдышаться.

— Есть лн время для этого?

— Нету, Коля. Дал я по нему очередь.

— Две.

— Первая не в счет. Второй сбил его в малине — на гарь он выбежал. Не знаю, ранил илн убил.

— Это очень важно, Иван.

— Понимаю, да на поляне солдаты малнну собиралн. Кннулнсь врассыпную. Ну и я не стал связываться...

— Хоть в этом случае правнльно поступил.

— Ты серьезно?

— Вполне. Вряд ли онн былн без оружня.

— Так и есть! О!

По лесу прокатнлся винтовочный выстрел, потом другой, затарахтели автоматы. Стайка пуль просвистела в небе.

Ложкин показал глазами на танк. Взбнраясь на него, он сказал:

— Будем пробиваться к передовой. Они, видимо, еще не разобрались в обстановке.

Усаживаясь на свое место, Иванов спросил Свойского:

— Ну, как вел себя мой напарник?

— Очень скромно. Тихий малый. Приятное общество.

Выстрелы раздавались совсем близко. Несколько пуль ударилось по броне.

Свойский, помолчав, спросил Иванова:

— Это ты их расшевелил?

— Да...

Танк пошел через поляну по старой колее. Ложкин сел к башенному пулемету и, когда цепь солдат показалась на опушке, стал стрелять в них. Солдаты, видя, что свой танк ведет по ним огонь, стали махать руками. Офицер с пистолетом побежал за танком и упал; падали солдаты, сраженные пулями. Оставшиеся в живых залегли, но не стреляли.

Танк въехал в лес. Ложкин оставил пулемет и сказал в шлемофон Иванову:

— О, нас здесь еще не знают! Ты, видимо, не промахнулся.

— Ты тоже?

— Да, есть результаты. Решил проверить.

— Правильно. Семь бед — один ответ.

Свойский крикнул:

— Что за секреты в светском обществе?

Но никто из товарищей его не услыхал, мешали шлемы и гул мотора. Только водитель повернул к нему голову и показал большие желтые зубы, но глаза его не смеялись.

Танк катился по проселку. Ложкин выглянул из башни, осмотрелся по сторонам. Впереди никого не было. Позади на дорогу вышел солдат с автоматом и остановился, сосредоточенно глядя вслед уходящему танку.

Ложкин подключил шлемофон к радиостанции. Радиостанция была последней модели, с очень точной настройкой; не мешали шумы и трески. Усталый, равнодушный голос радиста монотонно повторял:

«Тэ шесть, двадцать восемь три! Лейтенант Мадер! Лейтенант Мадер! Вас вызывает майор Шельмахер. Отвечайте! Перехожу на прием».

Ложкин сказал Иванову:

— Там тоже ничего не знают, но уже начали розыск.

— Пускай разыскивают. Или, может, тебе стоит поговорить с ними? Ты же мастер на такие штуки. Скажем, дескать, вместе с майором ловим партизан или еще что-нибудь в таком роде.

— Рация высокого класса. Узнают по голосу, что я не лейтенант Мадер.

— Это верно. Тогда перекинься парой слов с нашими. Пусть предупредят артиллеристов. А то разнесут они нас вдребезги. Подумают, атака «тигров»!

— Нельзя, Иван. Надо говорить открытым текстом.

— Да, всполошится окаянная сила. Надо подойти поближе.

— На самую передовую?

— Да. Или когда уже скрываться не будет смысла.

— Переходить придется на том же стыке?

— Негде больше. Надо саперов предупредить, чтобы поснимали мины по-над речкой. Ты скажи, намекни Бычкову.

— Если Бычков будет у рации...

Они разговаривали о возвращении к своим на захваченном танке как о деле решенном, отгоняя сомнения, стараясь предусмотреть сотни неожиданностей, которые могут обрушиться на них в любой миг. Пока о захвате танка еще никто не знает, но это не может долго продолжаться. Какие-то нити, догадки уже есть у врага, и он скоро нападет на верный след.

— Главное для нас — не упустить время,— сказал Ложкин.

— Знаю. Жмем на всю железку. Все ходуном ходит, а толку мало.

— Киря уснул?

Иванов повернул голову к Свойскому.

— Да, спит. Устал. Все с пулеметом возился. Од-

ной рукой ворочал. Освоил технику.— В словах Иванова послышались теплые нотки.— Досталось ему сегодня. Ты бы тоже, Коля, пушку повертел. Такую силу нельзя оставлять без пользы.

— Сейчас попробую. Да боюсь, что артиллериста из меня так скоро не получится. Ну, а ты освоил вождение?

— Разобрался. Машина поворотливая. Скорости вот только нет. Конечно, хорошо бы, если этот зубастый дотянул до дому, только веры у меня в него нету. Он, кажется, отходит.

— Что с ним? Как же он ведет машину?

— Да нет, жив и здоров. От страха отходит. Глаза у него потвердели. Того и гляди, свернет в кювет, и перевернется кверху лапами наша железная скотина. Вот и шоссе. Пересяду-ка я и впрямь на его место. Кирилла жалко будить, да ничего не поделаешь. Надо теперь за желтозубым глаз да глаз!

Ложкин вызвал к себе в башню пленного водителя и с его помощью разобрался, как поворачивать башню с пушкой, наводить ее на цель, заряжать и производить выстрел. На всякий случай он заставил пленного зарядить пушку.

Отправив водителя вниз, Ложкин сказал в шлемофон:

— Ну, Иван, теперь я гарантирую один выстрел фугасным снарядом.

— Где один, там и другой. На ходу из нее разве что для страха палить, а остановимся — сообразим, что к чему. Я одно лето, помню, был на сборах, там мы изучали пушку. Конечно, не такую, да все они на один лад.

Танк тяжело вполз на шоссе и покатил к востоку. Управлял теперь машиной Иванов. Свойский, позевывая, следил за пленным и поглядывал на полотно шоссе, стелившееся между краснокорых сосен. Танк догнал обоз пароконных фургонов; повозочные свернули на обочину, почтительно уступая дорогу. Стемнело.

Впереди вспыхнули и погасли фары машины. Танк шел не сворачивая. Машина сбавила ход и, сигналя,

свериула к самому краю дороги. Иваиов шел прямо на иее, шофер с вытаращеиными глазами высуиулся из кабииы. Раздался треск, и огромиый пятитоииый грузовик с пехотиицами полетел под откос.

— Ловко ты их левым бортом! — крикиул Свойский.

— Иваи! — позвал Ложкии.

— Я!

— Оставь пока технику противиика в покое.

— Не бойся, эти не догонят.

— Могут догиать другие. Сейчас километрах в трех будет Павловка.

— Ясно! Проеду, как иа параде, только бы сами ие задевали.

— Постарайся. Я послушаю иовости.

— Валяй.

Вращая ручку иастройки, Ложкии слышал птичий щебет морзяики, обрывки фраз иа иемецком и румынском, веигерском и русском языках. Какой-то радист плачущим голосом кричал: «Самара, Самара! Я — Одесса! Одесса! Перехожу на прием». Послышался девичий смех и низкий голос: «Ах, Танечка, я уверяю вас...» Ложкин ие узнал, в чем уверял смешливую радистку Танечку ее коллега. Повернув ручку, он услышал громкую иемецкую речь. Первые иесколько слов приковали его виимаиие. Говорил, вериее, почти кричал, видимо, какой-то очень важиый военачальник:

«Это или сумасшедший, или предатель! И вообще вся эта история смахивает на какой-то детектив. Виачале вы ловите шпиоиа, потеряв при этом двух своих солдат, затем комаидир танка, вашего таика, поджигает дом и бросается в погоию за мифическим противииком. Но при этом исчезает комаидир третьего батальона и его солдат! И дальше творится черт знает что! Погибает ваш сержант Прайслер! Каким образом ои покинул таик? Кто убил его в спииу? Почему ваш таик расстрелял роту капитана Гофмаиа? Капитан убит! Убито десять солдат, двадцать пять раиено! Где этот убийца, я спрашиваю вас! Где этот взбесившийся «тигр»? Арестовать немедлеиио Мадера! Слыши-

те? Взять живым! Слышите, полковник фон Шельмахер?»

Он тяжело перевел дух, забулькала вода, звякнуло стекло. Слышно было, как он жадно пьет. Донышко стакана стукнуло о стол, и Ложкин услышал заключительную фразу: «Никаких объяснений слушать не буду. Срок два часа! Все!»

Стало тихо на этой волне. Слышались легкое потрескивание, жужжание и неясные голоса, как будто кто-то говорил за толстой стеной. Ложкин выключил радиостанцию и сказал Иванову:

— Положение осложняется.

— Догадались.

— Почти.

— Ну, тогда хорошо. Машины идут навстречу.

— Уступи дорогу. Хорошего мало. Приказано командира танка Мадера взять живым.

— Ах, Мадера!.. Вот дьяволы, слепят фарами...

— Чтобы схватить Мадера, они должны остановить наш танк.

— Вот это хуже.

— И все-таки у нас есть некоторые перспективы.

— Перспективы,— ответил с усмешкой Иванов,— перешибут гусеницу, и будут нам тогда перспективы. Мотоциклист перегнал нас, и легковая за ним. Зря я ту машину столкнул в кювет.

— Не жалей, Иван. Пока все идет блестяще.

— Да разве я жалею!

— Осталось пересечь Павловку, и при этом не останавливаться ни при каких обстоятельствах.

— Ясно. Смотри, ракеты засветились. Километров десять, не больше. При нашем ходе двадцать минут. Эх, кабы и дальше была такая ровная дорога!

— И ровная и прямая дорога не всегда ведет к цели. Не помню, кто это сказал.— Ложкин посмотрел на часы.— Сейчас начнет работать полковая рация.

— Включайся скорей, Коля. Пусть встречают.— Иванов смотрел на сероватое полотно дороги, обрамленное черными стенами деревьев.

Внезапно стены оборвались, по обеим сторонам теперь лежали невидимые поля. Бесшумно их обошла

еще одна легковая машина с погашенными фарами. Над линией окопов запылали ракеты; все впереди ожило, задвигалось. Дорога пошла под уклон, машина покатилась легче. Откуда-то слева и справа в небо полились голубые и красные струи огня. Били крупнокалиберные пулеметы по невидимым самолетам. Иванов не слышал выстрелов: уши плотно закрывал тесный шлем, и этот бесшумный огненный ливень подействовал на него успокаивающе: тишина обманывала, опасность показалась пройденной, далекой.

В низине стали вспыхивать и торопливо гаснуть огни взрывов, освещая купы деревьев и соломенные крыши изб. И опять все утонуло в трепещущей полутьме. Только пулеметы поливали небо красными и голубыми струями холодного огня.

У въезда в деревню регулировщик пытался остановить танк, махая красным фонарем, но Иванов чуть не раздавил его; фонарь метнулся в сторону, и «тигр» пошел между домами по темной улице.

Иванов услышал:

— Переходить будем прямо через траншеи.

— Договорился?

— Начштаба приказал переходить прямо через левый гребень. Держи на зеленые ракеты.

— Может, рискнем берегом, там ближе?

— Нельзя. Противотанковые мины... Помни — зеленые ракеты!

— Коля, не зевай! — сказал Иванов, закрывая глаза от яркого света.

Впереди посреди дороги стояла машина с зажженными фарами. Прищурясь, Иванов разглядел офицера, махавшего руками сверху вниз, приказывая остановиться. По бокам его виднелись солдаты.

— Киря! — закричал Иванов.— Киря, давай и ты!

Свет жег глаза.

Иванов повернул голову и увидел в сумраке напряженно раскрытый рот Свойского; он кричал, призывал на помощь. Пленный выкручивал пистолет из его руки.

Иванов ударил танкиста кулаком по затылку, и тот, обмякнув, ткнулся носом в колени Свойского.

— Скотина, вот скотина! — ругался Свойский, спихивая его под ноги.— С ними по-хорошему...— Слов его никто не слышал, а он продолжал рассказывать Иванову: — Надо было его пристрелить, да боялся, тебя задену в такой тесноте. Цепкий, стервец! Чуть не вырвал... Душить стал.

— Стрелять можешь? — закричал Иванов.

— Могу, Ваня!

— Давай по пехоте! Подорвут гусеницу!

— Сейчас...

Танк покачнулся. Иванов увидел, как впереди мелькнуло пламя и свет фар погас.

— Коля!

— Да, да!

— Это ты?

— Да...

— Из пушки?

— Пулемет заело...

— Теперь недалеко.

— Скорость нельзя увеличить?

— Все отдает.

— Жаль.

— Ничего, довезет!

«Тигр» выходил из деревни, когда ночные бомбардировщики повесили над деревней «лампы». Стало светло, как в полдень.

Дорогу перебегали солдаты. Свойский нажал на гашетку.

По броне заскрежетало что-то. Иванов спросил Ложкина:

— Снаряд угодил?

— Крупнокалиберный пулемет...

— Пустяк, Коля!

— Ерунда!

— Как у тебя?

— Отлично.— Ложкин обтер рукой лоб и увидел при белом свете ракет, что вся ладонь в крови.

«Осколок. Когда это?» — подумал он, оглядываясь назад, на деревню. «Лампы» погасли; деревню освещал горящий дом, в небо поднимался густой рой искр.

Впереди над окопами пылали ракеты. Передовая была близко.

«Только бы пройти этот бугор! Нет, ие удастся. Все подиято на ноги. Но как оии зашевелились! — Ои засмеялся.— Сколько мы иаделали шума! Сейчас заговорят пушки. Оии ие дадут нам пройти этот последний километр». Ложкин прислушался: ему показалось, что с мотором что-то случилось. Он выгляиул из башни: все вокруг горело, трепетало в мертвом металлическом свете. Ему показалось, что таик стоит, буксует, вяло перебирая иа одном месте гусеницами, и ои спросил в микрофои сдавленным голосом:

— Что с мотором?

— С мотором? Порядок!

— Почему сбавил ход?

— Сбавил?

— Ну коиечио!

— Кажется тебе. Бежит, как зверь.

— Да, показалось...

— От ракет. Жгут добро, ие жалеют.

Разговаривая, оии ждали удара и думали: «Выдержит ли броия?» Ходили слухи, что броня у «тигра» разлетается, как стекло, при ударе фугасного сиаряда.

На голом бугре, освещеииом светильииками мощностью в тысячи свечей, ослеплеииые, оии были беззащитны. Оии знали, что сейчас вражеские артиллеристы лихорадочио готовят даииые для стрельбы, что сиимаются по тревоге противотаиковые батареи. Может быть, саперы мииируют дорогу?

Впереди появилась и растаяла зеленая гроздь ракет.

Огневой налет иастиг их на последнем километре пути. Снаряды и миины рвались со всех сторон. Крупиокалибериая мина взорвалась возле левого борта, таик качнулся и пошел, тяжело покачиваясь в кромешиой тьме.

Иваиов ие трогал рычаги, предоставив машине идти по прямой. Вот «тигр» грузио клюиул носом и, надсадио дрожа, стал подииматься.

«Заглохнет, проклятый»,— подумал Иванов, обливаясь холодным потом, и переключил скорость. Танк победно заревел и выполз из огромной воронки на свет. Снаряды колотили по земле еще очень близко, осколки звенели по броне, но огневой вал остался позади. Впереди лежала безмолвная земля, иссеченная глубокими трещинами, вся в воронках, дрожащая зябкой дрожью.

Вражеские ракеты пылали, обрушивая весь свой яростный свет на ползущее чудовище, огромное, как ящер. Из его тупого рыла мелькал и прятался огненный язык. «Тигр» перекатился, раздавив пулеметное гнездо, через траншею и стал медленно, словно боясь оступиться, спускаться вниз по склону. Он подминал ежи с колючей проволокой; под его гусеницами, как орехи, лопались противопехотные мины.

Вот он пересек узкую нейтральную полосу, деловито передавил противопехотные мины другой стороны, переполз через холмик и остановился.

— Приехали! — Иванов сорвал шлем.— Ребята!

— Тихо! — Свойский вздохнул.— Ну почему всегда не может быть тихо?

Ему никто не ответил.

— А ведь все мы любим тишину. Даже мой сосед. Ишь, как тихо лежит.

— Ты что? — с испугом спросил Иванов.

— Да нет. Живой твой напарник. У меня на него зла теперь уже нету. Ловко в ногах устроился. Ты скажи ему, Коля, чтобы свет зажег. Тут у них и поесть и выпить должно быть.

Возле танка ходили солдаты. Постучали прикладом по броне. Глухо донесся голос:

— Эй, дойчи, язви вас в печенки! Сдаваться так сдаваться. Давай выходи из своей жестянки!

— Братцы! — Иванов задохнулся от охватившей его радости.— Да это... Это же Кугук!

— Он! — согласился Свойский.— Коля! Зажжет, наконец, свет наш разговорчивый «язык»? Да пусть нижний люк откроет. Пехоту тоже угостить надо.

Е. ФЕДОРОВСКИЙ

МИНУТЫ ВОЙНЫ

В основу этого рассказа положено событие, происшедшее в феврале 1945 года в Восточной Пруссии с командиром штурмового полка П. В. Кондратьевым.

Ветер дул с моря. Он и принес тучи, кружил снежинки, скатывал во влажные хлопья и опускал в слякоть. Никто точно не знал, почему снег, всегда белый и чистый, сегодня был серым.

Французы-северяне из полка «Нормандия» предполагали, что снег стал серым от тепла, от наступающей весны, а южане кивали на сумеречное Балтийское море, совсем не похожее на яркое небо Буш-дю-Рона или Корсики.

Только Званцов, подставив ладонь снежинкам, подумал, что снег посерел от копоти войны, от множества пожаров, занявшихся над Восточной Пруссией. Может, протащилась над полем боя туча и, отяжелев в дыму, накрыла аэродром, ободранные осколками сосны, мокрые маскировочные сети, растянутые над самолетами.

Но он, впрочем, не знал, что об этом говорят французы, которых с его полком на несколько дней свела вместе война.

Неделю шла битва за Кёнигсберг. Неделю полк не выходил из боев. Часов с пяти утра к далекому грохоту пушек прибавлялась трескотня прогреваемых моторов. Злые, невыспавшиеся летчики подставляли головы под кран цистерны и шли в землянку-столовую.

Завтрак подавала Зина — женщина с коричневым лицом, раскосыми глазами и глубокими морщинами вокруг рта. Ее звали «мамой Зиной». Она, как и заведующий летной столовой старшина Шумак, числилась в составе БАО — батальона аэродромного обслуживания. Этот батальон вот уже год кочевал вместе с летным полком. Летчики сдружились и с мамой

Зиной и с Шумаком, и знали о них то, что мама Зина всегда ругала Шумака.

С декабря на завтрак, обед и ужин мама Зина подавала к тушенке неизменный макаронный гарнир. У макарон не было ни вкуса, ни запаха. От них во рту становилось пресно и сухо, как от резины. Летчики даже поверье такое придумали — не повезет, если первым пройдешь мимо склада, откуда Шумак еще задолго до рассвета выносил картонные коробки макарон с напечатанной русскими буквами надписью: «Геройскому народу Советского Союза от Соединенных Штатов».

Французы стояли на другом конце летного поля, километрах в двух от полка Званцова. Их тоже кормили макаронами. Но они весело вытягивали из бачков клейкие дудочки, наматывали на вилки и макали в жирный соус. Они и на своей далекой родине ели макароны и не скучали о картошке, как русские ребята.

В кухне мама Зина свистящим шепотом наступала на Шумака:

— Жрет фашист картошку, тебе говорю!

— Нету картошки, ведьма ты рогатая,— мрачно отбивался Шумак.

У мамы Зины муж умер давно, до коллективизации. Было четверо сыновей. Погибли все. Мама Зина не плакала. У нее сердце, наверное, окаменело давно. Встретив Званцова, сказала только: «Пал смертью храбрых». Это о первом. Потом так же сказала о втором, о третьем. А о четвертом уже ничего не сказала — лишь крепко поджала губы.

«Может, поженятся»,— думал Званцов, улавливая гневный шепот мамы Зины и Шумака.

Ему почему-то хотелось, чтобы они поженились. Когда-нибудь ведь кончится война! Званцов даже представил, как сидят все летчики за простым солдатским столом, пьют водку, кричат «горько!», как смущенная и помолодевшая мама Зина целует в черную щетину старшину Шумака. Только улыбку ее не мог представить Званцов — никогда он не видел, как улыбается мама Зина.

...Ох, и трудна должность командира полка! И хозяйственных и боевых забот прорва. Но странное дело, чем дольше командовал полком Званцов, тем все чаще открывал в себе новые качества — он меньше ругался, больше молчал и думал.

Званцов был худ. С тонким носом горбинкой, тонкими губами и двумя морщинами поперек лба, которые придавали лицу вид хмурый, даже злой.

Он думал сейчас об интендантах БАО. Им, конечно, удобно — макароны не гниют, легки для перевозки, калорий много, а ребятам надо бы сейчас картошки — нашенской, в мундире... Сумеешь ли ты, мама Зина, проанять Шумака?

В землянку вошел инженер полка Глыбин в брезентовой длиннополой куртке, какие обычно носили техники, в старых валенках, грязных от масла. Легким шлепком по плечу он поднял со скамейки командира звена Канарева, вытер шапкой потемневший от пота белый чуб.

— Зарезали нас без запчастей. На тройке ресурс кончился. На шестом вот он,— Глыбин кивнул на Канарева,— разворотил весь маслоотстойник. Тоже придется менять...

— Ха! «Он разворотил»,— передразнил Глыбина Канарев.— Вы думаете, мы только и мечтаем, чтобы себя под пули подставлять?

— Мог бы и знать, с запчастями туго, поберегся бы,— серьезно проговорил Глыбин.

Званцов с трудом спрятал улыбку. В полку старик инженер давал столько пищи для анекдотов, что если бы Глыбин вдруг исчез, жизнь стала бы совсем горькой.

— Значит, двух машин на сегодня нет? — спросил Званцов.

Красные, как у окуня, глаза Глыбина убежали под седые брови, скрипнула скамейка.

— Да как сказать?.. Кое-как подделали. Сегодня, может, и слетают, а завтра хоть под нож лягу, а не выпущу в полет.

— Ну и на том спасибо, Иван Сергеевич.

Глыбин ушел.

Канарев сел на свое место, ткнул вилкой в макарониу. И тут заметил, что мама Зина подала ему вилку трофейную — из нержавеющей стали, с ножом и свастикой.

— Мама Зина, сколько вас предупреждать?! — закричал он.

Мама Зина молча забрала вилку и положила другую — с деревянной ручкой и сломанным зубом.

В узкой амбразуре окна замаячила подпрыгивающая фигура Глыбина. Инженер кому-то кричал, стараясь пересилить грохот моторов.

Вот так начиналось каждое утро. Моторесурс на тройке кончился давно, и много других самолетов надо отправлять на капитальный ремонт, и запасных частей Глыбин совсем не получает. Но машины летают. Машины в строю. Есть такой вот Иван Сергеевич Глыбин и десятки других «Иван Сергеевичей», без сна, под непрерывными бомбежками, на жидковатом «технарском» пайке делающих все, чтобы машины летали.

После завтрака летчики выстроились на стоянке.

— Ну, братцы-кролики, такие будут дела...— Званцов оглядел смолкнувших летчиков.— Сегодня нас прикроют, наконец, истребители. А мы снова полетим к переправе. (Кто-то разочарованно просвистел.) Действовать будем поэскадрильно, с интервалами в пять минут. Атаковать по ведущему. Напряжение...— Званцов хмуро оглядел изнуренные лица пилотов еще раз.— Напряжение — пока не разобьем переправу!

— Разрешите вопрос,— выступил вперед Канарев.— А кто именно будет прикрывать?

— Прикроют французы. Вечером они перебазировались к нам.

— Французы? — оживились летчики.— А как они воюют?

Им еще не приходилось драться бок о бок с французами, и, естественно, летчики-штурмовики хотели знать, как французы ведут себя в бою, смогут ли прикрыть от «мессеров» и «фоккеров». Ведь хоть сей-

час и тучи низко, но синоптики обещают скорое улучшение.

А переправа представляла вот что...

В январе Советская Армия начала наступление по всему фронту от Балтики до Карпат. На правом его крыле стояла сильнейшая стратегическая крепость Кёнигсберг. В сталь и бетон одели фашисты город, по башню зарыли в землю танки, перебросили с Западного фронта авиацию.

Три дня назад на правобережье реки Прегель, протекающей по Кёнигсбергу, им удалось остановить наступление наших войск. Подкрепление — солдат, боеприпасы, горючее — они переправляли по понтонному мосту. Единственный на этом участке мост был сильно защищен зенитками. Налеты тяжелых бомбардировщиков не дали никаких результатов. Вчера трижды и безуспешно штурмовой полк Званцова пытался прорваться к реке.

Что даст четвертая попытка?

Званцов воевал около четырех лет, сорок четыре месяца. Этого времени хватило, чтобы понять горькие, но неизбежные законы войны.

Летчики разошлись по машинам. Званцов надел парашют, сбил с унтов снег и полез в кабину. Атака должна начаться в шесть утра. До взлета осталась минута. Из-под серых маскировочных сетей выруливали штурмовики и как бы вытаскивали на своих работающих винтах радугу.

— Готов, Сеня?

— Так точно, товарищ майор! — отозвался стрелок.

Званцов посмотрел на часы приборной доски. Стрелка бежала по черному циферблату. Засек время...

— Взлет!

Рука плавно двинула ручку газа вперед. Штурмовик покатился по полю, набирая скорость и стряхивая с себя мокрый снег. У опушки леса он оторвался и полез к липким тучам.

Облачность была небольшой. Самолет быстро прошел ее, и на бронестекле вспыхнул розовый утренний

луч. Небо парило. Горизонт переливался из темно-синего цвета в зеленоватый и оранжевый. Внизу плыли, как дымы, сероватые вороха облаков. Но потом стала проглядываться в окнах земля, грязно-белая от тающих снегов.

Рядом со Званцовым летел Канарев. У него из-под шлема высовывался белый шелковый чехольчик и оттенял румяное, круглое лицо. Лейтенант жмурил глаза и улыбался. «Вот он,— подумал Званцов,— не умеет скрывать свои чувства, как это делает зрелый мужчина». Не так давно Званцов видел у него на глазах слезы. Оказалось, из-за пустяка — полюбил... Хотя Званцову было не двадцать, а тридцать восемь, он никогда не любил. У разных людей дорога к любви бывает разная — и короткая и длинная. У Званцова, наверное, была самой длинной, закружилась в войне. Он думал, что на земле сейчас нет такого места, где любят, женятся, выходят замуж. Он воевал — и это было все, о чем он думал, что делал, чем жил.

Штурмовики эскадрилья за эскадрильей шли над облаками. Облака на этот раз помогали летчикам. Званцов рассчитывал незаметно пролететь до цели и, выйдя из облачности, атаковать переправу.

Километрах в двух выше летела эскадрилья французских истребителей. Маленькие, стремительные ЯКи шли попарно строем пеленга.

«Соображают»,— похвалил истребителей Званцов. При таком строе ЯКи могли вступать в бой почти одновременно.

Званцов поглядел на часы. До атаки осталось семь минут.

«Неужели повезет?» — подумал Званцов и суеверно стал гнать эту мысль прочь. Он внимательно, квадрат за квадратом, осмотрел сизо-голубой сектор неба и ничего не обнаружил.

«Что за черт? Фрицы будто нарочно подставляют переправу... А может, мы уклонились?»

Званцов торопливо поглядел на компас, часы, карту. Нет, не уклонились. До переправы осталось пять минут.

И вдруг в небе что-то изменилось. Он закрутил головой, стараясь понять, что же именно произошло? Канарев показал вверх. Ах, вот в чем дело!

Два ЯКа оторвались от строя и устремились ввысь. Перед ними едва заметной точкой парил «фокке-вульф-189» — «рама». Разведчик, описав дугу, стал уходить от истребителей. С «рамы» гитлеровцы сообщили на землю о штурмовиках.

Небо вдруг стало рябым от черных шапок разрывов. Заградительный огонь был настолько плотен, что воздух сразу потемнел от дыма.

«Ну, куда нырнуть? Где найти брешь в стене огня? Кажется, нет ее... А может, пронесет? Не заденет снаряд, только осыплет осколками?»

«У-у, проклятая!» — Званцов пригрозил «раме». Увертываясь и отстреливаясь от истребителей, она старалась скрыться в облаках.

Званцов нырнул в стену заградительного огня. Самолет качнуло тугим воздухом взрывных волн и сразу же хлестнуло осколками. А остальные? Званцов оглянулся, вздохнул радостно: пронесло.

В просвете мелькнула белая река.

— Приготовиться к атаке! — крикнул Званцов.— Пошли!

Самолет врезался в тучи и там забился, будто попал в капкан. Здесь было пожарче, чем от верхнего заградительного огня. Близкие, но невидимые в облачности разрывы бросали самолет из стороны в сторону. Втянул голову в плечи Званцов. Страшно не хотелось ему попасть сейчас под слепой разрыв. Рука похолодела, крепче вцепилась в ручку управления. Но через секунду он прогнал страх и ощутил ровную мощь двигателя, тугой поток воздуха, крепость крыльев, близость товарищей, летящих где-то рядом. И помогло. Только мысль заработала четче, как пулемет. А бушующая вокруг смерть, рвущая самолет осколками, ускользнула куда-то за пределы сознания.

Из туч выплыла земля и белая, глянцевитая вода Прегеля. Глаз метнулся в сторону. Мост! По нему струится зеленая лента людей, повозок, танков.

Званцов поймал в прицел эту жирную колышущуюся гусеницу и нажал гашетку. С крыльев сорвались реактивные снаряды, огненной струей вонзились в мост, образовав пробку.

Пролетев за переправу, он направил самолет вверх. И тут заметил, что зенитки не стреляли. Значит, в небе, за облаками, были фашистские самолеты. Если их много, то они сразу же нападут на штурмовики. Вверху — истребители, внизу — зенитки... Как лучше зайти для новой атаки?

Выскочив из облаков, штурмовики окунулись в синее небо. То тут, то там проплывали бурые полосы горящих самолетов. Достаточно было одного беглого взгляда, чтобы понять соотношение сил. Гитлеровцы на выручку своей переправы бросили много самолетов, и они сейчас вступили в бой с ЯКами.

Два «фокке-вульфа-190» понеслись прямо на Званцова. Уйти вниз, развернуться, чтобы дать возможность стрелку открыть огонь, Званцов не мог: его успели бы расстрелять на вираже. Он решил лететь навстречу «фоккерам», отвлекая гитлеровцев от товарищей.

— Ястреб, я с вами! — раздался в наушниках голос Канарева.

— Назад, черт бы тебя взял!

— Разрешите остаться,— секунду помолчав, упрямо проговорил Канарев.

Званцову уже некогда было отвечать. Он прильнул к прицелу, стараясь поймать первый «фоккер». Тяжелая машина нехотя поднимала нос. От «фоккеров» уже неслись, ослепляя, колючие нити трассирующих снарядов. Перед самой кабиной Званцова «фоккеры» сделали горку и проскочили назад. По ушам ударил тупой треск пулеметов. Это начал стрелять Сеня. Сладковатый запах пороха наполнил кабину.

— Есть один! — радостно крикнул Сеня.

Званцов оглянулся. Одного «фоккера» Сеня и стрелок Канарева подцепили кинжальным огнем. Гитлеровец задымил, круто уходя к земле.

Сбоку на Званцова кинулся новый «фоккер». На-

перерез ему вырвался ЯК: на хвостовом оперении Званцов успел заметить номер — двенадцатый. Фашист, подвернув, открыл огонь по истребителю.

— Ястреб! Слева сзади! — испуганно крикнул Канарев.

Тройка «фоккеров» заходила в хвост. Званцов думал, что сейчас начнет стрелять Сеня.

— Стрелок! Огонь!

Но Сеня молчал. Вражеская очередь разбила турель. Стрелка, видимо, убило или ранило. Канарев швырнул самолет навстречу «фоккерам», заслонив своей машиной штурмовик командира. Большой силы взрыв качнул самолет. Боковое стекло фонаря у Званцова вылетело из металлической рамы, будто выстрелило.

Званцов, не успев испугаться, глянул вниз. Окутавшись дымом, падал штурмовик Канарева. От перенапряженных нервов мускулы не почувствовали перегрузки — Званцов бросил машину следом.

Канареву на мгновение удалось перевести машину на крутое планирование. Дым закрывал кабину, лишь изредка появлялось опаленное лицо Канарева. Парень сидел неестественно прямо, вытягивая шею. Вдруг он открыл побелевший от трещин фонарь и приподнялся над козырьком.

— Ястреб,— услышал Званцов свой позывной,— у меня дело дрянь. Передай, что погиб. Ей. Больше некому...

Самолет, зарываясь носом, вошел в пике. И тут Званцов сообразил, что Канарев старается направить горящую машину на переправу...

Гибель товарища осознается поздней. Когда не увидишь на стоянке его самолета или когда будет пустовать его место в землянке, словом, там, где привык его видеть. Званцов еще не успел ощутить утраты. Жалость — это потом. Сейчас надо остаться спокойным. Еще идет бой и пальцы лежат на гашетке оружия.

Нет, не был Званцов черствым человеком. За сорок четыре месяца войны он видел много смертей. Гибель одних вызывала сострадание, другие вреза-

лись в память, даже своей смертью не позволяя забывать о них. Но сейчас Званцов просто не мог думать о Канареве. В небе продолжали бой живые. Их важно было сохранить.

Единственное, что держал в памяти Званцов,— переправы нет, а «фоккеры» будут мстить за неудачу.

— Всем скрыться в облаках и домой! — крикнул Званцов.

От перегрузок, от бешеного вращения самолета, от стремительно перемещающихся линий неба и земли в глазах вспыхивали и потухали красные круги. В висках больно стучало, душил ларингофон и воротник гимнастерки.

Да, теперь надо поскорей выходить из боя. Промедление грозило смертью.

Званцов сделал попытку прорваться к тучам. Но его не пустил «фоккер», отогнал огненной трассой пуль. Фашист, перекачиваясь с крыла на крыло, заходил, готовясь к стрельбе.

С тоской Званцов оглядел небо. ЯКи дрались с «фоккерами». Вот снова мелькнул двенадцатый. В крутом пике он стрелял в «фоккера», будто ввинчивал свинцовый штопор. Никто не успеет выручить...

Трасса впилась в мотор, гулко рванул снаряд. По фонарю ударила горячая струя масла. Второй снаряд скользнул по бронеспинке, и Званцов от боли чуть не выпустил управление. В глазах потемнело, будто солнце погасло, как лопнувшая лампочка. Горлом пошла кровь.

Званцов хорошо усвоил, что кто-то на войне обязательно погибает, и, почему-то сразу успокоившись, подумал: «Да, теперь все...» Он пожалел себя как постороннего человека. И «фоккеры», и ЯКи, и переправа через Прегель... Что они значили сейчас? Мелочь жизни в безграничном океане горя за долгую и мучительную войну.

Званцов хотел выпрямиться, но не смог. Жуткая боль заглушила все, что мелькало, билось, стреляло за козырьком кабины. Жидкое масло сдувалось с фонаря потоком воздуха, в мутном свете Званцов еще мог различать небо, далекие, повисшие где-то на гра-

нице стратосферы перистые облака, мелькающие истребители, но это уже не интересовало его.

Самолет падал. Уши резала тишина, хотя на самом деле воздух содрогался от взрывов. Сейчас была только тишина — бездонная, мрачная, цепенящая тишина.

Взгляд равнодушно скользнул по приборам. Званцов отметил, что мотор еще работает. И проработает еще минуты четыре, пока насос не выкачает все масло из бака, потом еще минуты две, пока не заклинит его от перегрева. Стрелки бились в черных кружочках. Они еще жили. Они не хотели сдаваться.

И Званцову вдруг тоже захотелось уцелеть. Заскрежетав зубами, он выпрямил шею — единственное, что ему удалось сделать. Он тронул ручку управления. Машина вздрогнула, словно сказала: «Я еще слышу тебя». Ногой он надавил на педаль и медленно, как тяжелобольной, развернул самолет в сторону линии фронта.

До переднего края километров двадцать. Надо, чтобы машина летела по прямой. Нет, не получается... Она плохо слушается рулей.

Может быть, увеличить скорость снижением?

Но это тоже не годится. Машина окажется у земли раньше, чем проскочит линию фронта...

Самолет бросило в сторону, словно ему отбило хвост. Званцов с трудом восстановил равновесие. Через секунду сбоку пристроился «фоккер». Званцов напряг негнущуюся шею и стал смотреть на гитлеровца. Тот поднял очки, ухмыльнулся, провел ладонью по горлу и щелкнул пальцем, будто сбивал со стола муху.

Потом он отстал, прицелился и выстрелил. Взрыв опять качнул самолет, и Званцов, превозмогая чудовищную боль в позвоночнике, снова удержал его от падения.

Гитлеровец вновь пристроился к крылу и удивленно покачал головой. Потом описал круг, словно накинул петлю на штурмовик. Гитлеровец целился по кабине Званцова. Секунда, другая... Надо прижаться

к бронеспинке, но позвоночник не дал ему выпрямиться.

— Да стреляй же, гад! — крикнул Званцов.

Снаряд разорвался у мотора. Машина клюнула носом, будто споткнулась. В кабине появился запах гари. Мотор еще работал, но Званцов увидел, как около унта, словно из форсунки примуса, выбивалось голубоватое пламя.

Фашист снова поравнялся с самолетом Званцова. На этот раз он поднял большой палец — молодец, мол, жив курилка! Потом посмотрел на землю, пригрозил кулаком, стал опять заходить сзади. Ему уже надоело возиться с русским летчиком. Он собрался расстрелять горящий самолет.

В эту секунду Званцов обнаружил, что пламя исчезло. Улыбнулся запоздалой попытке машины спастись.

«Нет, судьбу не обмануть. Не погулять на свадьбе, Шумака с мамой Зиной. Интересно, достал Шумак картошки?

А снег серый. Бьется о фонарь, как пчелиный рой.

Инженер Глыбин, видно, еще ждет. Старик всегда ждет. Даже когда никакой надежды нет. Теперь-то у него станет меньше забот. По крайней мере не надо менять отстойник на машине Канарева.

Ну, быстрей же кончайся, война! Останьтесь живы хоть вы, сегодня не убитые!..»

Сбоку снова появился истребитель. Званцов скосил глаза и обгоревшей перчаткой провел по лицу. Рядом летел ЯК — опаленный, прошитый пулями, в поврежденной обшивке, как ребра, торчали нервюры.

А пилот смеялся. На почерневшем лице поблескивал пот. Жестами он изобразил кувыркающегося фашиста, ткнул пальцем в свою грудь и выразительно стукнул кулаком по темени.

Справа пристроился другой ЯК. На его стабилизаторе стояла цифра «12». Что-то знакомое мелькнуло в облике пилота, в белокурых волосах, выбившихся из-под шлема, в худеньком личике.

«Где же я встречал его?» — подумал, улыбнувшись, Званцов.

Ему стало неудобно, что за войну он встречал много людей, расставался, забывал... Он напряг память.

«Да ведь это маркиз! Я видел его в сорок третьем. Еще подумал тогда: маркиз — это кличка. А оказалось — настоящий маркиз Роллан де ля Пуап» *.

Пуап, покачав головой, показал на штурмовик. Как бы сказал: «Скверно же ты выглядишь, друг, и я просто не знаю, как выпутаешься ты из этой передряги...»

Мотор трясся и чихал, выбрасывая последнее масло. Сейчас он остановится. Спастись можно, если прыгнуть с пáрашютом. Прыгать заказал тот фашист. От потери крови Званцов ослаб, даже пошевельнуться не мог, не то чтобы сбрасывать фонарь и выбираться из кабины.

Званцов облизнул пересохшие губы. Судьба, как нарочно, подставляла ловушки.

А если садиться?

По земле синеватыми змейками разбегались окопы переднего края, тянулись противотанковые надолбы, островки искалеченных боями лесов.

«Попробую сесть».

Три самолета пронеслись низко над окопами. Никто не выстрелил. Видно, и та и другая сторона, затаив дыхание, прикидывали шансы на спасение.

Самолеты, едва не касались друг друга консолями крыльев, а с земли, наверное, казалось, что два истребителя и правда поддерживают штурмовик на своих плечах, как солдаты ведут после боя раненого товарища.

Мотор тянул из последних сил, оставляя коричневую полосу дыма.

Надолбы кончились. Открылось поле. Ровное поле, чудом уцелевшее от боев. Глухой толчок. Зачем-то на приборной доске зажглись зеленые лампочки, хотя Званцов не выпускал шасси. Снизу забарабанил каменный дождь. Земля! Своя земля...

---

* За героизм, проявленный в боях с фашизмом, Роллан де ля Пуап был удостоен звания Героя Советского Союза.

ЯКи низко пронеслись над затихшим штурмовиком. Они увидели, как побежали к самолету солдаты. Тогда сделали еще один круг, покачали крыльями и ушли домой.

Званцов по привычке взглянул на часы и отметил время. С момента взлета и до посадки они отсчитали двадцать восемь минут.

Двадцать восемь минут из сорока четырех месяцев войны.

В. ПЕСКОВ

ОН БЫЛ РАЗВЕДЧИКОМ

Его зовут Георгий Георгиевич. Вот он на снимке. Два молодых лося ласкаются к нему, как верные собаки. Он приручил лосей. Он и с волками уходит в лес; и вопреки пословице «как волка ни корми...» звери возвращаются к человеку, стоит ему только подать голос. Вы, наверное, видели фильм «Верьте мне, люди» и помните сцену: волки нападают на бежавших из лагеря заключенных. Это он готовил зверей для съемок. Он заходит в клетку, где живет рысь, остается один на один с медведем. Это его работа. Он директор зоологической базы и дрессировщик. Ему пятьдесят два года. Последние восемь лет я знаю этого человека. Мы подружились, и я, кажется, знал все о его прошлом. Он родом из Кирова. Двенадцати лет стал ходить на охоту. Однажды попал в лапы медведю и не погиб потому только, что был хладнокровным,— под медведем сумел приподнять ружье и выстрелил зверю в пасть. После этого, истекая кровью, он шел по тайге двадцать четыре версты, и только на пороге дома силы его покинули. В лесном поединке с браконьерами он получил пулю в бедро, а после операции снова пошел по следам браконьеров. Он побывал во многих зоологических экспедициях. Ловил архаров в Китае, ездил в Норвегию за бобрами, был в Турции и Финляндии.

Студентом Шубин ушел добровольцем на фронт. После войны был директором Печорского заповедника. Тут надо бы не спешить и рассказать подробно о десяти годах «печорской работы». С ученым Кнорре он попытался приручить лосиное стадо. И дело пошло на лад. На лосях уже возили в тайгу провиант охотникам, доили лосей. Научный эксперимент сулил большую хозяйственную выгоду, но, как это часто

случалось, хозяйственники как раз и не дали дороги новому делу: «Свиней не знаем как уберечь, а вы тут с лосями...» Я встретил Шубина во Владимирской области, где зверей готовят сниматься в кино. Мы по многу часов говорили за столом, у костра, в поезде по дороге в Москву. Должен сознаться: того, о чем сейчас расскажу, я не знал до последнего месяца. Может, и теперь не знал бы, каким человеком Шубин был на войне, если бы не письмо генерала: «Товарищ корреспондент, в заметке у тебя поминается фамилия человека. У нас в дивизии был разведчик... Не тот ли Шубин? Это был большого таланта разведчик. Пришлите, пожалуйста, адрес». И подпись: «генерал А. Хвостов».

Мало ли Шубиных. И мало ли было разведчиков. Я отослал адрес без уверенности, что это тот человек, которого генерал ищет. Я уже забыл о письме, но при встрече Георгий Георгиевич заговорил первым: «Понимаешь, мой генерал отыскался...» Мы собрались к генералу в Москву. Шубин порылся в чемодане, и я увидел награды: три ордена боевого Красного Знамени, орден Славы и орден Красной Звезды, орден Отечественной войны, четыре медали. Он сознался: «За десять последних лет первый раз надеваю».

В Москве, за Измайловским парком, отыскали квартиру. Двери открыл пожилой человек в пижаме.

— Шубин!..

За минуту молчания, когда люди стоят, прижавшись друг к другу, много, наверное, можно вспомнить. Двадцать лет командир дивизии Алексей Яковлевич Хвостов не видел разведчика... До утра мы сидим за столом генерала. И потом еще целый день. Двое людей вспоминают:

«На войне разведчик — это солдат самой высокой квалификации. Ему достаются все тяготы солдатской жизни, и во много раз больше, чем остальным,— опасность, риск, ответственность. Не всякий даже хороший солдат мог быть разведчиком».

«Когда приходило пополнение в часть, командиру разведки давали первому выбрать людей.

— Кто хочет в разведку?

Из тысячи сотня людей делала шаг вперед. Я говорил с ними и оставлял десять. Из десяти два становились разведчиками. Чаще всего это были охотники, умевшие неслышно ходить, умевшие выследить, стрелявшие хорошо...»

«Разведка была глазами дивизии. Мы каждый день должны были знать, что там, впереди нас. Разведка ходила узнавать о продвижении частей, уточняла укрепления и оборону, вела счет технике. Разведка ходила на связь с партизанами, водила в тыл к немцам людей. Разведка ходила брать «языка». Почти каждые десять дней нужен был пленный. На фронте так было: десять дней нет пленного — батальон идет в бой, двадцать дней «языка» нет — полк идет боем захватить пленного. Мы не ходили брать пленного боем. Шубин всегда приводил «языка». И по этой причине, сколько было солдат в дивизии, столько было и благодарных друзей у разведчиков».

«Переходили фронт без погон, без знаков отличия, без документов. Еда в мешках, карта, радиостанция и оружие. Беспрерывное напряжение. Костер нельзя разложить. Нельзя кашлянуть, сучок под ногой не должен хрустнуть, курить нельзя, спать нельзя. По восемь часов случалось лежать в снегу без движения у дороги, по которой шли фашистские танки, автомобили, солдаты. Однажды замерзли до крайности. Решили ползти к деревне... Первая хата. Дым из трубы. По чердачной лестнице быстро забрались под крышу, прислушались — в избе говорят. Еще прислушались — чужая речь. От холода зуб на зуб не попадает. Сбились в кучу возле трубы. Ребята тут же уснули. Я стоял на коленях с гранатами и толкал в бок ребят, когда начинали храпеть. Под утро спустились и ушли в лес. Очень морозная ночь была, градусов тридцать. Помню, когда уходили, посреди села занялся пожар и кто-то кричал так, что у меня защемило сердце... Мы часто видели зверства фашистов. Стиснув зубы, шли мимо — нельзя было ничем себя обнаружить».

«Шубин начал войну добровольцем-студентом. С пятьдесят первой дивизией Прибалтийского фронта вошел в Пруссию, ходил в разведку в район Кёнигсберга. Начал войну рядовым, закончил офицером-коммунистом. Сорок четыре раза Шубин переходил линию фронта и сорок четыре раза возвращался обратно. Кто воевал, знает, что это значит...»

На столе пожелтевшие фотографии, карты, фронтовые газеты. Заголовки во всю страницу: «Учиться у разведчиков Шубина». Стихи о разведчиках, портрет Шубина. Двадцать лет прошло. Память не все сохраняет, но все и невозможно забыть. Каждый по-своему о войне вспоминает. Вот несколько эпизодов из жизни фронтовой разведки. Я записал их во время разговора Шубина с генералом.

ПОДМОСКОВНАЯ ВСТРЕЧА

— После войны, в сорок шестом году поехал я с приятелем на охоту. На станции Тучково вышел из поезда. Стоим, курим, ждем, когда колонна пленных пройдет (они там кирпичный завод строили), гляжу — здоровенный немец выскочил и бежит ко мне, руками размахивает.

— Камрад, спасибо, спасибо! — Кинулся обнимать.

И я тоже, представьте, узнал немца. В сорок третьем году, в феврале, как раз в канун Дня Советской Армии, на нейтральной полосе, посреди замерзших болот носом к носу столкнулись мы с фашистской разведкой. Мы — в снег, и они — в снег. Такие случаи бывали и раньше. Бывало, без выстрела расходились, а тут очень нужен был пленный, было даже объявлено: «За пленного — месячный отпуск домой». И немцы тоже, видно, решили не отходить. Я успел заметить: качнулась елочка. В оптический прицел вижу: автомат поднимается из-за веток. Я выстрелил первым. Четверо немцев кинулись убегать. А один, здоровенный, спотыкаясь, идет к убитому — автомат в сторону, гранаты в снег уронил. Мой связной Шурик

Андреев подскочил: «Хенде хох!» А немец — ноль внимания, упал на колени возле убитого, плачет.

Оказалось, под пулю попал сам начальник разведки.

— Мой земляк. Мой земляк... Мне жизнь два раза спасал...

«Тебя,— думаю,— спасал, а меня бы срезал, опоздай я на две секунды». Вынул из кобуры большой, пятнадцатизарядный браунинг с красным рубином на рукоятке. Забрал документы. Пленному, как обычно, сказал: «Ну вот, теперь будешь жить...» К фашистам жалости не было. Но пленных я запрещал пальцем тронуть. Этот пленный, надо сказать, много ценного рассказал. Я с Шуриком Андреевым на месяц в Москву с фронта ездил. А немец, видно, хорошо запомнил слова: «Теперь будешь жить...» — через три года узнал. Хорошо и по-русски говорить научился. Постояли мы с ним минут пять, покурили. Наверное, он и сейчас жив, нестарый был немец...

АРКАДИЙ ЛАПШИН

Старая фотография. У бревенчатой избы стоят и сидят двадцать пять человек. Совсем молодые ребята. Только что генерал вручил им награды и присел вместе с ними на память сфотографироваться. Рядом с генералом — Шубин, он только что получил орден Славы. Тут же сидит корреспондент фронтовой газеты. На фотографии — генеральская надпись: «Мои любимые разведчики».

В какой-то день затишья при наступлении сделана фотография. Шубин глядит на нее.

— Аркаша Лапшин... Почему-то он в валенках. Мы в сапогах, а он в валенках. Это было весной. Он тогда чуть опоздал. Мы просили фотографа без него не снимать. Он прибежал и встал с краю. А через пять дней его уже не стало — на войне не знаешь, что с тобой будет завтра.

Аркаша был моим другом. Мы вместе и домой ездили с фронта в месячный отпуск. Он ездил в Горь-

кий. Не помню, сколько раз мы лежали рядом у фашистов в тылу. Смелый был человек: раз! — и я уже вижу: прыгнул на плечи — уже есть пленный. Сколько душевных разговоров было в землянке! Ночь. Постреливают. В землянке с потолка земля сыплется. А разговор о том, как после войны жить будем. «В гости ездить будем друг к другу. Я,— говорит,— тебя по Волге до самой Астрахани провезу». Любил Волгу. Я стал командиром дивизионной разведки, а он вместо меня полковой разведкой остался командовать. Я не видел, как он погиб. Рассказывают: бросился вытаскивать раненого, а «фердинанд» со злости, наверное, бил по людям прямой наводкой. В тот же день пришло письмо от жены. Мы не знали, что делать с этим письмом...

Настоящий был человек. О таких людях обязательно надо помнить. Заметку так и назвать надо: АРКАДИЙ ЛАПШИН. Вот он стоит, крайний. Все в сапогах, а он в валенках...

И О НЕМ НАПИШИТЕ

— И еще об одном обязательно напиши. Миша Шмелев. Его тоже в живых нет. И может быть, кроме нас, некому и вспомнить этого человека. В нашу часть он пришел из тюрьмы. Я его под свою ответственность взял — понравился он мне чем-то с первого раза. Прямой человек был. Пригляделся к нему и стал брать на задание. Многие, наверное, поговорку военную знают: «С этим я пошел бы в разведку». Так вот, это был парень, с которым можно было ходить в разведку. В Белоруссии, помню, представил его к награде. Гляжу, из штаба капитан приезжает: «Ты что, у него же судимость!» — «Ну,— говорю,— надо судимость снять». Приезжает трибунал снимать с парня судимость. Накрыли в землянке стол красной материей.

— За что судились?

— Воровал.

— Так-так... Ну, а до этого где работали?

— Сидел.
— За что?
— Воровал.
— Ну, а до этого? — с надеждой спрашивает полковник, член трибунала.
— Сидел...

Я в уголке прижался ни живой, ни мертвый. Учил же чертова сына, как надо сказать! Нет, всю правду выложил. Сам сидит как в воду опущенный. Немножко глуховат был, переспрашивает. Ну, разобрался в общем трибунал. Детдомовский парень, воспитание прошел на базаре. Я за него поручился. Сказал, что фашистов он ненавидит, воюет хорошо. Думаю, и после войны хорошим человеком будет. Он в ту ночь постучался ко мне в землянку и плакал: «Скажи, командир, ты правда веришь, что буду хорошим человеком после войны?..» Убило его. Осколок в спину попал. Запиши: Михаил Шмелев из Саратова...

ПОЕДИНОК

— Стрелять я начал с двенадцати лет. В армии на первых стрельбах три мои пули в середине кружка оказались.
— Охотник? — спрашивает командир.
— Охотник,— говорю.
— К Данилову...

Старик Данилов был снайпером в части. Он сказал: «Попробуем...» Поставил на сто шагов спичечный коробок и лег рядом со мною. Пять раз подряд надо было попасть. Пять раз я и попал. Данилов был из горьковских охотников. Седой уже, зубов половины нет, а глаз, как у коршуна. Подарил он мне в первый же день знакомства пристрелянную винтовку. Я к ней добыл десятикратный прицел оптический. С этой винтовкой и войну закончил. Кое-кто смеялся: «Командир, а с винтовкой в разведку». А я за полверсты, бывало, держал фашиста на мушке...

Два хороших снайпера на открытом месте двум сотням солдат не дадут подняться. За деревню Рос-

солай, помню, был у нас бой. Фашисты обозлились, идут прямо в лоб, по открытому месту. Даю команду: «Никому не стрелять!» Ложимся с напарником и через стекла прицела выбираем по одному. Надо сказать, немцы воевали с умом. Перехитрим, бывало, фашиста — в своих глазах вырастаем. Но это были девять глупых атак. Я тогда раз тридцать с лишним стрелял. По существу, вдвоем и не отдали деревню...

За офицерами на первой линии мы охотились в паре с Даниловым. Была у нас и схватка с фашистским снайпером. Стояли под деревнею Бочканы. Житья не дает этот снайпер. Двух командиров достал, начальника разведки дивизии Бережного — прямо в висок. На второй день после этого подходит ко мне подполковник-артиллерист:

— Покажи-ка передний край.

— Тут,— говорю,— нагибаться надо — снайпер работает.

— Ну, Шубин, зря, выходит, говорят о тебе. Трусишь.

— В перископ,— говорю,— надо смотреть.

— Брось мудрить.

Стоим. Я артиллеристу кивком головы показываю, где что. Вдруг — раз! У подполковника голова набок. Прямо под глаз пуля. Молодой еще был...

В тот же день мы с Даниловым залегли караулить фашиста. До вечера пролежали — не обнаружили. Еще день лежим — не обнаружен. Каждый бугорок, каждый сучок на деревьях глазом обшарили. На третий день Данилов указал на развилку дальней сосны. Старика одолевал кашель, и я остался один. Снайпера не видно. Сколько я ни глядел, но ему негде быть, кроме как в развилке этой сосны. «Дождусь,— думаю,— будет же когда-нибудь спускаться на землю». Дождался. Под вечер, вижу, спускается снайпер, винтовку бережно держит...

Каким-то очень знаменитым снайпером оказался. Пленный потом рассказывал: в Германию хоронить повезли...

— Два раза ходили, и все впустую: нет «языка»! Генерал, помню, вызвал лично: «Шубин, голубчик...» Я нервничаю. Ребята в землянке тоже переживают: «Эх, если бы взять! Я его пять километров на себе бы понес», «Я ему спиртовой недельный паек отдам». Готовимся к новому переходу. Выбрали место: лесок за деревней Бочканы. Был у нас порядок в дивизии: если мы готовимся перейти — на этом участке никто не мешает. Вдруг докладывают: приехали двое из штаба армии, будут работать.

Подходят двое к землянке: старший лейтенант с капитаном.

— У противника появились новых образцов мины. Будем изучать мины.

— Хорошо,— говорю,— только несите разрешение из штаба дивизии.

— Нам в штабе армии разрешили.

— Все равно надо... Александр,— говорю,— проводи-ка офицеров до штаба.

Мой посыльный повел. Я еще не спустился в землянку, слышу — выстрел и автоматные очереди. Выскочил. Гляжу, Шурик Андреев упал в кювет и чешет из автомата по бегущим «минерам». Одного положил, другого взяли. Оказалось: фашистские парашютисты. Месяц назад их кинули в тыл. Все документы в порядке, даже харчи по аттестату на складе получены. Приспело им перейти фронт. Надо сказать, хитро придумали переход. Но, видно, нервишки сдали: ста метров не отошли от землянки — лейтенант обернулся и с пистолетом на Шурика. Прострелил ногу, а тот — в кювет и пошел чистить. Добыча была хорошая, но «языка» доставать в тот раз все-таки было надо.

«РУС ИВАН, КУДА ПРЕШЬ!..»

— На фронте я получал письма от покойного теперь профессора Мантейфеля Петра Александровича: «Врага надо знать. Ты помнишь: чтобы выследить

зверя, надо знать все повадки. Фашисты хуже зверей. Хочешь победить — изучай...»

Разведчику надо было знать все мелочи привычек врага. Часто знание этих мелочей как раз приносило успех. Мы, например, никогда не садились в засаду в субботу и в воскресенье — мало шансов. В субботу и воскресенье немцы предпочитают сидеть в блиндажах. Зато в понедельник самое время выходить на охоту.

Вот одна из фронтовых «мелочей». Подползаем к линии обороны. Тишина. И вдруг голос:

— Рус Иван, куда прешь? Гранату брошу!

Мы сразу назад. Строго держались правила: обнаружены — отходить.

В другую ночь тот же окрик:

— Рус Иван, куда прешь? Гранату брошу!

Опять отошли.

В третий раз отходить не стали. Чувствую: не мог обнаружить. Лежим. Слышим, под ногами у часового скрипит — пошел вправо от нас. И там опять сонный голос:

— Рус Иван, куда прешь? Гранату брошу!

Взяли мы этого крикуна. Рассказал на допросе: генерал заставил всех часовых выучить эту фразу. Всю ночь часовой ходил и покрикивал аккуратно: «Рус Иван...» Аккуратность и погубила...

ПЕРСОНАЛЬНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Генерал: За долгую оборону под Полоцком Шубин так досадил немцам, что они начали открыто охотиться за разведчиками. Георгий, расскажи, как ты встретился с немецкой разведкой.

Шубин: Обычно мы избегали встречаться. А тут чувствую — фашисты на рожон лезут. Засаду устроили. Лазят на нейтральной полосе по деревьям, высматривают. Решили и мы сделать засаду. Проследили все тропы в болотах. И однажды Валерий Арсютин, взволнованный, соскочил с дерева:

— Идут... Пятьдесят автоматчиков.

Залегли. Пулеметчика Присяжнюка я положил на самой тропе.

— Стрелять будешь только с двадцати метров, не раньше.

Семнадцать человек остальных решили залечь сбоку и пропустить разведку.

Присяжнюк ударил точно с двадцати метров. И мы уда́рили сзади... Человек пять или шесть успели уйти. Считай, всю разведку в лесу оставили.

Генерал: А через три дня противник без всякой подготовки, без видимой причины и пользы полез на наш батальон. (Он был чуть выдвинут по линии обороны.) Запомнился этот день — командир батальона просил огня прямо в квадрат землянок... Выстояли. Пленных взяли. Допрашиваем: «Почему вдруг полезли?» Говорят: «Генерала очень разозлила гибель разведки. Приказал атаковать батальон, Шубина взять живым или убитым». А Шубин с разведчиками был в это время на отдыхе в двадцати километрах от фронта.

Шубин: А помните смешную листовку?

Генерал: Да, спустя месяц после этого самолет раскидал листовки. Приносят мне в штаб десяток этих бумажек. Среди них две с такими словами: «Младший лейтенант Шубин, ваше место в великой Германии! Фюрер сохранит вам жизнь, оружие, ордена. Вы будете учиться в Берлине...»

Шубин: Я тогда был молодой и очень гордился таким предложением.

ВАЛЯ НАЗАРОВА

— Готовился штурм Полоцка. Разведка получила задание: добыть планы всех укреплений. Восемь дней ползали на животах около города. Пометили на карте дзоты, зенитки, линии рвов, надолб. Собрались уже возвращаться, зашли к партизанам. Командир говорит:

«К фашистам мы подослали девушку. Работает в штабе. Может быть, она что-нибудь скажет. Подожди до завтра — в среду она на явку приходит».

Пришла. Красивая, веселая, лет двадцати двух. Зовут Валя.

«План обороны Полоцка? — С полминуты подумала.— Хорошо. Я видела карту. Но в штаб уже возвращаться будет нельзя».

Я сказал, что возьму ее на Большую землю.

«За мной ухаживает эсэсовец, офицер. Завтра в шесть часов я выйду с ним на шоссе. Берите его, будет, кстати, и пленный из штаба».

Вечером на другой день я занял позицию в пустом доме возле шоссе. Двое моих ребят спрятались в доме чуть дальше. План такой: пропустим и с двух сторон без шума возьмем офицера...

Шесть часов. Ясный, хороший вечер. Чистое шоссе. Город с куполами церквей в синеватой дымке. В оптический прицел хорошо вижу: идут по шоссе двое. Молодой офицер и Валя. Идут, любезничают. Офицер бьет по голенищу веточкой вербы. Вот поравнялись с пропускным пунктом у рва. Показали документы. Вот они уже на полдороге ко мне от пропускного пункта. Метров сто пятьдесят еще... И вдруг остановились. Какое-то чутье подсказало эсэсовцу: нельзя идти дальше. Стоят, любезничают. Чувствую, эсэсовец сейчас возьмет Валю за локоть, чтобы идти к городу. Секунда, другая... Что делать? Вижу, Валя беспокойно повернула голову в сторону, знает: мы где-то рядом. Назад ей нельзя возвращаться. Надо что-то решать немедленно. Получше прикладываюсь. В прицел хорошо видно обоих. Стоят боком, лицом к лицу. Эсэсовец трогает пуговицу на Валиной кофте. Перевожу дыхание и нажимаю спуск... Офицер схватился рукой за бок. Валя толкает офицера с дороги, быстро над ним нагибается почему-то и бежит по шоссе в мою сторону. Меня колотит всего. Часовой возле шлагбаума дергает затвор у винтовки, но я учел и его. Скорее в лес, к тому месту, где спрятана рация! Перевели дух.

«Ну и ну!.. Дай,— говорю,— как следует на тебя поглядеть».

Отдает план города, офицерские документы эсэсовца — успела вытащить из кармана.

До фронта было двадцать шесть километров. Благополучно вернулись на свою сторону. Валя осталась служить у меня в разведке. Несколько раз ходила через линию фронта. Смелости и находчивости этой девушки мог позавидовать любой из моих разведчиков. Однажды кинулась к раненому и сама попала под пулю. Как раз началось наступление, и мы попрощались в госпитале. Я уверен, что она осталась жива. Кажется, она была из Москвы...

ПОЛОЦК

— Назначен был день и час штурма Полоцка. Все было готово. Фронт накопил силы и, как пружина, был готов распрямиться. Пехота, танки, «катюши» и самолеты ждали команды. Орудия числом в три сотни стволов на каждом километре фронта были готовы к бою. Тщательно были разведаны укрепления, учтены силы противника. В последний раз перед штурмом надо было взять «языка». И как нарочно, один раз сходили впустую, через день снова идем — впустую. Третий, четвертый раз... Опять генерал вызывает: «Нужен пленный, Шубин... Придется боем — что делать, нельзя на войне без потерь. К нам штрафники прибыли. Возьми себе роту».

Как сейчас помню, их было сто двенадцать. Построил.

«Нужны добровольцы. Все, кто пойдет в атаку, получат прощение. Кто будет брать пленного — получит награду. Я пойду с вами. Операция опасная. Кто решится — один шаг вперед».

Девяносто семь человек сделали шаг вперед.

Объясняю задачу:

«По сигналу начнет бить артиллерия. Три минуты огня. В это время пересекаем открытое место. Через три минуты артиллеристы переносят огонь на фланги. Операция выполнена, как только возьмем хотя бы одного пленного. Сразу всем отходить. Я отхожу последним».

На другой день, ровно в двенадцать часов, мы с Даниловым навели прицелы на часового, ходившего по траншее у пулемета. Выстрел. И сразу заработала артиллерия. Саперы моей разведки толом прорвали проходы в проволоке. Крики «ура» у немецких траншей. Рукопашная. Вижу: два пленных есть! Даю ракету к отходу. Но что это? Никто не отходит. «Ура» гремит уже у второго ряда траншей... У третьего ряда рвутся гранаты. И вдруг по всей линии фронта загрохотало, покрылось дымом все. Танки пошли, люди в дыму мелькают...

Генерал: Я тогда с командного пункта внимательно наблюдал за шубинской операцией. Вижу, дело такой оборот принимает — батальон ввожу в бой. Бежит противник! Фашисты наступления ждали и решили, видимо: «Началось!» На войне порой минуты решают дело. По телефону связываюсь с Баграмяном. Докладываю обстановку. Командующий говорит: «Добро. Начинайте!» Я тут же в другую трубку даю команду о наступлении. И началось по всей линии. На другой день мы были в Полоцке. И потом пошли и пошли...

Шубин: Пленных, добытых в бою, даже не допрашивали, отправили в тыл. Нужны были уже новые «языки». И так до самого Кёнигсберга.

СЫНОВЬЯ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ...

Всматриваемся в пожелтевшие фотографии.

— Этот в валенках с краю — Аркадий Лапшин.

— Этого нет, подорвался на своей мине.

— Женя Марин умер в госпитале.

— Этот жив.

— Володя Малышев жив. И этот жив, этот...

Совсем молодые ребята на фотографии. Сейчас им под пятьдесят. Наши отцы... Заботы жизни хоронят прошлое. И те, которым сегодня двадцать, не все об отцах знают. Шубин Володька, студент Лесного института в Мытищах, с волнением будет читать сегодня газету. Разведчик Шубин — это его

отец. Все ли он знал об отце? И ведь почти в каждом доме живет человек, евший солдатский хлеб и лежавший под пулями. Отцы не в каждый день расскажут, как это было двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре года назад. Как они воевали и как выстояли. Мы работаем, сидим на лекциях, женимся, космонавтов встречаем, спорим о Байкале и кибернетике, с наступлением лета расстилаем на полу карту — куда поехать. В любое место можно поехать: в Брест, Архангельск, Калугу, Владивосток, Севастополь. Землю нашу отцы не дали уменьшить. Они сегодня с позиций наших двадцати лет кажутся иногда чуть старомодными, немножко ворчливыми. Но это они отстояли землю и не дали небу спуститься ниже. Вот какие они, наши отцы...

П. ЛИНЬКОВ

„здравствуй и прощай“

1

За многие десятки километров видны из степи хребты юго-восточного Адалая. Они возникают над горизонтом синевато-дымчатой, словно висящей в воздухе бесконечной полосой. В ясную погоду над этой полосой на фоне глубокого среднеазиатского неба вырисовываются легкие очертания снежных вершин. В чистом, прозрачном воздухе они кажутся совсем близкими, однако не день и не два — неделя, если не больше, потребуется для того, чтобы попасть в центр Адалая.

Гряда за грядой, один выше другого, вымахивают хребты. Перевалишь через первый хребет — и на многие версты перед тобой простирается высокогорная степь; преодолеешь второй, поднимешься как бы на ступень выше — опять степь. И все реже и реже встречаются на пути селения, все меньше и меньше отар овец на пастбищах.

На юго-востоке — новые хребты громоздятся над хребтами. Все заснеженнее их вершины, все круче их скалистые склоны, все глубже долины, переходящие в ущелья. В долины сползают с вершин мощные ледники, из-под снежных облаков вырываются студеные бурные потоки.

На смену осокоревым, ореховым и яблоневым лесам, растущим по склонам, давно пришли леса горной серебристой ели, но и ель начинает уступать свое место кедру-стланцу и древовидному можжевельнику — арче.

И нет уж вокруг ни жилья человека, ни животных, которых он приручил. В лесах хозяйничают медведи, рыси и красные волки. Без устали выбивают дробь дятлы, верещат щеглы и кедровки. На сочных альпийских лугах, расцвеченных красными маками, нежно-голубыми незабудками, лиловыми

фиалками и солнечно-желтыми «барашками», пасутся косули, маралы и горные козлы. Заходит на луга и остромордый гималайский медведь — вволю пожировать на горной гречихе и полакомиться сурками, которых тут великое множество.

Выше, у кромки вечных снегов, среди каменистых россыпей, где робко зеленеет редкая трава, в самых труднопроходимых местах держатся горные бараны — архары. Могучие, спиралью изогнутые возле ушей рога увенчивают их царственно-гордые головы. В пещерах и расщелинах — проход в них как бы прикрыт корявой, приземистой арчой — архары выводят ягнят.

По дну узких, мрачных ущелий, словно играючи, перекатывая огромные камни, с неумолчным ревом мчатся пенистые потоки. В ущельях гнездятся похожие на крупных дроздов остроклювые синие птицы: в лучах солнца их перья отливают сине-фиолетовыми тонами. Спозаранку громким пением будят они горы.

Вторя синей птице, кидаясь в воздух с отвесных скал, пронзительно завизжат стрижи; забегает по мокрому щебню, затрясет длинным хвостом сероватая, с желтым брюшком трясогузка. Вечно бодрая оляпка вспорхнет вдруг с камня, неустрашимо нырнет в самый водоворот, секунд через десять, а то и через все двадцать вынырнет ниже по течению с рыбешкой в клюве, взмахнет крылышками и, пронзив в стремительном полете широкую струю водопада, скроется за ним — там у нее гнездо.

Месяцами не увидишь на высях Адалая человека. Разве случаем забредет сюда охотник или группа смельчаков-альпинистов. Лишь в последние годы все чаще и чаще то тут, то там, в самом хаосе гор, разбивают свой лагерь геологи, народ любопытный и неутомимый. Выскочив из-за скалы, остановится как вкопанный архар, нервно подрагивая бархатистыми ноздрями, тревожно втянет воздух. Воздух попахивает дымком от костра.

Так бывает летом. Зимой же в горах Адалая дико и пустынно. Все вокруг похоронено под снегами.

Вниз, в долины, спустились звери. Самый отважный охотник не рискнет заглянуть сюда, да и нечего ему здесь делать. Нечего делать здесь зимой и геологам. Одни пограничники живут тут круглый год, потому что по гребню Большого хребта проходит государственная граница.

На северном склоне хребта, там, где начинается спуск в долину, находится одна из пограничных застав — застава Каменная.

В конце сентября начальник заставы старший лейтенант Ерохин вызвал сержанта Федора Потапова, пограничников первого года службы Клима Кузнецова и Закира Османова и приказал им отправиться на смену наряда к дальнему горному проходу, известному под названием Большая зарубка.

— Вам смена прибудет через пятнадцать суток,— сказал начальник.

Получив боеприпасы и на всякий случай месячную норму продуктов, трое пограничников навьючили каурую кобылу Зорьку.

— Как, Петро, соли с луком положил достаточно? — подтягивая подпругу, спросил Потапов стоящего в дверях повара.

— С избытком! Известен твой вкус!..

Через полутора суток на заставу возвратился наряд, который сменила группа сержанта Потапова, а на девятый день в горах разыгралась метель. Жители расположенного в долине селения рассказывали потом, что такой ранней сильной метели не упомнит даже столетний Уймон: она бушевала пять суток кряду.

Зима установилась на три недели раньше обычного.

Пограничники допоздна откапывали здание заставы: снегу навалило по крышу. Только тут новички поняли, почему в горных селениях двери открываются внутрь дома: иначе бы и не выйти! На конюшню и к складу пришлось прокапывать в сугробах траншеи.

Трое пограничников, посланных лейтенантом в назначенный срок на смену группе Потапова, воз-

вратились с полдороги. Они сообщили, что путь прегражден снежной стеной. Ерохин направил к Большой зарубке новую партию пограничников с альпинистским снаряжением. Четверо суток пробивались бойцы сквозь снег и, наконец, выбрались к узкой тропе, на которой ветер не оставил ни одной снежинки. Все повеселели, однако радость была преждевременной: шагов через двести пришлось остановиться — висячий мост над водопадом обрушился, будто моста и не было.

Так ни с чем вернулась и вторая партия.

«Что с товарищами? Живы ли они? — тревожились на заставе.— Раньше весны новый мост не построить».

Минули октябрь, ноябрь и декабрь. Из города к Большой зарубке не раз летали вызванные по радио самолеты, но облака и туманы скрывали хребет, и обнаружить группу Потапова так и не удалось.

2

С запада и востока каменистую площадку сжимали отвесные утесы, к югу она обрывалась крутым склоном, на севере переходила в узкое ущелье, которое и звалось Большой зарубкой. Издали казалось, что в этом месте хребет надрублен гигантским великаньим мечом.

Площадка метров десять в длину и около трех в ширину не была обозначена ни на одной карте, почему и не имела официального наименования. За малые размеры и частые свирепые ветры, бушевавшие здесь, пограничники прозвали ее «Пятачок-ветродуй». Стоять тут в непогоду было тяжело, но зато именно отсюда на значительное расстояние просматривались подступы по южному склону пограничного хребта к Большой зарубке, одной из немногих перевальных точек.

Начинаясь от «Ветродуя», ущелье постепенно расширялось, рассекало толщу хребта и через полкилометра, резко свернув к востоку, заканчивалось

на северной его стороне второй площадкой, с топографической отметкой «3438». Обычно здесь происходила смена нарядов, охраняющих Большую зарубку, и заставские остряки окрестили эту вторую площадку «Здравствуй и прощай».

Высокая отвесная скала ограждала площадку от холодных северо-восточных ветров. С другой стороны ее ограничивала пропасть. Узенькая, словно вырубленная в скалах, тропа круто спускалась от «Здравствуй и прощай», огибала пропасть и выходила на огромный ледник. За ледником тропа продолжала спускаться мимо скал, поросших кедрами-стланцами, к водопаду Изумрудный и неожиданно обрывалась у отвесной обледенелой стены. Именно тут снежная лавина разрушила мост — единственный путь в долину, к заставе Каменной.

На заставе не без оснований полагали, что, по всей вероятности, группа сержанта Потапова погибла если не от обвала, так с голоду: продуктов они взяли с собой всего на месяц, а минуло уже почти четыре.

Но Федор Потапов, Клим Кузнецов и Закир Османов были живы и продолжали охранять границу.

Как-то в один из январских дней на «Пятачке-ветродуе», укрывшись от пронизывающего ветра за рыжим замшелым камнем, стоял Клим Кузнецов. Засунув кисти рук поглубже в рукава полушубка и уткнув нос в воротник, он с тупым безразличием смотрел на уходящие одна за другой к горизонту горные цепи.

Прогрохотала лавина: где-то на каменном карнизе скопилось чересчур много снега. Орудийной канонадой прогремело эхо, замерло, и опять наступило гнетущее безмолвие.

Воротник полушубка так заиндевел, что пришлось вытащить из тепла руку и сбить колючий нарост из ледышек — и без того тяжело дышать. Нет, никогда не привыкнуть Климу к разреженному горному воздуху! Хочется вздохнуть полной грудью, а нельзя — обморозишь легкие... И до чего же мучительно, до боли сосет в желудке! Когда-то, бездну

лет тому назад, Клим читал в приключенческих романах, что голодным людям мерещатся окорока, колбасы, яичницы из десятков яиц, что будто бы им чудятся запахи бульонов, отбивных котлет, наваристых борщей, а он, Клим, мечтал сейчас всего лишь о кусочке ржаного хлеба, самого обыкновенного черного хлеба.

Солнце скатилось куда-то за Большой хребет. Облака над чужими горами стали оранжевыми. Все вокруг было холодным, равнодушным.

Почему, почему он не ценил все то, что окружало его дома, в родном Ярославле, на Волге? Почему он не ценил заботу и ласку матери? (Отец погиб на войне, когда Клим был еще совсем маленьким.) Почему он часто не слушался ее, обижал, заставлял волноваться и тревожиться, ворчал, когда мать просила его сбегать за хлебом,— ему, видите ли, именно в это самое время нужно было готовить уроки! И мама шла за хлебом сама, хотя и без того устала, целую смену простояв на фабрике у станка...

Почему он, Клим, не ценил заботу школы, которую окончил весной прошлого года, и не стыдно ли ему было заявить товарищам, решившим пойти после десятого класса на завод, что они могут быть кем им угодно, хоть слесарями, хоть сапожниками, а его удел — искусство?

Искусство... Как позорно провалился он на вступительных экзаменах в художественный институт: по перспективе — двойка, по рисунку — три...

Не поэтому ли буквально в первые же дни пребывания на заставе обнаружилось, что он во многом не приспособлен к жизни? Он не умел пилить дрова — сворачивал пилу на сторону, чистил одну картофелину, когда другие успевали вычистить по пять, понятия не имел, как развести костер, чтобы он не дымил, и как сварить кашу, чтобы она не подгорела.

И до чего же он, считавший себя чуть ли не самым развитым и самым грамотным, оконфузился, когда сержант Потапов разложил на столе какие-то вещички, прикрыл их газетой и, пригласив солдат

своего отделения, на мгновение поднял газету и опять положил ее, сказав: «А ну, пусть каждый напишет, что тут лежит. Пять минут на размышление».

Клим написал: «Ножик, часы, карандаши, патроны, папиросы, бритва». Больше ничего не мог вспомнить. И оказалось, что в этой игре на наблюдательность он занял последнее место, не заметив, что на столе лежали еще протирка, пятак, расческа и не просто карандаши, а четыре карандаша, в том числе три черных и один красный, и не просто патроны, а пять патронов. Кроме того, он еще спутал компас с часами.

А как трудно ему было с непривычки вставать с восходом солнца, добираться за несколько километров на перевал и в дождь и ветер несколько часов подряд стоять на посту с автоматом в руках!

Клим понимал: не на кого и не на что ему жаловаться — ведь все молодые пограничники находились в равных, в одинаковых с ним условиях. Об этом даже не напишешь домой! Однако все первые трудности и неудачи померкли в сравнении с тем, что пришлось пережить за три с половиной месяца здесь, в снежном плену на площадке «Здравствуй и прощай»...

Солнце давно скрылось за хребтом, а облака все еще горели оранжевыми и красными огнями. И чем сильнее сгущались синие тени в долине, тем ярче становился диск луны, медленно проплывавший над обледенелыми, заснеженными горами. Клим впал в какое-то странное забытье. Он не закрывал глаз, но и не видел ни гор, ни густых зубчатых теней в долине, ни медно-красной луны.

— Кузнецов! — раздался словно откуда-то издалека тихий голос.

На плечо легла чья-то рука. Клим через силу оглянулся — рядом стоял Потапов.

— Подползи к тебе, стукни по голове — и готов! — сурово сказал сержант.

Голос его стал громким. Клим окончательно очнулся от оцепенения.

— В валенках вы, не слышал я.

А про себя подумал: «Ну кто, кроме нас, может сейчас здесь быть? Кто сюда заберется?..»

— Иди ужинать,— подобрел сержант.— Османов суп с мясом сварил.

Клим широко раскрыл глаза:

— Барана убили?

— Иди, иди быстренько...

Клим мечтал о кусочке хлеба, а тут... Он так явственно представил дымящийся суп, кусок баранины, что попытался было побежать. Но тотчас застучало в висках, затошнило, закружилась голова. С трудом поправив съехавший с плеча автомат, Клим, пошатываясь, побрел по тропе.

На площадке «Здравствуй и прощай» пограничники соорудили из палатки небольшой чум, обложив его снаружи ветками арчи, кедра-стланца и кирпичами из снега. Триста метров, всего каких-то триста метров отделяли Клима от этого теплого чума, мягкой хвойной лежанки и словно с неба свалившегося ужина!

Он машинально переставлял ноги, не глядя, инстинктивно обходил знакомые камни и впадины, то и дело останавливался, чтобы собраться с силами. Никогда еще он так не уставал, как сегодня, никогда не чувствовал такой вялости во всем теле, никогда так не дрожали колени...

Четвертый месяц Клим Кузнецов, Закир Османов и Федор Потапов находились у Большой зарубки, отрезанные от заставы и от всего мира. Когда на пятнадцатые сутки не пришла обещанная смена и за первой метелью нагрянула вторая, зачастили бураны и снегу насыпало столько, сколько не выпадало за всю прошлую зиму, Потапов понял, что они надолго застряли на «Пятачке», и распределил остатки продуктов еще на двадцать дней. Не подозревавшие беды Клим Кузнецов и Закир Османов со дня на день ожидали смены.

Выбравшись по леднику к водопаду, Потапов убедился, что догадка его была правильной, и, не утаивая от товарищей правды, сказал им, что при-

дется ожидать у Большой зарубки весны. Он надеялся, что, может быть, старший лейтенант Ерохин как-нибудь вызволит их раньше, но намеренно сказал о весне, чтобы Кузнецов и Османов приготовились к самому худшему.

Прошел месяц. Несколько раз к Большой зарубке прилетал самолет; пограничники отчетливо слышали гул мотора, однако плотные облака, постоянно клубящиеся над хребтом, скрывали от летчика крохотный лагерь у площадки «Здравствуй и прощай».

В начале второго месяца оступилась на леднике, сорвалась в пропасть и насмерть разбилась Зорька, на которой они привозили в лагерь арчу для очага. Сержант пожалел, что не прикончил лошадь раньше сам: конины хватило бы надолго.

Угроза голода вынудила Потапова изменить утвержденный начальником заставы распорядок: каждый день кто-нибудь из троих отправлялся на сплетенных из кедровых веток снегоступах через ледник на охоту. Но в эту пору сюда не заходили ни архары, ни горные козы. Клим подстрелил как-то заплутавшего и отощавшего барсука, но до чего невкусное и жесткое у барсука мясо! Во второй раз ему посчастливилось подбить каменную куропатку, а Османов убил марала: видно, олень тоже не смог спуститься в долину из-за обвала.

Оленьего мяса хватило на целый месяц. В пищу пошли даже кожа и толченые кости. Потапов варил из них бульон. И все-таки, как ни экономил сержант, оленина кончилась, и тогда пришлось есть такую пищу, о которой Клим сроду и не слыхал. Нарубив кедровых веток, Потапов срезал ножом верхний слой коры, осторожно соскоблил внутренний слой и выварил его в нескольких водах.

— Чтобы смолой не пахло,— подмигнул он Климу.

— Неужели дерево будем есть?

Как ни голоден был Клим, он не мог себе представить, что можно питаться корой.

— Чудо ты! — усмехнулся сержант.— Не дерево, а лепешки!

Когда кора хорошенько выварилась, он велел просушить ее на огне.

— Гляди, чтоб не подгорела. Хрупкой станет — снимай. Придет Закир, растолчете между камнями. Вернусь — блинами вас угощу. (На ночь Потапов всегда уходил к «Пятачку-ветродую» сам.)

Чуть ли не до зари Клим и Османов толкли в порошок съежившуюся от жара кору.

— Ящериц ел, траву ел, дерево никогда не ел,— бормотал Закир.

Наутро сержант замешал на теплой воде светло-коричневую кедровую муку, замесил и раскатал на плоском камне тесто. Потом нашлепал из катышков тонкие лепешки и поджарил их на медленном огне.

— Жаль, маслица со сметанкой нет,— причмокнул он губами, протягивая Климу первый «блин».

Клим с жадностью схватил лепешку, откусил половину и чуть было тотчас же не выплюнул — такая горечь опалила рот.

А Потапов жевал свою лепешку с таким аппетитом, словно это и впрямь был пышный, ноздреватый блин из первосортной пшеничной муки.

Морщась от горечи, Клим съел еще две лепешки. Острое ощущение голода притупилось, и он потянулся было за третьей, но Потапов остановил его:

— Хватит, милок! Закиру оставь...

И не только лепешки из кедровой коры пришлось есть в кажущиеся бесконечными долгие зимние месяцы. Потапов научил товарищей, как готовить из прожаренных кедровых шишек запеканку и даже студень, сваренный из оленьего мха.

И все он делал не торопясь, с шутками-прибаутками, будто всю жизнь только этим и занимался.

— Сегодня, братки, как-нибудь, а завтра с блинами,— улыбался он то Закиру, то Климу — всем вместе им бывать не приходилось: кто-то из них всегда был на границе у Большой зарубки.

3

С час, если не больше, добирался Клим от «Пятачка-ветродуя» до площадки «Здравствуй и прощай». Хорошо еще, что днем не было очередного снегопада.

Откинув полог, прикрывавший вход в чум, он прополз внутрь. Пахнуло теплом, в нос ударил перемешанный с дымом запах мяса. Только сейчас окончательно поверилось, что сержант сказал правду.

Закир сидел у окруженного земляным валиком пылающего очага и, обхватив руками колени, тихонько раскачивался. Над очагом висел котелок, в котором бурлил суп, распространяя дразнящий, самый лучший, самый желанный в мире аромат.

Сбросив движением плеча автомат, скинув шапку-ушанку, торопливо стянув меховые рукавицы, Клим пробормотал словно в лихорадке:

— Барана убили?

— Отдыхай, дорогой, кушай, пожалуйста! — сказал Закир, помогая товарищу снять полушубок.

В отблесках колеблющегося пламени на лице Закира еще резче обозначились обтянутые загорелой, обветренной кожей скулы, впадины на висках и на лбу, ввалившиеся щеки.

— Эх, соли нет!..

Снедаемый нетерпением, обжигая дрожащие пальцы, Клим налил в алюминиевую тарелку супу и, поддев вилкой, извлек из котелка большую кость с куском дымящегося мяса.

— Ну и баран, целый бык!

— Кушай, пожалуйста! — повторил Закир, взял отпотевший автомат товарища, начал обтирать его тряпочкой.

— Вы... вы...— Догадавшись вдруг, Клим бросил мясо обратно в котелок.— Вы достали из ущелья Зорьку? Это же конина!

— Совсем ребенок стал,— спокойно сказал Закир.— Ай, какой ребенок! Зачем кричишь? — Он достал из вещевого мешка спичечную коробочку, открыл

ее.— Бери, пожалуйста! — и высыпал на ладонь притихшего Клима щепотку соли.

— У тебя осталась соль?

— Зачем торопиться? Много соли ешь — кровь жидкая станет, совсем как вода. Кушай, пожалуйста! Конина бик якши; хорошо!

И в самом деле, к чему терзаться, что они съедят то, что осталось от Зорьки? Ведь они не убивали ее, она сама разбилась. И как это Федор и Закир умудрились достать ее со дна пропасти?

Пересилив себя, Клим отхлебнул жиденького горячего бульона. Давным-давно не пробовал ничего более вкусного! Он с жадностью опорожнил тарелку, почти не жуя, давясь, проглотил порядочный кусок жилистого, жесткого мяса — немолода уже была работяга Зорька! — с наслаждением обсосал кость. Вовек не испытывал он чувства такой блаженной сытости...

Клим разулся, растянулся на лежанке. Хорошо! Не такая уж плохая штука жизнь! Эх, написать бы когда-нибудь картину «Заслон у Большой зарубки»! Пограничника, стоящего в яркий солнечный день над суровыми, сверкающими горами на «Пятачке-ветродуе». У пограничника вдохновенное, гордое и смелое лицо.

— Автомат почисть,— вернул Клима с небес на землю голос Закира.— Сержант придет, проверять будет, ругать будет.

Пришлось встать, почистить автомат, а заодно уж и пряжку ремня, и пуговицы на гимнастерке, и звездочку на шапке. Потапов все проверит, везде углядит.

Долго ли еще они будут жить здесь, в снежном плену? Впереди еще половина января, февраль, март, половина, а может быть, и весь апрель. Закир говорит, что раньше весны новый мост едва ли построят. Наверно, на заставе давно решили, что они погибли. Возможно, так и написали маме; а если и не написали, то что она думает, бедная, не получая от него писем?

Невеселые мысли теснились в голове. Что это за жизнь, если ты, человек, сознательное существо, царь

природы, каждый час, каждую минуту только одного и хочешь: есть, есть есть!.. А ведь кто-то где-то смеется сейчас; кто-то где-то читает стихи, слушает оперу; кто-то где-то целует любимую... На заставе, наверно, сейчас смотрят какую-нибудь кинокартину...

— В шахматы будешь играть? — спросил Закир.

— Не хочу,— буркнул Клим.

— А как думаешь, кто победил в матче: Смыслов или Ботвинник? — снова спросил Закир. Он был заядлый шахматист и довольно сносно вырезал фигуры из корня арчи.

— Надоел ты мне со своими шахматами! — с досадой поморщился Клим.— Не все ли тебе равно, кто победил,— важно, что чемпионом будет наш, советский гражданин.

— Почему — все равно? — удивился Закир.— Я за Смыслова болею, хочу, чтобы Вася был чемпионом.

Ничего, ровным счетом ничего не знали Клим, Закир и Федор о том, что происходит в огромном мире! Возможно, в Корее снова началась война: американские марионетки грозились пойти в новый поход на север. Возможно, во время великого противостояния Марса ученые выяснили, есть ли на Марсе жизнь. Возможно, Михаил Шолохов закончил уже роман «Они сражались за Родину».

И наверное, к Октябрьской годовщине пустили Горьковскую гидростанцию и новое Волжское море разлилось чуть ли не до Ярославля. Наверное...

Ничего не было известно здесь, в снежном плену у Большой зарубки... У зимовщиков на полярных станциях есть радио, а они трое живут, как снежные робинзоны, самые настоящие робинзоны...

Высокая скала загораживала чум от ветра, тяга была плохой, и дым от очага ел глаза, першило в горле.

Клим забылся наконец, что-то несвязно бормоча и вскрикивая во сне, и не слышал, как Османов ушел сменить Потапова.

Федор разбудил Клима, как обычно, в семь утра. Они вылезли из чума в одних гимнастерках, умылись снегом.

— На зарядку становись! — скомандовал Потапов.

— Не могу я,— отказался Клим.

Какая там еще зарядка! Словно пудовые гири привязаны к рукам и ногам.

— Полегоньку, полегоньку,— настойчиво сказал Федор.— А то совсем раскиснешь...

Вернувшись в чум, они позавтракали остатками вчерашнего ужина, выпили по кружке горячего хвойного отвара из кедровых ветвей. Отвар был горек, как хина, но, как ни противились было поначалу Клим и Закир, Потапов заставлял их ежедневно поглощать по три кружки этого противного пойла.

— Или хотите подхватить цингу? — недобро усмехался Федор.— Хотите, чтобы у вас распухли десны и вывалились зубы? В хвое, братцы мои, витамин С...

Хвойный отвар, гимнастика и работа! Потапов был неистощим, каждый день придумывая какое-нибудь новое дело. По восемь часов в сутки каждый из них стоял на часах на «Пятачке-ветродуе». Это было утомительно для них, истощенных, почти всегда голодных, но Федор не считался с усталостью.

— Что толку для организма в том, что мы стоим на одном месте? — говорил он.— Организму нужно движение, без движения мышцы станут хуже тряпок. Тебя устраивает, чтобы ты был мешком, набитым костями? — ощупывал он бицепсы Клима.

И они работали. Они заготовляли впрок топливо, лазая по скалам, сбрасывали с площадки «Здравствуй и прощай» в пропасть снег, расчищали тропу к леднику, укрепляли камнями откос, вырубали из слежавшегося твердого, как лед, снега, кирпичи и выкладывали из них барьер над ущельем.

Котелки и тарелки у них всегда сверкали, каждую неделю стиралось белье, и до блеска начищались пуговицы и пряжки ремней.

Пуговицы... Надолго запомнились Климу солдатские пуговицы.

Как-то он колол дрова и потерял пуговицу от гимнастерки.

-- Степы-растрепы мы, а не пограничники! — сердито, почти зло бросил Потапов.

Он сразу, едва Клим успел забраться в чум, заметил, что у того не хватает третьей пуговицы сверху. С час, если не больше, копался Клим в снегу, на морозе, пока не нашел ту злосчастную пуговицу.

Хорошо еще, что у него толком не росли пока усы и борода, а только юношеский пушок чернел над верхней губой, а то и ему, как Закиру, пришлось бы через день бриться. Сам Потапов брился ежедневно.

В первые недели Клима раздражали, даже возмущали «выдумки» сержанта. Казалось просто-напросто несправедливым, что Потапов не разрешает им вволю отдохнуть и выспаться. Кто дал ему такое право?

— Больше семи часов спят только старики и лежебоки,— непререкаемо изрекал сержант.

Однако постепенно Клим втянулся в заведенный Потаповым распорядок, привык к нему, и работа, бывшая вначале в тягость, представлявшаяся бессмысленной, воспринимаемая как проявление упрямства и едва ли не самодурства Потапова, стала привычной, даже необходимой — в работе быстрее бежало время. К тому же Клим чувствовал, что и в самом деле мышцы его стали куда крепче, и то, что вчера еще казалось непосильным, выматывающим, сегодня не представляло уже такой трудности.

Если бы не этот проклятый разреженный воздух, если бы не почти постоянное ощущение голода...

А сержанту Потапову мало того, что все охраняли Большую зарубку и занимались физическим трудом,— ввел ежедневный учебный час. Еще в конце октября он сказал:

— С первого ноября станем заниматься боевой подготовкой.

Поочередно, то с Закиром, то с Климом, он повторял на память основы пограничной службы, изучал оружие и добился того, что оба они с завязанными глазами разбирали и собирали автоматы и пистолет. Проложив в снегу условную линию границы, сержант

сам «нарушал» ее различными способами и требовал, чтобы Клим и Закир точно и быстро определяли, когда именно прошел «нарушитель», как он шел, к каким уловкам прибегал, запутывая и маскируя свои следы.

Нарушители... Какие нарушители границы могут быть сейчас здесь, в заваленных снегами горах? Кто сюда пойдет? Зачем?

Клим недоумевал, он просто-напросто не мог понять сержанта Потапова: дети они, что ли, чтобы играть сейчас в нарушителей? Почему бы им не попытаться самим пробраться к заставе? Однажды он так прямо и сказал Потапову.

— Прибудет смена, тогда и уйдем,— нахмурился Потапов.

— Не пройти им, нам сверху легче спуститься,— попытался настаивать Клим.

— Как это — не пройти? Пройдут! Да ты знаешь, о нас не только старший лейтенант Ерохин тревожится,— о нас и в отряде и в округе беспокоятся!

4

В один из вечеров, когда Потапов ушел в заслон к Большой зарубке, Клим и Закир сидели в чуме у очага. Климу было тоскливо, и он тихонько запел:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,—
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.

Закир вскочил:

— Перестань!

— Почему это?

— Перестань, говорю! — разгорячился Османов.— Зачем сердцем плачешь? Совсем плохо!

— Круглые сутки буду петь! — вскипел Клим.— Понимаешь? Круглые сутки! — И тотчас подумал: «А ведь Закир прав, и без того тяжело на душе».— Ну ладно, ладно, остынь,— через силу улыбнулся он.

Закир покачал головой:

— Ай-яй, ты барс, настоящий барс! Я думал, с

Волги тихий человек приехал. Зачем кричишь? Нехорошо!

Закир замолчал. Клим с любопытством посмотрел на товарища: «О чем он сейчас думает? О доме, о родных?»

Османов был неразговорчив, в его скупых суждениях Клима всегда удивляла какая-то, как ему казалось, не по возрасту холодная рассудительность. Клим мечтал стать художником и не раз рассказывал друзьям о своей мечте, а кем хочет стать Закир?

— О чем, Закир, думаешь?

Османов поворошил палкой в очаге.

— Большая дума есть. Совсем большая! — Глаза его заблестели.— Машину хочу сделать, замечательную машину: идет нарушитель, подошел к границе, а наш товарищ начальник старший лейтенант Ерохин все видит. Сидит на заставе и все видит. Скоро думает, куда Закира послать, куда тебя послать. Телевизор такой хочу придумать.

— Как же ты такую машину сейчас сделаешь? — усмехнулся Клим.

— Зачем сейчас? Учиться буду, для другого товарища старшего лейтенанта Ерохина машина будет работать, другой Закир в горы пойдет.

Османов опять замолчал, в огне потрескивали кедровые ветки.

— А потом обязательно еще одну машину сделаю,— мечтательно произнес Закир,— чтобы арык копала машина.

— Велосипед изобретаешь? — усмехнулся Клим.— Это же экскаватор!

— Зачем экскаватор? — пожал плечами Закир.— Совсем другую машину хочу сделать. Быстро идет, землю копает, дамбу делает — все сразу. У меня тут эта машина,— постучал он пальцем по голове.— Всю машину вижу. Вот о чем думаю. Народу хорошо будет.

Османов подбросил веток в очаг.

— А ты жалобную песню поешь. Зачем? Ты плачешь, я плачу, какая польза! Про машину думай, про свою картину думай, про хорошую жизнь думай.

Сдвинув черные брови, Закир сосредоточенно смотрел на огонь, а Клим словно впервые увидел товарища и не нашелся, что ответить.

— У тебя какая картина там? — показал вдруг Османов на лоб Клима.— Какую картину хочешь рисовать?

— Я хочу написать Волгу. Широкая-широкая Волга, много-много воды, и чайки над волнами,— в тон Закиру ответил Клим.— А за Волгой леса в синей дымке...

— А пароход будет? — перебил Османов.

— Может быть, будет и пароход...

— Зачем «может быть»? Обязательно пароход нарисуй. Пароход плывет, баржу ведет. Зачем пустая вода?

Клим не успел ответить: одна за другой прогремели автоматные очереди — сигнал тревоги.

5

Два человека с трудом тащили вверх по склону какую-то тяжелую ношу. За плечами у них — туго набитые рюкзаки и короткие горные лыжи.

Подъем становился все круче, и один из мужчин передал свой рюкзак другому и взвалил ношу на спину.

Потапов уже больше часа наблюдал за ними.

Наступили сумерки, и трудно было разглядеть все как следует. Что это за люди? Зачем они лезут к Большой зарубке, к перевальной точке через хребет, по которому идет граница?

Первым на «Пятачок-ветродуй» вскарабкался высокий мужчина. Тропа, протоптанная пограничниками, проходила у самой скалы, ограничивающей площадку с востока, и в полутьме неизвестный не заметил ее. Сторожко оглядевшись, тяжело дыша, он сел, прислонился спиной к камню, за которым притаился Потапов, и, зачерпнув рукавицей пригоршню снега, стал жадно его глотать.

Минут десять спустя на площадку вскарабкался и второй мужчина. Теперь Потапов рассмотрел, что он

тащил на спине третьего человека, не то раненого, не то больного. Положив его на снег, повалился рядом...

Выбежав из ущелья на «Пятачок-ветродуй», Клим и Закир увидели на фоне неба силуэт Потапова, наставившего автомат на неизвестных мужчин, поднявших вверх руки.

Ничто не могло сильнее поразить Клима, чем неожиданное появление у Большой зарубки людей, настолько он был убежден, что зимой сюда не сможет добраться ни один человек.

Мельком глянув на подоспевших товарищей, Потапов включил электрофонарь и навел луч на неизвестных. По одежде их трудно было отличить от охотников. Однако Клим разглядел, что самый высокий из них — европеец. Второй — явно монгольский тип. Лицо третьего, лежавшего без признаков жизни, скрывал шарф.

«Неужели это нарушители границы?»

— Ему плохо... Сердце,— сказал вдруг по-русски высокий мужчина, кивнув на того, что лежал на снегу.— Помогите ему.

— Вы нарушили государственную границу Союза Советских Социалистических Республик. Вы задержаны,— отчеканил Потапов.

— Мы заблудились,— ответил высокий.— И, слава богу, набрели на вас... Пистолет в правом кармане,— добавил он.— Вероятно, это вас интересует...

У нарушителей границы оказалась брезентовая палатка, ее поставили на «Здравствуй и прощай», рядом с чумом, накрыли ветвями и обложили снегом. Получилось тесное, но довольно теплое жилище.

Распаковав в присутствии задержанных их рюкзаки, Потапов извлек шерстяные одеяла, немного продовольствия, два автоматических пистолета кольт, компас, хронометр, топографические карты Адалая, призматический бинокль и фотоаппарат.

Высокий мужчина, назвавшийся Николаем Сорокиным, сообщил, что они плутали в горах целую неделю. Больной, Ивар Матиссен, ученик знаменитого исследователя Центральной Азии Свена Гедина, хотел пересечь зимой Адалай, а он, Сорокин, живущий в

Кашгаре с 1919 года, согласился сопровождать путешественников. Аджан — проводник, оказавшийся, кстати, никудышным. Он совсем запутался в этом окаянном лабиринте хребтов и ущелий...

Утром больному стало немного лучше, и он что-то прошептал Сорокину.

— Господин Матиссен просит, чтобы вы поскорее доставили нас к вашему офицеру,— перевел Сорокин.— Он должен немедля известить свое консульство: там беспокоятся о его судьбе.

— Господину Матиссену придется обождать,— сухо ответил Потапов...

Так началась жизнь вшестером. Теперь Федор, Закир и Клим вынуждены были не только охранять границу, но и сторожить задержанных.

На вторые сутки, умываясь снегом, Сорокин заметил на скале насечки, которые каждый день делал Потапов. Сосчитав их, он тихонько присвистнул:

— Выходит, мы у вас в плену, а вы в плену у гор? Есть с чего запить. Надеюсь, гражданин Потапов, вы вернете нам флягу с коньяком?

— Коньяк останется для медицинских целей.

— Для медицинских? — усмехнулся Сорокин, щелкнув себя пальцем по кадыку.— Вы чудак, сержант! Аджан говорит, что если в горах произошел обвал, то отсюда не выбраться до июня. Как вы полагаете?

— Я полагаю, что вам придется сегодня полазить со мной по скалам: нужно нарубить стланца для костра.

— Не вижу смысла: днем раньше мы сдохнем или днем позже. Впрочем, пожалуй, вы правы: надо бороться, бороться, черт побери!

— Летит! — крикнул вдруг Клим.

— В самом деле, это аэроплан,— оживился Сорокин.

Где-то совсем низко над горами кружил самолет, но облака скрывали его от людей, и рокот пропеллера постепенно удалился и вскоре вовсе затих.

Матиссену становилось все хуже и хуже: он бредил и не мог поднять голову.

— Потапов, вы здравый человек, вы должны, наконец, понять, что торчать здесь по меньшей мере бес-

смысленно,— говорил Сорокин.— Раз путь на север закрыт, то пойдемте на юг, откуда мы пришли. А если вы намерены отдать здесь богу душу, так при чем тут мы? Отпустите нас. Мы с Аджаном унесем бедного ученого, попытаемся спасти его. Не будьте же так упрямы и жестоки. Ну что держит вас здесь? Что?

— Долг! — не утерпел Потапов.

— Долг?! — скривился Сорокин.— И много вы должны?..

Прошла еще неделя и еще неделя. В самом конце февраля Клим пошел с Аджаном за топливом. Близился вечер, а они все не возвращались. Потапов вызвал выстрелом с «Пятачка-ветродуя» Закира, приказал ему стеречь Сорокина с Матиссеном и отправился на поиски. С час, наверно, лазил он по леднику, прежде чем набрел на глубокую трещину, из которой отозвался Клим.

Потапов лег на край трещины, спустил вниз веревку:

— Хватай!

— Ноги,— едва смог вымолвить Клим. Голос его был едва слышим.

— Вяжи за пояс.

Весь напружившись, упершись ступнями в валун, Потапов вытащил из трещины товарища. Клим не мог стоять.

— Ноги,— пробормотал он.— Кажется, я зашиб и обморозил ноги.

— Аджан где?

— Убежать хотел. Я за ним. Выстрелил, промахнулся. Он зайцем прыгал. И провалились...

— Да где же он? — в нетерпении переспросил сержант.

— Там,— кивнул Клим на трещину.— Оба мы провалились... Застрелил я его...

Сержант медленно повернулся к товарищу.

— Застрелил?.. Давай я ототру тебе ноги.

Он осторожно стащил с Клима валенки, начал с силой растирать его ноги снегом. Он растирал их до тех пор, пока Клим не почувствовал боли и не вскрикнул.

— Доложите, при каких обстоятельствах вы рас-

стреляли нарушителя границы,— неожиданно потребовал Потапов.

Клим перестал стонать, настолько поразил его официальный тон товарища.

— Докладывайте! — повторил Потапов, продолжая растирать ноги.

— Товарищ сержант, нарушитель бросился на меня... Видно, падая, он не так сильно ударился, как я, и я выстрелил в него... Больно!..

— Терпи! — Потапов с сочувствием посмотрел в наполненные слезами глаза Клима.— Товарищ Кузнецов, объявляю вам благодарность за смелые и решительные действия!

Клим ничего не мог ответить: такой невыносимой стала боль.

— Терпи, терпи, друже,— с улыбкой повторил Федор.— Ну как? Все теперь понимаешь?

— Понимаю,— стиснув зубы, вымолвил Клим.

Потапов сделал из кедровых ветвей волокушу, положил на нее товарища и потащил. Через трещины и нагромождения камней он переносил его на руках.

— Терпи! Терпи!..

Вытянув волокушу на тропу, Потапов опустился рядом с Климом, прерывисто дыша, посидел так несколько секунд.

— Поехали дальше! Лавина того гляди сорвется.— Сержант показал на огромную снежную шапку, нависшую над ущельем.— Самое время им срываться.

Он согнулся, едва не доставая руками до земли, натянул веревочные постромки, сдернул с места волокушу и медленно пошел, покачиваясь, то и дело приостанавливаясь.

Да, теперь Клим все понимал. Он понимал, до чего же неправильны, наивны были его рассуждения о том, что в эту пору никто не попытается проникнуть через нашу границу ущельем Большая зарубка; он понимал, до какой степени доверчив, близорук был, думая, что Матиссен и впрямь ученый, заплутавшийся со своими провожатыми в горах; он понимал, насколько же прав был Федор Потапов во всех своих поступках и прежде всего в том, что ни на час, ни на

минуту не терял чувства настороженности и учил тому его, Клима, с Закиром.

Считая, что они чуть ли не самые настоящие робинзоны, оторванные, отрезанные от всего мира, он, Клим, впадал в уныние, поддавался чувству отчаяния, в то время как они стояли на таком важном боевом посту, на том самом кусочке земли, где начинается Родина...

6

Спустя сутки по возвращении Федора и Клима с ледника к Большой зарубке снова прилетел самолет. На этот раз облака не мешали летчику увидеть крохотный лагерь. Он приветственно покачал крыльями, сделал круг над площадкой «Здравствуй и прощай» и сбросил вымпел.

Федор и Клим с волнением следили, как быстро спускается белый парашютик с красным длинным флажком, пока, наконец, Потапов не подцепил его стволом автомата.

«Не забыли про нас, не забыли!» Слезы застилали глаза, тугой комок подкатил к горлу, и Клим едва удержался, чтобы не разрыдаться.

А самолет сделал новый круг и сбросил второй, уже большой парашют с объемистым мешком. Увлекаемый тяжелым грузом, парашют почему-то не успел раскрыться полностью и стремительно упал в пропасть.

— Растяпы! — злобно воскликнул стоявший у шалаша Сорокин.

Матиссен — он лежал рядом на одеяле — проводил парашют безразличным взглядом.

Потапов извлек из небольшого металлического патрончика письмо, пробежал его глазами, негромко сказал Климу:

— Пишут, чтобы мы держались до весны. На днях еще сбросят нам продуктов. В мешке мука, консервы, соль, сахар и лук.

Он сказал это таким спокойным, вроде бы даже равнодушным тоном, словно они не голодали и у них не переводилась всяческая снедь.

7

Каждое утро все раньше и раньше начинали сверкать под лучами солнца оледенелые хребты, и все позже и позже прощалось солнце с горами, уступая место луне. Правда, нередко набегали еще тучи, сыпля снежную крупу, иной раз совсем по-январски начинала реветь пурга, и ветер норовил сбить с ног, но чаще всего весь долгий день ослепительно сияло солнце, сугробы таяли и оседали чуть ли не на глазах, и все чаще грохотали в горах лавины. Холодное, удручающее зимнее безмолвие сменялось шумами пробуждения. Все казавшееся недвижимым, мертвым оживало, оттаивало. Со склонов бежали ручьи. Пробивая себе путь, они журчали под снегом, бурливыми водопадиками бросались в пропасти и ущелья.

С каменных карнизов, совсем как с крыш домов, хрустально звенела капель. Ветви кедров-стланцев и арчи набирали живительные соки, на обнажившихся местами склонах пробились, робко зацвели первые альпийские подснежники.

Из далеких низовых долин потянулись в горы звери и птицы. У ледника целый день перекликались каменные куропатки. Из ущелья спозаранку до поздних сумерек доносилось переливчатое пение синей птицы и неугомонной оляпки. Они как бы старались перепеть и друг друга и весенние голоса горной речки. Суслики вылезали на солнцепек из многочисленных нор, становились столбиками, в упоении посвистывали. Откуда они появились так высоко в горах, где и летом-то не тают до конца снега, нередки студеные ветры и падают холодные туманы?

Все кругом звенело, шумело, шуршало, отогревалось, радовалось, прихорашивалось.

Не могли нарадоваться приходу весны, ее голосам и улыбкам и Федор, и Закир, и Клим. У Клима все еще не зажили ноги. Он не мог еще ходить и целыми днями лежал у чума на шкуре марала.

Голоса весны растеребили Клима. Наблюдая за говорливыми ручейками, он видел Волгу, освобождающуюся от ледяного панциря, ледоход и весенний

разлив, слышал треск распускающихся почек на березах и кленах, пенье жаворонков, и нестерпимая тоска стискивала сердце. Скорее бы соскочить с поезда, выбраться из вокзальной сутолоки на площадь, на ходу вскочить в трамвай — и домой!

Скорее бы увидеть и обнять маму, посмотреть в ее добрые глаза!

Мама, милая мама! Твой Клим многое узнал за время разлуки. Он стал совсем взрослым и никогда больше не огорчит и не обидит тебя...

Все чаще грохотали в горах лавины. Огромная глыба снега нависла и над «Пятачком-ветродуем», где Потапов и Османов поочередно стояли на посту, охраняя границу. Она могла и не сорваться, эта снежная глыба, а вдруг...

Беда приключилась в тот самый момент, когда Потапов делал на скале сто восемьдесят восьмую насечку. Нарастающий гул, превратившийся в грохот, волна упругого воздуха и облако снежной пыли, долетевшие до лагеря, не оставили сомнений — лавина!

Клим лежал у костра на краю площадки. Вздрогнув, он невольно зажмурил глаза.

— Стереги нарушителей! Я — на «Пятачок». На вот тебе еще пистолет.— Потапов поспешно связал по рукам и ногам Сорокина и Матиссена, схватил лопату и убежал, скрывшись в не успевшей еще осесть снежной пыли.

Клим попытался подползти поближе к костру — и не смог, невольно застонав от боли в ногах.

Что же с Закиром? Неужели его завалило?

Клим посмотрел на горы, и ему почудилось вдруг, что они то приближаются, то исчезают, растворяясь в облаках.

Сорокин и Матиссен — пограничники все еще считали его тяжелобольным — внимательно следили за Климом. Клим не двигался: то ли он потерял сознание, то ли уснул. Матиссен первым окликнул его.

Клим не отвечал.

— Кузнецов! — громко позвал Сорокин.

И опять никакого ответа.

Выждав минуту, отталкиваясь локтями, Матиссен подполз к костру, нечаянно свалил треногу. Со звоном упал висевший над огнем котелок с водой. Матиссен в страхе замер: не разбудил ли он пограничника? Однако Клим по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Выждав с минуту, Матиссен подполз вплотную к костру, выгнул связанные руки, подставил под огонь веревку. Кривясь от ожогов, он то откатывался от пышущего жаром огня, то снова пододвигался к нему, пока, наконец, не смог перетереть обуглившуюся веревку об острый камень.

Клим очнулся, услышав какой-то невнятный шум, и не сразу поверил, что видит Матиссена, поспешно развязывающего Сорокина. В волнении Клим выстрелил вверх из пистолета три раза подряд.

— Назад! — приказал он, наставляя на Матиссена пляшущее дуло пистолета. «Выходит, этот ученый совсем не больной!»

Матиссен отскочил от Сорокина. Клим выстрелил в него два раза и промахнулся.

— Назад, к чуму! — повторил Клим, мельком глянул на Сорокина: «Слава богу — Матиссен, кажется, не успел развязать своего подручного!»

— Камнем его, камнем! — злобно крикнул Сорокин, Матиссену, спрятавшемуся за выступом скалы.

— Слушай, ты... ты плохой снайпер...— заговорил Матиссен по-русски. — У твоего пистолета осталось два патрона. Если ты есть мужчина, оставь один патрон для своего сердца...

Спеша на выстрелы, Потапов успел передумать все самое худшее. Пока он добрался до «Пятачка-ветродуя» и откопал из-под снега оглушенного Закира, прошло не менее часа.

Вот и площадка. Клим лежал у костра, сжимая в руках автомат. Неподалеку от чума громко стонал раненый Матиссен. Возле него прижался к камням связанный Сорокин.

— Все в порядке, товарищ сержант! — прошептал Клим.

сердце александра сивачева

Эту быль, похожую на легенду, нам рассказал осенью 1944 года восьмидесятилетний Яков Бryня, житель белорусской деревни Головенчицы, что близ Гродно. Возможно, и не все сохранила его память — чересчур уж много лиха выпало на седую голову: фашисты насмерть засекли жену — старуха не выдала партизанские тропы,— угнали на каторгу дочь, спалили дом, и сам он поранен — правая рука висит плетью. Но, глядя на его испещренное глубокими морщинами лицо, в глаза его, все еще ясные и мудрые, каждый из нас чувствовал: ничто не сломило гордого человека.

— По-разному живут люди,— начал старик,— кто ярким пламенем горит и себе на весь век и другим света его хватает, идешь за ним — и тепло тебе, и дорогу впереди далеко видать. А бывают и такие, в которых огонек чуть теплится. Комар чихнет — погасит. Таким и под ногами темень...

Гляньте, за крайними хатами земля черным-черна. Там пограничная застава стояла; там и жил старший лейтенант Александр Сивачев с пограничниками. Солдаты у него были как на подбор, один к одному. И сам товарищ Сивачев хоть и молод был, а с большим огнем в душе! Любили у нас в деревне и Александра и его бойцов. Не упомнил я, как всех по именам звать. Знаю, заместителем у Сивачева состоял Петр Грищенко, лейтенант. Ординарцем — Ваня Нехода. Ездовым — Корниенко, тоже Иван. Были еще рядовые: Куприянов, Кононенко, Власов, а других по имени назвать не могу.

В ладу мы, колхозники, с пограничниками жили. Чуть какая неясность либо заминка — к Сивачеву. Он и рассудит и объяснит. Кого неизвестного в поле или в лесу узреем — опять же на заставу: так, мол, и так, неясный для нас человек вокруг Головенчиц бродит.

По вечерам и воскресеньям вся наша молодежь сбегалась к заставе. У пограничников и баян и балалайка, играли — заслушаешься, и песни пели звонко, а лучше всех играл и пел сам Александр...

Будто вчера та суббота была двадцать первого июня сорок первого года. Проходил я перед полуночью близ заставы. Гляжу — старший лейтенант вывел своих молодцов, и они окопы лопатами подравнивают: то ли чуял старший лейтенант, что напасть идет, то ли так по планам было положено. Спрашиваю: «Чего, мол, вы так усердно землю тревожите?» Александр только улыбнулся: «Надо, дед».

Ночью я снова на баз к скотине выходил — дом мой находился как раз в соседстве с заставой,— слушаю: звенят лопаты, работают пограничники. А под утро, когда совсем уже светло стало, будто небо треснуло над нашими Головенчицами. Вскочил я, глянул в окно — огонь вокруг! Выбежал в чем был на улицу. Женщины кругом криком кричат, дети плачут, скотина обезумела.

С нашей околицы пальба гремит, на границе. Долго ли сообразить — война! Фашист напал. Все поджилки у меня от страха затряслись. А чем Сивачеву помочь? Вилами да лопатой пулю со снарядом не упредишь. Пришлось в погребе хорониться. Народу там понабилось! Плач, стон... «Нам-то здесь что,— говорю женщинам,— а каково пограничникам?» Не утерпела душа, выбрался из погреба.

Фашисты вовсю рвутся — через нашу деревню на шоссе прямой путь. А пограничники не пускают: целую поленницу врагов наложили перед окопами.

Фашисты поняли, видно,— не по зубам орех. Приставили к животам автоматы и пошли по огородам в обход. Пули кругом летят, на лету горят, а пограничники замолчали. Неужто всех перебил проклятый? Только подумал я — опять из окопов пулемет начал стрелять. Фашист спину с пятками показал. Отлегло от сердца. Подполз к забору. Поле и опушку оттуда видно хорошо. Гляжу — враги пушки выкатили. Как полыхнет! Меня ветром сдуло, глаза песком забило,

вроде ослеп. Земля ходуном ходит — снаряды рвутся на самой заставе.

Вспомнил я прошлую войну, когда сам был в солдатах, догадался: фашист ведет огонь прямой наводкой. Протер глаза, привстал и опять с копыток долой. Сразу несколько снарядов в казарму угодило. Крышу снесло, дом рухнул, и огонь до самых облаков.

Снова фашисты пошли в атаку. С трех сторон бегут, горланят. Совсем пьяные. А наши опять молчат. Не иначе, на этот раз окаянный враг перебил пограничников. И тут слышу Сашин голос: «Огонь! За Советскую Родину огонь!»

И где силы взяли наши пограничники?! Все вокруг горит, бревна попадали на окопы, земля изрыта снарядами, вроде бы там нет местечка для живого человека — а живы, бьются!

Моя старуха набралась храбрости, выбралась из погреба, за ноги хватает: «Уйди!» Где там уйти! Махнул я на нее рукой: «Сама хоронись!» — и к заставе. Пули над головой «зик-зик», а потом слышу Ваню Неходу. «Куда ты, дед? Я,— говорит,— тебя не признал, чуть в покойника не обернул!» Тут и Сивачев появился. Голова перевязана. На перевязке кровь, а лицо строгое, спокойное. «Не тревожься за нас, дед, и вы, товарищи колхозники, не тревожьтесь!» За мной следом еще человек пять приползло. «Вас здесь безоружных перебьют, забирайте жен с ребятами, стариков — да в лес». И отправил всех обратно.

Тут опять пушки загрохотали, опять враг по заставе начал бить прямой наводкой. Дополз я до своей хаты, а вместо хаты — костер.

А время уж к полудню. Немец опять в атаку с трех сторон пошел. А Саша молчит. «Нет,— думаю,— жив он, угостит вас сейчас». И верно: стреляют, стреляют наши! Только звук уж не тот — один пулемет слышно с той стороны, где я Сивачева видел, и винтовок пять, не больше. Одних фашистов в гроб кладут, а другие лезут и лезут... Глядь, уж мимо колодца трое бегут, в руках гранаты, замахнулись да так в землю и плюхнулись, подкосил их Сашин пулемет.

Тогда по земле гул прокатился. Из рощи выкатилось восемь танков. На бортах черные кресты. Грохочут, из пушек, из пулеметов палят. Один на переднем окопе вертится, другие — прямо на заставу.

Что это слышу? Песня! Грохот, пальба, а песня над всем, будто орлица, взлетела, и ничто не в силах ее заглушить. Танки остановились. А Александр Сивачев из окопов во весь рост поднялся, и за ним пятеро пограничников. Запели «Интернационал» и с гранатами ринулись на фашистские танки...

Что дальше было, не видел: в погреб меня утянули. Смотрю — рука окровавилась. Раньше и боли не чуял.

Бой смолк только часа в два после полудня. Стороной ушел на восток. Наши люди, кто посмелее, из погреба вышли, я за ними — и на заставу. Там угли, земля да кровь. Погибли наши дорогие товарищи, которые от снарядов, которые от пуль, а кто под танками. Вот как бились пограничники! Одиннадцать часов бились! Три танка пожгли. Шестьдесят четырех фашистов насмерть положили. А раненых и сосчитать было невозможно.

Ночью мы опять на место боя пробрались. Достали из-под обломков мертвых пограничников и похоронили за околицей под дубом. Узнал фашистский комендант — с землей могилу сровнял. А на другое утро на том месте опять холмик вырос, и весь в цветах. Сколько раз ни разрушали враги ту могилу, она все нерушимой была.

В ночь на 3 июля — вовек этой ночи не забыть! — я с внучонком в поле за цветами направился. Насобирал цветов, ползу к могиле и сам себе не верю: над братским холмом огонь мерцает. Сначала будто светлячок, а потом все пуще. Ярким пламенем поднялся.

Мне словно кто новые силы в жилы влил. Весь страх у меня перед фашистами пропал, встал я с земли, цветы вверх поднял, иду на алый огонь. А он словно из самой земли идет, живой кровью светится.

Подхожу, а огонь все выше, все шире — полнеба захватил. Поднялся я на холм, где пограничная брат-

ская могила была, понял: за лесом пожар громадный.

А утром,— продолжал дед,— пришел к нам в деревню пограничник — зеленая фуражка на голове, в руке автомат. И как он, по всей форме одетый, смог пройти мимо вражеских постов! Пришел, собрал нас, колхозников, и говорит:

«Сейчас из Москвы по радио приказ вышел. Родина наша зовет весь народ на борьбу с врагом. Велено создавать партизанские отряды, не давать фашистам пощады».

«А ты сам-то кто такой будешь?» — спрашиваем.

Он вынул из кармана красную книжечку: «Коммунист!..»

Тогда мы всей деревней и ушли в лес, к партизанам. Там узнали: ночью партизаны за лесом опрокинули под откос вражеский эшелон с бомбами. Командиром у них был тот самый пограничник, а отряд назвали именем Александра Сивачева.

Старик оглядел нас.

— Мы, крестьяне, так решили: потому Александр Сивачев и его солдаты бились до последнего, что за народ воевали, за правду. Не довелось им увидать светлый день, а знали, что придет он. На года вперед знали.

— А где сейчас командир вашего отряда? — спросили мы.

— Из Пруссии прислал весточку, фашистов доколачивает.

...В ясном небе который уж день не видно было фашистских самолетов и дыма пожаров.

Война пронеслась над лесами и долами на запад, за пределы родной земли.

Чуть поодаль от дороги широко раскинул ветви могучий дуб, и лист у него, не глядя на сентябрь, еще зеленый и крепкий. Под дубом, за голубой оградой,— красный обелиск, увенчанный золотой звездой. Молодые елочки обступили скромный памятник, чистый песок желтеет на тропе.

Мы обнажили головы, подошли к могильному холму и положили на него рядом с выцветшей, полуист-

левшей зеленой фуражкой поздние осенние цветы. Было нас восемь солдат, лейтенант и седой старик.

Кто-то вслух прочел:

— «Здесь похоронены героические защитники советской государственной границы, павшие смертью храбрых в неравном бою с фашистскими захватчиками двадцать второго июня 1941 года...»

Прошла минута, а может быть, три. Лейтенант подал команду. Мы вскинули автоматы и выстрелили залпом три раза. Это был наш салют в память людей, которых никто из нас не знал, не видел в лицо, но которые были для нас больше чем братья.

И. РОСОХОВАТСКИЙ

ШЛЯПКОЛОВЫ

ВСТРЕЧА НА ТЕПЛОХОДЕ

Теплоход «Поэт Пушкин», совершающий очередной рейс по Днепру, отошел от пристани. Мимо медленно поплыли живописные берега: леса в спокойной задумчивости, ярко-зеленые луга, размахнувшиеся до горизонта поля...

На палубу вышел человек в темно-синем костюме и, оглянувшись по сторонам, прошел сначала на нос, затем в салон. Едва успел он присесть к шахматному столику, как услышал позади голос:

— Может, сыграем?

Он посмотрел на говорившего. Это был паренек лет семнадцати-девятнадцати, с приветливым взглядом, бледным лицом и красивыми пухлыми губами. На лацкане его пиджака спортивного покроя выделялся комсомольский значок.

— Ну что ж, я не прочь,— сказал человек в темно-синем костюме.

— Меня зовут Константином.

— Кротов,— пожимая руку паренька, ответил человек в темно-синем костюме.

Константин быстро расставил шахматы на доске, и сражение началось. Кротов играл уверенно, даже чуть-чуть небрежно.

— Предупреждаю,— улыбнулся его противник и задорно тряхнул головой, рассыпав по лбу волосы,— я играю не так уж плохо!

И Кротов в этом быстро убедился. Через несколько ходов он вынужден был признаться:

— Сейчас вы мне дадите мат. Вижу и ничего не могу сделать.

Константин улыбнулся и, молча передвинув коня противника, сказал:

— А если бы так?!

— Верно! Так я избежал бы мата! — воскликнул

Кротов и посмотрел на юношу с явной почтительностью.

Оии разговорились, и через полчаса Кротов знал всю подноготную попутчика. Констаитии ехал из Херсоиа в Киев, собирался поступить в политехнический иистисут. Школу ои окончил хорошо и надеялся иа успех. Под большим секретом он сообщил новому знакомому, что в Херсоие ему очень иравилась Машенька из Пятой школы, парашютистка и вообще «очеиь смелая», что и сам ои не из трусливого десятка и был дружинииком. Ои показал грамоту за борьбу с хулиганством. Последиее обстоятельство заинтересовало Кротова, и ои долго расспрашивал о работе дружинников в Херсоне.

Коистаитии охотио отвечал иа вопросы, а после реплики: «Это дело не только смелости, головы требует»,— с горячностью заявил:

— Хотите, докажу, что я с головой?

— Докажи, докажи,— похлопал его по плечу Кротов.

— Вы ие обычиый пассажир. Вы из милиции.

Кротов засмеялся:

— У вас в Херсоие все такие?

— Догадливые?

— Вот имеиио.

— Все, коиечио. У иас в дружииииики только таких и берут.

Из-за поворота как-то иеожиданио открылись остроугольиые и круглые башеики, трубы, золочеиые купола. И вот уже видеи сказочный бело-розовокаменный город-сад. Зелеиые парки, зелеиые берега...

Одиим из первых иа берег сошли Кротов и его новый юный друг. Прощаясь, Кротов сказал:

— Ты мне позвонишь, Костя, расскажешь, как экзамеиы сдал, ладно? Может, чем-иибудь помогу...

В ГОРОДСКОМ ПАРКЕ

Прошел ветерок, и желтеющие листья тихо зашелестели, падая на землю. Девушка легко иаклонилась и подияла огиеииый листок. Может быть, это

солнце, уходя, оставило на нем крупинку своего золотого запаса? Девушка остановилась. Тишина. Такая тишина, что хочется слушать ее, как музыку. Но куда лучше слушать вдвоем. Вот за тем поворотом на круглой цементированной площадке с балюстрадой, откуда открывается могучая река и широкая даль, ее, наверно, уже ждет друг.

Внезапно, рассекая тишину, послышался резкий свист, и девушка, вскрикнув, схватилась руками за лицо. Она ничего не поняла, лишь ощутила резкую боль. И жалобный крик огласил парк. Сбежались люди, окружив девушку. Послышалось участливое: «Что с вами?»

Сквозь толпу с трудом пробрался подросток в расстегнутом пальто, из-под которого виднелся синий шерстяной свитер с белыми оленями. Он громко крикнул:

— Люся? Ты? Что случилось?

Девушка отняла руку от лица. Через все лицо от подбородка до лба тянулась узкая рваная рана.

У подростка задрожали брови.

— Люсенька, нужно скорее к врачу!

...Легковой автомобиль с крестом на переднем стекле увез Люсю.

«12 октября. 14 ч. 00 м. В парке. У двух девушек неизвестным образом стащили с головы шляпки. Воров не удалось обнаружить. Девушки их также не видели».

«13 октября. 19 ч. 30 м. В парке. У гражданки Лупич К. О. сняли чернобурку и порвали пальто. Похитителей гражданка не видела. Она услышала резкий свист и почувствовала сильный рывок. Гражданка Лупич упала. Когда она поднялась, чернобурки на ней уже не было, а пальто в тех местах, где к нему на крючках прикреплялся воротник, было порвано...»

«13 октября. 20 ч. 00. м. В парке. Супруги М. Л. и П. Ч. Полотан присели на скамейку. М. Л. Полотан положила около себя сумочку, в ко-

торой находилась зарплата. Когда собрались уходить, сумочки на скамейке не оказалось. Поблизости никого не замечали...»

«14 октября. 18 ч. 55 м. В парке. Ученице 9-го класса Евченко Л. И. неизвестным образом и неизвестным предметом рассекли лицо...»

Младший лейтенант Кротов положил донесения в ящик стола и задумался.

В дверь постучали. В комнату вошел запыхавшийся Костя Дереза. Это Кротов рекомендовал его в народную дружину. На бледных щеках юноши горел румянец, каштановые волосы были в беспорядке.

— Упустил! Смекалки не хватило! — с гневом крикнул он.

— Кого упустил? Расскажи толком.

— Понимаете, шла женщина. К ней подошел парень лет двадцати, взял под руку, шепнул: «Не шуми, а то кровь пущу»,— снял с ее руки золотые часы и преспокойно ушел. Тогда только она закричала. Я близко был, парня того приметил, еще подумал: «Такой молодой, а под руку с солидной дамой». Как только я услышал ее крик, сейчас же за ним припустился. На углу Пушкинской догнал. «Постойте, гражданин»,— говорю. Он, видно, все понял — рванул по Пушкинской. Забежал в городскую кассу. Я за ним. Тут откуда-то старшина Мыкытенко взялся. Обшарили мы все помещения. Там, как на грех, уезжающих полным-полно,— Костя отчаянно махнул рукой.— Не нашли, исчез!

— Да, досада,—сказал Кротов.— Но унывать не надо. В нашем деле уныние горше болезни, браток.— Младший лейтенант помолчал, а потом, взглянув на огорченное лицо юноши, принял бодрый вид и ни с того ни с сего предложил: — Расскажи, как учеба?

— Ничего учеба, Иван Игоревич. Лабораторные занятия интересные.

— Товарищей завел?

— Ребята у нас в группе хорошие. А чтоб дружить — пока еще ни с кем не подружился.

— Где разместился, живешь где, в общежитии? — заботливо спросил Кротов.

— Живу у тетки. Ко мне относится — лучше не надо.

— Ну, добре, Костя. Пойдем, я тебя немного провожу. Мне на Тимофеевскую нужно.

Они вышли из дома, миновали площадь с увядающими клумбами и направились по шумной прямой улице. Их обогнал трамвай. На ступеньке висели два мальчугана. Один из них, постарше, вдруг сбил с головы другого шапку. Тот спрыгнул за ней на асфальт. Раздался гудок автомобиля, взвизгнули тормоза, истерично закричала женщина.

Костя рванулся вслед за трамваем, крикнул на ходу Кротову:

— Догоню его на остановке!

«Горячий парнишка, сердце чистое», — подумал о Косте младший лейтенант.

В ТИХОМ СЕМЕЙСТВЕ

— С нашим Витенькой что-то неладно. Уж не заболел ли? — встревоженно говорила высокая, пышная женщина, обращаясь к мужу, сидящему за столом с газетой в руках.— Он только с прогулки пришел, а мое материнское сердце почуяло — неладно. Съежился весь, глаз не подымает. И сразу к себе — в детскую. Я заглянула в щелку. Он лежит на диване, губы стиснул и в потолок смотрит.

— Н-да, странно,— сказал мужчина, не отрывая глаз от газеты.

— Ты слушаешь, когда я говорю, или нет! — закричала пышная женщина.

— Я слушаю,— ответил мужчина и бросил на нее отсутствующий взгляд.— Ты рассказывай.

— Да что тебе рассказывать? Разве ты своими детьми интересуешься? И я и они тебе безразличны. Тебе лишь бы Леонтий Маркович да Карп Леонтьевич были здоровы, да шахматы не ломались, да пивная на Красноармейской была открыта — больше ничего не нужно. Истукан!

В это время в столовую вошел юноша в синем свитере с оленями. Его черные глаза-угольки с явным пренебрежением остановились на родителях.

— Опять? — кивнув в их сторону, спросил он у домашней работницы.— Ну, сейчас пойдет: «Для кого я жизнь погубила?..» Правда, весело у нас, Люба?

Спор неожиданно прекратил тринадцатилетний мальчик, пухлый, с висячим двойным подбородком. Он распахнул дверь детской комнаты и крикнул чуть не плача:

— Мама! Папа! Давайте обедать!

— Не называй его папой, Витенька. Это же бездушное животное! — прогудела женщина.

— Первое остывает,— примирительно сказал мужчина.— Примемся за еду, моя кисонька. Довольно говорить друг другу гадости.

Он первым подал пример: налил из графина вина и наколол на вилку кусок соленого огурца.

Обед прошел в молчании. Так же молча супруг удалился в свой кабинет. Жена продолжала сидеть за столом, меланхолическим взглядом следя за домашней работницей Любой, убиравшей посуду. Мальчики ушли в свою комнату.

Спустя несколько минут из детской послышался стук, затем отчаянный крик: «Мама!» — и в столовую влетел Витя с трясущимися щеками.

— Мама, мамочка, мамуся! Я тут буду, мне страшно! — всхлипывал мальчик.

— Я с тобой, маленький, успокойся! — Мать стала целовать Витю в лоб, в глаза, в щеки. Она вынула из кармана своего халата носовой платок, на котором красовался разноцветный попугай, и вытерла сыну слезы.— Ну, вот и все. Теперь давай я сама отведу тебя в детскую, и мы посмотрим за окно. Увидишь, там никого нет.

— Не пойду! Буду весь день с тобой! И спать буду с тобой! Пусть перенесут мою кровать! — выкрикивал сквозь слезы мальчик.

— Но, Витенька...

— Сказал: не пойду, и не пойду! Не хочу туда! Бесчувственное животное! — топал он об пол ногой.

— Откуда ты набрался таких слов?

— Я буду спать с тобой! — твердил свое мальчик.

— Ну, хорошо. Чего ты боишься?

Она прошла в детскую. Старший сын Сергей поспешно спрятал под подушку какую-то коробку.

— Почему плачет Витенька? — гневно вскрикнула мать.

— А я знаю? Он же твой любимчик, ты и должна знать; у меня своих дел хватает.

— Как с матерью разговариваешь! — возмутилась она и, подойдя ближе к кровати, взялась за подушку.— Что это ты там прячешь?

— Ничего. Крючки.

— Сейчас же покажи.

— Но я же сказал. Ты что, мне не веришь?

— Ты вечно лжешь, Сергей! Я тебя знаю.

Юноша ничего не ответил матери. Он протянул ей коробку и отвернулся.

Она быстро открыла коробку. В ней лежало несколько рыболовных крючков.

— Ты должен был бы смотреть за младшим братом! Но как ты можешь это делать, если у тебя даже для занятий не остается времени! — резко сказала она и вышла, демонстративно хлопнув дверью.

Сергей встал, медленно подошел к окну и долго смотрел на осеннюю улицу. Его губы дрожали. Из окна на него укоризненно смотрело лицо Люси, обезображенное шрамом...

Подполковник Котловский остановился у двери квартиры первого этажа, на которой висел синий почтовый ящик с надписью: «Для писем и газет Шулики Б. Н.» Он позвонил и услышал за дверью женский голос:

— Люба, где вы запропастились? К нам звонят!

«Голос принадлежит той, что приходила ко мне вчера»,— подумал Семен Игнатьевич и вспомнил женщину, по одному виду которой можно было определить: она выросла в деревне и тщательно скрывает это. В ушах Котловского снова зазвучал ее грудной голос. «Я женщина, мать: вы, надеюсь, понимаете мою тревогу? Мой мальчик, мой сынок в опасности».

Тогда первым желанием подполковника было выпроводить ее из кабинета, но он сдержался и выслушал ее до конца. То, что рассказывала женщина, само по себе ничего не означало, но в сопоставлении с участившимся детским хулиганством настораживало. А когда подполковник Котловский услышал, что мальчик учится в школе, где была раскрыта группа малолетних воров и где процветало хулиганство, он сам поспешил на квартиру работника Министерства просвещения — Бориса Николаевича Шуликн.

Дверь открыла домработница. За ней на пороге комнаты стояла хозяйка дома.

— Здравствуйте, Аделаида Фоминична,— обратился к ней Семен Игнатьевич.— Как видите, я свои обещания выполняю исправно.

— Входите, входите,— сказала женщина.— Витенька с минуты на минуту придет из школы.

Подполковник вошел в столовую. На буфете красного дерева стояло семь фаянсовых слоников; у переднего на шее был повязан огромный красный бант. На стене рядом с «Девятым валом» Айвазовского висела в золоченой рамке вышивка — два целующихся голубка.

Из коридора послышался звонок. Аделаида Фоминична встрепенулась:

— Витенька, наверное...

В комнату вошел подросток, очень легко одетый, в синем шерстяном свитере, без пальто и даже без пиджака. По недовольному выражению лица хозяйки Котловский определил, что это не ее любимец.

— А где Витенька? Почему не привел его? — спросила Аделаида Фоминична.

— Здравствуйте,— поздоровался подросток, увидев чужого, потом спокойно ответил матери: — Витя со своими товарищами задержался. Скоро будет.

— Ты вечно грубишь, Сергей! Воспитывай не воспитывай тебя — все равно толку не будет,— пророческим голосом произнесла она и отвернулась от сына.

— Это старший. Никакого сладу с ним. Непослушный, учится неважно! А младшенький мой — почти отличник!

Семен Игнатьевич посмотрел в черные блестящие глаза подростка, и сердце его дрогнуло. Ясным, любопытным, как у галчонка, взглядом этот мальчик напомнил ему сына, погибшего от руки хулигана. И звали его так же — Сергей.

Боясь выдать свое волнение, Котловский подал руку пареньку, нарочито сурово сказал:

— Давай познакомимся.

Сергей улыбнулся Котловскому одними глазами: ладно, мол, знакомиться так знакомиться.

В коридоре вторично раздался звонок — длинный, заливистый, торопящий.

— Иду, иду! — крикнула Аделаида Фоминична и повернула лицо к подполковнику.— Это уж точно Витенька.

Она ввела в комнату пыхтящего мальчугана с двойным подбородком, одетого в клетчатое пальто и такого же цвета кепку. Витя бросил портфель на стол и стал раздеваться.

— Люба! Витенька пришел! Давайте на стол! — приказала она.

Пока домашняя работница подавала на стол и убирала на вешалку пальто, сброшенное Витей, Аделаида Фоминична заставила своего младшенького показать гостю дневник, где красовались пятерки, четверки и изредка — тройки, и четырежды чмокнула его в голову. С видимым удовольствием принимая ее ласки, мальчуган тихим голосом рассказал Семену Игнатьевичу о математической олимпиаде, проходившей в их школе.

— Он взял первый приз! — гордо сказала Аделаида Фоминична.

Подполковник подождал, пока мальчики поели, и стал расспрашивать Витю о его страхах. Мальчик вдруг съежился и начал запинаться.

— Скажи все, Витенька: этот дядя из милиции, он им покажет,— подбодрила его мать.

Но Витя совсем умолк.

Котловский, увидев, что от мальчика ничего не добиться, собрался уходить. Он решил поговорить с директором школы и классным руководителем.

— Так как вы думаете, моему мальчику ничего не угрожает? — спросила Аделаида Фоминична.— Он ведь такой тихий, беззащитный. Вот о старшем этого не скажу. И чего ему не хватает?

«Ласки»,— подумал подполковник и стал прощаться. Вместе с ним вышел и Сергей.

— Тебе куда? — спросил его Котловский.

— На Красноармейскую.

— И мне туда же. Пошли вместе,— обрадовался подполковник.

Дорогой они говорили о школе, о занятиях, трудных и легких предметах. Семен Игнатьевич спросил Сергея, почему у них в школе и классе плохая дисциплина.

— Неинтересно у нас в девятом классе. Всё мероприятия. Культпоход — мероприятие и лыжная вылазка — мероприятие. Вот и проходят так: ничего нового. Ну, и ребята шумят, бузят. А есть и другие.— Он спохватился, что говорит лишнее, и встревоженно глянул на спутника. Лицо Котловского не выражало ничего, кроме дружелюбия, но все-таки Сергей перешел на другую тему: стал рассказывать о прыжках с трамплина.

Они остановились одновременно.

— Мне сюда,— сказал Сергей, кивая в сторону трехэтажного особняка.

— И мне тоже,— Котловский прищурился, словно знал об этом раньше, и спросил: — Тебе в какую квартиру?

— Тут одни знакомые...— протянул юноша.— В четвертую квартиру...

— Значит, вместе. Мне к Люсе Евченко,— сказал Котловский.

С Люсей Евченко Семен Игнатьевич говорил недолго. Она сказала, что того, кто ее ранил, она не видела и, кроме свиста, ничего не слышала. Когда Семен Игнатьевич проговорил: «Вам нечего бояться, доверьтесь, и виновники будут сурово наказаны»,— она с такой болью посмотрела на него, что подполковник понял: девушка чего-то не досказывает. А когда он заметил ее взгляд, направленный на Сергея,

ему стало ясно: знает об этом и он, но они ничего ему не скажут. Котловский попрощался.

С директором школы, где учились дети Бориса Николаевича Шулики, Котловский уже сталкивался, расследуя дело о группе малолетних воров. Он сразу же попросил позвать руководителя шестого класса.

Классным руководителем в шестом «Б» была молодая женщина с красивой седой прядью в иссиня-черных волосах. Она сказала:

— Витя Шулика учится в моем классе. Как же охарактеризовать его? Мальчик учится хорошо, блестящие математические способности. Ведет себя тихо, не хулиганит. Плохо лишь — наушничать любит. Да! Как ни удивительно, доносит на товарищей.

— Никаких шалостей? — переспросил подполковник.

— Он и так болезненный, малоподвижный. Где уж ему шалить? Он и спортом не занимается. Единственное увлечение — рыбная ловля. Отчаянный рыболов. Всюду со спиннингом, с крючками. Рыболовы у нас группой держатся. По-моему, там старший брат Вити руководит.

— Сергей? — заинтересовался Семен Игнатьевич.— А что он?

— О Сергее Шулике вам директор скажет,— быстро проговорила учительница.

Директор для чего-то водрузил на длинный нос пенсне и, внимательно посмотрев на подполковника, сказал:

— Как бы вам точнее определить его?.. Озорник, выдумщик... Вся энергия уходит на выдумки, так что на учебу остается ее мало... Способный мальчик. Посмотрите его дневник. Троек почти нет. То пятерки, то двойки. Смотря по настроению. А на выдумки горазд. Однажды в восьмом классе, в прошлом году, явился на урок анатомии и за ворот майских жуков натолкал. Во время урока рубашку расстегнул — жуки оттуда по одному начали вылетать. В классе — смех. Какой же тут урок? Или вот еще: купил конфет и роздал ребятам с условием — есть на уроке. Учитель вызывает отвечать, а ученики говорить не могут: кон-

феты липкие, в зубах завязли. Или на уроке шумовой оркестр устроил на перьях. Да чего там, всего не перечислишь! — Директор махнул рукой: — Одна лишь хорошая у него черта: правдив. Спросите его — или правду выложит, или смолчит. А с ложью не знается. Ни-ни. Если кого-то за него станут ругать, сейчас же вскочит: «Я виноват, и больше никто!» Такой уж индивидуум. Товарищи его любят, поэтому он опаснее других. Хотели мы за хулиганство его из школы исключить — отец вступился. Он в Министерстве просвещения работает, нельзя отказать. Дали последнее предупреждение.

— Правдивый, говорите? — повторил Семен Игнатьевич. Ему было приятно еще раз услышать это.

УДАР В СПИНУ

Подполковник Котловский нажал кнопку звонка. В кабинет вошла секретарша.

— Женя! Там меня дожидаются лейтенант Рябцев и старшина Мыкытенко. Пусть войдут.

Женя вышла, и тотчас же перед Котловским появились нескладный, с длинными руками и хитро прищуренными глазами старшина и молодцеватый, подтянутый и вежливый лейтенант.

— Товарищ подполковник, к операции все готово! — отрапортовал лейтенант Рябцев.

Семен Игнатьевич коротко изложил план действия.

Двумя крытыми машинами они выехали к месту операции. Недалеко от улицы Льва Толстого остановились. По одному, по два милиционеры выпрыгивали из машины и занимали свои места во дворе и в подъезде большого дома. Старшина Мыкытенко остался дежурить на улице, наблюдать за окнами и балконами второго этажа.

Недавно подполковнику Котловскому сообщили, что три вора-рецидивиста — Лапатый и братья Чирики, известные под кличками Потраш и Сенька Плюгавый,— после разгрома их шайки в Донецке прибыли

в Киев. Братья Чирики были выслежены в квартире, и выехала оперативная группа, возглавляемая подполковником Котловским.

Семен Игнатьевич и лейтенант Рябцев в сопровождении дворника и двух оперработников поднялись на второй этаж. Там их встретил младший лейтенант Кротов. Он находился на посту уже больше двух часов. Один из милиционеров постучал в дверь квартиры номер тридцать два. Рябцев стал у двери боком, так, чтобы иметь возможность, как только дверь приоткроют, неожиданно проникнуть в квартиру. Кротов загораживал собой подполковника.

Из квартиры послышался женский голос:

— Кто там?

Ответил дворник.

В прямоугольнике распахнувшейся двери перед Кротовым предстала пожилая женщина в длинном халате. Увидав милиционеров, она удивилась и немного испугалась.

— Пожалуйста...

Семен Игнатьевич и Кротов вошли в комнату, тесную от мебели. Всюду стояли статуэтки, лежали альбомы фотографий. Рябцеву и его помощникам достаточно было беглого осмотра квартиры, чтобы определить: братьев Чириков и след простыл.

— Они ушли еще часа в четыре. Как только получили письмо, так и ушли,— ответила хозяйка квартиры Котловскому и тут же задала, в свою очередь, вопрос: — Скажите, пожалуйста, разве они сделали что-нибудь плохое, что вы их ищете?

Подполковник ответил... Женщина, побледнев, опустилась на стул.

— Не может быть! — простонала она.

— Какое письмо они получили, когда, от кого, кто принес? — спросил Семен Игнатьевич.

— Письмо заказное. От кого, не знаю. А принес паренек, почтальон. В первый раз его увидела, наверное, новенький.

— Опишите его внешность.

Женщина смутилась.

— Извините, я не успела как следует рассмотреть.

Он так быстро повернулся... И ушел. Разве вот губы заметила: пухлые, нежные, как у девушки.

С улицы вдруг донесся резкий крик.

— Что там такое? — всполошился Кротов и первый бросился вниз по лестнице. За ним прогромыхали Рябцев и Котловский.

У стены, уткнувшись лицом в асфальт, лежал старшина Мыкытенко. Вокруг него быстро расплывалась лужа крови. В ней плавал клочок бумаги, сложенный вчетверо. На листке из ученической тетради в косую линейку, на каких учатся писать первоклассники, были крупно выведены слова: «Подарок от меня и брата. Потраш». Из спины старшины торчала рукоятка ножа.

...Возвращался домой в этот вечер Семен Игнатьевич, как обычно, пешком. Шел медленно, опустив голову. На душе было тяжело. В смерти старшины он готов был обвинить только себя: «Не подготовил как следует операцию, плохо работаю, ослабил бдительность».

Бандитов кто-то предупредил, и сомневаться не приходилось, этот «кто-то» был в числе работников милиции, людей, окружавших Котловского. Кто же? При разговоре о предстоящей операции присутствовали только Рябцев да старшина Мыкытенко. В кабинет два раза входила Женя. За дверью, в приемной сидели младший лейтенант Кротов и Костя — парнишка, рекомендованный Кротовым. Но они сквозь дверь, конечно, не могли слышать разговора.

Семен Игнатьевич Котловский третий раз проходил по Красноармейской, хоть прогуливаться здесь ему было вовсе не нужно и к тому же некогда. Наконец Котловский вынужден был признаться себе, что он, старый черт, подполковник из уголовного розыска, бегает здесь, ища встречи с подростком, так напоминавшим сына Сережу. Семен Игнатьевич решился

и зашел вторично в квартиру Шулики. Ему повезло. Сергей оказался дома. Он открыл подполковнику дверь.

Котловский начал расспрашивать его о ничего не значащих вещах, время от времени вглядываясь в мальчика: как он был похож на погибшего сына! Точно так же падали на лоб волосы, такая же горькая складка появлялась изредка в уголках губ, так же порывисто двигались пальцы.

— Как Люся? Боли уже не чувствует? — спросил Котловский.

— Боли нет. А вот тяжело ей, что шрам...— глухо проговорил Сергей и, взглянув в грустные глаза подполковника, едва слышно доверительно шепнул: — Лучше бы это на моем лице... Я все-таки парень...

В желании взять на себя Люсино горе Котловский почувствовал настоящую живую душу Сергея, закрытую от всех внешней грубостью, хулиганством. Добраться бы до этой юной души! Но как же найти ключ к сердцу Сергея?

Семену Игнатьевичу неудержимо захотелось погладить его мягкие волосы. Котловский посуровел и отвернулся к окну.

— О, у нас гости! Товарищ подполковник!

Котловский обернулся.

К нему подошла Аделаида Фоминична и, подавая руку, озабоченно и благодарно произнесла:

— Как хорошо, что вы пришли! А я уж собралась вам звонить. С моим Витей опять беда.

— Что-нибудь случилось?

— Он встал сегодня утром. Я глянула и ахнула: у него через все лицо от лба до подбородка — багровая полоса. Можете себе представить мой ужас. Ведь я думала — это кровь. Оказалось — краска. Но если бы вы видели, как он испугался, мой бедный малыш! Губки посинели, затряслись... Уже потом, когда мы убедились, что это краска, Витя немного успокоился. Даже в школу пошел... Как вы думаете, кто его мог измазать? Вечером я его видела — личико было чистое... Я, знаете ли, ничего не понимаю...— Она притронулась пальцами к вискам.

— Вы разрешите мне посмотреть комнату, где спят мальчики? — попросил Семен Игнатьевич.

— Пожалуйста!

Она провела Котловского в небольшую комнату, где стояли стол, две кровати, две тумбочки и четыре стула. Между кроватями находилось окно. Семен Игнатьевич осмотрел задвижки, осведомился, было ли окно утром закрыто. Он подошел поочередно к кроватям. На подушке одной из них заметил крошечное красное пятнышко.

— Чья это кровать?

— Витеньки,— ответила Аделаида Фоминична.

Семен Игнатьевич подошел ко второй кровати, осмотрел ее. На спинке висело полотенце. Он снял его и развернул. Потом снял полотенце с другой кровати. На обоих были красные пятна.

Разглядывая комнату, подполковник остановился у шкафа, из-за которого торчала бамбуковая палка. Он вытащил ее. Это был спиннинг необычной формы. Две тонкие тростинки, прикрепленные к нему, напоминали букву «у».

Котловский в сопровождении хозяйки квартиры вышел в переднюю и как-то странно взглянул на Сергея.

— Мне пора на работу. А ты никуда не идешь? — обратился он к нему.

«Нет»,— хотел сказать Сергей, но пристальный взгляд подполковника вынудил его сказать: «Да, иду».

Они вместе вышли из дома. Когда завернули за угол, Котловский спросил:

— Зачем сделал это? За что мстишь брату?

Сергей молчал. Он сжал губы и зашагал шире. Семен Игнатьевич взял его за локоть:

— Я тебе не желаю плохого, мальчик. Почему не отвечаешь?

Сергей покачал опущенной головой.

— Не хочешь говорить — не нужно. Конечно, жаль,— признался Котловский.— Тогда ответь мне, зачем у спиннинга приспособление? Для меткости?

Мальчик резко остановился.

— Знаете, что я вам скажу, Семен Игнатьевич. Лучше бы вы все узнали, только все равно вы ничего не узнаете. А я сказать не могу! — почти крикнул он, круто повернулся и пошел в обратном направлении.

Семен Игнатьевич, не двигаясь с места, проводил его взглядом. Вздохнул и направился к зданию управления. В дверях он столкнулся с худеньким, бледнолицым пареньком.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — весело приветствовал его паренек.

— Здравствуй, Костя. Как твои занятия?

Костя вынул из кармана матрикул...

«РЫБОЛОВЫ»

Два мальчика, непринужденно болтая, шли по улице. Один из них, смуглый и бойкий, нес спиннинг. Он говорил своему товарищу:

— Я вчера «Зоркий» купил. Но, понимаешь, нужно же как-то соврать старухе. Она не поверит, что пятьдесят рубликов валялись на улице. Что бы такое придумать?

— Скажи: в фотокружок записался, и тебе его на время выдали,— недолго думая, ответил ему товарищ в клетчатом пальто и кепке.— Потом отдашь мне, с недельку полежит у меня, и обратно его возьмешь. Чтоб никаких подозрений...

— Ну и здоров же ты врать, Витька! — воскликнул смугляк и так хлопнул товарища по плечу, что тот согнулся.— А вот на хранение тебе «Зоркий» не отдам. К твоим пальцам прилипнет — не оторвешь.

— Дурак ты, круглый дурак. Нужен мне твой «Зоркий»! У меня, если захочу, «Киев» будет. Понял, оболтус?

Слово «оболтус» показалось мальчику чересчур обидным. Он сжал кулак и нахохлился:

— Ну, ты, потише!

— А то что?

— Думаешь, в морду не дам?

— Не очень-то. Видали таких. Знаешь, что тебе за это будет?

— Пацанов натравишь?

— А то благодарить тебя буду?

— Так это же нечестно!

— А при чем тут честность? Считаешь, красть и продавать ворованное — честно?

Сраженный этим доводом, первый мальчик замолчал. Они продолжали путь, не глядя друг на друга.

Под ногами зашелестели рыжие листья. Начался парк. Мальчики прошли мимо высокого, здоровенного милиционера с погонами младшего лейтенанта.

— Ого, каланча! — сказал Витя и, сворачивая на боковую аллею, настороженно оглянулся. Младший лейтенант шагал в противоположную сторону. Мальчики остановились.

— Можно здесь,— определил Витя.— Тут парами редко ходят, все больше в одиночку. Скамеек нет. Это место вроде нарочно для нас придумано.

— Скажешь тоже — придумано,— проворчал второй, но возражать не стал.

— Ты полезай, а я на шухере буду.

— Опять...— насмешливо проговорил смугляк.— И трус же ты, Витька! Чужими руками жар загребать — на это ты мастак. Ну, да спорить бесполезно. Все равно побоишься.

Он сбросил ветхое пальтишко и, поплевав на руки, полез на дерево. Витя спрятал его пальто в кусты и стал прохаживаться, делая беззаботный вид и посвистывая.

— Тюлька плывет,— послышалось с дерева.

Из-за поворота аллеи медленно вышла полная пожилая женщина — с плетеной кожаной сумкой, наполненной провизией. Старомодная шляпка на ее голове сбилась на сторону Женщина, ступала тяжело, с одышкой, ежеминутно перекладывая сумку из руки в руку, и часто останавливалась.

Она миновала дерево, на которое влез мальчик. Витя пренебрежительно поглядел на ее шляпку и сделал знак своему товарищу. Этот жест означал: не нужно, не стоит. Но сидящий на дереве не понял его.

Раздался резкий свист, и пожилая женщина, почувствовав рывок, схватилась обеими руками за голову. Ее шляпка мелькнула в воздухе и исчезла...

Витя, кусая губы, сдерживая смех, глядел, как женщина щупает свои черные с густой проседью волосы и оглядывается по сторонам, все еще не понимая, что произошло.

Внезапно он почувствовал на плече тяжелую руку. Его крепко держал неизвестно откуда взявшийся тот самый здоровенный младший лейтенант, мимо которого они проходили.

Из кустов, где было спрятано пальто мальчика, вышел второй милиционер и, задрав голову, крикнул:

— А ну слезай!

Витя остолбенел. Откуда они взялись? Что делать? Он принял решение. Скосив глаза на огромную руку, лежавшую на его плече, он вдруг упал на землю, крича:

— А-а! Не трогай меня, я больной! А-а!

Младший лейтенант схватил его за ворот, как нашкодившего щенка, и моментально поставил на ноги.

— Это ты брось,— беззлобно, но с гадливостью сказал он.— Над старушкой издеваться — это ты, пожалуй, еще можешь, от меня не вырвешься, будь спокоен.

Вокруг них быстро собралась толпа. Мальчик с портфелем подошел к младшему лейтенанту, исподлобья посмотрел на него и укоризненно произнес:

— За что вы его? Может, по ошибке?

— Воровал. У женщины шляпку с головы стащили удочкой.

— Удочкой?! Вот оно что! Вор...— Мальчик решительно повернулся к младшему лейтенанту.— Я знаю обоих. Из нашей школы. Тот Генька Чаплык, семиклассник, а этот — Витя Шулика из шестого класса «Б». Теперь понятно, за какой рыбкой они охотятся. Сегодня же соберем комитет. Мы вам полный список этих «рыболовов» представим. Их человек семь. Вы лишь скажите, куда принести.— Щеки мальчика побагровели от ярости и стыда.— Мы же

только вчера беседу проводили: о чести школы,— тяжело вздохнул он и еще раз с презрением посмотрел на поникших воришек.

У девушки лихорадочно блестели глаза и такими же лихорадочными были движения рук. Шрам, пересекающий ее лицо, побагровел.

— Успокойтесь, Люся, верьте, все будет хорошо,— сказал Котловский.

— Не нужно меня успокаивать, Семен Игнатьевич! — воскликнула девушка, взглянула ему в глаза и произнесла спокойнее: — Странное у меня сейчас чувство. Ведь вот я в милиции, в месте, которым меня пугали с детства: «Не будешь слушаться — отдадим в милицию». А я пришла сюда сама искать защиты...

— А мы как раз для этого и существуем,— просто сказал подполковник.— Но вы должны нам помочь.

— Что я могу? — с болью спросила Люся.

— Рассказать все, что знаете, ничего не скрывать.

— Я за этим и пришла. Сережа и не подозревает. Вы же его знаете. Я опять перескакиваю, Семен Игнатьевич. Ничего, я постараюсь рассказать по порядку. С чего же начать? Вите захотелось купить у мальчика самодельный приемник. А ему только что мать фотоаппарат купила. Может, он побоялся, что мать денег не даст... Пошел он как-то в парк. Сел на скамейку рядом с двумя студентками. Девочки болтали между собой. Рядом лежала книга, в ней — стипендия. Может быть, они говорили о том, как бы растянуть эту стипендию... Вите нужен был приемник, а он привык не отказывать себе... Я, наверное, болтаю лишнее, но это он втянул Сергея во всю эту гадость... Он взял книжку с деньгами. Девочки ничего плохого не могли подумать о нем... Толстый мальчик в приличном костюмчике... Витя свернул на другую аллею, и тут его схватил за локоть какой-то мужчина. Он перепугался. А мужчина так ласково спрашивает: «В милицию хочешь?» Витя в слезы: «Пустите, я больше не буду». А тот: «Ты дурак. Разве так воруют? В первый раз сошло, во второй обязательно

попадешься. А я тебя научу такие штуки проделывать, что будешь в масле кататься и никто не подкопается. Согласен?» Витя начал отказываться. Мужчина и говорит: «Тогда придется отвести тебя в милицию. Выбирай — в масле кататься или садиться за решетку». Вите нечего было делать. Он же трус! И начал действовать так, как велели. Потом и своего товарища подбил.

Он и о брате тому мужчине рассказал, о том, какой Сергей и что его хотели исключить из школы. Тот и велел познакомить его с Сергеем. Они даже подружились. Сергею нравилось, что тот умеет все выдумывать... Это Витя меня тогда в парке ранил. Не узнал со спины, хотел шляпку снять, а попал по лицу... Они стаскивали спиннингом шляпки и продавали их. Сергей этого не знал. Он думал: просто озорство. Романтика всякая... Потому что опасно. И азарт: попадешь крючком или нет, заметят тебя или не заметят, как будут реагировать. Он, когда сам стаскивал, то тут же отдавал, мол: «Тетя, у вас ветер унес шляпку, нате». Его благодарят, а он потом смеется: ловко.

А тот мужчина, видно, понял, что лучше иметь дело с Сергеем, а не с Витей. Вы же знаете, на Сережу можно положиться. И ребята в классе его уважают. Стал он через Сергея шайку «шляпколовов» организовывать. И организовал. Сергей слово ему дал, что никому ничего не скажет. А на днях вдруг узнал, что «шляпколовы» не озоруют, а воруют. Тогда он говорит тому мужчине: «Зачем вам эти «шляпколовы» нужны? Они ж воруют?..» — «Ах, воруют?! — ответил тот.— Ну, я им, мерзавцам, покажу. Мне воры не нужны. А ты никому ни слова не говори. Я с ними сам разделаюсь». Сергей говорит, что ни ворованного, ни денег мужчина ни с кого не брал. Он бы и сам вам рассказал, да не может — слово дал. А у него слово свято.

Девушка положила руки на стол и опустила на них голову.

— Знаете, Семен Игнатьевич, мне очень тяжело.

Сережа мне во всем доверял, все рассказывал. А я слова не сдержала. Теперь ведь ребят поймают. Скажите, их не посадят? Их буду перевоспитывать?

— Их уже поймали,— ответил Котловский.— А то, что вы рассказали, нам очень поможет. Так говорите, что мужчина ворованного не брал? И денег не брал?

— Нет, нет,— уверенно сказала девушка.— Разве бы тогда Сергей... Что вы?!

— А кто он такой? Где находится?

— Этого не знаю. Сергей, что хотел — рассказывал, сама я не спрашивала. Он не любит...

— Ну, спасибо вам, Люся.— Котловский крепко пожал маленькую ручку.— Будьте спокойны. И Сергей вам спасибо скажет. Вы ему — настоящий друг.

Он проводил ее по коридору и, прощаясь у дверей подъезда, повторил:

— Будьте спокойны, Люся.

Подполковник Котловский вызвал к себе Сергея.

Сергей неуверенно вошел в кабинет. Семен Игнатьевич заметил, что вид у него какой-то нездоровый: лицо побледнело, под глазами залегли синие тени.

— Зачем вы меня вызывали, Семен Игнатьевич? — с трудом произнес он.

— Присаживайся... А что, если тот мужчина, твой руководитель, бандит и убийца? — внезапно спросил Котловский.

Брови Сергея подпрыгнули, потом медленно опустились.

— Не может быть,— произнес он и совсем тихо добавил: — Что ж это такое?

— Может! — твердо сказал Семен Игнатьевич.— Больше того: я уверен. И ты должен рассказать все, что знаешь о нем. Ты ведь понимаешь: от этого зависит судьба и даже жизнь десятков таких, как ты, мальчик. Чем больше мы узнаем о нем, тем скорее поймаем его.

— Но я почти ничего о нем не знаю,— с отчаянием сказал Сергей.— Не знаю, где он живет, где его мож-

но найти. Мне нзвестно лншь его нмя н отчество: Илья Ильнч.

— Опиши его внешность. Ты знаешь, что такое особые прнметы?

— У него нет особых примет, Семен Игнатьевнч. Среднего роста, крепкий. Волосы каштановые. Лет ему — двадцать пять. Глаз не запомнил. Кажется, серые... или карие. Одет в корнчневый костюм, иногда в серый, а однажды пришел в темно-сннем.— Сергей замолчал.

— Где он назначал тебе свидання?

— Нигде. Он не назначал. Он подходил ко мне всегда внезапно. Раз встретнл меня у школы, раз — в парке, потом еще — у Люсиного дома...

Сергей морщил лоб, мучнтельно напрягал память, припоминая подробности. Он беспомощно смотрел на подполковника. Потом сбивчиво и горячо заговорил:

— Помогите мне, Семен Игнатьевнч. Только вы однн можете мне помочь... У меня в прошлом году был брюшной тиф. Лучше бы я умер тогда! Честное слово. Поверьте мне, хоть вы н не должны мне верить. Но если...— У него перехватило дыхание.— Если вы все-таки хотите помочь мне, поручите мне сделать что-то такое, чтобы поймать того... бандита, чтобы я рисковал жизнью. Чтобы это было очень трудно, невозможно. Я его поймаю! Не для оправдания... Нет, для оправдания, но не перед другими. Перед собой. Чтобы я мог жить.

— Хорошо. Ты получишь трудное заданне. Ты будешь остерегаться Ильи Ильича и по вечерам не выходить из дому. Будешь думать о своей жизни, будешь жить по-другому н вести себя в школе по-другому.

— Семен Игнатьевич, это совсем не то! Это же легко! — чуть не плача, срывающимся голосом крикнул Сергей.

— Нет, сейчас это как раз то, что нужно. Ты будешь дисциплиннрованным и послушным. И ты подумаешь о том, мальчик, почему бандит избрал для своих планов именно тебя.

В кабинете Котловского находились старшина Малюк и лейтенант Рябцев. В приемной тихо беседовали между собой Кротов и Костя Дереза. Несколько раз Семен Игнатьевич вызывал к себе Женю, так что она слышала почти весь разговор, происходящий в кабинете.

— Через три часа мы начнем операцию. «Объект» — бандит Игнатюк. Он обнаружен на Подоле.— Подполковник громко назвал улицу и номер дома.— Все ясно? Идите готовиться.

...Младший лейтенант Кротов и Семен Игнатьевич, одетые в штатское, сидели в той самой квартире, куда, по словам подполковника, должен был прийти бандит Игнатюк, и молчали. Между ними на столе, накрытом скатертью с бахромой, стоял будильник и отчетливо выстукивал секунды.

Дверь в небольшой темный коридор была слегка приоткрыта, сквозь нее с улицы доносились шаги. «Пак-пак, пак-пак» — чеканные шаги на асфальте, так ходят военные. А вот «шшарп-шшарп» — идет старик. Потом «гуп-ту-гуп, гуп-ту-гуп» — тяжелая поступь грузного мужчины...

В темном коридорчике притаились лейтенант Рябцев и старшина Малюк. Все внимательно прислушивались к шагам — не подойдет ли кто к двери? Вот Кротову почудилось, что стук каблуков стал громче; он невольно приподнялся со стула, чувствуя, как наливаются мускулы, натягиваются стальными струнами нервы. Глядя на его напряженное лицо, не может сдержать нервной дрожи ожидания и подполковник Котловский. Как будто все рассчитано правильно.

План Семена Игнатьевича предельно прост: состоявшийся разговор слышали те же люди, что и тогда, когда речь шла о поимке братьев Чирик. Тот из них, кто захочет на этот раз предупредить бандита, попадет в ловушку.

Будильник стучит громко и размеренно. Ему некуда торопиться: время должно идти своим чередом. Но вот в стук будильника вливаются почти созвучные

с ним и все же посторонние звуки. Это стучат каблуки. Стучат мелко, дробно. Идет парень или девушка. Кто-то останавливается у дверей. Несколько секунд тишины, и, наконец, раздается резкий звонок. Кротов впивается ногтями в ладони, открывает дверь в коридор и спрашивает спокойным голосом:

— Кто там?

Тишина.

— Кто там? — еще раз спрашивает он.

— Какая это квартира? — раздается за дверью ломкий мальчишеский голос.

— Вторая,— отвечает Кротов, подавшись вперед.

— А где седьмая?

— Пройдите во двор и направо. Третий подъезд.

Шаги удаляются. Семен Игнатьевич смотрит в окно. Тот, кто спрашивал седьмую квартиру, должен пройти мимо.

— Товарищ подполковник,— шепчет вдруг младший лейтенант, бросаясь к двери.— Он почему-то не свернул во двор. Он пошел обратно, и как пошел — быстро.

Подполковник тоже бросился к двери и, приоткрыв ее, взглянул на улицу. Парень в форменном коротком пальто, с почтовой сумкой на боку, из которой виднелись газеты, сворачивал за угол.

— Кротов, за мной! Остальным оставаться на месте! — скомандовал Семен Игнатьевич. «Почему он не пошел во двор? Почему спросил, а не пошел?» Он решил догнать парня и заговорить с ним. Но когда Котловский и Кротов вынырнули из-за угла, форма почтового работника мелькала уже на расстоянии сотни шагов, около трамвайной остановки.

«Значит, он ускорил шаги, почти бежал»,— определил Семен Игнатьевич.

Младший лейтенант побежал к остановке, но парень уже сел в трамвай. Вагон тронулся.

Котловский оглянулся по сторонам: такси! Он махнул рукой Кротову, показывая на стоящую у тротуара легковую машину, и побежал к ней. Они прыгнули в машину, показав удостоверения и бросив шоферу:

— За трамваем!

Трамвай они догнали на следующей остановке, однако парня с почтовой сумкой в нем уже не было.

Послышался тревожный свисток регулировщика. Кротов выскочил из трамвая и побежал к нему.

— Почтальона не видел?

— Он спрыгнул на ходу и сел во встречный трамвай. Потому я и свисток дал.

Младший лейтенант бросился к автомобилю.

— Там! — показал он на удаляющийся в обратную сторону трамвай.

Машина развернулась и рванулась в погоню. И как раз вовремя. Семен Игнатьевич и Кротов успели заметить, как черная фигурка соскочила с подножки и скрылась в подъезде одного из домов. Через одну-две минуты они вбежали в тот же подъезд. Сверху по лестнице спускался старичок. Спросили, не встречал ли он почтальона.

— Он зашел то ли в четырнадцатую, то ли в пятнадцатую квартиру,— ответил старичок и начал словоохотливо объяснять: — Это на третьем этаже четырнадцатая квартира — прямо, пятнадцатая — направо. А я задумался, потому и запамятовал...

Котловский и младший лейтенант уже не слушали его объяснений. Они устремились наверх, перепрыгивая через две ступеньки.

— Вы — в четырнадцатую, я — в пятнадцатую,— сказал подполковник, нажимая кнопку звонка.

Ему тотчас открыли. Из дверей в коридор высунулись головы любопытных соседей. Семен Игнатьевич осведомился, не заходил ли сюда паренек с сумкой почтальона, получил отрицательный ответ и, убедившись в его достоверности, поспешил к Кротову. Младший лейтенант все еще стоял перед закрытой четырнадцатой квартирой, нажимая по очереди кнопки всех звонков. Увидев подполковника, он ударил в дверь носком сапога. Наконец в квартире послышалось шарканье комнатных туфель, и старушечий голос спросил:

— Вы к кому?

— Откройте, пожалуйста,— попросил Кротов, стараясь сделать свой голос тише и нежнее.

— А к кому вы?

Семеи Игнатьевич прочитал иа одном из звонков фамнлню «Сурма» н назвал ее. Дверь отворилась. На пороге стояла ветхая старушка с иакннутой на плечи такой же ветхой шалью.

— Их нету дома. Может быть, хотите что-то передать?

— А у Копеечиых кто-ннбудь есть? — спросил Семен Игнатьевич, прочнтав фамнлню иад вторым звонком.

— Постучнте к ннм в дверь. Направо вторая будет,— раздраженно проворчала старуха. Виднмо, к этим соседям оиа не была расположена.

Семен Игнатьевич иачал стучаться к Копеечиым. На стук открылась соседняя дверь, н оттуда высунулась голова Костн Дерезы.

— Товарнщ подполковник, как вы сюда попалн? — удивнлся он.

— Здравствуй, Костя. А ты что здесь делаешь? — спросил Кротов.

— Я здесь живу. У тетки. Зайдите к иам.

— Ты не слышал, инкто не входнл к вам в квартиру за последине пятиадцать мииут?

Парнишка пожал плечами.

— Нет. Но это легко проверить. У Сурмы ннкого нет. Ои н жена с утра иа работе. Он — в райкоме партнн, она — в газоуправленин. У Копеечных сын пршшел нз школы, ио ои, иаверное, во дворе. А вы на лестиице хорошо смотрелн, когда подымались?

— На лестннце его ие было. Да и старичок сказал, что ои вошел в четырнадцатую или пятиадцатую квартнру.

— Тогда другое дело...— протянул Костя.— Но, может быть, он только звонил, а старнку показалось, что вошел? Увндел, что кто-то спускается, позвонил, а потом броснлся наверх, когда старнк прошел. Там еще три квартиры и чердак.

— Пошли,— сказал Котловскнй.

Онн расспросилн жильцов нз верхинх трех квартнр н убедилнсь, что туда последние полчаса вообще ннкто ие проходнл. Оставался чердак.

Костя приием кармаииый фоиарик. Кротов открыл тяжелую дверь. Луч фонарика заплясал по какому-то хламу, по балкам металлических перекрытий. Вдруг что-то чериое, задетое лучом, метиулось в стороиу. Семен Игиатьевич ие успел опомииться. Костя самоотвержеиио рииулся вперед. Раздались мяукаиье и резкий противиый скрежет.

— Черт! — с досадой крикиул Костя.— Руку оцарапал, проклятый.

— Чего ты чертей помииаешь, комсомолец? — ироиически спросил Кротов, убедившись, что паиику вызвала всего-иавсего кошка, и смеясь над приключением.

— Кота так зовут — Черт,— пояснил париишка.

— Ну и смелый же ты! — с восхищеиием оглядел его младший лейтенаит.— А если бы и вправду там баидит?

— А вы разве ие рискуете? — простодушио ответил Костя.

Оии виимательио обследовали чердак.

— Товарищ подполковник! Идите сюда! — позвал паренек и показал Семену Игнатьевичу иа крючок люка. Ои был выбит из гиезда. Котловский рассмотрел крючок. Ои заржавел,— видио, его до этого давио не открывали.

Младший лейтеиаит приподиял крышку люка и вылез на крышу. Она примыкала вплотиую к соседнему дому.

— Мог уйти по крыше.— Ои устало посмотрел иа подполковиика.— Прозевали.

Кротов захлопиул люк и вбил крючок иа прежиее место. Опять раздался тот же противиый скрежет ржавого железа, и по крыше словио что-то зашуршало. Младший лейтенант мгиовеиио приподнял крышку люка и выглянул. Черный кот, подияв хвост трубой, важио шагал по жести.

Оии попрощались с Костей и спустились иа улицу.

— Славиый париишка,— сказал младший лейтенаит, думая о юноше.

Семеи Игиатьевич ие ответил ему. Ои думал сейчас совсем о другом: почему пареиь, услышав голос

Кротова, убежал? Чем поразил его этот голос? Ои звучал без особого иапряжеиия, хоть это далось Иваиу Игоревичу с трудом. Через закрытую дверь ои иичего ие мог увидеть. Исключая иевозможное, оставалось предполагать, что голос был ему зиаком и очеиь хорошо зиаком, если ои после иескольких слов узнал его. Вспомииая его вопросы: «Какая это квартира? А где седьмая?»,— подполковиик утвердился в своем миеиии: ои спрашивал, чтобы еще раз услышать голос.

Темиота была вязкая, как кисель, и такая же сырая. В решетке дождя мелькали лица редких прохожих.

Лейтеиаит Рябцев, иеотступио следовавший за Сергеем, пройдя театр музыкальиой комедии, упустил его из виду. Ему показалось, что мальчик свериул к стадиоиу. Это было нелепо, ио мало ли что может прийти в голову подростку, когда в его жизии случилась такая история. Лейтеиант иабавил шагу и увидел перед собой две фигуры. Одиа из иих принадлежала высокому, широкоплечему мужчиие, другая — подростку.

Рябцев шагиул вперед, отведя предохраиитель пистолета и иажав киопку кармаииого фоиарика. Ои увидел незиакомые перепугаииые лица и, забыв извиииться, спросил:

— Не видели мальчика в спортивном костюме?

— Не... ие видели,— запииаясь, ответил подросток.

— Не встречали,— подтвердил мужчииа.

Лейтеиаит обежал всю площадь перед стадиоиом и, повериув опять иа Красиоармейскую, устремился к дому, где жил Сергей.

...Сергей шел медлеиио, заложив руки в карманы спортивиых шаровар. С его иепокрытых волос десятками тоиеиьких струек стекала вода. На бровях и иа ресиицах сидели рядышком блестящие круглые крупиики, и сквозь иих тусклый свет электрических фоиарей казался даже красивым. Под иогами изредка хлюпали лужицы, и всю дорогу жалобио всхлипывали ботиики.

Сергей не торопился. Для чего? Чтобы увидеть дома привычную картину — нахмуренные лица родителей, их косые взгляды? Их молчание тяжелее самых обидных слов, оно всегда выражает одно и то же: ты, хулиган, пропащий совершеннолетний преступник, завлек Витеньку, опутал его, а потом, чтобы спастись, выдал. И конечно, самым тяжелым было то, что он сам не мог себе ничего простить.

Домой идти надо было все равно. Сергей свернул в свой двор. У ворот горела лампочка, но в двух шагах дальше уже было темно. Сергей не спеша шел по двору, и вдруг сердце его встрепенулось и замерло. Прямо перед собой, у стены, он увидел знакомую фигуру и услышал сдавленный шепот:

— Ну, здравствуй, помощничек...

Да, это был Илья Ильич. Он тихо засмеялся, и у Сергея внезапно прошел страх. Он понял: бандит боится его. Ведь он, Сергей, на своей улице, на своей земле, и стоит ему крикнуть, как все люди придут на помощь. А на что надеяться бандиту?

Сергей высвободил из кармана руку с зажатым в ней ключом. Илья Ильич заметил это движение и резко схватил его за плечи.

— На помощь! — закричал Сергей и начал отчаянно колотить бандита ключом по голове, по плечу, по зубам. Илья Ильич вдруг рванулся в сторону, и в тот же миг Сергей почувствовал острую боль в вывернутой руке. Он попробовал сопротивляться, но бандит ударил его кулаком в переносицу...

Иван Кротов, дежуривший у дома, где жил Сергей, укрылся от моросящего дождя под своды ворот. Полой шинели он стряхнул с рукавов и плеч капли, распрямился, и тут на него едва не налетел подполковник Котловский.

— Не проходил еще? — спросил он.

— Нет, товарищ подполковник.

Котловский в сопровождении Кротова зашагал по двору и свернул в парадное, где находилась квартира Шулики.

— Я задержусь ненадолго,— сказал Семен Игнатьевич, как вдруг во дворе раздался крик:

«На помощь!»

Младший лейтенант побежал на крик. Подполковник последовал за ним, расстегивая кобуру пистолета. Недалеко от сводчатых каменных ворот он увидел Илью Ильича и лежащего на земле Сергея.

— Стой! — приказал Семен Игнатьевич.

Бандит хотел было юркнуть в ворота, но путь ему неожиданно преградил лейтенант Рябцев.

КОСТЯ ДЕРЕЗА

Илья Ильич смело смотрел то на подполковника Котловского, то на Кротова. На его лице не было и тени беспокойства. Взгляд его нагло говорил: «Меня поймали, но я еще не поймался».

Котловский негромко спросил:

— Фамилия, имя, отчество?

— Чирик Семен Ильич... Кличка Сенька Плюгавый.

Подполковника несколько удивила такая откровенность, но он сразу же решил, что, видимо, бандиту пока выгодно не изворачиваться, не лгать.

— Профессия?

— До недавнего времени вор,— бойко ответил Плюгавый.

Семен Игнатьевич невольно усмехнулся: интересно, до каких пор он будет правдив?

— Вы говорите: до недавнего времени... А сейчас?

— Готовился им быть опять, гражданин начальник,— цинично заявил Плюгавый.

— Объясните подробнее.

— Создавал, так сказать, условия, плацдарм.

— Точнее,— потребовал подполковник,— и без фиглярства.

— Хорошо. Я скажу. Но учтите, гражданин начальник, я сам признаюсь...

Лицо Котловского осталось безразличным. «Ты расскажешь то, что мы и без тебя знаем,— подумал он.— Всего ты все равно не выдашь, пока не убедишься, что лгать или молчать бесполезно».

— В Киеве братья Чирики не совершили ни одного противозаконного дела, гражданин начальник...

«Уже начал лгать,— подумал Котловский.— А убийство старшины Мыкытенко?»

— Мы и дальше не собирались марать свои руки. Как раз наоборот. Мы хотели ввести все в норму, в рамки. Всю здешнюю шпану объединить. Конечно, и нам выгода немалая: без этого ж нельзя, вы понимаете... А что делать? В Донецке нашу шпану застукали... В одиночку какая работа? На хлеб и квас... Вот мы и решили... Да чего говорить теперь? Все пропало. Мы ведь еще ничего не успели сделать. Но вы не забудете, что я сам раскололся, все наши планы раскрыл?

— Значит, решили поставить дело на широкую ногу? Начать с несовершеннолетних? — не обращая внимания на последние слова Плюгавого, спросил Котловский.

Он думал: «Видно, больше никого ты не мог найти. Не было готовой стаи. Вот и решили создать ее. Искали среди воришек, среди хулиганов, а они не подчинились тебе. И нашел ты Витю Шулику, шляпколовов, Сергея. Но и Сергей ушел от вас, еще даже не поняв, а только почувствовав, кто вы такие. Не за кого тебе уцепиться, бандит, нет для тебя среды. И это хорошо...».

— Каких несовершеннолетних, что вы? — Плюгавый изобразил возмущение.

— А шляпколовы? Для чего они нужны были?

— Шляпколовы...— Плюгавый неопределенно пожал плечами.— Это же безобидное озорство, ребячьи шутки.

— Они занимались воровством! — не выдержав, повысил голос Котловский.— И вы это знали!

— Я денег с них не брал...— обиженно произнес Плюгавый и, сообразив, что сказал лишнее, добавил: — Это их дело.

— Адреса тех, с кем вы связаны! — строго спросил Котловский.

— Я же вам сказал: мы ничего не успели сделать...

Видя, что больше от Плюгавого ничего не добьешься, Котловский нанес ему решительный удар.

— А убить старшину милиции успели?!

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — У Плюгавого нервно задвигался кадык. Он глотал слюну.— У вас что, недовыполнение плана по смертным приговорам? Меня на этот крючок не поймаете, гражданин начальник.

Котловский взял из папки окровавленную записку, найденную рядом с телом старшины Мыкытенко, и показал ее побледневшему Плюгавому.

— Узнаете?

Плюгавый взглянул на записку и, откинувшись на спинку стула, как-то сразу обмяк.

— Идиот! — пробормотал он и замолчал.

— Что же вы молчите? — после небольшой паузы спросил Котловский.

— Это все брат. Я ему говорил: не надо. Вы должны мне верить,— неожиданно быстро заговорил Плюгавый.— Виноват Потраш и...

Он вдруг замолк. Его глаза округлились от страха. Семен Игнатьевич быстро посмотрел в направлении его взгляда и заметил, что дверь кабинета приоткрыта.

— Что там такое? — произнес Котловский.

За дверью стояла Женя, а из-за ее плеча высовывалась вихрастая голова Кости Дерезы.

— Вот Костя хочет вас видеть,— сказала девушка.— Я говорю ему: вы заняты, а он говорит, срочно.

— Что случилось, Костя? — спросил подполковник.

— Мы хулиганов задержали. У кинотеатра «Ударник» дебош устроили.

— Вы молодцы. Но сейчас я занят, извини.

Котловский перевел взгляд на Плюгавого.

— Продолжайте.

— Этой записки я никогда не видел!..— тихо выдавил Плюгавый.

— Вы сказали: «Виноват Потраш и...» — напомнил ему Котловский.— Продолжайте.

— Я хотел сказать... если он писал записку, то виноват он. А я не убивал...

Семен Игнатьевич нажал кнопку звонка. Конвойный увел Плюгавого.

— Почему вы прервали допрос? — спросил Кротов.

— Он почему-то переменил решение,— задумавшись, медленно ответил Семен Игнатьевич.— Сначала решил сказать часть правды, но потом ему что-то помешало. Что же? В кабинете ничего не произошло. Только Женя открыла дверь. Значит, причиной была эта дверь,— вернее, то, что за ней находилось.

Котловский ходил по кабинету. Он думал вслух:

— Почему замолчал подследственный? А он замолчал, думаю, потому...— Семену Игнатьевичу вспомнились неприметные детали: черное чердачное отверстие и бросившаяся в него фигура юноши. Потом скрежет ржавого железа, выбитый крючок люка... И теперь — лицо в дверях. Подследственный замолчал потому, что увидел Костю. Совершенно верно...— Я начинаю подозревать, что Костя каким-то образом замешан в этих делах.

— Все его документы в полном порядке. Такой парень...— заметил Кротов.

— В том-то и дело, что все у него в порядке. Поэтому и не вызывал подозрений. А присмотреться к нему давно стоило, теперь все ясно. Если взять хотя бы такой случай: Костя и Мыкытенко заметили, что вор снял у женщины часы, и пустились вдогонку. Костя настиг вора первым и упустил. Ведь и в других случаях он лишь мешал. Его заслуги — задержание нескольких мелких хулиганов. И самое главное: мы преследовали парня, почтальона. Он забежал в тот дом, где живет Костя. Я думаю: не случайно забежал. Костя ему помог скрыться. Поэтому на чердаке так смело на кота бросился и в то же время незаметно крючок выбил, чтобы мы подумали, будто парень ушел этим ходом, и сбились со следа. Одурачил он нас тогда, надо честно признаться. Меня насто-

рожил скрежет ржавого железа. Мелькнула смутная догадка. Но Костя был вне подозрений.

— Если это так, то во всем виноват я! — воскликнул Кротов.— Я рекомендовал его к нам в дружину.

— Подождите обвинять себя.— Котловский подошел к телефону, снял трубку: — Вызовите Херсон, городское управление милиции.

Через несколько минут начальник управления милиции Херсона был на проводе.

— Не можете ли вы охарактеризовать бывшего члена народной дружины Костю Дерезу? — спросил подполковник.— Узнайте, пожалуйста, и позвоните мне. Буду ждать вашего звонка.

Он снова заходил по кабинету. Потом сел рядом с Кротовым, закурил. Прошло минут десять. Раздался длинный звонок. Подполковник схватил трубку.

— Слушаю. Подполковник Котловский,— сказал он и минуту спустя бросил трубку на рычаг.— Из Херсона сообщили, что Константин Дереза в народной дружине не состоял и вообще в городе не был прописан.

— Не может быть! — застонал Кротов.— Я же сам видел его документы, грамоту за борьбу с хулиганством...

— Нельзя тратить времени! — перебил его подполковник и надел плащ.

Котловский, Рябцев и Кротов выскочили из машины и бросились в подъезд четырехэтажного дома. На третьем этаже у квартиры номер четырнадцать они остановились. Кротов нажал кнопку звонка. Дверь открыла низенькая полная женщина. Увидев людей в милицейской форме, она тихо ахнула.

— Ваш племянник Костя где? — спросил Семен Игнатьевич.

— Не знаю, ничего не знаю,— испуганно пролепетала она.

— Осмотреть квартиру! — приказал подполковник.

— Они спешили как сумасшедшие, собрали чемоданы и куда-то уехали. Мне они ничего не сказали...

Я ничего не понимаю...— на ходу сбивчиво заговорила женщина.

— Кто был с Костей?

— Мужчина, черный и высокий...

— Вы его раньше видели. Как его зовут?

— Он пришел вчера. Ночевал. Костя сказал, что это его знакомый из Донецка... Как зовут — не сказал...

Они тщательно осмотрели комнату. Кротов вытащил из-под кровати почтовую сумку и показал Котловскому.

— Все ясно! — Семен Игнатьевич кивнул головой.— На вокзал. Быстро!

На вокзале они распределили свои силы. Лейтенант Рябцев и несколько человек из железнодорожной милиции направились обследовать поезд, который должен был отправиться в ближайшее время. Семен Игнатьевич, Кротов и оперативный уполномоченный из отдела милиции при вокзале устремились ко второму, московскому. Они начали проверку двумя группами, одновременно с обоих концов поезда.

В одном из средних вагонов Семен Игнатьевич и Кротов увидели парня с пухлыми губами, сосредоточенно смотревшего в окно.

— Чего же ты не подождал в приемной, Костя? — сдержанно сказал Семен Игнатьевич, шагнув к нему.

Парень продолжал смотреть в окно, делая вид, будто не замечает, что вопрос обращен к нему.

Кротов тронул его за плечо.

— Приехали, Лапатый! Остановка!

У окошка кассы кинотеатра собралась очередь. Люди терпеливо ждали, когда начнут продавать билеты. Окошко открылось, к нему, отталкивая передних в очереди, бросилась куча ребят. Старшему из них было лет семнадцать, младшему — четырнадцать. В очереди закричали: «Безобразие! Хулиганы! Привести их к порядку!»

В вестибюль вошел юноша с девушкой в осеннем темно-синем пальто. Его черные глаза-угольки, увидев хулиганов, зажглись, лицо нахмурилось.

— Сережа, не надо,— попыталась его удержать девушка.

Но он уже не слышал ее, выбрал атамана ватаги и подошел к нему:

— А ну, сдай назад, спекулянт! Билеты перепродаешь? В милицию захотел? — крикнул Сергей, проталкивая плечо между пареньком и его приятелями.

— А ты кто такой, чтоб командовать? — угрожающе спросил паренек.

— Просто школьник,— сдержанно сказал Сергей.— Но хулиганить не дам.

— Ах ты, гад! — выругался атаман ватаги.— Ну держись!

Он занес кулак, но тут же взвыл от боли. Сергей вывернул ему кисть. Несколько мужчин из очереди подошли к Сергею и молча стали рядом с ним.

— Наших бьют! — закричал атаман, для устрашения вращая округлившимися от испуга глазами.

Один из его дружков хотел было броситься на выручку, но второй остановил его:

— Он, наверное, из дружины. Лучше не связываться.

— Черт! — проворчал подросток и остановился.

Ватага незаметно рассеялась. Главаря, оставшегося в одиночестве, Сергей сдал подоспевшему милиционеру.

— Здорово, Шулика! — сказал тот.— Доложу начальству. Это уже третий на твоем счету.

Сергей вернулся к девушке.

— Пойдем, Люся. Очередь большая, все равно билетов не достанется.

В очереди зашумели:

— Молодец парнишка! Дать ему два билета!

— Спасибо,— ответил Сергей.— Только уж если соблюдать очередь, то для меня не должно быть исключения.

Он раскрыл дверь перед девушкой. Они вышли на улицу. Падал снег хлопьями — фиолетовыми, красными, белыми, сверкающими в электрических огнях фонарей, окон, реклам.

Они дошли до площади Льва Толстого, и тут их

оклнкнул сутуловатый человек в форме подполковника мнлнцин.

— Ну, как жнвешь, Сережа, как твон успехи? — спроснл Котловский.

— С него сегодня выговор сняли, хотят даже в учком избрать, если не испортится,— сказала девушка, глядя на подполковника из-за плеча юношн.

— А вы не к нам случайно направились? — спросил Сергей.

— Нет, не к вам. Мне — на Жилянскую. Дела.

Подполковник сказал это небрежно, стараясь не выдать своих чувств. Ведь этот юноша был дорог ему не только тем, что напоминал сына...

Сергей подошел к подполковннку совсем близко и, чтобы не слышала Люся, сказал:

— Семен Игнатьевич, заходите к нам почаще. Вы нам все равно как родной...

Котловский молча кивнул головой — мол, постараюсь, мальчик,— и быстро пошел своей дорогой.

А. АДАМОВ

ЛИЧНЫЙ ДОСМОТР

Печатается с сокращениями

СУТКИ В ГОСТИНИЦЕ «БУГ»

О чем только не передумал Андрей Шмелев за этн шестнадцать часов, пока экспресс «Москва — Берлнн» домчал его к месту первой работы, в погранНчный город Брест! О чем он только не передумал!

Еще в Москве, как только он попал в купе, Андрей, забросНв наверх свой чемодаичнк, растянулся на верхней полке. Только бы Семен не дергал его, не обращался с дурацкнмн вопросами.

И Семен не дергал, нет, он, казалось, тоже был доволен, что Андрей не наблюдает за ннм н ие делает свонх обычных насмешлнвых замечанНй. Семен бережно положил на полку два большнх чемодана, саквояж и туго набнтую сумку, потом аккуратно повеснл в нзголовье пнджак н, усевшнсь у окна, закурнл, поглядывая с чувством облегчення и даже некоторого превосходства на суетящнхся по перрону людей.

Андрей же молча лежал на верхней полке, положнв голову на серую, еще без наволочкн подушку н упнраясь ногами в протнвоположную стенку купе — полка была ему явно не по росту. Лежал н думал.

Жгутнн... Что он за человек, этот Жгутнн, будущнй его начальннк? И еще — Фнлнн, его заместнтель. Какне онн, как будет работаться с ннмн? Жгутнн н Фнлнн... Фнлин н Жгутнн... Ннчего о ннх не знает Андрей. Жгутнн, фамнлня-то какая. Жгут... Ох, скрутнт он Андрея! Крутой, наверно, человек, грубый, властный. Тьфу! Глупостн какне лезут в голову. Разве можно по фамнлнн догадаться, каков человек? Тогда Фнлнн какой? Ночиая птица, злая, в темноте охотнтся, тайком...

Андрей улыбиулся. Он знал за собой эту черту. Вот зацепнтся за какую-ннбудь деталь, ничтожный

штришок в человеке, и пойдет фантазировать, и уже всего человека представит себе, весь его характер, и даже относиться начинает к нему соответственно. И вдруг оказывается, что все не так, что человек-то совсем не такой, каким Андрей его вообразил.

Вот Семен, кажется, уже кое-что знает о Жгутине и Филине, какие-то сведения собрал. Как хитро он ему сказал по дороге на вокзал, в такси: «А ключики к нашим будущим начальникам подобрать, кажется, можно. Тоже люди и человеки». Хитер Семен и этой своей хитростью и еще чем-то неприятен Андрею. Все пять лет был неприятен, пока учились в институте. И надо же было так случиться, что направление на работу получили в одно место все трое: он, Семен и Люся.

У него с Люсей это произошло совсем неожиданно, одним махом разрушив все их мечты и планы. Андрею до сих пор тяжело думать обо всем этом. А не думать он не может, как ни гонит от себя эти мысли. Впрочем, все было бы еще не так тяжело, если бы не Люся...

Да, это произошло слишком неожиданно. А человеку всегда требуется время, чтобы свыкнуться с предстоящим поворотом в его судьбе. Одному нужно времени больше, другому — меньше. Люсе надо больше.

Все годы они с Люсей были отличниками, в институте им пророчили самую блестящую будущность, больше того — уже имелось даже решение послать их на работу за границу. А если говорить честно, то что может быть интереснее такой работы?

И вдруг все перевернулось.

Конечно, все знают, что за последние годы неизмеримо расширились наши международные связи, что огромное число людей с Запада — друзей и врагов — пересекает сейчас нашу границу, едут к нам и уезжают от нас. А сколько наших людей стало выезжать за рубеж! Очень возрос и объем внешнеторговых операций. Поэтому возросла и роль таможни. Она стала острым и чутким инструментом нашей политики, важным звеном в торговле с другими стра-

нами. Все это понятно. Представитель Главного таможенного управления мог даже не тратить на это столько слов. И конечно же, теперь в таможне особенно нужны кадры молодых, образованных специалистов, знающих иностранные языки.

Андрей все понял и согласился. Что поделаешь? Надо! А раз так, то у него, коммуниста, другого решения быть не может. Это Андрей усвоил давно. Ставить интересы партии выше личных учил его отец и так сам поступал всю жизнь. Андрей видел это собственными глазами и гордился отцом. Мать иногда пыталась возражать, но отец гладил ее по седым волосам — Андрей почему-то помнил мать только седой — и тихо говорил: «Надо, Шура. Партия приказывает». И оттого, что эти слова произносились не с трибуны и без обычного пафоса, а строго и буднично, с глазу на глаз, маленький пионер Андрей чувствовал, как от волнения спазм сжимал ему горло, он молча глотал слезы и в этот миг готов был идти за отцом куда угодно и делать все, все самое трудное и опасное.

И вот сейчас партия тоже приказала. Это был ее первый, действительно серьезный приказ ему, Андрею. И Андрей подчинился. Ведь он уже давно знал, что «надо» куда важнее, чем «хочу». Он только не знал, что это бывает так трудно.

А вот Люся... Она ничего не хотела знать. Она только требовала, чтобы Андрей не соглашался. И как требовала! Андрей никогда не видел ее такой.

Но он согласился. И вот вместо работы за границей они с Люсей получили назначение в Брест, в таможню...

Давно уже тронулся поезд, давно уже промелькнули пригороды Москвы, дачные поселки. Уже сквозь ватные клочья паровозного дыма были видны лишь бесконечные заснеженные поля до самого горизонта, где они незаметно сливались с серым, унылым небом. Над обледенелыми нитями телеграфных проводов парили, тоскливо горланя, большие черные вороны.

Андрей все лежал, все курил и думал.

Да, Люся изменилась. И ведь вот что странно: не первый же год знает ее Андрей, и все эти годы они жили дружно и были счастливы. Люся гордилась им, когда он на третьем курсе стал отличником, секретарем факультетского бюро, потом внештатным инструктором райкома. И она в эти годы шла вровень с ним: руководила факультетской самодеятельностью, была избрана членом бюро комсомола. И за все эти годы — ни одной серьезной размолвки. Но за эти же годы — ни одного серьезного испытания, ни одной крупной неудачи.

И вот оно случилось, такое испытание, а может быть, и неудача.

Неудача? Это считает Люся. Она рассуждает так: «Почему именно мы? Разве нет других? Ведь нам же обещали. Это неуважение к людям. Мало ли что кому-то надо!»

Андрей возражал терпеливо, даже как-то виновато. Что значит «именно мы»? Так может рассуждать каждый. Нам обещали? Но всем уже что-то обещали. «Надо когда-нибудь подумать не только о себе, но и обо мне!» — кричала ему Люся. Будто он, Андрей, раньше думал только о себе. Просто они с Люсей раньше думали одинаково. А теперь... Да, Люся очень изменилась. С нарастающей тревогой замечал это Андрей в последнее время, замечал, может быть, по едва уловимым черточкам. Холодно, ох, как холодно становилось Андрею дома! Даже Вовка не согревал, ласковый и веселый его мальчуган.

Все у Андрея как-то вдруг пошло кувырком, все планы, все мечты. И вот они едут с Семеном в Брест. Потом Андрей получит комнату и приедут Люся с Вовкой. Андрей даже не знает, радует его это или нет. То есть Вовка-то, конечно, радует, а вот Люся...

Незаметно наступила ночь.

Рано утром поезд подошел к развороченному строителями, огороженному дощатыми заборами перрону брестского вокзала. На маленькой привокзальной площади — стоянка такси. Когда они назва-

ли гостиницу, шофер усмехнулся. Минута — и, проехав два моста над железнодорожными путями, машина затормозила у подъезда.

Города в сумерках наступающего зимнего утра они не увидели.

И вот уже Андрей в своем номере, оглядывает скромную его обстановку.

— Вам повезло, что зима сейчас,— улыбнулась полная женщина-администратор, выписывая квитанцию.— А летом у нас и койки не получишь.

Отдельный номер. Где-то за стеной остался Семен Буланый. Ну и слава богу, что остался! Распаковывает, наверное, свои чемоданы, баулы и, конечно, сопит.

Андрей подошел к окну. Заснеженный двор. Молодая женщина выносит ведро на помойку. Она бежит через двор в легком платье, которое ветер облепил по ее фигуре; обнаженные красные руки. Андрей отвел взгляд и, безотчетно вздохнув, взял сиротливо стоявший посреди комнаты чемодан, положил на стул, раскрыл и начал перекладывать на полки шкафа немудреное свое имущество.

Тишина. Он один. Все-таки это здорово, что он один! И только Андрей подумал это, как раздался стук в дверь.

— Шмелев! На выход!

Андрей неохотно открыл дверь. Семен переступил порог и, оглядевшись, сказал:

— По идее нам следует принять пищу,— он слегка щелкнул по стеклу наручных часов.— Только девять ноль-ноль. А начальству надо представляться сытым. Чтобы не было блеска в глазах. Итак, столик на двоих. Как?

— Можно,— коротко согласился Андрей.

Он сдернул со спинки стула пиджак, на ходу пригладил волосы рукой.

Вышли в длинный пустой коридор. По обеим сторонам — двери, двери, двери...

На фоне светлого пятна впереди — там была широкая площадка с окном и лестница вниз — четко выделялись фигуры двух идущих парней. Андрей —

высокий, широкий в плечах, неуклюжий, а рядом легкий, стройный Семен. И лица у них тоже были совсем разные. Широкое, румяное, с крупными, неправильными чертами у Андрея; светлые короткие волосы, курчавые на висках. У Семена черные волосы гладко зачесаны назад, мраморный лоб, тонкие черты лица. Выразительные карие глаза его смотрят дерзко и чуть иронично.

Они спустились по широкой лестнице, устланной старенькой ковровой дорожкой, и прошли через узкую дверь в ресторан. Посетителей в этот час было мало. Светло, просторно. Белые скатерти, вазочки с бумажными салфетками, тарелки с хлебом.

Андрей и Семен расположились за ближайшим столиком, и в тот же миг, не сговариваясь, оба устремили взгляд на сидевшую невдалеке женщину.

Она была очень хороша. Живые, энергичные черты лица, освещенные сейчас лишь задумчивой полуулыбкой, белокурые вьющиеся волосы крупным пучком собраны на затылке, длинная, тонкая шея. В белой пене кружев обрисовывается высокая грудь. Изящные ножки, обутые в дорогие туфли на «гвоздиках», небрежно закинуты одна на другую, толстая ворсистая юбка еле прикрывает колени.

Женщина сидела свободно, откинувшись на спинку стула, небрежно перебирая рукой бумажную салфетку, и мысли ее, казалось, бродили далеко-далеко от этого ресторана, этого города.

Долгую минуту молодые люди не могли отвести глаз от своей неожиданной соседки. Потом молча переглянулись.

— М-да...— восхищенно произнес, наконец, Семен.— Кто бы мог подумать! Открытие.

Андрея тоже поразила красота женщины, красота какая-то особенная, будоражащая, всем открытая, умело поданная, даже, может быть, чуть навязчиво и зазывно, но это только «чуть», это нисколько не отталкивало.

Он вдруг представил себя с этой женщиной в театре, гуляющим по фойе, представил взгляды мужчин и женщин... Потом они едут в такси домой, он

ее провожает, чувствует плечом тепло ее плеча... Андрей нахмурился. Что за дурацкая фантазия!

— Как думаешь, можно познакомиться? — нетерпеливым тоном спросил Семен.— В наше время личные контакты...

— Ладно тебе,— буркнул в ответ Андрей и, вдруг представив себя со стороны вот таким угрюмым и смущенным, добавил с усмешкой: — Которые холостые, тем все можно.

Семен обрадованно потер руки и, привстав, сказал:

— Порядочек. Заказ сделаешь сам, а я удаляюсь в творческую командировку.

— Между прочим, все-таки неудобно.

— Неудобно левой рукой чесать правое ухо. Это меня еще бабушка предупреждала. Приветик!

Знакомиться с девушками Семен Буланый умел так легко и свободно, с такой естественной непосредственностью, как никто в институте. «Главное — это находчивость и море обаяния»,— хвастливо пояснял он приятелям.

Встав со своего места и огибая столик, Семен тихо сказал:

— Кстати, знакомство может оказаться полезным. Эта фея — штучка не простая.

Андрей сердито пожал плечами и углубился в изучение меню. Потом подошла официантка, и он сделал заказ. Только после этого Андрей позволил себе, наконец, скосить глаза на столик, где сидела незнакомка. И тут его взгляд неожиданно встретился с ее любопытным и смелым взглядом. Андрей первый отвел глаза.

О нет, он был совсем не таким уж робким парнем, как может показаться, и в другое время охотно бы познакомился с этой красивой женщиной. Поэтому то, что он так смутился под ее взглядом, задело Андрея. Когда официантка принесла заказанные блюда, он повернулся к Семе́ну и весело произнес:

— Как говорилось раньше в пьесах: кушать подано. Приглашай свою знакомую за наш стол. Здесь обслуживают быстрее.

— А в самом деле, Наденька,— оживился Семен.— Моему другу иногда приходят в голову остроумные идеи. Пойдемте к нам.

— С удовольствием.

Женщина легко поднялась со своего места.

— Андрей.

— Надя.

За столиком завязался оживленный разговор.

«Кто она такая?» — думал Андрей, то и дело встречаясь с ней взглядом, при этом оба улыбались дружески и весело.

— А теперь скажите мне, кто вы,— обратилась она к Андрею,— а то ваш друг только смеется и не хочет ничего говорить. Я просто сгораю от любопытства. Женщине это простительно, правда?

— Мы приехали работать сюда. В таможню.

— В таможню?

Надя немного картинно всплеснула красивыми руками с ярким маникюром. В глазах ее на секунду мелькнул напряженный, пытливый интерес. Но внешне она ничем, почти ничем, не выдала своих чувств. Только чуть сузились глаза, дрогнули брови, когда она посмотрела на Андрея, удивленно переспросив:

— Неужели в таможню? И это интересно?

— Это необходимо,— пожал плечами Андрей и, взглянув на часы, прибавил, обращаясь к Семену: — Пора двигаться.

— Позволь, мы еще ничего не узнали о нашей знакомой,— запротестовал тот.— Кто же вы-то такая? — обратился он к Наде.

— О, у вас будет случай узнать меня,— кокетливо рассмеялась та.— Мы еще не раз увидимся.

В ответ Семен решительно рубанул рукой воздух.

— Тогда так. Встречаемся здесь за обедом. Ну, скажем, часа в три. Сговорено?

Когда они вышли из ресторана, то на секунду невольно остановились. В неподвижном воздухе громадными хлопьями валил снег. Хлопья падали медленно, словно нехотя, и так густо, что за ним еле

просматривались дома на протнвоположной стороне улицы.

Оба зашагали в сторону вокзала.

Андрей шел и думал о предстоящей встрече. Итак, сейчас обретут, иакоиец, плоть и кровь эти бестелесные Жгутни и Филнн, его будущне начальиикн. Уже нет смысла рисовать нх себе, придумывать нх облнк, придавать нм характеры. Скоро, совсем скоро ои позиакомнтся с ними. Как еще будет с инми работаться? Да и что это за работа? Первые сведеиия о ней Аидрей получил лишь недавио, н то из Большой Советской Эициклопедии. Специальиого курса по таможениой политике и работе таможен им в ииституте не читали. И иа его вопрос после распределения: «С чем ее едят?» — прнсутствовавшнй там сотрудинк таможин весело ответил: «Ее едят с пошлннами н коитрабаидистами, с гостямн-друзьямн н гостями-врагами — словом, приправ к этому блюду много, на все вкусы». Когда Андрей так же шутливо передал этн слова Люсе, она брезглнво повела плечами н раздраженно сказала: «Стоило пять лет учнться». Аидрей тогда промолчал. Вообще он за эти дии научнлся отмалчнваться.

Андрей представнл себе Люсю, ее краснвое и злое лицо — никогда раньше Андрей не видел на ее лнце столько злостн,— не обиды, ие огорчеиия нли упрека, а имеиио злостн. Потом вдруг, заслоняя Люсю, выплыло лицо этой Нади, недавией его зиакомой: лицо веселое, полное расположения и интереса к нему.

Аидрей покоснлся на ндущего рядом Семена. Тот шел легко и весело, засунув руки в карманы пальто. Шляпа его была чуть сбнта набок, обычно бледное лнцо разрумяннлось. Вндно было, что ннкакне грустные мысли, никакне сомнения не омрачалн Семена.

Снег все валил и валил, мешая ориентироваться в незнакомом городе. Прохожнх было мало. Стояла такая тншииа, что Аидрей слышал шорох падающих снежннок.

Но вот где-то внизу, в молочно-снежной глубине замигали огни, донеслись гудки паровозов, перестук колес. В вихре снежинок замелькали крыши вагонов, проступили черно-белые клочья дыма.

Они очутились на краю заснеженного откоса, потом свернули влево, прошли по дорожке, вытоптанной в снегу, и вступили на мост, который вел через железнодорожные пути к вокзалу.

Новое здание вокзала внешне было величественно, как храм. И Андрей, как он ни волновался, все же невольно подумал, что такая архитектура не для вокзалов с их неизбежной суетой, вечно лихорадочным темпом жизни, где люди все время ждут перемен, движутся им навстречу.

Семен остановил первого встречного носильщика.

— Где тут у вас таможня, папаша?

Носильщик стал объяснять с такой охотой и такими подробностями, что Семен, наконец, досадливо сказал:

— Слушай, папаша, у вас все тут такие? И остается время на работу, да?

Носильщик обиделся.

— Языки у вас, молодых, больно длинные стали.

Но все же кое-что из его объяснений пригодилось. Приятели уверенно пересекли огромный зал ожидания, где на длинных светлых скамьях сидели люди; некоторые оживленно разговаривали, другие ели, разложив на салфетках нехитрую снедь, кое-кто спал.

Между скамьями бегали дети.

За этим залом оказался другой. Сбоку лестница вела на второй этаж. Очевидно, про эту лестницу и говорил им носильщик — другой здесь не было.

Проходя мимо второго зала, Андрей невольно посмотрел в приоткрытую дверь. Зал был большой и совсем пустой. Посередине огромным овалом разместился стол, внутри овала протянулся другой стол, повыше.

— Интересно, что там делают? — заметил Андрей, кивнув на дверь зала.

— Надо читать вывески,— откликнулся Семен.— Еще Маяковский советовал.

Андрей поднял глаза. Действительно, как он сразу не заметил! Аршинными буквами было написано: «Зал таможенного досмотра».

— Так сказать, наше рабочее место,— продолжал Семен, когда они уже поднимались по лестнице.— Ничего себе столик для занятий.

Они прошли по открытой галерее над таможенным залом и попали в коридор, в конце которого обнаружили дверь с надписью: «Начальник таможни».

И тут каждый из них, не сговариваясь, сделал то, что обычно делают перед первым представлением начальству. Андрей поправил шляпу, застегнул пальто. Семен, наоборот, сдвинул шляпу чуть резче набок, расстегнул пальто и небрежно выпустил из него концы яркого кашне.

Андрей постучал. За дверью послышалось: «Пожалуйста, пожалуйста». Она сама открылась, и на пороге ее появился невысокий полный человек в форме сотрудника таможни, с одной большой звездой на бархатной петлице. На широком, бугристом носу его сидели очки в темной оправе с очень сильными стеклами, отчего глаза казались за ними неестественно большими. Розовые складки щек наползали на воротник форменного пиджака.

Человек, как показалось Андрею, удивленно оглядел молодых людей и добродушно пророкотал:

— Ага! Молодое пополнение прибыло.

Он подбежал к столу и прочел запись на перекидном календаре.

— Товарищи Шмелев и Буланый. Так, если не ошибаюсь?

— Так точно,— серьезно подтвердил Семен и тем же тоном, но уже со скрытым лукавством добавил: — Прибыли для прохождения службы под вашим руководством.

— Правильно, под моим,— принимая его тон, усмехнулся толстяк,— хотя и поздновато прибыли.— Он кивнул на заснеженное окно и тут же энергично за-

махал руками, словио его кто-то перебнвал.— Зиаю, зиаю. Прнчиины былн. Словом, раздевайтесь. Прнсажнвайтесь. Сейчас потолкуем.

Последние слова ои произиес с такнм смаком, при этом потирая руки, словио собирался дегустнровать вкусиое блюдо, а не вести деловой разговор.

Аидрей н Семеи сияли шляпы и пальто.

Жгутнн виачале прнннялся расспрашивать нх об учебе в институте, о том, как случилось, что они решили пойти работать в таможию. Андрею ои сказал, что, мол, хорошо, когда прнезжают семьямн. Это зиачит — иадолго, навсегда. Аидрей, подавнв вздох, согласио кивнул головой. Потом Жгутнн прииялся расспрашивать Семеиа.

Говорнл он быстро, весело, напористо, н эта маиера разговора совсем ие вязалась с его внешиостью. Но весь ои лучился доброжелательством и словио сам молодел в присутствни молодых людей.

Когда разговор сиова перекииулся на работу таможии, Семеи, уже вполне освоившийся в новой обстаиовке, сказал:

— Для иачала, Федор Алексаидровнч, вы нас не очень загружайте. Самообразоваиием заияться надо. Ведь мы в этом деле, как говорнтся, нн в зуб иогой.

— Все придет. Все придет,— хлопотливо замахал руками Жгутии.— Мастерами стаиете, контрабанду иа два метра под землей чуять иачиете. К опытиейшим людям вас приставим. Будете пока оба в смеие у Шалымова Анатолия Ивановича. Завтра ои работает. А сегодия дадим вам иаш кодекс таможеииый, главиейшие из правил, инструкцин. Читайте, усванвайте.

— Сегодия, Федор Алексаидровнч, деиь особеиный,— вкрадчиво н миогозиачительно произнес Семеи.— Мы, конечио, изучнм то, что вы иам даднте. А вот вы не откажетесь изучить то, что у нас нмеется? Прихвачеио, так сказать, из столицы.

На лнце Жгутнна появилось неподдельное удивленне. С ие меньшнм удивлением посмотрел на прнятеля и Аидрей.

Жгутин перехватил этот взгляд и невольно отметил про себя: «Ребятки-то разные».

— Что же такое вы мне изучить прикажете? — шутливо спросил он.

Семен уже совсем весело ответил:

— Ну, это только в нерабочее время. И желательно в сугубо нерабочей обстановке.— Он таинственно понизил голос.— Речь идет о дегустации. Продукция лучших кавказских фирм.

Жгутин улыбнулся. При этом полное лицо его приобрело то же выражение, что и вначале, когда он сказал: «Присаживайтесь, потолкуем». Только теперь оно было куда более объяснимо. Даже не зная Жгутина, можно было в этот момент угадать в нем отчаянного чревоугодника. И Андрей невольно подивился тому, как Семен узнал об этой слабости Жгутина. Причем Буланый довольно беззастенчиво пытался сейчас играть на ней. И Андрею стало так стыдно, что хотелось взять Семена в охапку и выкинуть из комнаты или уйти самому.

Он укоризненно взглянул на товарища.

Но, по-видимому, он все же сильно преувеличивал, ибо Жгутин отнесся к предложению Семена спокойно, хотя и не без скрытой иронии.

— Насчет дегустации — это вы напрасно. А вообще, что ж, рад буду видеть вас сегодня у себя. Запомните адрес.

Спустя несколько минут в кабинет без стука вошел худощавый, подтянутый человек лет за сорок. Серые от сильной проседи волосы его были гладко зачесаны назад, такого же цвета глаза смотрели твердо и пристально, с какой-то непонятной значительностью. Человек этот хмуро поздоровался, окинув приезжих быстрым, испытующим взглядом.

— Вот, Михаил Григорьевич, прибыли наши москвичи,— сказал ему Жгутин, делая приветственный жест рукой, и, обращаясь к Андрею и Семену, прибавил: — Мой заместитель, товарищ Филин.

Андрею Филин не понравился. И взгляд его не понравился, и как он пожал ему руку — не то неприязненно, не то высокомерно. При этом выраже-

ние лица у Филина было такое, будто выполняет он какую-то неприятную обязанность. Всем своим видом он как бы говорил: «Руку я тебе пожимаю, но это ничего не зиачит. Я еще погляжу, какой ты есть фрукт, а пока что не только симпатии, но даже доверия ты никакого ие заслуживаешь». И Андрей с угрюмым видом пожал в ответ ему руку.

Зато Семен поздоровался с Филиным так просто и дружески, что Аидрей невольно подумал: «Как это ои умеет! Ведь этот тип ему тоже, наверное, ие понравился».

— Привет вам из Москвы от Капустина,— сказал Семен Филину и с улыбкой добавил: — Просил нас любить и жаловать.

Лицо Филина на секунду оживилось, тяжелые брови чуть разошлись, исчезла суровая морщинка между ними, на тонких губах мелькнула улыбка. Но, словно сердясь на себя за эту минутную слабость, он сухо произиес:

— Вам придется иазубок выучить все наши законы, инструкции и правила. Без этого к самостоятельиой работе допущены не будете. А за привет спасибо.

«Ну и ну...— подумал Андрей.— Послал бог начальииков».

В то утро, когда Андрей и Семен спустились завтракать в ресторан, Надя Огородникова оказалась там не случайно. И ей, коиечно, не следовало пересаживаться за их столик. Если бы Полина Борисовна увидела ее в таком обществе, она ни за что бы не подошла, а это могло закончиться большими неприятностями для Нади. Но дерзкая ее иатура взяла верх над доводами самого занудливого, по ее мнеиию, советчика на свете — разума. «Надо, надо... А вот я хочу! Мие так приятио!» Да, решало иа этот раз даже ие «я хочу», а «мне приятно». Ибо этот высоченный парень с копной светлых волос, с открытым и каким-то чистым взглядом понравился ей.

К счастью, Клепикова пришла чуть позже, когда

светловолосый парень и его товарнщ уже ушлн. Надя сразу заметнла ее щуплую, сутулую фигуру в синем шелковом платье, с потертой черной сумкой в руке. Гладко зачесанные, черные как смоль волосы ее разделялись серебристо-седым пробором.

Полина Борнсовна остановилась в дверях, достала из сумки очки и не спеша обвела взглядом небольшой зал. Надя сделала ей знак рукой.

Расположнвшнсь за столом и тщательно расправнв на коленях все складки, Полина Борисовна, наконец, проворчала обнженно и сердито:

— Все бы тебе, Надька, по ресторанам, все бы на люди себя выставлять.

Надя в ответ своенравно повела красивымн плечами.

— Ну и что? Молодость один раз, кажется, дается. Самое время себе радость доставлять. И друГнм тоже. Вы не думайте, я не эгоистка.

— Срамница ты. Ну что выставилась? Ведь ресторан здесь. А мужики кругом аппетнта лишаются.

Надя звонко рассмеялась, но тут же, как бы спохватившись, прикрыла ладошкой рот и плутовски огляделась. Борясь со смехом и не отнимая рукн ото рта, она сказала:

— Пусть мне их жены спасибо за это говорят. Больше денег мужья домой прннесут.

Клепикова поджала сухие губы и осуждающе покачала головой.

— Втихомолку, милая, все можно делать, а на людях надо не выставляться, а среди них прятаться.

— Ах! — капрнзным тоном воскликнула Надя.— Муж был и так не перечнл, не воспнтывал меня, как вы.

— Чего мне тебя воспитывать? Слава богу, сама не одного мужика воспитала.

— Вот вы опять!

Но тут, помнмо своей волн, Надя вдруг подумала о Засохо. Да, многие влюблялись в нее, кое-кого из ннх и она дарила своей любовью. Вот и первого своего мужа тоже. При мысли о Платоне ее даже сейчас охватило чувство брезгливости. Слизняк! Так

подвести всех и ее в том числе! Каким чудом выскочила она из того дела! Надя и сама до сих пор ие может понять. А потом появился Артур Филиппович. Это ои помог ей выскочить из второго дела, в Раменском, под Москвой.

Артур Филиппович потряс ее тогда своим размахом. Надя ие только легко уступила его домогательствам, она так же легко переияла и его взгляды, его мечты, его образ жизни. Вскоре после этого оиа прогиала Платоиа, оиа больше ие могла выносить этого слюнявого интеллигента.

Спустя два года ей пришлось самой уехать из Москвы. И тогда Артур Филиппович указал ей город, где следовало поселиться, передал кое-какие полезиые связи.

Давио коичилась у иих любовь, а дружба осталась, полезная для обоих дружба. Правда, была эта дружба не очень-то равноправной. Надя все время чувствовала, как крепко привязал ее к себе Артур Филиппович. Оиа ие смела буитовать: Засохо как-то иамекиул, что рамеиское дело может иметь продолжение, если Надя будет вести себя слишком самостоятельно. Но пока оиа об этом не думала, дружба их была крепкой.

И лишь совсем недавио Артур Филиппович вдруг приоткрылся. Впервые за пять лет, и каких лет! И бессоиные ночи, напоеииые страстью и исповедями, и пьяиые попойки с клятвами в вечиой любви, и тревожное ожидаиие беды, жестокой расплаты — ничто ие заставило Артура Филипповича по-иастоящему открыть ей душу. Это случилось только иедавио, совсем недавио.

И вот оказывается, что Артур Филиппович с его огромными связями, деньгами, с умеиием подчиаять себе людей, с его опытом и размахом вовсе не хозяии себе, им тоже кто-то командует, кто-то и его учит.

Если бы Надя ие была так ошеломлена этим открытием, оиа бы поияла из дальнейших слов Артура Филипповича, что отнюдь не особой дружбой объясняется его откровеиность. Он сказал, что этот

«кто-то» изъявил желание с ней познакомиться. Но в тот момент Надя могла скользить мыслью только по поверхности явлений, в самом примитивном и привычном для нее направлении. Поэтому она усмехнулась и спросила: «Выдал рекламу моим ножкам? Подарочек шефу?» Но тут Артур Филиппович, позеленев от злости, «выдал» ей самой такое, что Надя разом притихла и виновато заморгала длинными ресницами. А поразмыслив на досуге, она поняла, что такого гостя надо встречать не ножками и не чарующими улыбками.

Поэтому накануне встречи с таинственным московским гостем Надя утром прибежала в ресторан «Буг». Полина Борисовна должна была помочь ей в этом предприятии. И конечно же, ссориться с ней сейчас было по меньшей мере безрассудно, несмотря на невыносимо сварливый ее характер. Надя решила терпеть и поскорее перевести разговор на деловые рельсы.

— Ах, Полина Борисовна, вечно вы ко мне придираетесь,— вздохнула Надя.— А я вас все-таки люблю.

Бесчисленные морщинки на маленьком пергаментном личике старухи разбежались в хитрой улыбке.

— Полно врать-то. Будто я не знаю, чего ты любишь.

— Не буду спорить. Вы женщина умная,— кротко сказала Надя и, пригнувшись, уже совсем другим тоном, сухо и требовательно спросила: — Юзек был?

— Что был, что не был...

Не глядя на Клепикову, Надя раздраженно сказала:

— Я не люблю разгадывать загадки. Был Юзек?

— Ну, был.

— Принес?

— Ничего не принес.

— Как это понимать? Прокол?

— А что же еще?

— Так,— Надя на секунду задумалась. Потом снова спросила: — Ну, а взял-то все?

— Ничего не взял.

— Что-о?!

Надя, забывшись, взволнованно всплеснула руками. Такого она не ждала. Это уже нешуточный удар. В момент, когда надо чем-то блеснуть, вдруг такой провал. На ум пришла было спасительная мысль: Юзека передал ей в свое время Артур Филиппович, так пусть он за него и отвечает. Но мысль эту пришлось тут же оставить. Она имеет дело с Юзеком уже два года, могла сама разобраться, чего он стоит.

Покусывая губы, Надя задумчиво, невидящим взглядом блуждала по лицам людей за столиками, и мужчины помоложе приосанивались, стремясь обратить на себя внимание этой красивой женщины. Но Наде было сейчас не до флирта.

Пока она размышляла, Клепикова без излишней поспешности, спокойно и обстоятельно съела заказанный Надей омлет с сыром и принялась за кефир.

— Почему же Юзек не взял?

— От страха. Таможня житья не дает. Говорит, нигде в мире такой нет. А уж он поездил.

— Таможня?..

Тут Надя вдруг вспомнила своих новых знакомых. Они ведь начинают работать там. Пожалуй, это будет лучший подарок для московских гостей. А этот Андрей такой интересный парень. Надя в безоблачном своем настроении, с которым она пришла сюда, уже готова была пуститься в очередное приключение. Но сейчас... Впрочем, сейчас это может оказаться даже полезным. «Ах, Надька, ты в сорочке родилась!» — самодовольно подумала она.

Как бы угадывая направление Надиных мыслей, Клепикова ворчливо сказала:

— И ни одной души там знакомой нет. Дело это, я тебя спрашиваю?

Почему-то по давно установившейся манере Клепикова, хоть она куда больше зависела от Нади, чем та от нее, все же присвоила себе манеру говорить ей «ты» и вечно предъявлять к ней всякие претензии. А Надя только посмеивалась, тем более что

это все нисколько не мешало ей командовать старухой.

— Что верно, то верно,— задумчиво согласилась она,— пока ни одной души там нет. Пока...

Про себя же Надя решила, что все идет к тому, чтобы не выпускать из поля зрения этих двух парней. И полезно и приятно, не так часто совпадают такие две вещи в жизни. Ну, а что касается Юзека...

— Когда теперь Юзек придет?

— Через два дня собирался, в пятницу.

— Вот тогда и поговорим с ним. Ко мне не приводи. Я сама приду.— И, понизив голос, добавила со значением: — А насчет таможни я кое-что, кажется, придумала.

Надя вынула зеркальце, с удовольствием глянула в него, поправила прядку волос, потом достала губную помаду и тщательно покрасила свои пухлые губы.

— Ну, я пошла, Полина Борисовна. Надо кое-что выяснить побыстрее,— деловито сообщила она, легко приподнимаясь со стула. При этом Надя улыбнулась так ласково и беззаботно, что со стороны могло показаться, что приятельницы расстаются после пустячной болтовни.

— Ладно уж, иди. Я еще кофею, пожалуй, выпью.

Надя направилась не к выходу из ресторана, а в противоположную сторону, где находилась дверь, ведущая в вестибюль гостиницы.

Там Надя подошла к комнате дежурного администратора и, постучавшись, приоткрыла дверь. За столом сидела полная женщина и, скучая, перелистывала «Крокодил».

— Елизавета Федоровна, доброе утро.

Женщина, увидя Надю, обрадованно заулыбалась.

— Милая, это вы! Подумайте! Я только сегодня видела вас во сне. «Ну,— думаю,— к встрече». Представьте, получила вчера письмо из Москвы. Теперь туфли носят с таким длинным и тонким носом, что просто как шило, смотреть противно. Но это с не-

привычки. В общем,— глаза Елизаветы Федоровны стали льстивыми,— если к вам приедут, то меня уж не забудьте...

— Конечно, конечно. Но я к вам на минуту. У вас, наверно, уйма дел?

— Откуда вы взяли? Ведь зима же. Летом — да. Койки не достанешь. А сейчас — любой номер. Вот с берлинским два молодых человека приехали. И пожалуйста — каждому по номеру на втором этаже.

— Кто такие? — с нескрываемым, даже подчеркнутым любопытством спросила Надя, по опыту зная, что это покажется куда естественнее, чем неожиданная сдержанность по отношению к такому интереснейшему событию, как приезд в город новых людей.

Елизавета Фёдоровна суетливо полезла в ящик стола.

— У меня ведь их паспорта. Сейчас все узнаем. Правда, один, кажется, женат, а вот другой...

Пока она копалась в ящике с документами, Надя, нахмурившись, задумчиво покусывала губку. И вдруг ей пришла в голову дерзкая мысль. Настолько дерзкая и заманчивая, что все внутри у нее затрепетало от желания действовать, от сладкого ощущения предстоящего риска. Авантюрная душа ее жаждала приключений. Тем более что в случае удачи дело с таможней будет наполовину сделано.

Надя мягко положила свою ручку на красную, грубоватую руку Елизаветы Федоровны и вкрадчиво сказала:

— Вы меня должны выручить, дорогая.

В середине дня перестал, наконец, падать снег. Серая пелена туч прорвалась бледно-голубыми полыньями, и оттуда засияло солнце. Под его лучами нестерпимо ярко, до рези в глазах, искрились снежные сугробы вдоль тротуаров, заваленные снегом крыши бревенчатых домишек городского предместья и весь громадный, уходящий вдаль снежный откос, за которым виднелись каменные здания центральной

части города. Внизу, у подножья откоса, раскинулось запутанное и на первый взгляд бестолково-суетливое хозяйство крупного железнодорожного узла. Воздух то и дело оглашался гудками паровозов, и сами они черными, деятельными жуками торопливо ползли в разные стороны, судорожно работая красными рычагами колес. За ними с перестуком пробегали под мостом бурые товарные вагоны.

Андрей и Семен, щурясь от солнца и снега, прошли по одному мосту, затем по другому и вскоре очутились возле своей гостиницы.

В вестибюле Семен направился к газетному киоску, бросив на ходу:

— Я к тебе стукну через десять минут, и пойдем питаться. Вот только ознакомлюсь с печатной продукцией.

Андрей кивнул в ответ и направился к лестнице.

Когда он, дважды щелкнув замком, открыл свой номер, дверь соседнего номера неожиданно тоже открылась и в коридор, к удивлению Андрея, вышла та самая молодая женщина, с которой он утром познакомился в ресторане. Она, в свою очередь, удивленная, весело улыбнулась.

— Оказывается, мы с вами соседи.

Ему почему-то было приятно это открытие, и, внутренне стесняясь своего чувства, Андрей улыбнулся ей в ответ. «Какая же она красивая, черт побери!» — не то с восхищением, не то с досадой подумал он, окинув неспокойным взглядом ее лицо и статную фигуру уже в другом, но тоже красивом, по-летнему открытом платье, открытом как-то дерзко, даже чуть вульгарно. «Странное дело,— подумал Андрей,— лица некоторых женщин, вот у Люси, например, как бы освещаются глазами, а у этой Нади на лице главное — это губы. От этих губ, честное слово, глаз не оторвешь, даже неудобно как-то». Андрей вдруг заметил, что его охватывает чувство сладкого ожидания и бесшабашное веселье, но не проходило и чувство неловкости, ощущение неуместности подобного веселья. Теряясь между этими про-

тиворечивыми чувствами, Андрей с чуть напряженной улыбкой ответил:

— Вот и прекрасно, что соседи.

— Правда? И вы рады? — быстро переспросила Надя, словно ловя его на слове, и весело добавила, чуть понизив голос: — Мы можем в случае чего даже перестукиваться.

Андрей, поддаваясь ее шутливой таинственности, поднял палец.

— Идея. Только надо изучить Морзе.

— Совсем не надо,— замахала руками Надя и, словно осененная внезапной мыслью, вдруг на секунду умолкла, а потом с прежней интонацией сказала: — Знаете что? Приходите вечером ко мне пить кофе. Я вам постучу. У меня плитка есть и специальная кастрюлька для варки. Знаете? О, вы такого кофе еще не пили, ручаюсь!

— Сегодня вечером не могу,— с искренним сожалением ответил Андрей.— Приглашены к новому начальству.

— А вы возвращайтесь пораньше.

Андрею была приятна ее настойчивость. Он понимал, что нравится, и от этого сама Надя начинала еще больше нравиться ему.

— Мой товарищ, кажется, привез для дегустации слишком много спиртного, чтобы это быстро кончилось,— засмеялся Андрей.— А одному уйти, к сожалению, неудобно.

Они все стояли в коридоре, каждый у двери своего номера, держась за аляповатые металлические ручки; со стороны этот затянувшийся разговор выглядел, вероятно, смешно и, может быть, даже немного странно. Они оба почувствовали это.

И Надя, тряхнув головой, сказала:

— Ну ладно. На всякий случай, когда кофе будет готов, я постучу. Три раза. Вот так. «Тук, тук, тук-тук! Тук, тук, тук-тук!» — И она согнутым пальчиком одной руки простучала по ладони другой, потом лукаво улыбнулась и добавила: — Для смелости можете захватить вашего приятеля. Но только для

смелости. Мне он не нужен. Договорились? Тогда до вечера.

Она повернулась и, не дожидаясь ответа Андрея, легко побежала к лестнице. Толстая ковровая дорожка заглушила перестук ее каблучков.

Андрей улыбнулся и зашел к себе в номер. Однако боевая же соседка оказалась у него! Даже не то слово. Слишком уж смелая. Совершенно не стесняется. А впрочем, тут же заговорил в нем протестующий голос, что здесь неприличного, если бы часов в восемь или девять он зашел к ней ненадолго и выпил чашечку кофе? Почему надо сразу думать о человеке плохо? Даже если он ей понравился, что ж с того? Другое дело, что он вернется значительно позже и кофе пить не придется. Это ясно. Пить придется водку. Об этом Андрей подумал без всякой радости.

Тем не менее, когда пришел Семен, Андрей ему не рассказал о своей встрече в коридоре. Себе он это объяснил так: Семен начнет глупо острить, при встрече может обидеть Надю, а ведь этот разговор с ней никаких последствий иметь не будет. Андрею сейчас не до романов. Слишком много бед свалилось на него. И потом Люся... Люсю он любит, очень любит. И она его, конечно, любит. Ну, мало ли что бывает? Пройдет. Дойдя в своих размышлениях до этого места, Андрей вздохнул. Что-то слишком горячо убеждает он себя, слишком горячо, как будто сам этому не очень верит.

В тот момент он и не думал о Наде.

Вечером в самой просторной комнате квартиры Жгутина собрались гости. Собственно говоря, из гостей были только Андрей и Семен. Был, правда, еще Филин, но он только спустился с четвертого этажа на третий.

Комната казалась просторной еще и потому, что в ней почти не было мебели, и ощущение было такое, будто люди только что въехали в новую квартиру и из старой обстановки захватили лишь то,

без чего абсолютно нельзя обойтись, рассчитывая в дальнейшем обставить комнату заново.

Проходя сюда из передней, Андрей случайно заглянул в приоткрытую дверь другой комнаты, поменьше. Там было тоже просто, но так уютно и красиво, что он с каким-то теплым чувством покоя и радости вошел в большую комнату. Тем резче ощутил он ее небрежное запустение.

Гостей встретили сам Федор Александрович в сером пиджаке и красивой, кирпичного цвета рубашке без галстука и удивительно похожая на него, такая же невысокая, полная, розовощекая, только без очков, его жена, Нина Яковлевна.

— Хирург, между прочим,— отрекомендовал ее гостям Федор Александрович.— Режет. И скальпелем и языком. Последнее куда опаснее.

Филин был уже в комнате. Как видно, приход гостей прервал какой-то жаркий его спор с хозяином, потому что Федор Александрович, войдя в комнату, примирительно махнул ему рукой и сказал:

— Ладно, Михаил Григорьевич, оставим пока дела. А взыскание-то придется отменить. Вот так.

В последних словах Жгутина внезапно прозвучала властность, которую трудно было ожидать в этом добродушном человеке.

— Авторитет руководства это никак не укрепляет,— сердито проворчал Филин.

Но Жгутин, не обращая уже внимания на его слова, энергично потер руки и, с неодобрением взглянув на портфель, который принес Семен, спросил:

— Ну-с, так как там Москва-матушка? Хорошеет, говорят, с каждым днем?

Разговор зашел о Москве, и Андрей с Семеном, перебивая друг друга, стали рассказывать о новых транспортных тоннелях, линиях метро, жилых кварталах. И на внимательных, подобревших лицах их слушателей застыла довольная, но чуть грустная улыбка, как всегда бывает с людьми, когда им рассказывают об успехах и радостях далекого, но близкого их сердцу человека.

Потом Нина Яковлевна накрыла на стол; но когда Семен вытащил бутылки с водкой и коньяком, она нахмурилась и, внимательно посмотрев сначала на него, потом на мужа, строго сказала:

— А вот это уже ни к чему. Не тем путем, молодой человек, начинаете служебную карьеру.

Андрей готов был провалиться сквозь землю. Жаркая краска стыда залила его лицо, шею, лоб. Это было так заметно, что Филин при взгляде на него даже улыбнулся хоть и иронически, но с оттенком сочувствия.

Сам Жгутин только развел руки, как бы призывая всех засвидетельствовать чудовищную бестактность супруги.

Только Семен не растерялся и бойко, с улыбкой возразил:

— Сразу видно, Нина Яковлевна, что вы не мужчина. Мужчине в голову не пришли бы такие обидные слова. А карьеру мы начнем, знаете, с чего? Мы такого контрабандиста поймаем, что все ахнут. Верно, Андрей?

Через некоторое время все уже мирно сидели за столом. Мужчины, успев выпить, раскраснелись и говорили возбужденно и громко. Даже Филин расстегнул форменный пиджак. Только Андрей, хоть и у него начинало шуметь в голове, смущенно помалкивал. Больше всех разошелся Федор Александрович. Он говорил громко, отчаянно жестикулируя и успевая при этом почти непрерывно есть.

Разговор вернулся к дисциплинарному взысканию, которое наложил на кого-то вчера Филин.

Жгутин энергично закрутил головой.

— Нет, нет и нет! Я утверждаю, что в худшие времена...

— Между прочим, тогда все-таки был порядок,— внушительно заметил Филин,— и было тихо.

Жгутин побагровел и, переходя почти на шепот, переспросил:

— Тихо? Вам такая тишина нравится?

— Пожалуйста, не искажайте моих слов,— по-

морщился Филин.— Некоторые из прежних методов и я не одобряю.

Но Жгутин не унимался. Равнодушно откликнувшись на тост Семена: «За здоровье всех присутствующих», он, морщась, выпил и снова обернулся к Филину.

— Значит, методов не одобряете? Ну, а результатом довольны?

Нина Яковлевна досадливо махнула рукой и сказала, обращаясь к Андрею:

— Вот так всегда, чуть за стол сядут. Прошлый раз спорили об атомных испытаниях.

Андрей чувствовал, что пьянеет. Все вокруг временами начинало вдруг медленно кружиться, болела голова, появилась противная дрожь в руках. Он напряженно улыбался и старался внимательней слушать то, что ему говорила сидевшая рядом Нина Яковлевна. Для этого ему приходилось все время мучительно нагибаться, потому что низенькая его соседка сидела, как казалось ему, где-то глубоко внизу.

Тем не менее он узнал, что в этом городе Жгутины уже четвертый год, но квартиру они получили недавно, что у них есть дочь, ее зовут Светлана, она учится в институте и сейчас ушла в театр. Потом Нина Яковлевна стала расспрашивать Андрея. Он отвечал односложно, медленно подбирая слова и выговаривая их так старательно, что Нина Яковлевна, улыбаясь, сказала:

— Ну, мы еще успеем поговорить об этом. А пить вы не умеете. И очень хорошо.

— Нет, умею,— обиженно заявил Андрей.

Нетвердой рукой он взял ближайшую бутылку, поспешно налил вино Нине Яковлевне и себе и, тяжело ворочая языком, объявил:

— За вашу дочку. Она мне нравится.

Нина Яковлевна звонко рассмеялась и совсем поматерински разворошила ему волосы на голове.

— А вы, кажется, славный парень, Андрей. Можно, я буду вас так называть?

Андрей, приложив руку к груди, ответил торжественно:

— П-почту за честь.

Между тем утихший было за столом спор разгорелся вновь.

— А я вам говорю,— возбужденно размахивал вилкой Федор Александрович,— Дубинин прекрасный парень! В коллективе его любят!

— Конъюнктурщик,— убежденно возразил Филин.— Почувствовал новые веяния. Помните, на последнем партсобрании? Райком предлагает кандидатуру. Кажется, можно доверять...

— А у него было свое мнение!

— Вот! У нас всегда так. С перегибами да с перехлестами. Ну, допустим, что на данном этапе критику снизу поощряют...

— Не допустим, а точно! И не на данном этапе, а вообще! Навсегда! Что это за манера, ей-богу!

Федор Александрович начал сердиться.

— Мы с вами люди не молодые,— усмехнулся Филин.— К кампаниям привыкли. Поглядим еще. Ну ладно. Допустим. А что делает ваш Дубинин? Ах, надо плевать на авторитеты, надо ниспровергать...

— Да кто вам это сказал?!

Филин прищурился.

— Я хотел бы знать, кто ему это сказал.

— Бросьте! Дубинин честный парень!

— В райкоме тоже честные люди, кажется, сидят. И поопытней Дубинина. Кто дал право не считаться с их мнением?

Андрей, прислушиваясь к спору, подумал: «А что, разве таких нет, как этот Дубинин? Разве можно с райкомом не считаться?..» Он хотел было вмешаться, но ему вдруг стало неприятно, что придется поддержать Филина. И Андрей промолчал. «Может, я чего-нибудь не улавливаю? Все-таки выпил здорово»,— подумал он.

— ...И других увлек, неустойчивых,— все тем же раздраженным тоном продолжал между тем Фи-

лин.— На собрании многое зависит от того, как сказать. И хороший оратор...

— Не как сказать, а что сказать! — вскипел Жгутин.— И какой Дубинин, к черту, оратор?! Зато таможенник он... Кто вчера у самого Юзека контрабанду нашел? Он! А вы за пять минут опоздания...

Филин недовольным тоном перебил:

— Считаю, Федор Александрович, что при новых сотрудниках мои действия обсуждать не следует.

«Черт возьми,— опасливо подумал он.— Только выпью и не могу удержаться от спора. В конце концов кому это надо?»

— Ну, ну, пожалуйста. Тогда вот что...— Федор Александрович решительно взялся за бутылку с вином.— За начало службы!

— Между прочим, кто такой Юзек? — с интересом спросил Семен.— Просветите.

— Юзек — это целая кулинарная симфония,— иронически ответил Филин.— Она состоит из двух десятков холодных закусок, трех разных супов — для каждого свой бак! — и десятка горячих блюд. Кроме того, это неплохой выбор коньяков, ликеров, ромов и вин. Вот что такое Юзек.

— И добавьте,— Федор Александрович внушительно погрозил вилкой,— это еще симфония из сотни шкафов, ящиков, полок, из которых по крайней мере десяток имеют двойное дно.

— Да что же такое Юзек? — сгорая от любопытства, повторил свой вопрос Семен.

— Это,— внушительно произнес Филин,— вагон-ресторан, и это контрабанда. Вчера мы выудили ее со дна котла, полного супом.

Федор Александрович задумчиво и устало покачал головой.

— Но он, наверное, не только привозит контрабанду. Я думаю, он потом и увозит от нас столько... Помните? — Он посмотрел на Филина.— Капроны и автомобильные свечи? Помяните мое слово, он кому-то сдает товар и от кого-то получает. У него есть здесь связи.

— Опасный случай,— подтвердил Филин и, не

удержавшись, прибавил: — При нашем теперешнем либерализме не то еще будет.

— А в самом деле! Сажать таких! За чем дело стало? — горячо вмешался Семен.

Жгутин покачал головой.

— Дело стало за доказательствами. Это же пока только наши предположения. А Юзек говорит: знать не знаю, кто спрятал! За вчерашний суп, конечно, уволят повара. А капроны те и свечи мы на первый раз просто конфисковали, как бесхозную контрабанду. Что же делать? В помещение ресторана действительно имеют доступ многие.

— Что делать? — проворчал Филин.— Прежде всего не церемониться. Чтобы боялись булавку лишнюю провезти. Так надо дело поставить.

— Не церемониться? — сердито прищурился Жгутин.— Я вашу точку зрения знаю. Но, извините, не разделяю! И по Юзеку требуются доказательства, прямые улики. Вот так!

Нина Яковлевна лукаво посмотрела на Семена, который сидел бледный от выпитого вина, возбужденный, со сбившимся набок галстуком, темная прядь волос прилипла к потному лбу.

— Вот вам случай сделать карьеру. Вы о том мечтали?

— Ну, пока что Юзек ему не по зубам,— усмехнулся Жгутин.— Но хорошенько запомните, молодые люди, экспресс «Москва — Берлин».

— И обратно — тоже,— вставил Филин.

— Да, да, конечно,— согласился Федор Александрович.— Здесь иной раз можно повстречать такого фрукта, что будет уроком бдительности на всю жизнь.

Неожиданно для всех Андрей, покачнувшись, стукнул кулаком по столу и, оглядев сверху вниз присутствующих, тяжело произнес:

— П-поймаем этого фрукта и голову отвернем, как п-пеструшке.

Эти слова почему-то послужили сигналом, чтобы гости посмотрели на часы.

— Ого! Двенадцатый час,— произнес Филин и выразительно посмотрел на Андрея и Семена.

На улице Андрею стало лучше. Он с наслаждением вдыхал прохладный, сырой воздух и подставлял ветру разгоряченное лицо. Семен взял его под руку, но шаг у него был далеко не твердый.

— Неч-чего было напиваться, как свиньям,— с усилием, сердито произнес Андрей.— Перед людьми даже стыдно. Тебе стыдно? Или это только мне стыдно?

— А, подумаешь! — отмахнулся Семен.— Ничего мне не стыдно.

Некоторое время они шли молча.

Посередине улицы, прямой и широкой, тянулся бульвар. Высокие деревья таинственно шумели в вышине голыми ветвями.

Прохожих было мало.

— В гостиницу надо прийти абсолютно трезвыми,— проговорил Андрей.— Понял?

— Понял. Если ты на это способен, то и я постараюсь.

Бульвар кончился. Приятели очутились на центральной улице городка, в этот час тоже пустынной.

Все-таки прогулка немного выветрила хмель из головы, и они вошли в гостиницу почти твердой походкой. Правда, Андрей довольно долго не мог попасть ключом в замочную скважину своей двери.

Сбросив пальто и пиджак, он принялся стягивать через голову петлю галстука.

В этот момент ему вдруг почудился какой-то легкий стук. Андрей в недоумении замер с галстуком на голове и прислушался. «Тук, тук, тук-тук!» — совершенно ясно услышал он.

— Эт-то что еще такое? — вслух произнес он.— Семен зовет?

Он вернул галстук на прежнее место, досадливо махнул рукой и взялся за ручку двери. В этот момент он услышал вдруг снова легкий, но ясно различимый стук.

И Андрея, наконец, осенило. Ведь это же, наверное, его соседка стучит, Надя. Зовет пить кофе. Как же он забыл о ее приглашении! Андрей даже не взглянул на часы, показывавшие почти час ночи.

Он и не подумал о времени. Он вообще ни о чем не думал, кроме одного: как это здорово выпить сейчас чашку кофе!

Андрей торопливо ополоснул лицо, причесался и, чуть покачиваясь, вышел в пустой полутемный коридор. Дверь соседнего номера оказалась незапертой, и Андрей вошел.

На маленьком письменном столе у окна горела лампа. Никакого кофе не было.

Надя молча пошла ему навстречу.

Андрей остановился в дверях и тяжелым взглядом окинул комнату. Что-то странно тревожило его здесь. Он не понимал, что на него действует пустынная, нежилая чистота этой незнакомой ночной комнаты, словно Надя только за пять минут до него вошла сюда.

В голове еще шумело, чуть подташнивало, и ноги наливались свинцовой тяжестью. Андрей, не решаясь сесть, прислонился плечом к косяку двери.

Надя подошла почти вплотную и шепотом, словно кто-то их мог здесь услышать, спросила:

— Зачем ты столько пил?

Андрей изумленно посмотрел на нее сверху вниз, потом крепко провел ладонью по лицу и неуверенно спросил:

—Это я п-пьяный или вы?

Надя тихо засмеялась.

— Это мы оба пьяные.— И, взяв его руку, потянула за собой.— Проходи же, чудачок, проходи.

Но Андрей упрямо покачал головой. Ему вдруг стало холодно и неуютно. Он ведь хотел кофе, горячего, крепкого кофе. А перед ним незнакомая женщина в пустой, затаившейся комнате. Надо о чем-то говорить с этой женщиной, а голова кружится, кружится...

Ему вдруг показалось, что он стоит тут давно, очень давно. Поэтому он так устал и так кружится голова.

— Я, п-пожалуй, пойду...

— Ну, посиди со мной,— шепотом попросила Надя и добавила с укоризной: — Ты ничего не понимаешь, ты слишком много выпил.

— Н-нет, я п-пойду...

Глаза у него неудержимо слипались, и больше всего на свете хотелось остаться одному, повалиться в постель.

— С-спокойной ночи...

Он сделал движение, чтобы выйти, но Надя порывисто обняла его за шею, и, прижавшись лицом к его груди, вдруг заплакала горько, безутешно.

Не решаясь сдвинуться с места, он стал гладить ее по голове, участливо бормоча:

— Ну-ну, не надо... Ну-ну, чего вы... Ей-богу, не надо...

Он не помнил, сколько они так стояли. Потом Надя, всхлипывая, оторвалась от него, и Андрей, шатаясь, вышел в полутемный, пустынный коридор.

Нестерпимо яркие солнечные лучи били прямо в лицо, и Андрей, беспокойно заворочавшись на подушке, открыл было глаза, но тут же зажмурился. Однако сон пропал.

Андрей некоторое время оцепенело смотрел в потолок, морщась от головной боли и ощущая отвратительный вкус в пересохшем рту. В первую секунду он даже не сообразил, где находится.

По потолку ползла муха. Андрей следил за ней. Муха ползла еле-еле, как пьяная, и, наконец, свалилась на пол. Лететь она не могла. И когда муха свалилась, Андрей вдруг сразу вспомнил. Он же только вчера приехал в Брест. Это гостиница.

Постепенно перед ним прошли все события минувшего дня. Ну и ну!.. Что же он наделал? В первый же день напился, чуть не спутался с какой-то бабой. Впрочем, нет, Надя хорошая и очень одинокая. Как она плакала! Андрей невольно провел рукой по груди, словно там могли еще сохраниться Надины слезы.

Но он-то хорош! Ведь в Москве осталась Люся. Пусть у них сейчас осложнились отношения, пусть Люся сердится на него! Но ведь он все равно любит ее, только ее. Зачем же он ночью пошел к этой Наде?.. Он напился, он здорово напился вчера у

Жгутииа. Что тот подумает о нем? И его жена, такая славиая женщииа? А Филин? Уж он никогда ие забудет Аидрею тот вечер.

Горькие размышлеиия Аидрея прервал стук в дверь и бодрый, чуть иасмешливый голос Семеиа:

— Шмелев! Выходи строиться! — И тоиом их ииститутского воеирука добавил: — Пермаиеитио опаздывать всегда изволите!

— Ладно кричать-то иа весь коридор,— проворчал Аидрей, иехотя откидывая одеяло.

Но когда ои, совсем уже готовый к завтраку, зашел за Семеном, тот сидел еще перед зеркалом голый по пояс и брился.

— Зато шумим, как всегда, больше всех? — с усмешкой спросил Аидрей и добавил: — Ладио уж. Я пока что пойду займу столик и сделаю заказ.

— Угу,— промычал Семен, иадувая щеку и ие отрывая глаз от зеркальца.

Когда Аидрей вошел в ресторан, ои сразу увидел Надю. Возле нее за столиком сидели двое мужчин, оба пожилые и представительиые.

Одии из иих, высокий, полиый, был в отличиом чериом костюме и белосиежной сорочке с пестрым галстуком-бабочкой. На утином, будто прииюхивающемся к чему-то носу его поблескивали очки в тоикой золотой оправе. Густые, с сильиой проседью волосы были подстрижены под модиый бобрик. Ои был похож иа крупного западиого бизиесмена, каким тот обычио рисовался Андрею.

Второй из мужчии, худощавый, подтяиутый, выглядел скромиее. Ои был в костюме иеопределенного цвета, в темной рубашке с темиым галстуком. Чериые блестящие волосы были гладко зачесаиы иазад, открывая большой, с залысииами лоб. Узкое, клииовидное лицо перечеркивали густые, лохматые брови, под ними почти не видио было глаз, и поэтому казалось, что худощавый человек все время дремлет. Впечатлеиие это усиливалось оттого, что ои больше молчал, говорили только Надя и толстый человек в очках, ио при этом оии почему-то обращались ие друг к другу, а главным образом к иему.

Больше всего на свете Андрей сейчас не хотел встречи с Надей. У него было такое чувство, будто он чем-то унизил ее, и это чувство смешивалось с недовольством самим собой — как мог он так вести себя! Сейчас ему было стыдно даже взглядом встретиться с ней.

Поэтому Андрей постарался отыскать за колонной самый укромный столик и направился к нему.

Но Надя уже заметила его. Она открыто и безбоязненно улыбнулась и, указав на Андрея, громко сказала:

— А вот и мой новый знакомый. Андрей, идите-ка сюда!

Оба мужчины повернулись в его сторону. Толстый смотрел с нескрываемым интересом. Как смотрел второй, определить было трудно.

Преодолевая неловкость, Андрей подошел к их столику.

Надя весело представила мужчин друг другу.

— Андрей Шмелев, сотрудник нашей таможни. А это...— она с улыбкой посмотрела на худощавого мужчину,— это мой дядя! — Потом Надя сделала жест в сторону полного.— И мой бывший сослуживец. В командировке здесь. Я их только что познакомила. Дядя тоже недавно приехал.

— Поглядеть приехал, как тут Надюша поживает,— улыбнулся худощавый, и Андрей, наконец, увидел его совсем светлые, узенькие, как две льдинки, глаза.— И вот уже второе знакомство. Сначала с ним, теперь с вами.— И, в свою очередь, он спросил Андрея: — Вы, часом, не москвич?

— Почти. Институт там кончал.

— Рад познакомиться, Андрей... не знаю вашего отчества.

— Просто Андрей.

— Великолепно. Будете в Москве, непременно заходите. Вы мне нравитесь. Надюша даст вам адрес.— Он повернулся к Наде: — Не забудь, милая.

Второй собеседник только улыбался, показывая кривые желтоватые зубы. При этом сходство с западным бизнесменом начисто исчезало.

— Извините,— сказал Андрей.— Спешим на работу. Пойду закажу завтрак.

— Подсаживайтесь, чего там...— предложил толстый.

— Спасибо. Не хочу вас стеснять.

Андрей выбрал столик неподалеку — уходить за колонну было уже неловко — и углубился в изучение меню. Не успел он сделать заказ, как к столику подошел Семен. По пути он церемонно раскланялся с Надей.

Уже к концу завтрака Семен, закурив, самодовольно посмотрел на Андрея и сказал:

— Итак, прошли сутки в гостинице «Буг». Мы неплохо успели за это время, а?

Андрей насупился и сердито ответил:

— Еще как плохо. И все из-за твоего дурацкого желания завязать дружбу с начальством. Карьерист несчастный!

В этот момент до него донеслись обрывки фразы, сказанной за соседним столиком человеком в очках:

— ...главная установка... на экспресс «Москва — Берлин».

— И обратно,— внятно добавил молчаливый его собеседник.— Особенно обратно.

Андрей при этих словах невольно насторожился. Он сразу вспомнил, что говорилось вчера у Жгутина о берлинском экспрессе.

СЕВЕРНАЯ КОНФИСКУЕТ ГОЛУБУЮ «ВОЛГУ»

На Северную Шалымова повез шофер Петрович.

Круглое, розовое лицо Петровича с рыжеватыми усиками и припухлыми глазами выражением своим, ленивым и сонным, напоминало объевшегося кота. И настроен был Петрович соответственно — добродушно, умиротворенно. Это было редкое для него состояние. Обычно он или оправдывался в чем-то, или отпрашивался куда-то. Как в первом, так и во втором случае на физиономии Петровича неизменно

лежал отпечаток виноватости и скорби, и голос его при этом звучал с таким надрывом, что равнодушным ко всему этому мог остаться разве только Филин, которого Петрович боялся как огня. Жгутина же Петрович любил нежной и преданной любовью, и как бы тот его ни ругал, а ругал он его часто, Петрович неизменно отвечал: «Спасибо» и «Во век вашей доброты не забуду».

Тем не менее шофером Петрович был первоклассным. При некоторой своей склонности к спиртному он никогда не позволял себе этого во время работы. Если же подобная радость ждала его вечером, то весь день для Петровича был окрашен в розовые тона. В этот день он был полон ко всем особого дружелюбия и сочувствия и с готовностью кидался выполнять любое поручение.

Особенно Петрович жалел Шалымова. За вечно недовольным брюзгливым тоном этого человека ему мерещилось какое-то горе или скрытая болезнь, и он, пожалуй единственный на таможне, относился к Анатолию Ивановичу с дружеской заботливостью, охотно прощая ему и неприятный тон и вечные придирки. Ибо при всех своих недостатках Петрович был человеком отзывчивым и добрым.

Когда озабоченный Шалымов срочно выехал на Северную, Петрович, сочувственно косясь на него, первое время лишь вздыхал, ожидая, что начальник смены сам начнет разговор. Но Шалымов угрюмо молчал. Тогда Петрович, сгорая от любопытства, заговорил первым.

— Вот ведь я все думаю,— повествовательно и издалека начал он, лихо ведя машину по заснеженной, ухабистой дороге, петлявшей среди путей и полосатых шлагбаумов.— Думаю, значит. Ведь нет в жизни покоя. С одной стороны, атом то и дело взрывают. Так? Потом фашисты во Франции голову поднимают. Это тоже настроение портит. Потом на службе то да се, закавыки всякие. Так? Ну, а четвертое — жена, конечно. Тоже нервов стоит дай боже! А в итоге что?

Петрович умолк, ожидая, что ответит Шалымов.

Но тот продолжал мрачно смотреть прямо перед собой и, как видно, не собирался поддерживать разговор.

— То да се,— неуверенно повторил Петрович.— Вот, к примеру, Северная эта. Ведь закавыка вышла?

— Разберемся,— коротко ответил Шалымов.

Петрович обрадованно подхватил:

— Именно, разберемся. А легко это, спрашивается? Контрабанда — дело небось государственное. Тут того и гляди...

— Ты на дорогу лучше гляди,— посоветовал Шалымов, потирая ушибленное плечо: машина довольно резво перекатила через очередной ухаб.

Северная была длиннейшим пакгаузом с двумя платформами по сторонам. К одной из них подходила наша широкая колея, к другой — узкая, из Польши.

Громадные кованые двери пакгауза были наполовину сдвинуты, и из черной его утробы веяло арктическим холодом.

Шалымов, сильно сутулясь, торопливо поднялся по выщербленным ступеням на платформу и вошел в пакгауз. Ледяные сумерки, царившие там, не сразу позволили ему различить груды ящиков, больших и малых, в разных концах пакгауза. В глубине, у стены, прилепилась крохотная комнатка в виде белого, оштукатуренного куба с окном, в котором уютно светилась лампа. Шалымов быстрым шагом направился туда, поглубже засунув в карманы форменного пальто сразу вдруг окоченевшие руки.

В комнатке жарко топилась печь. Два письменных стола, сдвинутых друг к другу, занимали больше половины всей комнаты. Столы были завалены горами бумаг.

Через Северную проходили грузы «малой скорости» в обоих направлениях. В бесчисленных накладных и других документах, сопровождавших эти грузы, разобраться было куда труднее, чем сделать «чистенькую» проверку ручной клади в досмотровом зале Бреста-Центрального. И потому большинство сотрудников таможни, особенно молодежь, боялись

даже на время окунуться в бумажное море на Северной, откуда, кстати, если уметь в нем плавать, можно было вынырнуть порой с немалой «добычей».

Работу на Северной выдерживали только «старики», люди с большим опытом и закалкой.

К этой категории и принадлежал встретивший Шалымова седоватый, в очках Николай Захарович Волжин. Очень высокий, широкий в кости, неуклюжий Волжин казался совершенно неуместным в этой маленькой, тесной комнате, его хотелось поместить в пакгаузе, рядом с самыми высокими и тяжелыми ящиками. Волжин и сам чувствовал себя неуютно в такой тесноте. Потоптавшись с минуту у стола и обменявшись с Шалымовым приветствиями, он тут же предложил ему пойти «к грузу».

— Я что, по-вашему, «Волги» никогда не видел? — раздраженно спросил Шалымов, подвигая стул поближе к печке.— Рассказывайте лучше.

Волжин покорно уселся за свой стол, вздохнул и с неожиданным проворством принялся перебирать высокую стопку бумаг. Тонкие папиросные листики, то белые, то фиолетовые, то зеленые, с шелестом приподнимались, словно прилипнув к его заскорузлым, толстым пальцам.

Наконец Волжин вытянул из стопки несколько сколотых листиков и, поправив очки, сказал:

— Дело тут такое, Анатолий Иванович. «Волга» эта идет за рубеж новехонькая, на спидометре четыреста километров едва. Хозяин — репатриант, сдал ее нам здесь, в Бресте. А сам следует из Москвы. Неясно. Разобраться бы надо с ним...

— У вас он был?

— А как же? И я его ласково так попросил еще раз зайти. Вот...— Волжин бросил взгляд на наручные часы.— Через час будет здесь.

Шалымов, недовольно морщась, потер подбородок.

— Через час. Вы думаете, у меня только и дел, что каждый час сюда ездить?

— Ну, может, я сам...

— «Сам, сам»,— все тем же раздраженным тоном перебил его Шалымов.— А чем тогда мне прика-

жете заниматься? «Волга» эта «чепе» или нет, я вас спрашиваю?

— Ну, «чепе», конечно.

— То-то оно и есть! А вы — я сам.

Волжин благоразумно промолчал, и Шалымов уже спокойнее, но с тем же кислым выражением на узком морщинистом лице добавил:

— Машину не отправлять пока. Хозяина ко мне на Центральную. Документы давайте сюда. Все.

Он встал и напоследок, приложив руки к горячему кафелю печи, все тем же тоном спросил:

— Что же сын-то, женится он у вас или нет?

— Его дело,— нахмурился Волжин.— Мы не препятствуем. Новую голову, как говорится, не приставишь.

Шалымов строго погрозил пальцем и задумчиво сказал:

— Не мешай молодым, Николай Захарович. Жить им.— И уже другим тоном деловито добавил: — Ну, я поехал.

Он спрятал теплые руки в карманы и ногой приоткрыл дверь в пакгауз. Волжин пошел провожать начальство до машины.

Всю дорогу обратно до вокзала Шалымов угрюмо молчал. Петрович только поглядывал на него, но заговорить не решался.

Не успел Шалымов приехать, как его сразу же позвали в досмотровый зал, где спешно заканчивали «оформление» пассажиров экспресса «Брест — Берлин», отходившего через несколько минут. Потом Шалымов провожал поезд «Брест — Варшава».

После шума и гама в досмотровом зале кабинет, в котором расположился Шалымов, показался Анатолию Ивановичу поистине райским местом. Он привольно раскинулся в широком кресле, вытянув усталые ноги, и даже расстегнул воротничок.

Не успел Шалымов насладиться покоем, как в дверь заглянула машинистка, выполнявшая обязанности секретаря.

— Анатолий Иванович, тут к вам пришли.

Шалымов застегнул воротничок и этим движением как будто стер с лица выражение покоя и добродушия.

В кабинет вошел молодой человек лет двадцати пяти в сером, модно сшитом драповом пальто и в не менее модной шапке-«москвичке» из серого каракуля. Яркое, красное с синим, пушистое кашне и кожаные перчатки цвета яичного желтка довершали наряд. Движения посетителя были энергичны, держался он уверенно и свободно. Веснушчатое, улыбчивое лицо его излучало душевное расположение и доверие ко всем людям вообще и к таможенному начальству в особенности.

— Чуяновский,— вежливо представился он, снимая шапку.— По вопросу о моем авто.

Хмурая и, казалось бы, малосимпатичная физиономия Шалымова нисколько его не смутила. Пока таможенник знакомился с его документами, Чуяновский с интересом и довольно бесцеремонно осмотрел кабинет, потом отдельно письменный стол, задержал взгляд на стопке книг возле чернильного прибора, верхняя из которых оказалась Уголовным кодексом БССР. Чуяновский, прочитав название, выразительно приподнял брови, как бы отмечая что-то про себя, и тут же, словно спохватившись, быстро перевел взгляд на Шалымова. Тот как раз в этот момент оторвался от бумаг и, словно нехотя поглядев на Чуяновского, спросил:

— Значит, всей семьей переселяетесь?

— А как же? Не могу же я мать одну отпустить? Не молодая уже, да и болезни. А братишка с сестренкой школьники еще. Что с них взять? Им еще давать надо. Разве мать одна их вытянет? Да ни в жизнь! Вот мы с женой и постановили.

— Супруга-то ваша по специальности кто?

— Секретарь-машинистка. У начальника нашего треста работала. Пришел, знаете, как-то на прием — не пустила. Так и познакомились. И как я этого тревожного сигнала не учел — не понимаю.

— А сами где работали?

— Я-то? В «Главросжирмасле», старшим экспеди-

тором. Кое-кто, конечно, себе на пользу этот жир и масло обращал. Не без того. Но у меня, знаете, принципы есть: бедно, но честно. Мы с вами лучше спать будем спокойно. Верно?

Чуяновский говорил охотно, весело поблескивая глазами, стараясь своими ответами то растрогать, то рассмешить Шалымова или, наконец, сыграть на его гражданских чувствах. Но хотя проделывал он все это с большим искусством, Шалымова всего передергивало от еле сдерживаемой неприязни. Одновременно он все яснее понимал, что вести себя надо осторожно, что дело здесь, очевидно, серьезное и одним неверным вопросом можно испортить все. «Тебя бы сюда, вертихвостка,— со злой насмешкой подумал он вдруг о Люсе Шмелевой.— Попробуй управься с таким судаком».

Как всегда бывало с Шалымовым, от ощущения важности дела, которым занимался, он постепенно приходил в хорошее расположение духа, неизменно вводя этим в заблуждение своих собеседников.

Так было и на этот раз. Чуяновский с облегчением заметил, наконец, на суровом лице таможенника долгожданные перемены. Смягчились жесткие складки, Шалымов перестал хмуриться и смотрел теперь на собеседника добродушно, почти ласково и как бы даже благодарно. Но последнего оттенка Чуяновский не понял.

— Сами вы из Москвы,— заметил Шалымов,— а машину почему-то сдали здесь, в Бресте.

Чуяновский смущенно засмеялся и, помедлив самую малость, ответил:

— Не утерпел, знаете. На ней в Брест приехал. Дорога замечательная, даже зимой.

— И права есть?

— А как же! Вот они.— Чуяновский полез за бумажником, предварительно отстегнув с внутреннего кармана пиджака большую булавку.

Шалымов без всякого интереса повертел в руках зеленоватую книжечку, лишь на миг раскрыл ее, вслух отметив, что на фотографии Чуяновский выглядит старше, и, возвращая удостоверение, спросил:

— Неужели один ехали?

— Н-нет...— опять чуть помедлив, ответил Чуяновский и, сам, видно, испугавшись своей заминки, торопливо сказал: — С супругой, конечно.

— И она водит машину?

Шалымов видел, что безобидные, казалось бы, вопросы все больше приводят в смятение его собеседника.

— Водит ли она машину? — повторил вопрос Чуяновский.— Что вы!.. То есть нет... Она до руля дотронуться боится.

— М-да... Бывает,— усмехнулся Шалымов.

Он успел заметить, что права выданы всего два месяца назад. Вместе с показанием спидометра — четыреста километров — это обстоятельство бесповоротно уличало Чуяновского во лжи. Если же учесть самый факт покупки «Волги» накануне переезда за границу и при очень скромных доходах семьи, причем семьи большой, то ложь эта начинала приобретать совсем подозрительный характер. «На жирах небось разжирел, сукин сын,— с веселой злостью подумал Шалымов.— Ну, погоди у меня!»

Если исходить из того, что Чуяновский, конечно же, не имел возможности купить машину на честно заработанные деньги, то он мог оказаться замешанным либо в хищениях по своему прежнему месту работы, либо в контрабанде, и тогда машина эта не его. В первом случае ему грозит суд и немалый срок заключения, во втором же — лишь конфискация машины. И это Чуяновский, вероятно, знает. Выходит, что в любом случае ему выгоднее признаться в контрабанде. Если... если он вообще решит признаваться. Ведь тогда он должен будет назвать сообщников. Поэтому он может начать выкручиваться. Во всяком случае, интересно, как этот прохвост сейчас себя поведет.

Почти за двадцать лет работы в таможне у Шалымова было немало подобных случаев. Тем не менее каждый из них вызывал в нем живейший интерес.

Но на этот раз Шалымов вдруг с внезапной горечью подумал: «Ну, этого я еще скручу, никуда он

от меня не уйдет. А вот с иностранцами, как у молодых наших, не получится, нет. Кишка тонка. Вон как Дубинин с англичаночкой той или Шмелев сегодня с итальянцами. Да-а, багажа у тебя, старина, маловато. Смолоду-то не припас». И он вдруг заметил, что не первый день где-то глубоко в душе копилось у него недовольство самим собой. Тут и жалость была, и досада, и даже что-то вроде зависти к молодым. Да, да, зависть тоже была, чего уж там...

И неожиданно Шалымов спросил:

— Скажите, в прошлом у вас не было судимости?

— Только этого мне не хватало,— оскорбленным тоном ответил Чуяновский.— И должен вам сказать...

— Нет уж, разрешите, теперь скажу я,— очень спокойно перебил его Шалымов.— Я не зря задал вам этот вопрос. Скажу прямо. У меня возникли очень серьезные подозрения.

— То есть?

— Откуда у вас перед самым переездом за границу появились такие деньги?

— Так я же два года стоял в очереди...

— Это легко проверить.

— Одну минуту,— поспешно проговорил Чуяновский.— Дайте же мне закончить. Да, был в очереди, но... но не достоялся. Деньги уже скопил, надо уезжать, а очередь не подошла. Что делать? Вот я и купил машину у одного гражданина. Пока что за это, кажется, не судят?

Шалымов пожал плечами.

— Все очень странно...— Он взглянул в документы,— Григорий Степанович. Кто-то продал вам машину, не проехав на ней ни километра. Вы сдали ее в Бресте нам, тоже не проехав, по существу, ни километра. Да и водительский стаж, оказывается, не позволил бы вам этого. Между тем вы утверждаете, что сами ехали на ней от Москвы, то есть больше тысячи километров. Да еще в такое время года.

Чуяновский, не отрывая глаз от пола, нервно теребил в руках связку ключей. На полном лице его проступили красные пятна.

— Ну, а деньги вы два года копили в кубышке? — совсем мягко задал новый вопрос Шалымов.

— В сберкассе,— не поднимая головы, буркнул Чуяновский.— Где же еще?

— Это тоже можно проверить.

Тут Чуяновский, наконец, не выдержал. Ненавидящими глазами он уставился на Шалымова и, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик, прошипел:

— Что вам, наконец, надо от меня? — И вдруг все-таки сорвался и крикнул: — Что?!. Что вам надо?! Я честный человек!.. Слышите, вы?!

Шалымов холодно ответил:

— Мне нужна правда, только и всего. И учтите: если ее не узнаю я, ее узнает милиция.

— Вот как? — почти спокойно спросил Чуяновский.— Интересно. Стоит подумать.

— Думайте, только не очень долго. У меня, знаете, много работы.

Чуяновский вдруг опасливо оглянулся и, понизив голос, спросил:

— Вас устроит половина стоимости «Волги»?

— В смысле взятки? — деловито осведомился Шалымов.— Вполне.

Чуяновский пристально посмотрел на него, потом махнул рукой.

— Ладно уж! Не разыгрывайте. Сам ведь вижу.

— Ну и хорошо. Значит, теперь самое время все рассказать.

— Придется,— с театральным вздохом ответил Чуяновский.— Так вот. Половина стоимости «Волги» — это как раз та сумма, за которую я согласился выдать машину за свою и перевезти через границу. Я ее и в глаза до сих пор не видел. А своих денег...— он опять вздохнул,— нет и на одно колесо. Сами подумайте, такая семья...

— Кто же действительный владелец?

— Он уже там.

— Ну что ж,— Шалымов удовлетворенно прихлопнул руками по столу, как бы подводя черту под

разговором.— Пишите объяснение. Будем составлять акт о контрабанде.

— Чем это мне грозит? — жалобно спросил Чуяновский.— Ведь мать-старуха, сестренка с братишкой — все на мне...

— Это грозит прежде всего конфискацией машины.

Чуяновский махнул рукой.

— Да пропади она пропадом!..

Андрей ждал.

Давно уже уснул Вовка, улеглась няня. Маленькая стрелка часов равнодушно передвинулась за полночь. Люси все не было.

Андрей пытался читать. Но через минуту с тоской и злостью швырнул книгу на кушетку. Воображение ярчайшими красками, почти осязательно рисовало ему одну страшную картину за другой. То он видел Люсю в объятиях какого-то человека, видел такой, какой до сих пор знал ее только он. То вдруг Андрей видел, как Люся бежит по темной улице и на нее нападают какие-то люди, затыкают рот, волокут куда-то... И Андрей опять отшвыривал книгу и кидался в переднюю. Там он лихорадочно закуривал, делал одну глубокую затяжку, вторую, третью... И настороженно, задерживая дыхание, прислушивался. Но, кроме глухих ударов собственного сердца, он ничего не слышал. За дверью стояла тишина.

Несколько раз Андрей порывался выйти на улицу, но не решался. Ему было стыдно и... страшно, страшно увидеть вдруг Люсю с другим, который, может быть, ее провожает, увидеть, как он целует ее на прощанье.

А впрочем... «Его» скорей всего нет. Есть другое. Пропасть. Между ним и Люсей. Вернее, стала пропасть. Когда Люся приехала сюда к нему, Андрей еще надеялся, ждал, что ей тут понравится все, что нравится ему,— люди, работа, город. Он так ждал! Но этого не случилось. День ото дня Люся становилась

все раздражительней, все враждебней. Они уже никуда не ходят вместе. У каждого свои друзья.

Страшно, когда в жизни ломается что-то дорогое тебе, казавшееся вечным, незыблемым. И ты ничего не можешь поделать тут, ничего...

Люся пришла поздно.

Андрей не имел больше сил притворяться спящим, как он это делал в таких случаях до сих пор. Он посмотрел на жену и с несвойственной ему грубой фамильярностью, за которой пытался скрыть свои истинные чувства, сказал:

— Ну вот что, моя милая. Надо, наконец, решить, как жить дальше. Больше я твоих фокусов терпеть не намерен.

Люся враждебно ответила:

— Мы это решим завтра.

— Нет, сегодня! Сейчас!

— Сегодня я устала. И, пожалуйста, не кричи,— поморщилась Люся и все с той же враждой добавила: — Милые же вещи рассказывают про тебя.

— Ты бы уж молчала!

— Только до завтрашнего дня.

Люся постелила себе в комнате, где спал Вовка.

...Тот вечер Люся снова провела у Марии Адольфовны, матери Филина. И та, наконец, вызвала ее на откровенный разговор. Расплакавшись, Люся призналась, что мечтала совсем не о такой жизни. И Мария Адольфовна ответила ей теми же самыми словами, которые говорила себе Люся:

— Милочка, вам надо немедленно уйти от него, пока молоды и красивы. Любой мужчина, даже самый ответственный, будет считать за счастье не только жениться, но даже ухаживать за вами. Поверьте моему опыту, дорогая. В молодости я испытала нечто подобное. И потом...— Мария Адольфовна многозначительно вздохнула,— не знаю, право, стоит ли говорить... Мне так не хочется огорчать вас...

— Что такое? — с тревогой спросила Люся.— Обязательно скажите.

Мария Адольфовна для видимости еще заставила себя некоторое время упрашивать. Наконец не на

шутку обеспокоенная и заинтригованная Люся со слезами воскликнула:

— Умоляю вас, скажите! Иначе я последний покой потеряю.

— Ах, только из любви к вам! — сдалась Мария Адольфовна.— Вы же знаете, я ненавижу сплетни. Но я не могу допустить... Одним словом, говорят о связи Андрея Михайловича с одной женщиной...

— Не может быть!

Как ни враждебно была настроена Люся к мужу, такого она допустить не могла. Больше того, про себя она уже давно решила, что Андрей лучше, честнее, прямее ее. Но разубеждать свою собеседницу она не собиралась. Нет, нет! Этот слушок... он может пригодиться.

Мария Адольфовна вздохнула.

— Жены всегда узнают о таких вещах последними. Вы не исключение.

— Кто же она? — спросила Люся, иронически усмехаясь.

Признаться, Мария Адольфовна ожидала куда более бурной реакции, и Люсина сдержанность даже вызвала у нее какие-то неясные подозрения.

— Мне не хотелось бы продолжать,— со вздохом произнесла она, приложив пальцы к вискам.— Это все так противно моим взглядам. А эта женщина, она директор какого-то магазина. Ах, да! Случайных вещей. Представляете? Между прочим, она не стоит вашего мизинца. Я просто не понимаю мужчин.

...Ночной разговор с Андреем еще больше укрепил Люсю в ее решении. Нет, нет — все! На этот раз окончательно! Надо написать маме, предупредить о приезде. Этот слушок о магазинной директрисе подвернулся как нельзя кстати. Теперь во всем будет виноват один Андрей. Так она это представит и в разговоре с ним, и на работе, и в суде, если их будут разводить...

Но разговор с Андреем состоялся только вечером следующего дня.

У обоих на этот раз хватило терпения не начинать нового объяснения, пока не заснет Вовка. Но маль-

чик словно чувствовал надвигающуюся грозу. Он плакал, ласкался то к отцу, то к матери и непрерывно спрашивал:

— Папа, а ты на меня не сердишься?

— Нет, сынок.

— Мама, а ты?

— Нет, нет. Спи наконец.

Вовка свертывался калачиком под одеялом и молча широко открытыми глазами следил за родителями. Сна в его глазах не было. Андрею чудился в них упрек, горький и совсем не детский. Когда Андрей или Люся делали движение, чтобы подняться со стула, Вовка вздрагивал и плачущим голосом просил:

— Не уходи... Боюсь...

Раньше с ним никогда такого не было.

Когда, наконец, мальчик уснул, Андрей на цыпочках вышел в переднюю и жадно закурил. Он тоже нервничал.

Спокойнее всех была Люся. Она вышла вслед за Андреем и сказала:

— Думаю, что нам нет смысла устраивать друг другу сцены. Все и так ясно. Я уезжаю с Вовкой послезавтра. Это решено окончательно. Заявление об уходе я уже подала.

— Куда ты уезжаешь? — в первый момент не понял ее Андрей.

— В Москву. К маме.

Тут только до него дошел смысл ее слов.

— Ты... ты понимаешь, что ты делаешь?

Люся пожала плечами.

— Прекрасно понимаю. И тебе, кстати, это тоже давно понятно. Не притворяйся. На разводе я пока не настаиваю. Пока. Может быть, ты одумаешься.

— Но, Люся... Скажи мне, в чем, наконец, дело?

— Я тебе уже сто раз говорила. У меня нет больше сил. Я пробовала. Я уже здесь, как тебе известно, не один месяц. Но мне противна эта работа. Вечно рыться в чужих вещах... Для этого я училась, потвоему?

— Но мы же имеем дело не с вещами, а с людьми. Разными людьми, друзьями и врагами. Это труд-

но, и это нужно. Ты ведь знаешь сама. Ты могла уже сто раз сама в этом убедиться.

Он чувствовал, как накипает в нем упрямая злость, и с трудом сдерживался, чтобы не сказать что-то лишнее, резкое, непоправимое, за что, конечно же, Люся немедленно ухватится, это он тоже чувствовал.

— И все-таки эта работа не для меня. Не думай, пожалуйста, я ни в кого не влюбилась. Я просто хочу другой жизни.

— Ни в кого не влюбилась,— с горечью повторил Андрей.— Тогда подумай, Люся, у нас еще будет другая жизнь. Вот увидишь. И потом — Вовка. Ну как мы будем жить друг без друга?

Андрею вдруг стало так невыносимо жаль и себя и Вовку, что голос его задрожал и он поспешно отвернулся.

— С сыном ты, конечно, сможешь видеться.— У Люси голос не дрожал.— Это даже предусмотрено законом. И вообще, что бы ни случилось, я не хочу окончательно лишать его отца.

Андрей ждал этого разговора. Умом он понимал его неизбежность. И все-таки какая-то непонятная, но малюсенькая надежда все время теплилась в его душе. И каждый новый день, не принесший развязки, добавлял к этой надежде еще каплю.

И вот он состоялся, этот разговор. Равнодушным, чужим голосом Люся сказала ему все. В один миг Андрей терял двух самых близких ему людей и самых любимых. Да, да, любимых! Он любил Люсю. Он все видел, все понимал и тем не менее любил.

Андрей с усилием проглотил какой-то жесткий ком в горле и, еле шевеля сразу вдруг пересохшими губами, сказал:

— Люся, останься...

Она серьезно и печально ответила:

— Давай, Андрей, без мелодрам. Мы ведь современные люди. Ситуация предельно ясна. И ты,— вот тут Люся усмехнулась,— ты очень ко времени помог мне в этом.

Она помедлила, ожидая вопроса, но Андрей, напряженно ловя ее слова, одновременно был занят

какими-то тягостными и непонятными мыслями, которые ворочались в мозгу, как тяжелые камни. Поэтому Андрей не задал того вопроса, которого ожидала Люся. И тогда она все с той же усмешкой добавила:

— Оказывается, в кого-то другого влюбился ты?

— Я?!.

— Ого! Да ты стал неплохим притворщиком.

— Я ни в кого не влюбился.

— И в директора некоего магазина тоже?

Андрей ошеломленно взглянул на жену.

— Люся, я тебе сейчас все расскажу...

— Я не хочу слушать.

— Но ты же слушала про это от других!

— И мне вполне достаточно.

Андрей рассердился. Это помогло ему взять себя в руки.

— Что ж, я понимаю. Тебе так удобнее,— медленно произнес он.— Ладно, уходи. Я не стану тебя больше удерживать. А пока... пока уйду я.

Он сдернул с вешалки пальто, схватил шапку и выбежал на улицу.

И вот опять вечер, опять холодный ветер бросает в лицо колючие снежинки, и от них больно глазам. И Андрей один на улицах этого города, и опять ему некуда идти, и опять у него нет дома.

Андрей медленно брел по улице. Иногда он сворачивал за угол и так же медленно и равнодушно брел по другой улице. Он не мог ни о чем думать. Голова гудела, что-то сдавливало виски. Сырой, липкий холод все сильнее пробирался под пальто, вытесняя последнее тепло.

Внезапно из полутьмы выплыла вывеска: «Закусочная». За широким окном, наполовину затянутым марлевой занавеской, виднелись люди. Они сидели вокруг серых мраморных столиков, курили, оживленно разговаривали, с аппетитом ели и пили. Из-за плохо прикрытой двери вместе со струйками тепла доносились их возгласы.

Андрея потянуло туда, и он, не задумываясь, толкнул дверь.

В первую минуту шум оглушил его. Незнакомые лица, разгоряченные, веселые или сердитые, замелькали перед глазами.

Андрей стоял у двери, отыскивая свободное место. Неожиданно кто-то крикнул:

— Шмелев!

Андрей обернулся. К нему, чуть пошатываясь и размахивая руками, пробирался между столиками Петрович. Круглое потное лицо шофера и особенно нос и литые щеки были сейчас багровыми, местами живописно переходя то в фиолетовый, то в густо-желтый, и маленькие рыжеватые усики совершенно терялись в этом буйстве красок. Заплывшие глаза Петровича светились восторгом. Он обнял Андрея за талию и с воодушевлением объявил:

— Наконец-то! А я уж думал, не придешь!

— Чего, чего? — опешил Андрей.— Ты разве ждал меня?

— А то как же? Беспременно ждал. Хуть какой-никакой друг, а прийтить должон был, раз я гуляю.

Петрович энергично потянул Андрея за рукав.

На мраморном столике стояли бутылки с водкой и пивом, на тарелочках лежала закуска.

Когда они уселись и выпили по первой рюмке, Андрей, морщась, спросил:

— И с чего это ты гуляешь? С какой радости?

Петрович таинственно подмигнул.

— Такая, брат ты мой, история приключилась, что и не поверишь. Только тебе, как другу. Жене родной не сказал, а тебе вот скажу. Но,— он приложил к губам толстый веснушчатый палец,— никому, понял?

— Это почему же?

— А потому. Чудно́е дело. Вдруг да промашку дал? Мишка враз шкуру спустит.

Мишкой он с пьяной фамильярностью называл Филина. И Андрей согласно кивнул головой.

— Этот спустит.

— Вот-вот! — неизвестно чему обрадовался Петрович.— Злодей он. Бывало, во как надо отпросить-

ся,— он провел рукой по горлу,— но ежели Федора нет — все! К Мишке и не сунусь. Удавлюсь скорей. А то бывало...

— Ты давай рассказывай, что с тобой приключилось,— вернул его к первоначальной теме разговора Андрей.— С чего гуляешь-то?

— И-и, брат!..— Петрович так энергично замотал головой, что Андрей на секунду даже испугался за него.— Но выпьем сначала.

Они опять чокнулись, опрокинули рюмки, долго закусывали. Наконец Петрович сделал таинственные глаза и, наклонившись над столом, приступил к рассказу.

— Помнишь, неделю назад конфисковали мы на Северной «Волгу»? Новехонькая такая, голубая. Отогнал я ее, красавицу, в гараж облисполкома и ручкой — привет! Служи, мол, Советской власти. Вскорости забыл даже думать о ней. Живу, значит, питаюсь, свою горемычную в хвост и в гриву гоняю. Профилактику даже сделать и то некогда. А ведь как без нее, без профилактики? Того и гляди... Вот бывалоча...

— Да ладно тебе! — с досадой перебил его Андрей.— Ты про что начал рассказывать, про то и давай.

От выпитой водки у него вдруг прошла боль в голове, приятное тепло разлилось по телу.

Рассказ Петровича заинтересовал его. Случай с голубой «Волгой» все на таможне помнили прекрасно. Неужели он имеет продолжение? Поэтому, когда Петровича начало было опять сносить в сторону, Андрей рассердился. Но на этот раз взбунтовался и Петрович.

— Ты мне не указывай, понял? — строптиво заявил он.— Могу я за свои деньги говорить, как хочу, или не могу? — Тем не менее он все же продолжал свой рассказ уже без отступлений: — Так вот, значит, третьего дня вечером иду домой. Трезвый, между прочим, как стеклышко. Скучно мне. Дома, знаю, жена ничего хорошего мне не скажет. В другое место идти — монет нет. Скучно. Вдруг, значит, подходит ко мне один — полный такой, в очках — и спрашивает:

«Ты не шофер ли с таможни?» — «Я самый,— отвечаю,— шофер и есть».— «А хочешь,— говорит,— заработать враз сотню?» — «С нашим удовольствием,— говорю,— ежели все законно».— «Да от тебя,— говорит,— сущая безделица требуется. Конфисковали вы неделю назад «Волгу» голубую, помнишь?» — «Ясное дело,— отвечаю,— помню».— «Ну вот,— говорит,— и узнай, куда ее отдали, кому. Вот и все дело».— «И за это,— спрашиваю,— сотню?» — «Именно»,— отвечает. Ну, думаю, пьяный или свихнутый какой. Только бы не раздумал.

— И узнал? — нетерпеливо спросил Андрей.

— А как же! В тот же вечер. Зараз вместо дома потопал к Ванюшке, он шофер тоже, в облисполкоме. Тот все и растолковал. И веришь, через два часа дурила эта вручает мне деньги. Ей-богу, как с неба свалились. Надо же, а?

Андрей с возрастающим интересом спросил:

— И где же та машина оказалась?

— Да в облздраве. Этих по области катает... Как их? Консультантов, что ли?

Андрея заинтересовала эта история. Не будет человек выбрасывать на ветер сто рублей. Значит, очень ему та «Волга» была нужна. А зачем, собственно говоря? Андрей знал, что мнимый хозяин машины уже за границей, а подлинный хозяин прибыл туда еще раньше. Кто же интересуется ею здесь, в Бресте? Неожиданно он вспомнил подробность, о которой ему рассказал Валя Дубинин: машина была сдана в Бресте, хотя тот прохвост, Чуяновский, ехал из Москвы. Нет, тут что-то не так. И Андрей спросил у Петровича:

— Ну, а разглядел ты того гражданина? Деньги небось не в темноте получал?

— Ясное дело, разглядел.

— И какой же он из себя?

— Дык как сказать? — Петрович задумчиво поскреб затылок.— Из себя он, конечно, видный. Очки при нем шикарные, золотые небось. И говорит солидно, что твой министр. Неужто будет обратно машину эту требовать?

Андрей задал Петровичу еще несколько вопросов, поминутно останавливая его руку, когда тот хотел выпить, но ничего нового не узнал. В конце концов он понял, что просто не знает, о чем еще спрашивать, и задает какие-то пустые, расплывчатые вопросы, на которые Петрович не смог бы ясно ответить, будь он даже трезв. Но тогда что же делать?

Досадуя на себя, Андрей продолжал обдумывать так внезапно возникшую таинственную и нешуточную ситуацию. Кроме всего прочего, это помогало ему не думать о Люсе.

А Петрович между тем мирно задремал, несмотря на шум и гам вокруг, подперев кулаком красную небритую щеку.

На следующее утро Андрей первым делом направился в кабинет начальника таможни. Он был неприятно удивлен, когда за столом увидел Филина. В последнее время Жгутин часто болел, и Филин в таких случаях каждый раз занимал его кабинет.

Как всегда педантично-аккуратный, в тщательно отутюженном форменном пиджаке, глянцево-выбритый, с прилизанными серыми волосами, расчесанными на косой пробор, Филин просматривал утреннюю почту, водрузив на свой остренький нос новые очки в массивной оправе. Увидев Андрея, он сухо спросил:

— В чем дело, Шмелев?

Вообще-то говоря, Андрей рассчитывал увидеть Жгутина. Еще вчера, когда он по телефону спрашивал его о здоровье, тот бодро ответил, что завтра, по-видимому, уже придет на работу. И вот — на же тебе! Однако сообщение у Андрея было, по его мнению, настолько важным и срочным, что раз Филин замещал сейчас начальника таможни, значит Андрей обязан был сделать это сообщение ему. И Андрей, пересилив неприязнь, доложил Филину о своей вчерашней встрече с Петровичем.

Филин выслушал его с чуть иронической усмешкой и, когда Андрей кончил, спросил:

— Значит, в пивной встретились?

— Да. Только это не имеет значения, где встретились.

— А я полагаю — имеет. Петрович был, как всегда, вдребезги пьян, конечно. Да и вы...

— Я был совершенно трезв.

— Да? — И Филин насмешливо добавил: — Вы зашли туда выпить кефир?

Андрей не выдержал и запальчиво сказал:

— Михаил Григорьевич, я пришел к вам не для того, чтобы обсуждать свое меню в закусочной. Считаю, что рассказанное вчера Петровичем является...

— ...Является бредом алкоголика, не больше и не меньше! — повысив голос, уже раздраженно перебил его Филин.— Стыдитесь, Шмелев! Он выдумал неумную историю, чтобы объяснить, на какие деньги он пьянствует. Вот и все. А вы, извините, развесили уши.

— А я верю в эту историю,— с упрямой яростью произнес Андрей.

— Ваше личное дело. Можете идти.

— Михаил Григорьевич...

— Можете идти, Шмелев. У меня много дел. Надеюсь, у вас они тоже есть?

Андрей вышел, бледный от злости. Так еще с ним никто и никогда не разговаривал. О, был бы здоров Федор Александрович, этот тип вел бы себя совсем по-другому, он ведь изрядно трусит перед Жгутиным, это все знают.

Что же теперь все-таки делать? С кем посоветоваться? Может быть, с Валькой?

Валя Дубинин, казалось, мог дать советы на все случаи жизни. Его ничем нельзя было смутить. Поэтому Андрей рассказал ему все, что он узнал от Петровича, а заодно уж и о своем разговоре с Филиным. Немного помолчав, Дубинин сказал:

— Свое мнение об этом типе я тебе выложу как-нибудь в другой раз. А пока... О-о!..— оживился вдруг Валька, и в плутовских глазах его зажглись лукавые искорки.— Есть один человек! Толковый парень! История с Петровичем как раз по его линии.

Человек, с которым следовало посоветоваться, был, по мнению Вальки, его земляк Геннадий Ржа-

вин, в данное время работавший в уголовном розыске здесь, в Бресте. Валька не только дал Андрею этот ценный совет, но немедленно потащил друга к телефону. Однако Ржавина на месте не оказалось.

После этого Дубинин звонил Ржавину в течение всего дня. Наконец уже под вечер, когда Андрей собирался уходить домой, Валька разыскал его и передал, что Ржавин просил сегодня же зайти к нему в горотдел милиции.

Андрей имел довольно смутное представление об уголовном розыске, о его людях и делах. Правда, как-то Андрей прочел приключенческую повесть о борьбе с преступниками, прочел быстро и с интересом, но в глубине души не очень ей поверил. «Приукрашивает автор,— решил он,— сам, наверное, оттуда». Но с одним он согласился безоговорочно: работа там сложная и, конечно, опасная. Как-никак, а преступники иногда стреляют или берутся за нож. Одно дело — нечаянно напороться на таких, и уж совсем другое дело — искать с ними встречи. Одним словом, учреждение, куда шел в тот вечер Андрей, вызывало у него безусловный интерес и уважение.

Ржавин оказался долговязым черноволосым парнем, порывистым и насмешливым. Из-под густых бровей светились лукавые карие глаза. Щеку его пересекал еле заметный шрам, но когда Ржавин волновался, шрам становился багровым. (Это обстоятельство, между прочим, сильно огорчало Ржавина: «Сотрудник угрозыска с такой особой приметой — это наполовину уже не сотрудник!»)

Несмотря на свой живой характер, Ржавин молча выслушал рассказ Андрея, а также все его мысли и предположения по этому поводу, которые, однако, сводились к одному выводу: дело очень подозрительное.

Хотя вывод этот напрашивался сам собой и вовсе не требовал, по мнению Ржавина, столь многословных рассуждений, тем не менее Андрей ему понравился.

Когда тот, наконец, кончил — кажется, никогда он не был так многословен,— Ржавин сказал:

— Я вас попрошу сесть за мой стол и подробно записать ваш разговор с шофером. И больше ничего.

Андрей смущенно ответил:

— Да, да, конечно. Это самое главное. Я тут наболтал вам...

Как только Андрей сел за стол, Ржавин посмотрел на часы, досадливо щелкнул по ним, но, поколебавшись, все же заглянул в справочник и, сняв телефонную трубку, набрал номер.

— Тонечка?! — обрадованно воскликнул он.— Прямо не надеялся уже. У подъезда небось хахали дожидаются, а вы горите на работе... Ах, так? Ну, тогда извините. И окажите услугу хорошему человеку. Что?.. А вот какую. Неделю назад облздрав получил конфискованную «Волгу», голубую. Какой ее горзнак теперь?

Ржавин подождал, пока невидимая Тонечка рылась в картотеке, потом быстро записал номер и, простившись, нажал рычаг. Минуту он что-то обдумывал, потом, пробормотав: «Интересно, однако, что он скажет»,— снова порылся в справочнике и набрал новый номер.

— Товарищ Стращук? Здравствуйте, Ржавин из гормилиции беспокоит. Что «Волга» ваша, тридцать четыре ноль семь, в городе сейчас?.. Зачем? Пока ответить трудно... К себе забирать? Нет, не собираемся. Так где же она? Ах, вот как! Это точно? Может, еще раз проверите?.. Ну, добре. Всего хорошего.

Он с силой повесил трубку, потом уверенно и зло произнес:

— Врет, каналья!

Больше Ржавин никуда не звонил и принялся читать какие-то бумаги, подшитые в толстой, потрепанной папке. Андрей не сразу догадался, что это были протоколы допросов.

Вскоре Андрей кончил писать. Ржавин взял у него исписанные листы, бегло проглядел их, потом задал несколько уточняющих вопросов и сам вписал ответы на них, размашисто и небрежно.

Потом они простились.

— Кажется, нам придется еще не раз встречаться,— заметил напоследок Ржавин.— Знаете, какая может завариться каша от этого сообщения? — Он кивнул на исписанные Андреем листы.— Вместе будем тогда расхлебывать.

— Да-а. Добавил я вам дел. И без того, наверное, хватает.

— А! — беспечно махнул рукой Ржавин.— Разве здесь дела? Брест, я вам доложу, золотой город. И народ здесь золотой. Но строгий. А как же иначе? Граница! Но, конечно, залетают и к нам субчики. Поэтому за сообщение спасибо. А в случае чего поможете. Идет?

Андрей, улыбнувшись, кивнул в ответ. Его невольно заражала веселая энергия этого парня. И еще: ему очень не хотелось уходить, потому что это означало, что надо идти домой... Ржавин, кажется, что-то понял. В карих глазах его мелькнуло сочувствие. Он еще раз с силой пожал руку Андрея и, смеясь, сказал:

— Ого! Крепкая у вас рука. Люблю. А характер такой же?

— Кажется.

— Ну-ну. Тогда все в порядке.

«Какой-то снисходительный у него тон»,— с неудовольствием думал Андрей по дороге домой. Но спустя некоторое время он все же решил, что Ржавин неплохой парень. Интересно, найдет ли он того человека, с которым встретился Петрович, или нет? «А все-таки, товарищ Филин, видно, не я, а вы близорукий человек»,— злорадно подумал он.

Между тем, как только Андрей ушел, Ржавин нетерпеливо схватился за телефон. «Главное в нашем деле — иметь побольше друзей»,— не без удовольствия сказал он сам себе и назидательно прибавил: «Особенно среди людей, которые обслуживают других людей. Самый осведомленный и наблюдательный народ». Ржавин при этом не заметил, что слово в слово повторил то, что не раз говорил ему его первый начальник, еще в Минском угрозыске.

Он набрал номер телефона.

— Петро? Ржавин приветствует... Да все, понимаешь, некогда... Да, да. Обязательно.

Они некоторое время говорили о каких-то общих знакомых, потом о предстоящем футбольном матче, потом еще о чем-то. Наконец Ржавин спросил:

— Ну как, «Волга» та у вас прижилась? Ясно. А сейчас она где? В гараже стоит? Вот здорово! А мне сказали, что ее угнали в район... Брехня? Понятно... Что, что? — Лицо Ржавина вдруг стало озабоченным.— Какой человек?.. Та-ак. А когда он приходил?.. Еще днем? Понятно,— он на минуту задумался, потом, что-то решив про себя, напористо произнес: — Вот что, Петро. Не в службу, а в дружбу. Давай сейчас к вам в гараж подскочим? Хочу я, понимаешь, на ту «Волгу» полюбоваться. А?.. Вот это добре. Сейчас я у тебя буду. Жди.

Еще одним неколебимым правилом Геннадия Ржавина было никогда ничего не откладывать на завтра. Это правило так вошло в привычку, что он уже не ощущал от него неудобства. Ржавин считал, что такой темп жизни благотворно сказывается не только на его работе, но даже на его самочувствии. Сколько дел он не смог бы «поднять», если бы отложил на завтра самые первые свои шаги, как говорят, по горячим следам!

— ...Машина как машина,— беспечно рассказывал ему по дороге Петя, знакомый шофер, работавший в гараже облздрава; Ржавин заехал за ним на милицейской «Победе».

— А кто у тебя про нее спрашивал?

— Деятель какой-то,— усмехнулся Петя.— Просил прокатить.

— Ну, а ты?

— А я, как на грех, с нашим Аракчеевым был.

— Это кто ж такой?

— Известно кто. Стращук. Не будь его, я бы этого деятеля прокатил. Уж очень он просил. А сам солидный такой.

— Скажи спасибо твоему Аракчееву.

— За что спасибо?

— За его характер.

— То есть?

— Эту поездку, милый, ты бы иа всю жизиь запомнил. Если бы цел остался, коиечио.

Петя встревожеиио посмотрел иа Ржавииа и, понизив голос, спросил:

— А что, есть данные?

— То-то и оио!..

— Да-а... Скажи на милость.— И строго добавил: — Неслыхаиное это дело у иас в Бресте.

Тем временем машина, пропетляв по улицам, въехала в большой неосвещенный двор. Посредиие его на высоком столбе висела разбитая лампочка.

— Тьфу! И когда это разбить успели? — возмутился Петя, вылезая из машииы.

Вдвоем они иаправились к темиевшему в глубиие двора приземистому здаиию гаража. Кругом стояли какие-то сараи. Людей во дворе ие было.

Неизвестио почему Ржавина вдруг охватило беспокойство. Судя по тому, как нетерпеливо шагал рядом Петя, ои тоже был неспокоен. «Обстаиовка действует»,— решил Ржавин и вдруг почувствовал, как запульсировал проклятый шрам у него иа щеке.

Неожидаиио Петя вырвался вперед, почти бегом приблизился к гаражу и вдруг ие своим голосом закричал:

— Геика! Машииу угнали!

Люся уезжала.

В комиате стояли три раскрытых и почти доверху уложеииых чемодаиа, большой фаиерный ящик для посуды и кухоииой утвари и еще ящик поменьше, с Вовкиными игрушками, а в передней горкой лежали сумки и авоськи, иеловко перевязаиные бумажиыми веревками. В комиате суетились Люся и иняя.

Поезд уходил под вечер, но еще уйма вещей была не уложена, не все продукты куплеиы иа дорогу.

Задвигая ящики пустого комода, старая иняя делаиио-безразличиым тоном сказала Люсе:

— Аидрею-то Михайловичу как бы двух простынь ие мало было. Да и иаволочку всего одиу оставили.

— Что вы, няня! — махнула рукой Люся.— Ну, в крайнем случае купит себе.

Няня покачала головой, но ничего больше не сказала.

А Люся увозила все. Ей было жалко оставлять и лишнюю простыню, и кастрюлю, и лампочку над тахтой, и ковер, и пепельницу. Вот только мебель ей было не жалко, она была старая и некрасивая. Люся ее стыдилась. «Ничего, ничего,— уговаривала себя Люся,— он один, а я с ребенком». Но тут же она начинала думать о том, как приедет в Подольск к своим родителям, оставит им Вовку, а сама будет жить в Москве. И работать будет, наверно, в Московской таможне.

Дело в том, что вчера вечером Люся в последний раз была у Филиных, и Михаил Григорьевич дал ей письмо к одному ответственному работнику Главного управления, своему доброму знакомому. В письме он просил устроить Люсю на работу в Московскую таможню и давал ей самую лучшую характеристику. Это было тем более кстати, что в официальной характеристике, подписанной Жгутным, давалась весьма сдержанная оценка Люсиным деловым качествам. Когда Люся вчера спросила Филина, удобно ли приходить к Капустину с таким письмом, Михаил Григорьевич рассмеялся. «Он мне будет только благодарен за такую очаровательную сотрудницу. Увидите».

Это письмо Люся спрятала среди самых важных своих документов. Что ж, Капустин так Капустин. Уж она-то сумеет расположить его к себе. «Начнем с Капустина»,— весело подумала она.

Вообще Люся чувствовала необычайный прилив бодрости и энергии. Ей казалось, что она наконец-то вырывается на такой простор, какого только ей и не хватало, чтобы развернулись все ее способности, осуществились все мечты.

Все знакомые в Бресте как бы перестали для нее существовать. Люся была полна к ним пренебрежительного сочувствия. Ей даже пришла вдруг на ум крылатая горьковская фраза: «Рожденный ползать летать не может». Да, верно, каждому — свое в жиз-

ни. А она, Люся, полетит, далеко полетит, высоко. «Вот посмотрите»,— с неожиданной мстительностью подумала она, вспомнив, как холодно прощались с ней вчера сотрудники таможни. «Завидуют»,— решила она тогда.

Андрей пришел домой лишь за час до отхода поезда, когда надо было уже отправляться на вокзал. Люся ждала новых объяснений, но Андрей лишь угрюмо осведомился:

— Все готово? Машина ждет.

— Готово,— с облегчением отозвалась Люся.

И Андрей позвал Петровича.

Вдвоем они начали торопливо переносить вещи в машину. А Люся стала одевать Вовку.

Переминаясь с ноги на ногу, Вовка спросил:

— Мам, мы насовсем едем?

— Насовсем.

— А папа?

— Что — папа?

— А он насовсем не едет?

— Папа к нам приедет... в гости.

— Папа гостем не бывает,— укоризненно поправил ее Вовка и вдруг вздохнул.

Он вздохнул так по-взрослому, что Люсе даже на секунду стало не по себе. «О чем подумал сейчас этот человечек? — невольно пронеслось у нее в голове.— Что он чувствует?» Мальчик без отца... И нельзя будет ему даже сказать, где папа, потому что он сразу спросит: «А почему?» И на это Люся никогда не решится ему ответить. То есть, конечно, когда он вырастет, она сможет ему сказать: «Разлюбила». А пока...

Люся поспешила отогнать от себя грустные мысли. Она быстро одела Вовку, поцеловала его в тугую щечку и послала к машине.

Когда Андрей зашел в комнату за последним чемоданом, Люся была одна. Он подошел к ней и все так же угрюмо сказал:

— Учти. Если я узнаю, что Вовке плохо...— И, сорвавшись, прибавил звенящим от напряжения голосом: — Чего бы мне это ни стоило — отберу!

— Не волнуйся. Ему будет хорошо.

Люся ответила мягко, почти ласково. Ей не хотелось под конец ссориться с Андреем. Зачем? Она добилась своего. Теперь надо поберечь нервы. И сейчас и на будущее: зачем делать Андрея своим врагом? Мало ли что...

— Ты по-прежнему не настаиваешь на разводе? — с печальной иронией спросил он.

Люся кивнула головой.

— Да. Пока, конечно. Я еще надеюсь, Андрей... что и ты уедешь отсюда.

— Я не могу себя переломить,— горестно вздохнул он.— Не могу. Пробовал.

— Попробуй еще,— рассудительно посоветовала Люся.

Когда приехали на вокзал, было уже темно. В это время рано темнело.

Андрей и Петрович стали переносить вещи к поезду через весь вокзал. А Люся, чтобы никого не встретить, быстро прошла с Вовкой и няней в вагон. У них было отдельное двухместное купе: Люся считала, что на удобства деньги жалеть нельзя.

Когда Андрей нес через зал ожидания тяжелые чемоданы, его встретил Валя Дубинин.

— Давай помогу,— предложил он.

Андрей коротко ответил:

— Сам. Спасибо.

У вагона провожатых не было. Андрей занес вещи в купе, аккуратно уложил их там.

Няня поманила Вовку.

— Идем к паровозу. Попросим, чтобы скорее вез нас.

— Идем! — обрадовался Вовка и важно добавил:— А ему мой папа как велит...

Когда за ними задвинулась дверь, Андрей сказал:

— Ты, Люся, все-таки тоже подумай там, в Москве... Я... я прощу тебя. И Вовка... Ну как он без меня?..

— «Прощу»? — со злой иронией переспросила Люся, но тут же снисходительно махнула рукой.— Хорошо. Я подумаю. Только, умоляю, не начинай новых объяснений.

— И тогда напишешь?

— Напишу, напишу. Ну, прощай. Желаю тебе... в общем всего самого лучшего в жизни. А теперь иди. Присылай Вовку, уже пора.

— Та-ак.

Андрей внимательно посмотрел на жену и, ничего больше не прибавив, вышел из купе.

Около вагона он неожиданно увидел Жгутина. Старик прощался с Вовкой.

— Конфеты смотри не рассыпь. Это тебе, понял? А няне вот тоже.— Он протянул еще один кулек — няне.

Андрей взял Вовку на руки, крепко прижал к себе и, целуя в обе щеки, сказал:

— Будь хорошим. Папу не забывай.

По радио объявили об отправлении поезда. Няня с Вовкой торопливо поднялись в вагон. А через минуту поезд незаметно тронулся с места.

Мимо стоявших на перроне людей медленно поплыли зеркальные окна вагонов. В одном из них, чуть прикрытое занавеской, как будто мелькнуло Люсино лицо. Или это только показалось Андрею?

Поезд ушел. Погас вдали красный прыгающий фонарик. У перрона тускло засеребрились полоски рельсов на черных шпалах.

Жгутин тронул Андрея за плечо.

— Пошли. Ждут нас.

Они шли долго, молча сворачивая из улицы в улицу. Андрей не понимал, куда они идут, да и не хотел понимать. Ему это было безразлично. Тупая боль стыла где-то внутри, под сердцем.

Было тепло и сыро, необыкновенно тепло. По краям тротуаров лежали потемневшие, словно спекшиеся, бугры снега.

Неожиданно пошел сильный косой дождь. Под ногами побежали ручьи. Меховая ушанка стала тяжелой от воды и обручем стягивала лоб. Голова непривычно болела, ломило в висках. Андрей вдруг подумал: «Не заболеваю ли?» И тут же с презрением сказал себе: «Сопляк ты, брат».

Они поднялись иа третий этаж.

Дверь открыла Светлана.

При виде Аидрея иа оживлеином лице девушки появилось удивлеиие.

— Папа, к иам гости?

— Не к иам, а ко мие,— строго ответил Жгутии.— Ты свободиа.

— То есть?

— То есть можешь идти на свой вечер.

Светлана лукаво улыбиулась.

— И мама, зиачит, тоже свободиа?

— Ну, мама... В общем это как оиа захочет.

— Ага, а я, зиачит, уже ие могу поступать, как захочу?

Жгутии с досадой посмотрел на дочь, а Аидрей тоном, каким взрослые обращаются к детям, с усмешкой спросил:

— Вы почему со старшими спорите?

— Да-а... А почему он командует? — обижеиио ответила Светлаиа.— Вот иазло ему возьму и остаиусь.

— Да пожалуйста! Что ты в самом деле!..

В передией появилась Нина Яковлевиа в домашиих шлепаицах и фартуке.

— Вот и хорошо,— приветливо сказала оиа.— И даже отличио. Заходите, Аидрей. Я сейчас вас обоих чаем иапою.

В течеиие всего вечера иикто не обмолвился ии словом о том, что произошло в жизии Аидрея. Все как будто чувствовали, что любое прикосновеиие, даже самое дружеское, могло причииить боль. «Замечательиая семья,— растрогаиио думал Аидрей.— Как хорошо, что я пришел к иим сегодия!» Он представил себя одиого в пустой квартире и иахмурился.

А Федор Алексаидрович добродушио подсмеивался иад дочерью.

— Что же теперь с твоими кавалерами будет? Завтра опять телефои обрывать иачиут.— И он почему-то тонким голоском проговорил:— «Можно Светлаиу? Кто говорит? Так, одии зиакомый...»

— Папа, перестаиь!

— Доченька, где же твое чувство юмора? — не унимался Федор Александрович. Потом он обернулся к Андрею.— Вот пишут, что в Москве транспортные тоннели стали под площадями рыть. Ты их видел, а?

— Видел, как роют.

— И где это?

— Под площадью Маяковского. И на Таганке, кажется.

— Во! Именно там и надо. Давно пора!

Светлана засмеялась.

— Ты напиши скорей, где дальше рыть.

Потом Андрей рассказал историю с голубой «Волгой».

— ...Вчера вот был в милиции,— закончил он свой рассказ.— При мне выяснили, что машину передали в облздрав. И номер у нее теперь... даже запомнил. Тридцать четыре ноль семь. А сегодня — представляете? — звоню этому Ржавину, говорит: «Угнали ее, ищем».

— М-да...— задумчиво покачал головой Жгутин.— Странная история.

Время шло незаметно, и, когда Андрей взглянул на часы, было уже около одиннадцати.

— Пора мне,— поднялся он из-за стола.— Завтра вставать рано.

И уже в передней, прощаясь, Андрей с чувством сказал Жгутину:

— Спасибо вам, Федор Александрович. За все спасибо.

— Ну ладно тебе,— смущенно откликнулся тот.

Светлана схватила свою шубку.

— Я вас провожу чуть-чуть, Андрей. Ладно? Очень хочется перед сном прогуляться.

— Ну что ж. Пошли.

На улице похолодало. Дул резкий, пронизывающий ветер. Тротуары и мостовая под рассеянным желтоватым светом фонарей отливали стеклянным блеском. После неожиданного дождя наступил гололед.

Светлана поскользнулась и со смехом уцепилась за Андрея.

— Вы только смотрите, что творится? Ой, маме завтра будет работа!

И тут же поскользнулся Андрей. Проделав в воздухе немыслимый пируэт, он ухватился за дерево. Светлана снова залилась смехом.

— Ой! Вы такой громадный... как медведь... И так пляшете на льду...

Андрей с опаской отцепился от дерева, и они двинулись дальше, крепко держась за руки.

Светлана украдкой взглянула на него, потом вдруг спросила:

— Андрей, а вам нравится наш Брест?

— Очень.

— А крепость вы видели?

— Еще бы!

— Это, наверное, странно, но я до сих пор ужасно волнуюсь, когда туда хожу. Мне кажется, что я тоже там умерла бы, но не отдала ее врагу. Хотя, я думаю, все там волнуются. Правда?

— Конечно, волнуются,— Андрей смущенно усмехнулся.— В цитадели я даже примеривался, откуда бы я стрелял.— И убежденно добавил:— Я там первый раз в жизни почувствовал, что значат памятники боевой славы. Волна какая-то в душе поднимается, и хочется совершить что-то великое и благородное. И не обязательно, чтобы война...

Андрей внезапно умолк, а Светлана, коротко взглянув на него, закусила губу и ни о чем больше не спросила.

Они прошли до конца улицы и завернули за угол. Неожиданно до их слуха донесся натужный рев мотора.

— Буксует,— сказал Андрей.— Ох, водителям сегодня достанется!

Светлана добавила:

— Во дворе застрял. Слышите? Вон оттуда ревет.

Она указала варежкой на ворота.

Когда Андрей и Светлана поравнялись с этими воротами, то увидели в глубине двора настежь раскрытый каменный гараж. В стороне, около палисадника, наклонившись набок, буксовала машина. Как видно,

ее пытались загнать в гараж. Мотор натужно ревел, машина тряслась, но с места не двигалась.

— Концерт устроили,— осуждающе заметил Андрей.— Всех теперь кругом перебудят.

— А что же делать?

— Как — что? Слить воду и на одну ночь оставить машину во дворе. Ничего с ней не случится.

— А вдруг угонят, как ту?..

— Ну, это редкий случай.

В это время машина перестала реветь. Мотор выключили. Стукнула дверца, и появился человек. К нему подошел второй, он, видно, толкал машину сзади. И оба, о чем-то переговариваясь, двинулись к воротам.

На улице они простились. До Андрея и Светланы долетели слова, сказанные одним из них, высоким и толстым:

— Позови Никифора. Чтоб машина до утра была в гараже. Ясно? Завтра, наконец, займусь ею!

Что-то знакомое почудилось Андрею в его удаляющейся фигуре.

Второй из собеседников суетливо огляделся, увидел молодых людей и, поминутно скользя, побежал к ним.

— Товарищ,— просящим тоном обратился он к Андрею,— помогите. Толкните машину. Я еще одного сейчас позову. А то из сил выбился.— И, обернувшись к Светлане, добавил:— Уж я не знаю, как извиняться.

Через несколько минут к воротам подошел, сладко потягиваясь, еще один человек.

Все двинулись во двор, к машине.

Светлана осталась стоять в стороне, шофер сел за руль, а Андрей вместе с подошедшим человеком уперлись плечами в кузов машины.

Прямо перед глазами Андрея зажегся фонарик над номером машины. И он невольно посмотрел на белые, четкие цифры. Взревел мотор. Андрей нажал плечом. Сильнее. Еще сильнее...

Но перед глазами продолжали стоять белые цифры на номере машины. Только спустя какие-то мгно-

вения Андрей вдруг понял, почему эти цифры так взволновали его. Тридцать четыре ноль семь!

Урча, машина медленно двинулась к гаражу. Андрей, продолжая упираться в нее плечом, лихорадочно соображал, как ему следует теперь поступить.

Шофер уже с благодарностью тряс ему руку, а Андрей все еще не знал, на что решиться.

Когда они, наконец, остались со Светланой одни, Андрей торопливо рассказал ей о своем открытии. К его удивлению, она не растерялась, а, вся загоревшись от нетерпения, спросила:

— Что будем делать?

— Что делать?.. Вот что.— Андрей вдруг заговорил уверенно и спокойно.— Я останусь здесь, во дворе. Спрячусь около гаража. На всякий случай. А вы бегите к телефону. Ближе всего домой. Звоните в милицию. Пусть немедленно едут сюда.

— Хорошо. Только...— Светлана смущенно помедлила.— Спрячьтесь получше. Ладно?

— Ладно, ладно. Бегите.

И Светлана легко, почти не скользя, побежала по кромке тротуара, где льда было меньше.

Когда ее высокая, худенькая фигурка скрылась за углом, Андрей медленно двинулся к воротам.

Зайдя во двор, он огляделся. Никого. Осторожно продвигаясь вдоль стены дома, Андрей добрался до гаража и прижался к его холодной, обледенелой стене. Переведя дыхание, он прислушался. Во дворе было тихо, только посвистывал ветер в ветвях деревьев.

Томительно долго тянулось время. Холод пробирался под пальто, коченели ноги. Андрей неслышно переступал ими, пытаясь согреться.

Внезапно откуда-то донесся неясный шум. Андрей насторожился. Его трясла мелкая дрожь то ли от холода, то ли от волнения. Зубы он стиснул, чтобы не стучали.

Шум повторился. Андрей весь подался вперед, оторвавшись от стены.

И в этот момент сзади на него обрушился удар. Человек бил наотмашь чем-то тяжелым, хорошо прицелившись.

Удар пришелся по голове.

Андрей со стоном повалился на землю и потерял сознание.

Тихо... В палате всего четыре человека. Трое спят. Не спит только Андрей. Очень болит голова, какой-то дергающей, сверлящей болью. Эта боль почему-то отдает в плечо, и оно ноет и горит, словно раненое. Но главное — голова. Боль мешает думать, читать, разговаривать.

К Андрею никого не пускают... Двое суток он был без сознания... Профессор из Минска...

Хотя нет, пускают. Только что от него ушел Ржавин. Ему разрешили пробыть десять минут. Что мог сообщить Андрей? Ничего, кроме того, что уже рассказала Светлана. Славная девочка. Врач сказал, что она всю ту ночь просидела здесь, в больнице. Но ее не пустили к нему. И на следующий день тоже. И сегодня опять. Пустили только Ржавина.

Да, Андрей ничего нового ему не сказал. Зато успел многое рассказать Ржавин. Они прибыли через десять минут после звонка Светланы, но нашли уже лежащего без памяти Андрея и машину. Ее пытались выкатить из гаража, но она опять забуксовала. В машине под обшивкой и в подушках сидений оказалась крупная контрабанда: чуть не тысяча пар чулок, самых лучших, капроновых, и, что особенно ценно, большие мотки платиновой проволоки. «Загадка голубой «Волги» почти разгадана»,— смеясь, объявил Ржавин.

Но преступники не обнаружены. И пока конкретных зацепок для розыска их нет.

Ржавин ушел, и опять тихий, непрекращающийся звон в ушах, слабость такая, что трудно шевелить пальцами, открыть глаза. И больно, очень больно голове, плечу...

Андрей тихо стонет. Он кусает губы и все-таки, забывшись, стонет опять.

По палате кто-то осторожно прошел. Сестра, наверное. Беленькая девушка, тихая и ласковая. Навер-

но, это она. Но не хотелось открывать глаза. Вот подошла. Провела рукой по его волосам, выбившимся из-под повязки.

Тихо, сквозь стиснутые зубы, Андрей застонал.

И вдруг... Что это?.. Капнуло что-то ему на щеку. И снова капнуло.

Андрей раскрыл глаза. Чье-то расплывчатое лицо перед ним. Нет, это не сестра... Светлана!.. И плачет... Пропустили, значит.

— Андрюша, милый... Вы меня слышите?..

— Да, да...

— Привет вам от всех. От папы, мамы, Дубинина, Шалымова...

Сколько людей передают ему привет! Светлана называет все новые имена.

— ...И еще говорили с врачом и с тем профессором. Они чего-то боялись. Но теперь все в порядке. Говорят, что через неделю выпишут.

— Светлана, не надо плакать.

— Я не плачу. С чего вы взяли? Ох, уже надо уходить! Сестра сердится. Она у вас такая сердитая.

— Эта беленькая? Что вы!

— О, вы ее не знаете еще. До свидания, Андрюша. Тут вам какие-то записки. Я вам под подушку их кладу. Потом прочтете. А я... я опять приду. Хорошо?

— Очень...

— А вам больно, да?

— Нет... почти.

— Засните.

— Постараюсь. Значит, вы придете?

— Да, да.

— Светлана!.. Вы здесь?..

Тихо. Андрей открыл глаза.

Пустая палата. Только на трех кроватях лежат под белыми одеялами три человеческие фигуры. Спят...

Вдруг Андрей вспомнил: Светлана положила ему под подушку какие-то записки. Он медленно протянул руку, нащупал два сложенных листка и положил их себе на грудь, прикрыв ладонью.

Несколько минут Андрей лежал с закрытыми глазами. Отдыхал. Потом взял один из листков, развернул, поднес к глазам.

Первая записка была от Дубинина. Веселая записка. Хороший все-таки Валька друг!

Вот вторая записка. От кого она? Глаза Андрея медленно скользили по строчкам.

«Милый Андрей. Один знакомый сказал мне, что с вами неприятность. Зачем только принесло вас в тот двор! И с девушкой. Я не ревную, не думайте. А выздоровеете, надо повидаться обязательно. Н а д я».

Надя! Что это значит? Откуда она появилась, откуда узнала, что с ним случилось? Странно... Да еще с такими подробностями: двор, девушка. Откуда ей это известно? Все это знают только Светлана и он, потом они рассказали Ржавину, больше никому.

Андрей думал; и чем больше он думал, тем все дальше и дальше отступала пустота внутри, отступала слабость. Андрей чувствовал: какой-то серьезный узел завязывается вокруг этой записки. Он только никак не мог додумать все до конца. Но, может быть, это та самая зацепка, которая нужна?

Андрей так резко повернулся на подушке, что уже почти не хватило сил нажать рукой кнопку у изголовья.

Через минуту над ним склонилась беленькая сестра.

— Что вы хотите, Андрей?

Она всех больных называла по имени.

— У меня сегодня был Ржавин, из милиции...

— Да, знаю...

— Позвоните ему... Он мне срочно нужен... Вы понимаете? Это очень важно... Очень...

РЖАВИН ДЕЙСТВУЕТ

В ту ночь долго не гас свет в квартире Нади Огородниковой.

В первой из комнат вокруг накрытого стола нетерпеливо прогуливался Засохо, шлепая домашними туфлями и засунув руки в карманы теплой куртки.

За стеклами очков видиы были его большие, как у совы, иастороженные глаза.

Надя сидела на кушетке в ярком и не по сезону открытом платье. На обнаженные плечи оиа иакинула прозрачную косыику. В руках Надя держала гитару и задумчиво перебирала пальцами струиы.

— Пора бы уже ему быть. Поезд два часа назад, как пришел,— проворчал Засохо.— Стареет, черт бы его побрал. А ты тут за него переживай!..

— Придет. Что ему станет,— враждебио отозвалась с кушетки Надя.

Почему-то в последнее время она совсем перестала бояться Артура Филипповича. И уважать перестала: такое же дерьмо, как и все.

Недавио, когда Засохо возвращался из Польши,— он там навещал родственников — у него обиаружили контрабанду. В таможие поговаривали о каких-то долларах. Она слышала. Она ведь бывает там. Неужели Засохо вез тогда валюту? А ей он сказал, что у него коифисковали маиуфактуру. И Евгению Иваиовичу в Москве ои тоже это сказал. Значит, он обманывает их? Такое ие прощается. Вот только бы узнать поточнее, только бы узнать...

— Э-эх! — сердито посмотрел иа нее Засохо.— Баба, она и есть всегда и во всем баба.

Он снова нетерпеливо зашагал вокруг стола, чуть сгорбившись и с силой оттягивая карманы своей иарядной куртки засунутыми туда кулаками.

Засохо сейчас даже представить себе не мог, что он скажет, вериувшись в Москву, Евгеиию Ивановичу, как объяснит потерю целой партии этих проклятых чулок. Со Шмелевым получилось тоже более чем неудачио. Слава богу, хоть жив остался. Товар же вернуть все равно не удалось. И главное тут, конечио, ие чулки, главиое — платина! Да еще один такой скандал, и этот проклятый Евгеиий Иваиович может, пожалуй, вообще выставить его, Засохо, из «дела». О, этот церемониться не будет!

Засохо почувствовал, как его стало даже познабливать от волнения. Он с тревогой схватился за пульс.

В отношении своего здоровья Артур Филиппович был мнителен до чрезвычайности.

— Артур Филиппович,— вдруг задумчиво спросила Надя,— а как вы думаете, будет война?

Засохо, не переставая кружить вокруг стола, раздраженно ответил:

— Пусть у других об этом голова болит.

— Об этом у всех голова болит,— вздохнула Надя.— Сколько война нам горя принести может.

Засохо снисходительно усмехнулся.

— Кому это «нам»? Тебе? Мне? Да если у нас с тобой будут деньги, нам всюду и всегда будет хорошо.

— Я вас чего-то не пойму,— с тревогой посмотрела на него Надя.

Ей на секунду вдруг стало страшно. И не от злых глаз Засохо, даже не от его слов. Надя внезапно ощутила какую-то страшную пустоту вокруг себя. Привычное слово «мы», под которым она всегда — и в детстве, во время войны, и потом, когда речь заходила о международных делах,— как-то естественно понимала весь народ, всю Родину, вдруг сейчас это слово «мы» сузилось до крошечного «я и он». Неужели, если вдруг всем вокруг будет плохо, ей, Наде, и вот ему, Артуру Филипповичу, будет хорошо? Неужели? А маме, например? А брату Косте, который живет с семьей в Новосибирске? А другим? Неужели деньги отгородили ее от всех этих людей? Неужели, если всем им будет плохо, ей, Наде, будет хорошо?

От этих мыслей Наде стало вдруг на секунду так жутко, что она впервые, кажется, с ненавистью взглянула на самодовольное, хитрое лицо Засохо и глухо сказала:

— Надо говорить, да не заговариваться.

В это время в передней зазвонил звонок. Он зазвонил так неожиданно и резко, что Надя в первый момент не могла сообразить, что случилось.

Первым устремился к двери Засохо.

— Наконец-то! — услышала Надя его голос из передней.— Уж не знали, что и думать. Ну как?

В ответ прозвучал знакомый глуховатый голос Юзека:

— Слава богу! Куда ставить?

Надя вышла в переднюю. Она увидела Юзека в длинном темном пальто и мятой фетровой шляпе с двумя чемоданами в руках.

— Это все? — спросил Засохо у Юзека, указывая на чемоданы.

— Еще два в машине. Полине отвезу.

— Правильно,— одобрил Засохо и, окончательно придя в хорошее расположение духа, потрепал Юзека по плечу.— Давай вези. И не задерживайся. Дело обсудить одно надо. Да и выпить успеть.

Юзек кивнул головой и, не прощаясь, исчез за дверью.

Пыхтя, Засохо оттащил чемоданы на кухню. Там он приподнял с пола кусок линолеума, отсчитал от стены нужную доску и потянул ее вверх. Доска легко приподнялась, обнаруживая черную пустоту под собой. Туда Засохо и спустил чемоданы.

В столовую он вернулся в приподнятом настроении.

Надя по-прежнему сидела на кушетке, задумчиво перебирая струны гитары.

Настроение у нее изменилось. Стало вдруг грустно и жалко себя. «Ой, как годы мои уходят! — думала Надя.— И ничегошеньки нету у меня, и любимого нету. Так и не встретила, не сыскала...»

— Ну, чего строишь из себя мировую скорбь? — бодро спросил Засохо.— Можно пока по первой пропустить. За его доброе здоровье и благополучие.— Он кивнул на дверь, за которой скрылся Юзек.

Надя равнодушно махнула рукой.

— Пейте себе.

— Как знаешь. Могу и один.

Он со смаком выпил, закусил. Потом снова обернулся к Наде и с неодобрением спросил:

— Ну-с, а как Андрей? Срослась голова-то?

— Не знаю. Думала, он ответ мне напишет, а он не написал. Сестра говорит, слабый еще.

— Ответ? — настороженно переспросил Засохо.— А ты что ему написала?

— Ну, написала, что жалко мне его, что видеть хочу, когда выпишется...

— Та-ак. И еще написала, конечно,— с еле сдерживаемой яростью сказал Засохо,— откуда ты знаешь, что он в больнице. Что, мол, есть у тебя такой приятель, Засохо Артур Филиппович, вот он-то тебе и...

— Да что вы! — Надя сердито посмотрела на Засохо.— Что вы в самом деле!

Но Засохо, обдумывая что-то, молча шагал вокруг стола. Потом, приняв решение, он подошел к Наде и, покачиваясь с каблуков на носки, холодно и чеканно произнес:

— Так вот. Юзека я, конечно, дождусь. Но больше я у тебя не останусь, дура ты последняя. Все. И не ищи. За ночлег я лучше деньгами платить буду, чем свободой.

Надя небрежно пожала плечами.

Прошел час, потом второй. Юзека все еще не было. Засохо выпил еще одну рюмку, потом еще. И все кружил, кружил по комнате.

— Да что же это?.. Куда он делся? — взволнованно бормотал он.— Неужели случилось что-нибудь?..

А Юзек так и не пришел в ту ночь.

Все эти дни Геннадий Ржавин энергично занимался «делом» о голубой «Волге» и о «разбойном нападении на гражданина Шмелева».

Разыскав в конце концов того самого Никифора, который ночью вместе с Андреем толкал злополучную машину, Ржавин сумел выяснить, что за рулем тогда сидел небезызвестный тому шофер Пашка.

Ржавин, уже понимая, что нападение на Андрея лишь эпизод в цепи куда более опасных событий, тем не менее принялся было за изучение этого юркого Пашки, когда вдруг получил от Андрея записку, присланную ему Огородниковой.

Прежде чем побеседовать с Андреем, Ржавин собрал немало интересных сведений об этой красивой и бойкой женщине. Побывал он и у нее в магазине. Побывал и в доме, где она жила. Старик сосед из этого же подъезда, с которым он долго вел разговор на самые разные темы, между прочим, как по пальцам, пересчитал всех, кто ходил к Огородниковой. Среди них Ржавина заинтересовал полный седоватый человек в очках с золотой оправой, который по нескольку дней жил у Огородниковой, и последний раз — совсем недавно.

За всеми своими делами Ржавин, однако, не забывал каждый день звонить в больницу и справляться о здоровье Андрея.

В это утро дежурная сестра ответила:

— Сегодня выписываем. После обеда.

Ржавин немедленно отправился в больницу. Когда он вошел в знакомую палату, то сразу заметил, что у Андрея появились новые соседи. На одной из кроватей лежал, стиснув зубы от боли, немолодой усатый человек. Громадная, закованная в гипс нога его была вздернута вверх целой системой шнуров и блоков. На другой кровати лежал молоденький русоволосый паренек и читал книгу.

Андрею уже выдали серый, застиранный халат, который, однако, едва доходил ему до колен. В этом халате, туго подпоясанном красным шнурком, Андрей походил на какого-то былинного богатыря. Полному сходству мешали разве только глаза, усталые и грустные.

Ржавин вызвал Андрея в коридор, и они уселись около широкого окна, уставленного цветочными горшками.

— Ну, добрый молодец,— сказал Ржавин, с удовольствием оглядывая Андрея,— дело, кажись, на поправку пошло?

— Вот выписывают...

— Это хорошо. Значит, на работу скоро?

— Денька через два, говорят.

— Та-ак. А у меня дело тоже на месте не стоит.

Тут впервые за время разговора в глазах Андрея засветился живой интерес, и он нетерпеливо попросил:

— Расскажи, чего узнал.

— Все не могу,— покачал головой Ржавин.— Служба такая.

— Больно ты с этой службой заносишься.

— И не думаю. Горжусь ею — это да, верно.

— Ладно, гордись, шут с тобой! Но расскажи хоть, что можно.

Ржавин кивнул головой.

— Слушай. Нашел я, понимаешь, того шофера. Хотя он пока этого и не знает. О чем это говорит? — Он усмехнулся, и сам же ответил: — О том, что я тебе один служебный секрет уже открыл. Теперь твоя очередь. Открой мне секрет, что у вас за отношения с этой самой Огородниковой?

Ржавин испытующе посмотрел на Андрея.

Тому не понравился его взгляд. «Ишь, Шерлок Холмс какой нашелся»,— с неудовольствием подумал он.

Рассказывать о своих отношениях с Надей Огородниковой Андрею было неприятно. И не потому, что это бросало тень на него самого. Просто это касалось таких сторон жизни, которые, как полагал Андрей, совестно и бесчестно вытаскивать всем напоказ. Тем более если женщина, о которой предстояло рассказать, была, кажется, увлечена им и, следовательно, верила ему.

Ржавин, как видно, уловил причину его колебаний. Самый тон, как, впрочем, и текст записки, говорили о каком-то особом отношении Огородниковой к этому парню. И он строго сказал:

— Помни, Андрей, дело тут идет о серьезных вещах. Может, она в тебя и влюблена...

— Я все понимаю.

Андрей нахмурился и, пересилив себя, очень коротко рассказал, как он познакомился с Огородниковой в гостинице «Буг», как потом она звонила ему и он избегал этих звонков, как однажды пришел к ней домой и застал там некоего Засохо, у которого до этого конфисковали контрабанду.

В этом месте Ржавин насторожился и спросил:
— Какой из себя этот тип?
Андрей, как мог, обрисовал ему Засохо. И Ржавин тут же отметил про себя: «Это тот самый, который недавно еще жил у нее».
— Теперь вот что...— Ржавин помедлил, обдумывая вопрос.— Сколько же раз ты встречал этого человека?
Андрей задумался.
— Пожалуй... раза три.
— Где?
— Первый раз в гостинице, потом в поезде, потом у нее дома.
— И отношения сложились неплохие?
— К сожалению.
— Это, старик, еще неизвестно. Ну, а дядю ее ты запомнил?
— Еще бы! Он же меня в гости звал, как в Москве буду.
— В гости? — оживился Ржавин.— И адрес дал?
Андрей усмехнулся.
— Нет. Адрес велел племяннице дать.
— Огородниковой?
— Ну да.
— Гм. Может, это и в самом деле ее дядя? Надо бы все это проверить. Все! Эх, черт возьми! — с досадой воскликнул Ржавин.— Жаль, что ты сейчас не в форме!
— Я же здоров.
— Относительно, старик. Относительно. А скажи, кто еще из твоих сослуживцев знает Огородникову и видел этих ее приятелей?
— Ее знают многие. Она же получает у нас для своего магазина вещи, конфискованные как контрабанда.— Андрей помедлил и неохотно закончил: — Дважды этого Засохо видел Семен Буланый. В гостинице и потом при личном досмотре, когда выворачивали этого типа наизнанку. В гостинице он и дядю видел.
— Ага. Значит, Семен Буланый?

Ржавии сделал пометку в блокноте и стал прощаться.

После обеда ияия прииесла Аидрею его вещи.

— Там девушка вас дожидается. В такси оиа.

«Светлаиа»,— сразу догадался Аидрей.

Он безотчетио вздохиул и стал одеваться, потом быстро собрал свои вещи.

Усатый человек со сломаииой иогой помаиил его поближе и тихо сказал:

— Просьба у меня к вам. Отправьте вот это письмецо. Ночью еще написал, как привезли.

Он достал из-под подушки смятый коиверт. Андрей торопливо суиул его во виутреииий кармаи пиджака и сказал:

— Утром бы и отправили. Любая сестра или няиечка опустила бы.

— Ну иет. Вы, кажется, поиадежиее.

Андрей в тот момеит ие придал зиачеиия этим страииым словам.

Сегодия Аидрей впервые после отъезда Люси вошел в свой дом. Вошел один: Светлана только довезла его в такси до крыльца — торопилась в ииститут.

Андрей обошел квартиру. Всюду подметеио, прибраио и... иепривычно пусто. Незнакомая скатерть на столе в комнате. Ее, иавериое, прииесла Светлана. И цветок иа окие оиа тоже прииесла, и коврик в передней, и зеркало. Андрею вдруг стало стыдио: Люся увезла все, буквальио все.

Он открыл шкаф — там висели два его костюма, летиее пальто. В ящиках — тонкая стопка белья и его рубашки, чистые, выглаженные. Аидрей хорошо помиил: няия ие стирала их перед отъездом. Зиачит, тоже Светлаиа? Это уже неудобио. Напрасно ои дал ей вчера ключи.

Славиая девочка! Но, черт возьми, уж ие влюбилась ли оиа в него? И Андрей иевольио вспомиил улыбку Светлаиы, затумаиеиные от слез ее глаза,

когда она склонилась над ним там, в больнице. Это не глаза друга, это — больше! Нельзя, нельзя в него влюбляться! Не за что! И потом... Он же не любит ее. И не полюбит. Он никого уже не сможет полюбить. Так пусто внутри, так все обобрано там. Вот как в этой квартире.

Нет, они с Люсей здесь не были счастливы. И Вовке здесь тоже было плохо. Детям, наверное, плохо не только, когда взрослые ссорятся, но и тогда даже, когда они притворяются, будто в доме все в порядке. Как Вовка чутко улавливал их настроение, каким он стал нервным и капризным...

Андрей устало опустился на диван и прислушался. Тихо. Один, совсем один. Светлана зайдет только вечером. Опять Светлана! Вот так, вероятно, с тоски и женятся, чтобы не оставаться одному. Но он так не сделает. Светлана заслуживает лучшего мужа. А он... он просто устал, очень устал. И потом нельзя распускаться. В конце концов у него есть работа, есть друзья. В чем дело? Жить можно!

Андрей стремительно поднялся с дивана, словно боясь, что там его снова настигнут малодушные мысли. В кухне на полке он разыскал хлеб, яйца в картонной коробке, за окном обнаружил сверток с маслом и колбасу. Светлана сказала, что есть еще вареная картошка, он только забыл, куда она ее поставила.

В этот момент в передней прозвенел звонок. Андрей замер на секунду, потом торопливо направился в переднюю. Кто бы это ни был, все-таки живой человек, с которым можно будет перемолвиться хоть словом. Андрея с непривычки тяготило одиночество.

Но за дверью оказался не просто какой-то живой человек, а Валька Дубинин. С раскрасневшимся на ветру курносым лицом и живыми светлыми глазами, Валька принес с собой всю свежесть и энергию окружающей жизни. Он наполнил тихую квартиру шумом и движением. Он немедленно включился в приготовление ужина и стал громыхать посудой, накрывая на стол.

— Учти, я голоден как волк! — кричал он Андрею через всю квартиру.— Эх, Андрюшка! Есть прелесть в холостяцком обеде с другом! Честное слово, есть!

Когда они, наконец, уселись за стол, Валька спросил:

— Ну, как черепушка?

— Порядок. Варит, кажись, по-прежнему.

— Интересно, а лучше ее никак не заставишь варить?

— Лучше некуда.

— Скромность не была его отличительной чертой,— насмешливо объявил Валька и вдруг серьезно спросил: — Как жить думаешь?

— Как жил, так и дальше буду.— И, меняя тему разговора, Андрей, в свою очередь, спросил: — Лучше скажи, как там у нас?

Валька раздраженно махнул рукой.

— Мишка поедом всех ест. Кроме, конечно, твоего Буланого.

— Возьми его себе.

— Нет уж. Твой дружок, ты и носись с ним.

— Никогда он мне другом не был,— медленно произнес Андрей.

— Да. Тип!.. Но я тебе скажу, что Мишка опаснее его в сто раз.

— Это почему же?

— Потому, что он ничем не брезгает, потому, что его все боятся. Это страшный тип, понятно?

Валька даже покраснел от волнения.

— Ну, это ты уже хватил через край,— заметил Андрей.— Просто большой подлец.

— А я тебе говорю, что он в сто раз хуже обычного подлеца. Это карьерист, который ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего. Он и под Жгутина подкапывается.

Андрей собрался было что-то ответить, но Валька перебил его:

— Вот посмотришь! Я ему докажу, что таким сейчас нет у нас жизни! Это не сведение счетов, а дело принципа!

— «Я докажу»,— насмешливо произнес Андрей.— Совесть человечества какая нашлась. А то без тебя никто это сделать не догадается.

Валька упрямо мотнул головой.

— Я — это значит мы... Понял? И ты и другие. Почему кто-то за нас должен делать...

Горячий спор не помешал, однако, друзьям съесть все, что было в доме. Они разыскали даже завалившуюся к самой стенке кухонного шкафа банку консервов и все-таки остались голодными.

— М-да,— сокрушенно заметил Валька.— А что дальше? У тебя деньги есть? Лично у меня накануне получки их не бывает.

— Есть,— ответил Андрей.— Целых три рубля.

— Ну конечно! В больнице харчился на казенный счет. Дело выгодное.

— Ладно трепаться. В магазин сходишь?

— Так и быть. Не тебя же, инвалида, посылать.

— Инвалида?

Андрей неожиданно нагнулся, схватил Вальку за пояс и, рывком подняв в воздух, забросил на плечи.

— Сейчас этот инвалид выкинет тебя из окна,— чуть задыхаясь, пообещал он.

В передней позвонили.

— Пусти,— смиренно попросил Валька.

— Лежи, лежи. И так открою.

Андрей двинулся в переднюю. Валька судорожно задергался у него на плечах.

— Ты что, рехнулся? Пусти!

Но Андрей, усмехаясь, ответил:

— Лежи смирно, а то уроню. Я тебе дам «инвалид»!

Так с Валькой на плечах он и открыл дверь. На пороге стояла Светлана.

— Боже мой! — всплеснула она руками.— Андрей, что вы делаете? Вам же нельзя!

Андрей скинул Вальку на пол, и тот, смущенно одергивая свой форменный пиджак, сказал:

— Ошалел, медведь. Это он так за то, что я его инвалидом назвал. Он же действительно ушибленный стал.— И Валька постучал пальцем по лбу.

Все трое рассмеялись. Потом друзья объяснили Светлане ситуацию: все съедено, а они голодные. Теперь прибавилась еще голодная Светлана — правильно? А поэтому...

— Поэтому в магазин пойду я,— решительно объявила девушка.— Воображаю, что вы купите, Валя.

Когда она ушла, Валька шутливо сказал:

— Ну, тебе, кажется, недолго осталось ходить в холостяках.

— Брось! Мы друзья, понял?

— Понял, понял. Тут и слепой все поймет.

— А! — досадливо махнул рукой Андрей.— Ну что прикажешь? Сказать, чтобы не ходила?

Валька испуганно воскликнул:

— Ты что! Обидишь, знаешь как? М-да... А ведь она чу́дная девчонка.

— Именно.

Больше они об этом не говорили.

А потом вернулась Светлана, и друзья, как выразился Андрей, пошли ужинать «по второму кругу».

— Эх, чем-нибудь бы отметить выздоровление! — мечтательно заметил Валька.— Случай, что ни говорите, феноменальный.

Светлана, сразу догадавшись, отрезала:

— Даже не думайте, Андрею нельзя.— И добавила, обращаясь к Андрею: — Мои привет вам шлют. А папа... опять заболел,— печально закончила она.

— Опять! — досадливо стукнул кулаком по столу Валька.— Сколько же можно болеть! Врачи называется!

Он бросил красноречивый взгляд на Андрея, и тот догадался, о чем думал Валька. Ведь пока Жгутин болеет, Филин не сидит сложа руки.

Было поздно, когда Светлана и Дубинин собрались уходить. Они были уже в дверях, когда Андрей вдруг хлопнул себя по лбу.

— Эх, забыл совсем! Ребята, опустите письмо. Сосед в больнице дал. Сейчас принесу.

Он вернулся в комнату и вынул из внутреннего кармана пиджака мятый конверт. При этом Андрей машинально посмотрел на адрес и вдруг остановился.

Что такое? Письмо было адресовано Огородниковой, на конверте стоял ее адрес.

Все, что имело отношение к Наде, теперь вызывало у него подозрение. «Надо показать Ржавину»,— решил он.

— Граждане, вы свободны,— выходя в переднюю, сказал Андрей.— Письма не будет.

Дело, получившее шифр «Голубая «Волга», явно разрасталось, и Ржавину придали в помощь совсем еще молодого оперативного работника Толю Скворцова.

Ржавин немедленно отправил Толю в гостиницы и дома для приезжих выяснить, какие люди останавливались там в эти дни и нет ли среди них человека по фамилии Засохо.

Сам же Геннадий решил заехать к начальнику таможни. Его заинтересовал Семен Буланый; тот вместе с Андреем был в гостинице «Буг», видел там в ресторане Огородникову в обществе двух мужчин. Андрей болен, а дело не ждет, и Буланый может пригодиться. Интересно, что он за человек и можно ли рассчитывать на его помощь.

Конечно, о Буланом проще всего было спросить Вальку Дубинина, но Ржавин не доверял его оценкам. У Вальки, по его мнению, все шло от чувства, а не от ума. Валька был, конечно, абсолютно честен в своих оценках, но горяч и потрясающе субъективен.

Итак, отправив Толю Скворцова, Ржавин поехал на вокзал, в таможню.

— Товарища Жгутина? — переспросила пожилая машинистка, с любопытством разглядывая незнакомого посетителя.— Товарищ Жгутин болен. Принимает его заместитель.

Так Геннадий попал к Филину.

— Чем могу быть полезен уголовному розыску? — спросил его тот.— Заранее готов на все.

Когда Филин хотел, он мог быть необычайно приветлив, и в таких случаях люди уходили, очарованные его радушным приемом.

— Ищем, кто посмел поднять руку на вашего сотрудника,— в тон ему ответил Ржавин.

Филин с готовностью закивал головой, при этом ни один волосок не сдвинулся в его идеально аккуратной серо-стальной прическе.

— Да, да. Случай возмутительный. Но и мы, прямо скажем, дали с этой «Волгой» большую промашку.

— А именно?

— Нам следовало куда внимательней ее осмотреть, прежде чем передавать в облисполком. Начальник смены получил уже взыскание. Ну, а от товарища Жгутина много требовать нельзя,— Филин с прискорбием развел руки.— Человек он больной, да и возраст, знаете ли... А потом очень уж добренький...

Филин решил, что представителю милиции строгость должна импонировать.

— Раньше, например,— доверительно прибавил он,— за такой случай, как с этой «Волгой», знаете, сколько полетело бы голов?

«Смотри пожалуйста,— подумал Ржавин.— Крутой, однако, мужик». И осторожно ответил:

— Ну, она и одной головы, кажется, не стоит.

Филин понимающе усмехнулся.

— В прямом смысле слова? А в переносном полетела бы голова и у начальника таможни. Впрочем, и сейчас я боюсь за последствия. Ну, да мы отвлеклись. Вы уж извините — наболело,— с подкупающей искренностью добавил он, вздохнув.— Так чем же могу быть полезен?

Филин был снова любезен и приветлив, от жестковатой безапелляционности не осталось и следа.

«Смотри пожалуйста,— снова удивился Ржавин.— Экие перемены с ним происходят. Это уже опасно. Видали мы таких». У Ржавина было представление, что он все видел. Тем не менее он постарался ответить как можно приветливее:

— Хотелось бы получить от вас характеристику вашего сотрудника товарища Буланого.

— На предмет чего?

— Может быть, придется попросить его помочь нам.

— Вот как? В чем именно?

— Пока еще трудно сказать, но работа предвидится,— сдержанно ответил Ржавин.

— Очень хорошо,— одобрительно кивнул головой Филин.— Зато мне ясно, что вы не болтун. Это, знаете ли, тоже сейчас не каждый день встретишь.

«Ишь ты, сукин сын! Проверить меня захотел,— обозлился Ржавин.— Ну и тип! Просто интересно».

— Что касается товарища Буланого,— как ни в чем не бывало продолжал Филин,— то, мне кажется, можете на него положиться.

— Ручаетесь?

— Почти.

— Все-таки только «почти»?

— Ну, знаете... Новый человек как-никак.

Ржавину нестерпимо захотелось хоть чуть-чуть подразнить этого Филина, но он не позволил себе такого удовольствия и стал прощаться.

Придя к себе, Ржавин сразу же позвонил в таможню и сговорился с Буланым, что тот зайдет в горотдел милиции часа через два, когда будет самый большой разрыв между поездами. В голосе Буланого он уловил явный испуг, но значения не придал. Что ж, люди по-разному реагируют на такой вызов.

Появился Скворцов.

— Ну, Толик, как наши дела? — весело осведомился Ржавин.

— Никак. Ни одного интересного человека не обнаружил. И фамилия Засохо тоже нигде не значится.

— Так-таки нигде?

— Представьте себе. Может, он уехал в Москву?

— А давай рассуждать... Постой! Как наш больной?

— Мохальский?

— Да. Знаменитый Юзек.

— Лежит. Вчера ему Огородникова передачу принесла. Сегодня даже заходила в палату.

— Ого! А к передачам пусть привыкает.

Оба рассмеялись.

— Врачи говорят, он дней пять еще пролежит,—

добавил Скворцов.— Перелома не оказалось. Растяжение связок только.

— Так, так. Ну, а теперь давай рассуждать. Зачем приехал Засохо? Показания Петровича с таможни и Никифора, который машину со Шмелевым толкал, говорят о том, что приехал Засохо выручать свое добро из «Волги». Согласен?

— Ну, согласен.

— Но были у Засохо, конечно, и другие дела, так сказать, текущие, по которым он обычно к нам приезжает. Какие? Скорей всего контрабанда. Какая? Тут цепочка: он — Огородникова — Юзек.

— Вот Юзек и пишет в письме: «Вы не тревожьтесь». А сам с Огородниковой на «ты».

— Откуда знаешь?

— Люди в палате слышали.

— Ну вот. А Юзек только что из-за границы. Небось что-то приволок. Если Засохо из-за него сюда прикатил, разве он уедет, когда Юзек вдруг пропал? Нипочем!

— Так ведь Юзек нашелся.

— Но когда? Два дня назад. И только сегодня Наденька у него была. В котором часу?

Скворцов взглянул на часы.

— Часов в двенадцать. А сейчас четыре. Выходит, Засохо...

— Вот именно. Может теперь рвануть в Москву. Если... уже не рванул. Сейчас посмотрим.— Ржавин достал из ящика стола расписание поездов.— Так... за это время... вот... один поезд все-таки ушел. Надо немедленно закрыть вокзал. Ты поезжай туда. Свяжись с таможней. Его там кое-кто в лицо знает.

— Ничего себе «Дело о нападении на гражданина Шмелева»,— засмеялся Скворцов.

— Это дело, милый, давно стало уже только эпизодом. Ну, двигай.

Оставшись один, Ржавин в который уже раз принялся заново обдумывать все известные факты об этом проклятом Засохо. Куда, в какую нору может он забиться? Если, конечно, уже не удрал из Бреста. От Огородниковой ушел, в гостиницах не появлялся.

Может быть, скрывается у кого-нибудь из своих дружков? Но, с другой стороны, Огородникова однажды встречалась с ним в ресторане «Буг». Почему не дома? Наверно, хотела шикануть и перед Засохо и перед дядей. Но почему именно в «Буге»? Там гостиница... Так, так... Интересно, догадывается Засохо о том, что за ним охотятся? Пожалуй, нет. Хотя в гостинице «Буг» был Толик...

Осторожный стук в дверь не дал Ржавину додумать мысль до конца. Он досадливо поморщился: что-то интересное вот-вот готово было всплыть в мозгу. И вот помешали.

В кабинет вошел Семен Буланый, озабоченный, чуть растерянный, услужливо-любезный.

Всю дорогу Семен терялся в догадках: «На кой черт меня вызвали?» Пояснения Филина, к которому он немедленно побежал, успокоили его ровно на пять минут. А потом Семена вновь стали грызть сомнения.

— Присаживайтесь,— радушно сказал Ржавин, указывая на стул.— Извините, что от дел оторвали.

— Пожалуйста, пожалуйста...

Любезный прием напугал Семена еще больше.

Ржавин секунду помедлил и решил, что прямо, пожалуй, говорить пока не стоит. Лучше начать по-другому.

— Мне необходимо задать вам ряд вопросов. Заранее предупреждаю: у нас к вам нет никаких претензий. Просто рассчитываем на вашу помощь. К сожалению, всего я вам сказать не могу. Сами понимаете...

— Конечно, конечно. Я понимаю.

Буланый произнес это с таким облегчением, и лицо его при этом так просветлело, что Ржавин невольно подумал: «Так переживать визит сюда — это уж слишком».

— Расскажите все о вашем первом дне пребывания в Бресте,— попросил он.

Буланый насторожился. Что ему надо? Может быть, он интересуется Андреем? Или Надей? Или... с кем они еще встречались в тот день? С Жгутиным, Филиным. Нет, это не то. Что же? Неужели Надя?

Пауза явно затягивалась. Семен сделал вид, что собирается с мыслями.

— Это было так давно...— извиняющимся тоном пояснил он.

— Пожалуйста. Я вас не тороплю.

Наконец Буланый начал рассказывать. Временами он говорил неуверенно, как бы проверяя прочность мостика, прежде чем ступить на него. Ржавин своим обостренным вниманием уловил, что спотыкается Буланый на фактах, относящихся к Огородниковой, о всех других событиях дня он рассказывал свободно и быстро.

— На следующий день вы эту женщину не встречали? — спросил он про Огородникову.

— Встречал. В ресторане. Она была с какими-то своими знакомыми.

— Вы их не знаете?

Буланый опять насторожился. Знакомство с Засохо, у которого конфисковали контрабанду, Надю не украсит. Даже наоборот. Кстати, как это он забыл спросить ее об этом знакомстве? Это надо будет непременно сделать. А сейчас... Почему он должен знать этого Засохо? Ну, а того, второго, вероятно, он действительно не знает.

— Нет, не знаю их,— после небольшого замешательства поспешно ответил Буланый.

«Эге, брат! Почему же ты врешь? — с тревогой подумал Ржавин.— Забыл ты этого прохвоста Засохо, что ли?»

Он задал несколько вопросов о других событиях того дня и, когда Буланый успокоился, спросил:

— Скажите, вы помните задержанного однажды с контрабандой некоего Засохо?

«Как же теперь отвечать?» — в смятении подумал Буланый.

— Плохо... помню.

— А узнать могли бы?

— Ну что вы!.. Впрочем... не знаю. Вряд ли...

«Что это с ним? — все больше недоумевая, думал Ржавин.— Явно чего-то крутит».

Чем дальше продолжался разговор, тем больше

не нравился Ржавину этот парень. Нет, на такого надежда плохая, такой может здорово подвести. Интересно, почему он так нервно себя ведет?

А Буланого в это время неотступно преследовала мысль: этот человек интересуется Надей. Но почему? Что она сделала? Да, да, у нее подозрительные знакомства. А что еще? Одно ясно пока: если Надя на примете в милиции, то ничем хорошим это кончиться не может.

...Как только Буланый ушел, Ржавин направился на доклад к капитану Митрохину. Тот внимательно выслушал его и, когда Геннадий кончил, поморщась, сказал:

— Сдается мне, что из-за деревьев леса ты не видишь. Учти, дело тебе дали перспективное. Ой-ой, какое! Давно мы на такую опасную группу не выходили. Отсюда и задача: Брест наш от всей этой погани как можно быстрее очистить. Каждую минуту помнить надо — это не просто город, милый ты мой. Это гордость народа, это город-герой. И это граница. Потому спрос тут с нас двойной. Понял? А пока что мне нужен Засохо. Достань его хоть из-под земли. Он еще здесь, в Бресте.

Однако в тот день Засохо так и не появился на вокзале. Не появился он там и на второй день и на третий. Ржавин терялся в догадках: в какую же щель забился этот человек? Но с каждым днем ему становилось все очевиднее: капитан Митрохин ошибся, Засохо, по-видимому, ускользнул из Бреста.

На следующий день Андрей впервые вышел на работу, слабовато себя чувствовал, но вышел, терпенья больше не хватило.

А утром к нему заехал Ржавин.

Он теперь бывал у Андрея чуть не каждый день, обычно под вечер. И как только появлялась в дверях его долговязая фигура в кожаном пальто и лихо заломленной ушанке, у Андрея веселело на душе. Нет, правда хороший парень, этот Ржавин, и верный, во всем положиться на него можно. Приходил к Анд-

рею и Дубииин, и тогда иачииались споры. Вальку, как всегда, «заносило». От мировых проблем переходили к бытовым трудиостям одииокого существоваиия, и тогда два «закалеииых» холостяка ие упускали случая поироиизировать иад «иовичком». Приходила и Светлаиа. Смеясь, рассказывала, что в иституте оиа сдает экзамен на медсестру. «Андрей — моя практика. Очеиь удобно». Эту высокую худеиькую девушку с громадиыми глазами и темиой челкой иа лбу за эти дии полюбили все трое, полюбили, как сестру, как веселого и доброго товарища. Так полюбил и Аидрей, только так. И когда ловил вдруг иа себе какой-то глубокий и недоумеиный ее взгляд, старался отводить глаза...

В этот день Ржавии заехал утром.

— Ну, старик, собирайся. Я тебя решил перед работой на машиие покатать.

— Это еще зачем? — удивился Аидрей.

— Увидишь.

— А все-таки?

— Да одевайся ты наконец! — весело заорал Ржавин.— Что это за иителлигентская привычка! Все ему объясии!

Ржавии приехал в тот самый двор, где Аидрей толкал машииу.

— А ну, покажи, где ты стоял, когда получил по черепушке,— попросил Ржавии.

Аидрей показал.

— Ну встаиь, как ты стоял.

Ржавии отошел в стороиу, внимательио посмотрел иа стоявшего у стеики гаража Аидрея, потом обвел взглядом стену соседиего дома с бесчислеиными его окиами. Окио комнаты, в которой жил шофер Пашка, было прямо иапротив места, где стоял Аидрей. «Ночь светлая, луиа,— прикинул про себя Ржавии.— Белая от штукатурки и сиега стеиа и темная фигура человека. Хорошо оиа видна была Пашке. А вот улик против иего иет...»

— Все,— подходя, сказал Ржавии.— Сеаис окончеи.

И повез Андрея на вокзал. По дороге, подмигнув, сказал:

— Сегодня я к тебе в помощники поступлю. Не возражаешь?

— Это еще зачем?

— Опять вопросы? Служба!

...День в таможне шел, как обычно. Досмотровый зал то до краев наполнялся шумом, гамом, возгласами, шарканьем сотен ног, детскими криками, то опустошался до звона в ушах от необъятной его тишины. Группы таможенников, как обычно, выезжали на Буг встречать поезда от границы. В «дежурке» шли разговоры о зарплате, о чьей-то болезни, о расписании дежурств, о политзанятиях и последней, особенно чем-то хитрой контрабанде.

Андрея затянул привычный круговорот дел.

Незадолго до прибытия берлинского экспресса из Москвы Шалымов ворчливо сказал ему:

— Пойдете досматривать вагон-ресторан. И будьте повнимательней.

— Там интересный вагон из Парижа. Вот бы...

— Как-нибудь я соображу такие вещи сам,— строго оборвал его Шалымов и, чуть помедлив, добавил: — Потом к вам еще один человек подойдет.

— Кто такой?

— Увидите.

Андрей равнодушно пожал плечами.

...В первый же момент, как только Андрей появился в вагоне-ресторане, он узнал Юзека и весь внутренне насторожился. Этот человек писал Огородниковой и, значит, связан чем-то с ней, какими-то не очень, вероятно, праведными делами. Уж не об этом ли предупреждал его утром Ржавин?

Юзек тоже узнал Андрея и со спокойным удивлением кивнул ему головой.

— Здравствуйте. Вот уж не ожидал...

— И я тоже. Здравствуйте...

Больше они не сказали друг другу ни слова. Но Андрей твердо решил про себя, что перевернет здесь все вверх дном, прежде чем выпустит вагон за границу.

Начал Андрей с кухни. Юзек любезно предложил свою помощь, но Андрей отказался. Тогда Юзек, заметно прихрамывая, спокойно ушел в салон вагона и, усевшись за столик, принялся изучать какие-то накладные. «Ишь ты,— немедленно отметил про себя Андрей.— Ничего его в кухне, видимо, не беспокоит». Все же он придирчиво осмотрел кастрюли на плите, ящики, полки, холодильники... Ничего нет! Как он и чувствовал!

Андрей перешел в салон вагона-ресторана. Здесь досмотр начинался с буфета. Тотчас к нему подбежала Муся и, обворожительно улыбаясь, предложила:

— Давайте помогу. А то еще перебьете чего.

— Ну что ж,— согласился Андрей,— выгружайтека всю посуду.

— Неужели всю?! — всплеснула руками Муся.— Ведь и так будет видно.

— Ну, милая, или помогать, или не мешать.

В этот момент дальняя дверь салона отворилась, и вошел Ржавин. Андрей, заметив его, усмехнулся: «Вот он, Шерлок Холмс. Кажется, мои подозрения оправдываются».

Тем временем Муся уже вынула почти всю посуду с полок.

— Вот так уж, я думаю, хватит с вас? — недовольно спросила она.

Андрей улыбнулся.

— Молода еще, чтобы ворчать да лениться.

— Так я оставлю.

Андрей мельком взглянул на Ржавина и заметил его напряженный взгляд. Он перевел глаза на Юзека и увидел, что тот перестал писать, рука с пером замерла над бумагой, но голову он не поднимал, делая вид, что занят своей работой. Только делал вид! За это Андрей готов был сейчас поручиться чем угодно.

Ему вдруг вспомнилась детская игра, когда один ищет спрятанную вещь, а другие говорят ему «жарко» или «холодно», и чем ближе к спрятанной вещи, тем «жарче». Андрею вдруг показалось, что он сейчас

играет в эту игру и все окружающие, каждый по-своему, в этот момент говорят ему: «жарко».

Андрея охватило волнение. Контрабанда есть, она где-то рядом. Но где? Почему эта вертлявая девчонка так упорно не хочет вытаскивать из буфета всю посуду? И он решительно сказал Мусе:

— Ничего не оставлять.

— Да что же это такое?! — визгливо воскликнула та.— Издевательство прямо. Сами в таком случае вынимайте! Не нанималась!

— Муся! — прикрикнул на нее со своего места Юзек.— Если товарищу надо, вынь.

— Я нанималась посетителей обслуживать, а не этих...

Когда вся посуда была вынута, Андрей внимательно осмотрел пустые полки. Доски как доски, а стенки даже фанерные. Что тут спрячешь?

Его внимание привлекла самая нижняя из полок. Дно ее лежало на самом полу, вернее — должно было лежать, ведь ножек у шкафа не было. А на самом деле это дно находилось на порядочном расстоянии от пола. Что же под ним, под этим дном?

Андрей внимательно осмотрел доску. Она плотно, без единой щели прилегала к стенкам шкафа. И все-таки... Передний край ее ничем не закреплен, и если дверцы шкафа распахнуть до отказа... Да, да, ее, кажется, тогда можно выдвинуть.

Распахнуть дверцы мешали стопки посуды на полу. Андрей принялся отодвигать их в сторону.

— Я же говорю, он сейчас все перебьет! — звенящим от злости голосом воскликнула Муся.— А я потом из своей зарплаты отвечай! Не трогайте, вам говорят! Да что это, в самом деле!..

— Муся! — снова оборвал ее со своего места Юзек.

Андрей же не отвечал. Он был весь поглощен своей догадкой.

Наконец дверцы шкафа распахнуты. Андрей взялся руками за дно полки и потянул на себя... Еще... Еще сильнее... Дно даже не шелохнулось!

Озадаченный Андрей снова принялся изучать проклятую доску. Почему она не отодвигается? Ведь путь

для нее свободен. Гвоздями она не прибита. Клея не видно. Он нагнулся еще ниже. И сразу же увидел тонкие металлические пластинки, вставленные по краям доски в узкие щелки между нею и стенками шкафа. А что, если вытащить эти пластинки? Эх, щипчики бы какие-нибудь!

— Мне нужны щипцы,— требовательно сказал он, выпрямляясь.— Фу! Даже спина заныла.

— У нас, к вашему сведению, не мастерская, а ресторан,— дерзко ответила Муся.— У нас щипцы только для сахара.

— Вот-вот,— Андрей обрадовался.— Такие и дайте.

Муся, ворча, открыла один из ящиков и почти бросила Андрею щипцы.

Совсем не просто оказалось ухватиться такими щипцами за узенькую, утопленную в щель пластинку. Но когда Андрей, все же, изловчившись, вытащил их, хорошо отполированная и подогнанная доска легко выкатилась из пазов.

Все пространство под ней было плотно забито небольшими целлофановыми пакетиками.

— Чулки! — воскликнул Андрей.

— Что вы говорите?! — первым отозвался Юзек.— Откуда они там?

Андрей насмешливо ответил:

— Об этом надо вас спросить.

— Понятия не имею!

— Тогда вот у этой девушки.

— Я вам что, справочное бюро? — зло ответила Муся.— Кто-то положил, а я отвечай?

— Ладно, разберемся потом.

Андрей чувствовал, как в нем просыпается ответная злость: так нагло, так бессовестно лгали ему в глаза эти люди.

— Продолжим досмотр.

Он огляделся. Черт возьми, да под любой планкой в стене, в утробе любого из кресел, за широкими плафонами ламп — словом, всюду можно спрятать что угодно. Разве все это можно осмотреть? А, собственно

говоря, нужно ли? Тут требуется проявить «оперативное чутье», как любит говорить Ржавин.

— М-да,— заметил Ржавин и, кивнув на чулки, с надеждой сказал Андрею: — Вероятно, это не все.

Андрей и сам так думал. Его уже охватил азарт поиска, и чувства все обострились до предела. Он был уверен, что сейчас не пропустит ни одной, пусть самой мимолетной, детали в поведении этого прохвоста Юзека и его девчонки-буфетчицы — детали, которая указала бы ему на направление нового поиска. Ведь вот же угадал он, что Юзек не боится за кухню.

Как же ведут себя эти двое сейчас? Девчонка, та не находит себе места, крутится и злится! Еще бы! Ведь за чулки в буфете отвечать ей! Юзек сидит в кресле, как прикованный, с невозмутимым лицом. Ну да, у него же еще болит нога. Он только подошел посмотреть на выдвинутое дно шкафа, потом снова вернулся на свое место. Прошел, хромая, мимо всех кресел и уселся на то, дальнее. И опять вытащил из кармана свои накладные. Так, так...

Андрей ощущал такое ликование в душе, так четко работала мысль, связывая воедино будто сами собой всплывающие детали, что он даже улыбнулся. «Что делает первый успех с человеком!»

Подчиняясь какому-то внезапно возникшему убеждению, он подошел к Юзеку.

— Будьте добры, пересядьте.

— Я вам мешаю? Мне трудно.

— Хотелось бы осмотреть кресло.

В этот момент Андрей уловил все сразу: и тревожную искорку в сумрачных глазах Юзека, и откровенный интерес в глазах Ржавина, и даже мимолетную гримаску испуга на кукольном Мусином личике.

Андрей вынул из кармана отвертку и с подчеркнутой неторопливостью стал вывертывать винтики из боковых стенок кресла. Извлеченная из кресла гора целлофановых пакетиков даже как-то не очень удивила Андрея.

— Что и требовалось доказать,— насмешливо сказал он, глянув на стоявшего у окна спиной к нему Юзека.

Тот остервенело задернул шторки на окне и, повернувшись, сказал:

— Вы еще ничего не доказали. Я, например, все эти чулки в первый раз вижу. Вот так.

И Андрей еще раз подивился его наглой выдержке. Но тут неожиданно раздался строгий и какой-то напряженный голос Ржавина:

— Сейчас же раздвиньте шторки на окне! Быстро!

Юзек поднял на него глаза.

— А в чем дело?

— Это я вам объясню потом. Раздвиньте шторки! Ну!

Ржавин говорил зло и с таким напором, что Андрей даже удивился. Потом неизвестно почему его вдруг охватила тревога, и он с угрозой сказал Юзеку:

— Прошу подчиниться.

Юзек, пожав плечами, неохотно раздвинул шторки.

— Если вам так больше нравится...

При этом он скользнул внимательным взглядом по перрону. Ржавин усмехнулся.

— Что? Никто вашего маячка не заметил?

— Я вас не понимаю,— хмуро бросил Юзек, отходя от окна.

— Зато мы вас отлично поняли.

А Юзек вдруг подумал о том, что такой вот обыск с «психологией», с непонятно откуда взявшимися догадками не мог бы произвести таможенник еще десять лет назад. «Образованные очень стали,— решил он наконец,— и где их только натаскивают».

Вот уже лет тридцать, как работает Юзек на транспорте, он начал службу в панской Польше, работал и потом, когда Западная Белоруссия вошла в состав СССР. Работал он даже при гитлеровцах. Много повидал он границ и таможен и нигде не брезговал контрабандой. Крепко прилипла к нему эта привычка, хотя советская граница в отличие от других оказалась самой «глухой» и таможенники здесь от года к году становились все опытнее.

И ведь общий режим на границе стал мягче: меньше придирок, подозрительности, мелочности. Но в то

же время — вот поди ж ты! — работать стало труднее. Просто сказать — невозможно стало работать «по-крупному», и только!

Юзек вздохнул и усталой походкой, чуть прихрамывая, вернулся к своему столику, где остались лежать его бумаги. На таможенников он старался не глядеть.

Закончив все таможенные формальности, Андрей и Ржавин вышли на перрон и остановились невдалеке, наблюдая за окнами вагона-ресторана. Ни одна шторка на них не дрогнула. Юзек, конечно, сообразил, что за ним наблюдают. Он понимал, что по возвращении из рейса его ждут крупные неприятности.

Когда экспресс отошел от платформы, Ржавин взял Андрея под руку.

— Ну, старик, ты бесподобен. Это, я тебе доложу, был спектакль.

— Вдохновение,— со скромной гордостью ответил Андрей и подмигнул Ржавину.

Они вошли в здание вокзала, пересекли огромный, полный народа зал ожидания и очутились в другом, поменьше, где размещались кассы. Небольшая очередь выстроилась к одной из них, со светящейся надписью: «Предварительная продажа билетов».

Не успели друзья войти в этот зал, как Андрей вдруг резко увлек Ржавина назад и, только когда за ними закрылась высокая дверь, возбужденно произнес:

— Там, в очереди, стоит Засохо.

— Кто?! — не веря своим ушам, переспросил Ржавин.

— Засохо, я тебе говорю.

Действительно, в очереди к кассе стоял, величественно возвышаясь над другими пассажирами, в черном с бобровой шалью пальто и в бобровой шапке-«боярке» Артур Филиппович Засохо собственной персоной. Ржавин узнал его сразу, хотя никогда до этого не видел. Он торопливо сказал Андрею:

— Когда он уйдет, подойди к кассиру, узнай, какой билет он взял. Встречаемся вечером у тебя.

В это время Засохо наклонился к окошечку кас-

сы и через минуту, положив в бумажник билет и сдачу, направился к выходу из вокзала.

За ним последовал Ржавин.

Его ждало удивительное открытие: оказывается, Засохо спокойно жил все эти дни в гостинице «Буг», правда, под другой фамилией. Администратору он сдал паспорт на имя Пономарева. Так просто! И Ржавин вспомнил: ведь гостиница «Буг» вертелась у него в голове, он уже «примерялся» к ней, но что-то помешало ему додумать эту мысль до конца.

Не дожидаясь вечера, он зашел к Андрею.

Оказалось, что Засохо взял билет до Москвы на завтра, на вечер. На все другие поезда билетов в первый класс уже не было.

— Когда он мне попадется — расцелую! — радостно объявил Ржавин.— Такие барские замашки! Старик, ведь он подарил нам целый день! Ты понимаешь, что это значит?

— Не совсем. А главное, я его не понимаю. Я бы, например, удрал отсюда как можно быстрее.

— Так он же спокоен. Он же не увидел сигнала тревоги — задернутых занавесок!

— Вот в чем дело...

— Именно. Ах, Засохо, Засохо! А я-то думал, кому это Юзек маячок дает.

От Андрея, несмотря на поздний час, Ржавин отправился к себе в горотдел. Митрохин еще не ушел.

Сидели долго, придумывали, спорили, гадали...

Наконец Митрохин, отдуваясь, сказал:

— Фу-у! Теперь я, кажется, чуть-чуть спокоен. Хотя операция получается деликатная. Черт знает, какая деликатная! И как только две наши башки ее сварили, удивляюсь.

— Теперь надо, чтобы там доварили,— и Ржавин указал пальцем на потолок.

— За этим дело не станет... И вот еще, пожалуй, какой ход стоит проделать...

Светлые глаза Митрохина снова сузились и заблестели. Он придумал действительно ловкий, необычайно ловкий ход. Сперва вспомнил пустяковую деталь, а уж из нее вытянул и этот ход.

— Сам говоришь: приглашал твоего друга тот дядя к себе в гости, если он в Москве окажется. Ведь приглашал?

— Приглашал.

— Ну как же это не использовать. Почему бы твоему другу и не оказаться в Москве?

— Не все тут от нас зависит.

— А мы попробуем! Зато, если клюнет, ты понимаешь, что откроется?

И они снова заспорили.

Но вот Митрохин потянулся, откинувшись на спинку стула, потом встал, не спеша молча прошелся по кабинету и, словно убедившись, что больше нечего спорить и нечего придумывать, сказал:

— Действуй, Ржавин. Ты тут главный будешь. Подбирайся, подкрадывайся, тихо только, осторожно. Они враги наши, до конца враги. Это я тебе как старый коммунист молодому говорю. Я их побольше тебя повидал. И еще запомни. С каждым твоим шагом в этом деле враги будут появляться все опаснее. До сих пор плотва шла. Щуки впереди.

Андрей сидел на диване возле маленькой красной лампочки-грибка и думал. Тихо в квартире, пусто, темно. Четко, как маленькая кузница, тикает будильник. За окном проехала машина. И опять тихо, тоскливо и холодно, словно в склепе каком-то.

Вздохнув, Андрей потянулся было к книге, но раздумал. Разве там написано, как ему жить дальше?.. Вот ушли дневные дела и хлопоты, они всегда будут уходить от него по ночам. А тогда? Человеку так нужны чье-то тепло, чья-то ласка, и еще ему надо иметь кого согревать самому, о ком заботиться, кого ласкать...

Тьфу! До чего же он размяк! В пору побежать сейчас, ну, хотя бы к Светлане, она ведь звонила ему недавно. «Нет, нет, я никуда не ушел и не собирался. Я сказал тебе неправду. Я дома!» И голос ее из напряженного, все время ждущего и искусственно

веселого станет вдруг звонким-звонким и счастливым. Да, да, он это знает. Но он не может...

Днем совсем другое дело. Днем он сегодня, например, нашел чулки у Юзека, знаменитого Юзека! До этого у Юзека нашел контрабанду Валька Дубинин, в баке с супом нашел. А теперь вот он, Андрей. Это уже, наверное, «высший пилотаж» в досмотре.

А еще они увидели сегодня Засохо. Этого человека Андрей ненавидел незатухающей ненавистью. Почему? Андрей сам этого не понимал до конца. Провозил контрабанду? Так ведь не он один провозит. Или эта барски-европейская внешность, под которой сидит наглый, свирепый дикарь? Нет, и это не все. Что-то еще в этом Засохо. А каким он был жалким на личном досмотре...

Личный досмотр... Да, это штука серьезная. «Крайняя мера в таможенном досмотре, чтобы докопаться до самых потайных мест»,—как сказал однажды Жгутин. А потом — эти слова Андрей тоже запомнил, но почему-то отдельно,— потом Жгутин добавил: «Мне кажется, что всем нам жизнь тоже иногда устраивает вдруг личный досмотр, и тогда сразу выясняется, кому какая цена».

Да, это верно. Но пусть лучше сейчас Андрею не устраивают личного досмотра. Копейка ему сейчас цена, копейка...

Вдруг зазвонил телефон.

Андрей невольно поглядел на часы. Ого, половина двенадцатого! Кто бы это мог быть?

Звонил Ржавин. Он прокричал Андрею в самое ухо слова, которые оглушили его:

— Старик! Возможен вариант: послезавтра махнешь в Москву! Щук ловить! Готовься!

ОПЕРАЦИЯ «ЩУКИ»

Весь день перед отъездом Засохо не выходил из номера гостиницы. Валялся на кровати, лениво читал и думал.

Мысли были разные. Одна, самая робкая, державшаяся где-то позади других, тем не менее все время

досаждала ему: «Не пора ли упаковываться?» Слава богу, есть деньги, квартира, дача... Не пора ли? Ведь опасно. И этот последний указ. Черт возьми, расстрел! Ну нет! У него ведь еще маловато капитала. Впрочем, зачем пороть панику, до расстрела дело ведь не дойдет. Он стреляный воробей. И вообще к черту!..

И тут же приходили другие мысли, деловые, расчетливые, жадные. Как, например, нащупать каналы, по которым работает Евгений Иванович? О, это хитрая бестия. Делец первой руки. Связи у него блестящие! Но и он, Засохо, тоже не дурак. Почему он должен состоять при чужом «деле»? Конечно, у Евгения Ивановича есть чему поучиться. Хватка! Нюх! Наконец, методы! К примеру, Засохо с ним за все последнее время не смог ни разу встретиться. Хитер! Так никакой ОБХСС не страшен! Все это, конечно, так. Но хватит! Засохо уже научился. Почему же он должен питаться объедками со стола этого хапуги? Было время — еще совсем недавно,— когда Засохо не хотел даже и думать о том, через какие «каналы» Евгений Иванович получает товар. Но то время прошло. Засохо как-то подсчитал, сколько с каждой операции получает он и сколько, даже приблизительно, загребает Евгений Иванович. Подсчитал — и ахнул! Вот после этого он и решил — все, баста! Надо ставить свое «дело»...

Эта мысль с каждым днем теперь все сильнее овладевала им, не давала покоя. О чем бы теперь Засохо ни думал, он в конце концов приходил все к тому же: надо начинать свое «дело». Но избавиться от Евгения Ивановича не так-то просто.

И Засохо, багровея, сжимал кулаки. «Нервы,— через минуту ворчал он.— Нервы, будь они прокляты!»

Потом он начинал думать о Надьке Огородниковой. Дрянь такая! Надо и от нее избавляться. Но за ней — цепочка. Юзек, например. Ох, что-то беспокоит его этот Юзек. Правда, он благополучно увез последнюю партию. Засохо внимательно наблюдал за окнами вагона-ресторана. Когда поезд тронулся, ни одно из них не было закрыто занавеской. И все-таки

Юзек его беспокоит. Нет уж, пусть эта цепочка остается Евгению Ивановичу. А он, Засохо, создаст свою. Конечно, это не так просто в Бресте. Проклятый город! Не пришли он сюда Надьку, так вообще не с кем было бы работать. А она нашла только старуху Клепикову. А ведь как искала! Подумать только, на весь город одна эта старуха! Пашка, шофер, что машину угнал, не в счет. Пустой парень, и ударил-то Андрея со страху. Да, тут поди создай новую цепочку!

Артур Филиппович вскакивал, взволнованно ходил по комнате, потом наливал себе рюмку коньяку, прихваченного еще из Москвы, заедал ломтиком лимона.

Но тут сквозь плотный строй бодрых, жадных мыслей снова протиснулась было та, заячья: «А не пора ли упаковываться? Ведь указ...» Он поморщился, как от зубной боли, легкой, но неотвязной.

Вечером Засохо не спеша уложил в чемодан свои вещи. Спал он беспокойно. Снилась всякая ерунда. Один раз даже проснулся с коротким вскриком. Проклятый сон он тут же забыл, а вот сердце разболелось. Под утро уснул спокойнее.

На вокзал он приехал к самому отходу поезда.

Купе мягкого вагона первого класса было рассчитано на двоих. Попутчиков Засохо любил. Беседы, рассказы, расширяешь кругозор, узнаешь новых людей, да и в вагон-ресторан есть с кем сходить.

Войдя в купе, Засохо зорко оглядел молодого человека, устроившегося у окна. Худощавый, черноволосый, еле заметный шрам на щеке. На молодом человеке был дорогой, отлично сшитый костюм, явно заграничный галстук и модные, до блеска начищенные ботинки. Осмотром Засохо остался доволен. «Солидно, весьма,— отметил он про себя.— Хотя и молод». И бодро сказал:

— Здравия желаю.

— Здравствуйте.

Уложив чемодан и скинув пальто, Засохо остановился перед окном, за которым медленно уплывал

назад пасмурный, в черных лужах перрон с равнодушными носильщиками и провожающими.

— Так. Прощай, Брест,— деловито произнес Засохо, усаживаясь на диван.— А вы что же, до самой Москвы едете? — обратился он к своему попутчику.

— Именно.

— «Из странствий дальних возвратясь»? За рубежом побывали?

— Нет. Здесь, в Бресте, сел.

Засохо видел, что молодой человек не очень расположен к знакомству, словно бы даже робеет перед посторонним. Таких людей он не уважал. Правда, они были безопасны, но зато и интереса не представляли.

Однако целый день, проведенный наедине в пустом номере гостиницы, делал Засохо на этот раз особенно общительным.

— Раз уж нам суждено пробыть энное число часов вместе, разрешите познакомиться,—церемонно произнес он, привстав.—Засохо, Артур Филиппович, работник треста. В командировке здесь у вас был.

Молодой человек отложил газету и равнодушно пожал ему руку.

— Очень приятно.— И, в свою очередь, представился:— Соловей Павел. Железнодорожник.

Засохо с интересом посмотрел на своего попутчика. Для крупного работника он был слишком молод, но в то же время и на рядового не очень-то походил.

— В Москву едете по делам? — опять спросил Засохо.

— Нет. В отпуск. Хочу в театры походить. В Бресте жизнь не ахти какая веселая.

— А семья здесь осталась?

— Какая там семья! — небрежно махнул рукой Павел.— Дядюшка один. Пенсионер. Да и с ним редко вижусь. Все в рейсах. Километры наматываю.

Слово за слово, все больше приоткрывался для Засохо его случайный попутчик. Да и Павел становился все разговорчивее, словно оттаивая под заинтересованными, участливыми вопросами Засохо. На-

конец он окончательно отложил газету и закурил. При этом Засохо невольно отметил про себя, что Павел курит самые дорогие сигареты. У него все больше росло ощущение, что попутчик его чего-то не договаривает.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что дядюшка Павла в прошлом работал по торговой части. «Небось упаковался, сукин сын»,— завистливо подумал Засохо.

И тут вдруг ему на ум пришла мысль, от которой даже ладони внезапно стали влажными от пота. Чтобы не выдать своего волнения, Засохо снял очки и стал тщательно протирать стекла.

Но с этой мыслью следовало, однако, подождать. И Засохо, водрузив очки на прежнее место, уже с особым вниманием следил теперь за каждым словом своего попутчика, продолжая обычный дорожный разговор.

Артур Филиппович прекрасно знал особенность такого дорожного разговора, когда собеседники неизвестно почему проникаются внезапной симпатией друг к другу и с откровенностью, на которую при других обстоятельствах ни один из них никогда бы не пошел, начинают делиться с незнакомым человеком самыми сокровенными своими мыслями и заботами.

— В прошлом году умерла его жена,— продолжал рассказывать Павел.— Один остался. А домик, хозяйство кое-какое. Ну, я к нему и перебрался. Иной раз привезешь ему оттуда,— он сделал легкий жест назад, в сторону границы,— чего-нибудь из шмоток или так...

Засохо ликовал, ничем, однако, внешне не выдавая своего состояния. Племянник совершает загранрейсы! У дяди отдельный домик!

Вскоре он предложил пойти в ресторан: время было подумать об ужине.

За столиком, среди шума и гама, разговор принял безобидно-шутливый характер.

Неважный, хотя и дорогой, коньяк, целый графинчик которого распили новые приятели, окончательно скрепил их дружбу.

Из ресторана они возвращались, бережно поддерживая друг друга, и проводники с улыбкой открывали перед ними тяжелые тамбурные двери.

Добравшись до купе, Засохо еще в дверях торжественно объявил:

— А теперь — последний тост. У меня тут припрятано...

И он полез за чемоданом.

— Нет, это у меня припрятано,— возразил Павел.

В конце концов оба вытащили по бутылке коньяку. Решили выпить по рюмке из каждой.

Первый тост был на брудершафт, и растроганные приятели громко облобызались. Второй тост произнес тоже Засохо.

— Павлуша, надо уметь жить. Чтобы было хорошо. За умных людей, которые это умеют!

И, не дожидаясь ответа, Засохо опрокинул рюмку.

— Верно,— усмехнулся Павел.— Видали мы таких.

И тоже выпил.

Спал Засохо беспокойно. Среди ночи, проснувшись, пососал таблетку валидола, жадно напился воды, вздыхая, улегся снова и, наконец, заснул.

Внизу сквозь стиснутые зубы могуче рычал во сне Артур Филиппович. Наверху неслышно дышал Павел.

Утром Засохо проснулся мрачный, с головной болью, но полный нежности к своему новому другу: на этот счет Засохо был великим артистом.

Приближалась Москва. Проводники уже собирали постели, раздавали билеты.

— Павлуша, ты где остановишься? — спросил Засохо.

— В гостинице,— беспечно ответил Павел и туманно пояснил:— Друзья-приятели...

«Я не должен его упустить,— говорил себе Засохо.— Это то, о чем я мечтал. Это начало моего собственного «дела».

— Но сначала заедем ко мне,— решительно объявил Засохо.— Посмотришь, как живу. И план наметим. Мы с тобой за эти дни всяких радостей вкусим, вот увидишь, и... и о делах, быть может, перемолвимся.

При этом громадные его совиные глаза за стеклами очков смотрели так лукаво и игриво, что Павел засмеялся.

— Скажи, пожалуйста, «вкусим»... Интересно даже.

За окнами вагона уже мелькали высокие пригородные платформы, проносились зелеными вихрями поезда электрички, в паутине запасных путей появились стада пустых вагонов.

Это была уже Москва.

В то утро Жгутин впервые после болезни пришел на работу. Он бодрился и старался не подать виду, что чувствует себя все еще неважно. И люди потянулись в кабинет начальника таможни, откуда все эти дни доносились лишь зычные разносы Филина. К Жгутину приходили с делом и без дела, просто так. Поэтому в кабинете вечно толпился народ, и Жгутин редко набирался духу, чтобы выставить всех за дверь.

Спустя некоторое время он вызвал Шмелева.

— Ну-с, Андрюша, командировка тебе в Москву выписана.

— Спасибо, Федор Александрович.

Его беспокоила эта поездка. А Ржавин вчера, вместо того чтобы все толком рассказать, лишь назначил свидание в Москве. «Если все будет, как задумали,— многозначительно сказал он на прощанье. И добавил:— Остальное потом, чтобы сразу не перегружать твою больную голову». После этого расспрашивать его уже было бесполезно.

— Вечером-то зайдешь? — спросил Жгутин.

Андрей, подумав о том, что ему предстоит этим вечером, только огорченно вздохнул в ответ.

Вечером Андрею надо было идти к Наде Огородниковой. Так велел Ржавин. Как всегда с шуточками, он вчера сказал: «Ты теперь человек одинокий. Посети. Думаю, она какой-то секретик тебе сообшить

хочет. Ведь приглашала. А главное, насчет поездки в Москву обязательно ввернн. Увязываешь?»

Андрей вынужден был согласиться.

Еще днем он позвонил Наде по телефону в магазин. Долго ждал, пока ее позовут, борясь с искушением положить трубку, потом заставил себя беззаботным тоном сговориться о встрече.

...Было уже часов восемь вечера, когда Андрей пересек темный, но уже немного знакомый двор и без особого труда нашел нужную дверь.

Надя открыла ему сразу, она точно ждала его у двери. Раскрасневшаяся, в каком-то очень пестром и, как всегда, открытом платье, крупная и ладная, под стать Андрею.

Потом они сели за стол.

Надя пела, но не обычные свои «душещипательные» романсы, а какие-то разудалые, звонкие песни — такое вдруг настроение почему-то охватило ее.

Андрей окончательно освоился и, улучив момент, как бы между прочим, сказал, что завтра едет в Москву.

Он тут же заметил, как подействовали на Надю его слова.

Она задумалась, резкая складка неожиданно пересекла лоб, и глаза потухли, отяжелевший взгляд их словно ушел куда-то внутрь, освещая какие-то притаившиеся там мысли. Надя как будто сразу постарела.

Андрей сделал вид, что не замечает этой перемены. Он даже принялся рассматривать пухлый альбом с фотографиями.

А Надя думала... Андрей едет в Москву. Туда же уехал вчера Артур Филиппович, уехал к своему «шефу» и там расскажет о ней, о Наде. Он, конечно, будет ругать ее, он свалит на нее все свои неудачи, все просчеты. Да, да, уж она-то его знает.

Вдруг Надя вспомнила: ведь она знает «шефа», этого тихого, молчаливого Евгения Ивановича. Правда, они виделись всего один раз, но он оставил ей московский телефон. А что Наде делать с ним? Как что? Ведь Андрей едет в Москву, он может позвонить. Тем более что Евгений Иванович сам приглашал его.

Да, да, она тогда назвала его своим дядей, и он пригласил Андрея заходить, если тот будет в Москве. Так значит, связь есть, связь отдельная от Засохо, в обход его!

Надя почувствовала легкий озноб и невольно повела обнаженными плечами. Впервые идет она против Артура Филипповича, он ей уже не кажется таким всесильным, как раньше, но все же...

Надя негромко позвала:

— Андрей!

— А? — Он сконфуженно улыбнулся.— Извини. Увлекся открытками.

— Знаешь, я вдруг вспомнила, как ты был у меня прошлый раз. Еще Артур Филиппович тебя выпить уговаривал.

— Помню, помню.

— У него в тот день конфисковали контрабанду. Ты помнишь?

— Еще бы! Он валюту вез.

— Валюту?! — обрадованно воскликнула Надя и, спохватившись, уже другим тоном добавила: — Так ему и надо!

«Валюту! Валюту!..» — ликуя, думала она. Значит, угадала: он все-таки обманул ее в тот раз! Ведь он сказал, что вез какие-то ткани. И конечно, то же самое он сказал своему «шефу». Вот о чем она напишет Евгению Ивановичу. Пусть знает, какие делишки обделывает Засохо за его спиной. И еще она напишет...

Мысли неслись, как в лихорадке, быстро, беспорядочно, но это были верные и точные мысли!

И еще она напишет, что вся затея с «Волгой» провалилась по вине Засохо, одного его. И потом, когда он приехал, он тоже ничего не смог сделать, чтобы вернуть товар, спрятанный в машине. И даже еще хуже: он хотел убить Андрея, и теперь милиция идет по его следам... Да, да, она напишет пострашнее, даже то, чего нет...

Надя тронула Андрея за рукав.

— Так ты едешь в Москву?

— Ага.

— Знаешь что? Отвези письмо дяде, хорошо?

— А чего же? Пожалуйста.

— Только у меня нет его нового адреса. Ты созвонишься с ним по телефону. Ладно?

— Ну что ж. Пиши письмо. Только учти,— и Андрей, еле сдерживая охватившую его радость, объявил: — Я еду завтра утренним.

Надя торопливо сказала:

— Я привезу его тебе на вокзал.

...Надя в ту ночь долго возилась с письмом к «дяде». Его надо было написать иносказательно, но так, чтобы Евгений Иванович понял все до мельчайшей подробности.

Наконец она в последний раз перечитала исписанные страницы и осталась довольна. «Ну, милый,— злорадно подумала она про Засохо,— уж теперь с тобой будет кончено».

Из окошечка такси Засохо показывал Павлу московские достопримечательности. Машина пронеслась по подземному тоннелю, по недавно лишь возникшему широченному проспекту, мимо магазинов, зеркальные витрины которых тянулись чуть не на весь квартал, мимо новых кинотеатров. Наконец она свернула с проспекта и вскоре остановилась около высокого светлого здания. Лифт поднял друзей на восьмой этаж.

Засохо двумя ключами открыл толстую, обитую дерматином дверь, и они очутились в просторной передней.

— Соня! — крикнул Засохо.— Ты дома?

Стеклянная дверь стремительно распахнулась, и в переднюю выбежала полная белокурая женщина в пестром халате с широкими рукавами.

— Ах, Артик! Наконец-то! — бросилась она к мужу и уткнулась лицом в сырой от снега шалевый воротник его шубы.

— Ну, ну, погоди,— отстранил ее Засохо,— познакомься лучше. Это Павлуша, мой новый друг.— Он обернулся к скромно стоявшему в дверях Павлу.— А это моя супруга Софья Антоновна.

— Здравствуйте,— кивнула гостю Софья Аитоновна.— Извините, ради бога.

Приезжие сияли слегка припорошеииые сиегом пальто и шапки и, оставив чемодаиы в передней, прошли через стекляииую дверь в гостиную.

Комиата была тесио заставлсиа иовеньким чешским гариитуром. Легкая, изящиая мебель от этого казалась иеобычайио громоздкой.

Засохо и его гость еле протисиулись между столом и журнальиым столиком, отодвииули кресла и сели на диван.

— Нам бы, Соиечка, что-иибудь перекусить с дороги,— протирая очки, сказал жеие Засохо.

— Я сейчас распоряжусь,— улыбиулась та и, вздохиув, выплыла из комиаты.

В передией зазвоиил телефои.

Пока Засохо говорил с кем-то, Павел пересел с дивана в глубокое кресло и стал просматривать иллюстрироваиный журиал. Из передией до иего доносился густой бас Засохо.

— Да, да, все в ажуре. Ну, это уж слишком. В коице коицов встречу вас на улице — ие узиаю,— ои громко расхохотался.— Да, да... Есть кое-что... Завтра? На Арбате?.. Ага, в два часа... Превосходно.

Вскоре Павел стал прощаться, пообещав прийти вечером.

— Непремеиио,— погрозил пальцем Засохо.

...Вечером собрались гости.

Малеиький полиый человек с воздушио-седым хохолком, беспокойиый, как ртуть, зычиым голосом рассказывал:

— Только вообрази, родиеиький. Вдруг — ОБХСС! Где-то, иа какой-то фабрике проворовались. Я должеи зиать! Извииились, коиечио. А один спрашивает... Вы слышите? «Откуда такой роскошный ассортимеит?» — «Болею за плаи,— говорю,— борюсь за звание, за грамоты...» Я зиаю, за что еще? Слава богу, двадцать лет по этому делу... и ии разу даже свидетелем ие проходил!

— Ну, иу, Афоия,— насмешливо возразил другой

гость, худой, бритоголовый, в пенсне.— Не увлекайся...

— А, кура тебя забери! — досадливо махнул рукой толстяк.— Ты, Дима, не в свое дело носа не суй!.. А? Что?

— Хватит вам,— вмешался Засохо.— Не то мой друг плохо о вас подумает,— он подмигнул Павлу.— Это директор магазина и работник фабрики. Дружбе их — двадцать лет.

Павел улыбнулся. Он был в приподнятом настроении, его глаза цепко перебегали с одного гостя на другого.

Разошлись поздно.

На следующий день Засохо потащил Павла обедать в «Арагви». Поглощенный национальными блюдами, Павел не сразу сосредоточился на том, что вдруг, понизив голос, начал говорить ему Артур Филиппович. Тот, наконец, рассердился.

— Павлуша, ты несерьезный человек. Я тебя уже в какой раз спрашиваю: хочешь ты как следует заработать или нет? При этом ни в какой конфликт с уголовным кодексом вступать не придется.

Засохо был совсем не так прост, как можно подумать, если судить по тому, что он так быстро завел этот разговор со своим новым приятелем.

Дело в том, что рано утром Засохо позвонил в Брест Огородниковой и спросил ее про Соловья. Надя сонным и недовольным тоном ответила, что про такого человека она слыхала. Кажется, он действительно работал в торговых организациях Бреста. А вот где именно и как, этого она не знала. Вообще все подробности Надя обещала сообщить часа через три. И действительно, спустя некоторое время она позвонила Артуру Филипповичу и передала сведения о Соловье, в том числе о его давней судимости, о смерти жены, даже о домике, сообщив его точный адрес, и о племяннике, оказавшемся парнем ловким и практичным. Сейчас оба они уехали, закончила Надя, а куда — ей узнать не удалось.

Вот только после этого Засохо и решился на деловой разговор с Павлом.

И еще одно событие предшествовало их визиту в «Арагви».

Это была поездка Засохо на Арбат. Там, в небольшой закусочной, он должен был ждать Евгения Ивановича, наконец-то согласившегося на встречу. Заехавший незадолго перед тем Павел объявил, что и у него есть дела в центре. Поэтому в такси ехали вместе до самого Арбата. И Засохо даже чуть не опоздал на свидание.

Евгений Иванович был настроен благодушно. Он со снисходительной улыбкой выслушал отчет о поездке, но отклонил все попытки Артура Филипповича завязать доверительный разговор о «деле». Последнему это обстоятельство не понравилось — он достаточно хорошо знал своего «шефа». Поэтому Засохо решил, что надо форсировать события.

Вот после всего этого друзья и оказались в «Арагви», и Засохо задал свой вопрос.

Павел хитро прищурился.

— Заработать всякий хочет... Но... что ты мне можешь предложить, к примеру?

Засохо отнюдь не собирался сразу посвящать нового приятеля во все свои дела и планы. Он решил начать с малого и действовать постепенно, с тем чтобы в конце концов не только разжечь алчность у Павла, но, главное, поставить его в положение, когда отступать будет уже поздно. Ну, а то малое, с чего он решил начать, выглядело почти безобидно.

— Пусть дядюшка разрешит останавливаться у вас, когда приеду в Брест. Да и знакомым моим, если такая необходимость появится.

— Вещи оставлять не будете? — как бы между прочим осведомился Павел.

Засохо, понимающе улыбаясь, заверил:

— Ни в коем случае.

— Та-ак... Ну, а что еще?

— Письмишко передать... Да и ты, может, чего интересного привезешь...

— Словом, прощупываешь? — усмехнулся Павел.

Засохо пристально посмотрел на приятеля.

— Ты, Павлуша, наивным не притворяйся.

...Со смешанным чувством радости и опасения подъезжал Андрей к Москве. Сколько людей, сколько встреч ждало его здесь!

Сразу по приезде Андрей направился в гостиницу «Москва», там ему должны были приготовить номер, там его ждал Ржавин.

Геннадия он увидел, как только вошел в огромный, полный вокзальной суеты вестибюль гостиницы. Ржавин стоял около ювелирного киоска и деловито рассматривал что-то.

— Выбираешь подарок? — спросил Андрей, подходя.— Она любит подороже. Ну, привет.

Ржавин обернулся.

— А-а, все-таки приехал?

— А ты что думал?

— Не имеет значения. Вам, сэр, приготовлен лучший из номеров. Супер-люкс, на самом верхнем этаже, но с умывальником.

Номер оказался маленький и скромный. Андрей обратил внимание на две кровати.

— Сосед?

Ржавин церемонно поклонился.

— Если нет возражений, то это я.

— Польщен.

Друзья уселись в кресла и закурили.

— Какие новости? — спросил Ржавин.

— Письмо к дяде. И телефон для встречи.

— Прекрасно. Звони.

Андрей набрал номер. Ответил женский голос.

— Попросите Евгения Ивановича.

— Кто его спрашивает?

— Я из Бреста. Привез письмо.

— Оставьте телефон. Он вам позвонит.

Когда Андрей положил трубку, Ржавин недовольно проворчал:

— Что это еще за фокусы?

Евгений Иванович позвонил почти тотчас же.

— А-а, помню вас, помню! Как же,— приветливо сказал он.— Письмо от Наденьки? Наконец-то!

Они сговорились встретиться через час. Евгений Иванович предложил заехать к Андрею в гостиницу.

Андрей запротестовал.

— Что вы! Я все-таки помоложе.

— Нет, нет. Где вы остановились?

Андрей, наконец, положил трубку и вопросительно посмотрел на Ржавина. Тот лениво отряхнул пепел с сигареты и спросил:

— Ты, кажется, меня уверял, что он и в самом деле ее дядя?

— Мне так показалось.

— И с Засохо он встретился случайно, только в Бресте?

— Да.

— Интересно, что тебе покажется на этот раз.— Ржавин решительно загасил сигарету, встал и с хрустом потянулся.— Итак, помни мои заветы.— Он вдруг остро глянул на Андрея.— По-моему, ты все еще удивляешься. А пора уже ненавидеть! Тут враги, понимаешь?

Андрей ответил спокойно:

— Понимаю. Но кого прикажешь ненавидеть, дядю? А если он только дядя?

— А Засохо — только папа, да?

Андрей нахмурился.

— Это преступник. И какого только черта я сидел с ним за одним столом!

— Чтобы поймать преступника,— хитро прищурился Ржавин,— иногда надо и за одним столом с ним посидеть и выпить. А потом скрутить руки или... или стрелять. Разведчик должен уметь все.

В голосе его прозвучали горделивые нотки. И сейчас Андрею это понравилось.

— Ладно уж. Попробую. Когда увидимся?

— Ночью наверняка. Привет!

Ржавин направился было к двери, но вдруг остановился.

— Да! А где письмо?

— Вот оно.

...После ухода Ржавина Андрей подошел к окну. Внизу — самый центр города. Седая от снежного инея и потому казавшаяся еще древнее кремлевская стена, дальше два очень похожих и таких причудливых,

большнх красиых здания рядом — музен: один — Леннна, другой — Исторнческнй. Пестрая лавина машни катнтся перед инмн. Москва!.. Какне велнкне н грозные события вндели этн седые стены, сколько раз здесь решалнсь судьбы народа! И его, Андрея, судьба...

Кто-то тнхо постучал в дверь за его спнной.

— Войдите!

На пороге появнлся худощавый черноволосый человек в скромном темном костюме и темной рубашке с галстуком. Большой, с залыснннами лоб, узкое, клнном вниз, лнцо н густые-прегустые бровн, закрывавшие глаза. Надин дядя! Андрей сразу узнал его.

— Здравствуйте, Евгенні Ивановнч. Прошу вас.

— Здравствуйте, Андрей. Рад вас вндеть.

Евгений Иваиовнч, не чнтая, суиул пнсьмо в кармаи.

— Это потом,— объясиил он.— А пока расскажнте про ваше жнтье-бытье, про Наденьку. Как она там?

Но Андрей мало что мог рассказать про Огороднникову.

— Да, видио, не часто встречаетесь,— огорчеино заметил Евгений Ивановнч.— Жаль. Вы мне нравнтесь. А Надя... Вот, к прнмеру, в тот раз она меня познакомнла... Как его? Не помнните? Толстый такой, в очках...

— Засохо?

— Да, да. Вы его запомннлн?

— Попался однажды с контрабандой.

— Ну, вот вндите. Ои мне н тогда не понравнлся.

Андрей успокоительно заметил:

— Надя ие глупая. Разберется.

— Как сказать.— Евгенні Ивановнч разволновался н впервые поднял на Андрея глаза — две узкие светлые льдинкн под лохматыми бровямн.— Как сказать! Наряды любнт не в меру, удовольствня всякне...

Чем дальше шла эта мнрная беседа, тем больше недоумевал Андрей. «Какого черта мы к нему прнвязываемся? Это же вполне порядочный человек».

Утром следующего дня в квартире Засохо раздался телефонный звонок. Артур Филиппович говорил услужливо, скромно, почти подобострастно, его обычно самоуверенный и раздраженный бас сейчас нельзя было узнать.

— Да, да, я вас слушаю,— говорил Засохо.— Когда угодно... Когда, когда?.. Ага. Понял... Минута в минуту... Всего наилучшего...

Засохо повесил трубку и на миг замер у телефона, пытаясь что-то сообразить. При этом на его обветренной физиономии с крупными совиными глазами и резкими складками на щеках отразились как-то сразу и беспокойство, и удивление, и любопытство. Засохо провел рукой по ежику седых волос и вполголоса задумчиво произнес:

— М-да... Что бы это значило?

Он с сомнением покачал головой и направился в кабинет.

Там сидели Павел и Дмитрий Спиридонович, тот самый худой бритоголовый человек в пенсне, который был в гостях у Засохо в первый вечер после его приезда из Бреста. Афанасий Макарович называл его Димой, а Засохо представил как работника какой-то фабрики.

Дмитрий Спиридонович сидел у Засохо давно. Когда приехал Павел, деловая часть их встречи уже закончилась и теперь все трое пили коньяк.

Было заметно, что Засохо недоволен разговором с Дмитрием Спиридоновичем. Да и тот чувствовал себя не очень уютно и все время порывался уйти, ссылаясь на неотложные дела. При этом он прижимал маленькие розовые ручки к груди и смешно вертел индюшачьей голой головой. Но Засохо чем больше пил, тем решительней не отпускал его от себя.

— Погоди,— примиряюще басил он, хватая гостя за пиджак и с силой усаживая на прежнее место.— Погоди. Ты меня еще плохо знаешь... Ты вот его спроси,— он указал на Павла.— На двадцать процентов будешь работать, слово даю. Это же тебе не пятнадцать.

Дмитрий Спиридонович смущенно краснел и, ки-

дая улыбчивые взгляды на Павла, неприятно резким голосом возражал:

— Да с чего вы взяли? Ей-богу, и в мыслях никогда не было... Я уже у себя на фабрике насмотрелся, чем такие дела кончаются...

— А ведь врешь,— умильно произнес, наконец, Засохо.— И как еще врешь-то... Ну ладно,— он махнул рукой.— Давайте выпьем, чтобы сгинул ОБХСС. Неплохо, а?

— Выпьем,— не очень охотно согласился Дмитрий Спиридонович и, остренько взглянув на Засохо, спросил: — Это Афоня вам наболтал, а?

Засохо строго погрозил пальцем.

— Афоня ничего не знает. Это только нас касается. Понятно?

Дверь в кабинет приоткрылась. Софья Антоновна, просунув голову, сказала:

— Артик, тебя к телефону.

Когда Засохо вышел, Дмитрий Спиридонович, вздохнув, сказал:

— Тяжело с вашим братом все-таки.

— То есть? — удивился Павел.

— Ну вот видите — обижается,— и без всякого перехода Дмитрий Спиридонович спросил:— А вы, значит, из Бреста?

— Да.

— И как, а?

— Что «и как»?

Дмитрий Спиридонович хитро прищурился.

— Понимаю, понимаю. И, как видите, не обижаюсь.

— Да на что обижаться-то?

— Все понятно, дорогой. Кроме того, доверие Артура Филипповича — это солидная рекомендация. Поэтому есть предложение.— Дмитрий Спиридонович быстро оглянулся на дверь и, понизив голос, сказал: — Позвоните мне. А? — и нравоучительно добавил: — Чем меньше в цепи звеньев, тем она крепче. А?

— Без сомнения.

— Тогда пишите.— Дмитрий Спиридонович почти шепотом продиктовал номер телефона и, как-то стран-

но усмехнувшись лишь уголками длиииого и тонкого рта, добавил: — Двадцать, это тоже не подарок, если уж на то пошло. А? Ведь я как-никак первоисточник. И потом еще один цех у меия на стороне.

— То есть?

— Последние операции. Целлофан, бирки и прочее.

— Понятно.

— Это же все что-то стоит. А?

Вернулся повеселевший Засохо, и разговор оборвался. Подсаживаясь к столику, Артур Филиппович самодовольно объявил:

— Воистиу: имей сто рублей, будешь иметь сто друзей.

Вскоре Дмитрий Спиридоиович ушел. Павла Засохо уговорил остаться и пообедать.

Под конец Засохо заторопился и стал заметно нервничать. Павлу он отрывисто сказал:

— Извиии. Бегу. Тут, брат, такое дело... Но вечер иаш.

Поймав иедалеко от дома такси, Засохо помчался в центр. Вышел он на улице Горького и, пройдя немного, зашел в скромное кафе.

Вопреки обычаю Евгений Иванович уже поджидал его. На столике стояла закуска и початая бутылка вина. Засохо на ходу с беспокойством посмотрел на часы. Нет, ои ие опоздал.

Евгений Иванович поздоровался с ним спокойно и приветливо, налил вина, пододвинул закуску. После первых самых обычных фраз Евгений Иваиович вдруг умолк и некоторое время сосредоточеиио жевал. Засохо понял, что сейчас он скажет то, ради чего так неожиданно вызвал его сюда. И ладони, как всегда, стали вдруг липкими от пота.

— Вы помните Грюна? — вдруг спросил Евгений Иванович.

— Он умер.

— Да, умер. Но бывает, что и мертвые хватают живых. Вы, коиечно, знаете, что умер он в колонии?

— Кажется...

— А почему не дома? Не у себя в постели?

— Ои грубо работал.

— Нет, он работал тонко. Но один раз, всего один раз ошибся в компаньоне.

— Откуда вы это взяли?!

— Неважно. Гораздо важнее, что об этом узнал Грюн. Правда, незадолго до смерти. И он решил отомстить.

— Интересно, как?

— Грюн оставил письмо...

— Интересно взглянуть.

— Еще бы! Но оно адресовано не вам.

— Вот как! Кому же, если не секрет?

— Не секрет. Оно адресовано комиссару Мишину.

— Ого! Грюн состоял с ним в переписке?

— Не думаю.

— Почему же он не отправил это письмо?

— Он попросил это сделать меня.

— И вы...

— И я решил подождать. Вы же понимаете, это письмо никогда не устареет. Во всяком случае, пока жив этот компаньон.

— Чего же вы ждали? — В этом месте голос Засохо предательски задрожал.

— Пока тот компаньон не встанет мне поперек дороги. Пока мне не понадобится его убрать.

— И вот...

— Вы угадали.

— И вы отправили это письмо?

— Если бы я его отправил, этот компаньон уже давал бы показания на Петровке. А он пока...

— Понятно. Чего же вы хотите?

— Договориться с ним. Мне не нужно его крови. Пусть живет. — В этом месте Евгений Иванович брезгливо поморщился и махнул рукой. — Пусть. Но мне нужно...

— Деньги?

— Вы угадали. И еще мне нужна свобода. К старости я начал почему-то дорожить ею еще больше. Так вот. Свободу я себе обеспечу, ликвидировав все «дела» с тем компаньоном, все до последнего. А вот...

— Да, как вы обеспечите деньги?

— Очень просто. Я продам ему письмо. Иными словами, я не посажу его в тюрьму. Это стоит любых денег, не так ли?

— Все зависит от письма.

— Хотите прочесть?

Засохо протянул руку через столик.

— Что ж, интересно.

Это был неосмотрительный жест: рука дрожала.

Евгений Иванович, улыбнувшись, вынул сложенные вчетверо листки. Текст был отпечатан на машинке.

— Прошу. Это копия.

Пока Засохо читал, машинально вытирая ладонью влажный лоб, Евгений Иванович с аппетитом принялся за еду, потом, откинувшись на спинку стула, закурил.

Засохо все читал. Собственно говоря, он уже прочел письмо и сейчас только делал вид, что читает. Он соображал. Письмо действительно опасное: Грюн много знал. Но каков подлец этот Евгений Иванович! Сколько времени связан с ним Засохо, и все эти годы, оказывается, Евгений Иванович держал его за горло. И при этом ни разу не проговорился. Ну, погоди же... Но сейчас надо думать о другом. Что делать? Где спасение?

Удар был таким неожиданным, что Засохо растерялся. И в этот момент он решительно ничего не мог придумать. Тогда он попытался хотя бы выиграть время. Возвращая, наконец, письмо, он спросил:

— Значит, тот компаньон встал вам поперек дороги?

— Да,— решительно кивнул головой Евгений Иванович, и из-под густых его бровей на миг холодно блеснули узкие глаза-льдинки.— Представьте, он меня обманывал. И потом он оказался бездарен. Чудовищно бездарен. И это самое грустное, конечно.

В голосе Евгения Ивановича прозвучало нескрываемое презрение. Засохо побагровел, но сдержался и тихо спросил:

— А не думаете вы, что этот компаньон тоже может кое-что рассказать о вас на Петровке?

— За кого вы меня принимаете? — тонко, одними губами усмехнулся Евгений Иванович.— Если бы он мог это сделать, то о письме Грюна говорил бы с ним не я.

— «Если бы мог»? Мне кажется, за эти годы...

— Ну, ну. Продолжайте.

И тут Засохо вдруг обнаружил, что ничего существенного, ровным счетом ничего не может рассказать о Евгении Ивановиче, ибо тот умел всегда остаться в тени и действовать чужими руками. У Засохо были только догадки да кое-какие косвенные факты. Письмо Грюна легко перевешивало эту зыбкую чашу сведений.

Засохо с яростным восхищением посмотрел на Евгения Ивановича. Так взять за горло!

Нервно проведя ладонью по ежику седых волос, он спросил сразу вдруг осипшим голосом:

— Сколько же, по-вашему, стоит это письмо?

Евгений Иванович самым беззаботным тоном назвал такую сумму, что Засохо даже изменился в лице. Жирные щеки его из багровых стали розовыми, потом медленно посерели. Он тяжело засопел.

— Это... это разбой.

— Ну что вы. Это коммерция.

Засохо захлебывался от гнева. Такого унижения он еще никогда не переживал. И от этого он окончательно растерялся. Бестолково передвигая на столике рюмки и тарелки с остатками закуски, он повторял:

— Ах, так?.. Значит, так?..

— Может быть, он хочет подумать? — любезно осведомился Евгений Иванович, все еще продолжая игру в некоего третьего, о ком, мол, и идет у них речь, и эта игра звучала сейчас откровенной издевкой.

Но Засохо уже ничего не замечал.

— Да, да, подумать...

— Что ж, до завтрашнего утра у меня время есть.

...Артур Филиппович вернулся домой в таком состоянии, что жена, всплеснув руками, воскликнула:

— Артик, что случилось? Мы погибли, да?

— Дура,— огрызнулся Засохо и с треском закрыл за собой дверь кабинета.

Под вечер приехал Павел.

Засохо без пиджака, распустив пояс брюк, лежал на диване, закинув руки за голову, и нервно покусывал губы. Очки были сдвинуты на лоб, и взгляд рассеянно блуждал по потолку.

— Неприятности? — спросил Павел, усаживаясь в кресло.

— Еще какие...

— Кто же?

— Да один там... Только не на такого напал... Если уж я Грюна... то его-то...

Слова вырывались у Засохо непроизвольно, как всплески летящих мыслей.

Вдруг он сорвался с дивана и кинулся к телефону. Павел услышал его голос из передней:

— Афанасия Макаровича... Слушай. Срочное дело. Что? Да, да, виделся. Так, жду.

Через минуту Засохо уже снова лежал на диване, бормоча что-то под нос.

Афанасий Макарович приехал вечером. Румяный, улыбающийся, со своим седым хохолком-одуванчиком на розовом черепе, он колобком прокатился по всей квартире, со всеми поздоровался за руку и, наконец, укрылся с Артуром Филипповичем в его кабинете.

И снова крики Афони, как ни рычал на него Засохо, то и дело выплескивались в переднюю. Павел, стоя у телефона, только усмехался, кивком головы указывая Софье Антоновне на дверь кабинета, и та в ответ досадливо разводила полные руки.

— ...За его же подписью будет, понимаешь, родненький? — кричал Афоня.— Тогда попрыгает!.. А? Что?

В ответ что-то неразборчиво гудел Засохо. И опять доносился срывающийся на визг голос Афони:

— Что ты, родненький! Завтра же... За них не волнуйся, они дело знают... Вот-вот! И его проверим. Это мысль!..

Слышно было, как он бегает по кабинету.

— Ай, кура тебя забери! Ну и спектакль же будет!

Остаток вечера много пили. Засохо и Афоня, возбужденные и встревоженные, словно хотели прогнать какие-то пугавшие их мысли. Их душила злоба. Это было видно по тому, как остервенело они пили.

Павел все яснее ощущал: что-то готовится.

Андрей проснулся оттого, что кто-то бесцеременно толкал его в плечо. Потом до него донесся насмешливый и знакомый голос:

— Эй, командировочный!

Андрей открыл глаза. Перед ним в одних трусах стоял Ржавин. Окно было раскрыто настежь, и по комнате гулял ледяной ветер. Ржавин, видно, уже сделал зарядку и сейчас мягко приплясывал на коврике, чтобы не замерзнуть. При этом длинное, жилистое тело его играло разбегающимися под кожей тугими мышцами.

— Вставай, вставай, старик,— тормошил он Андрея.— Новости есть.

Последние его слова окончательно разбудили Андрея, он откинул одеяло и лениво потянулся, при этом ноги его далеко вылезли за прутья кроватной спинки.

— Борец, а не сотрудник таможни,— с восхищением покосился на него Ржавин.

— Не мог с зарядкой подождать? — проворчал Андрей, садясь на край кровати и зябко охватив руками голые плечи.— Ну, давай свои новости, пока я крутиться буду.

Андрей принялся за зарядку, а Ржавин приступил к рассказу.

— Во-первых, ту «Волгу», которую вы конфисковали, купил, знаешь, кто? Засохо! Он же отправил ее по железной дороге в Минск. А оттуда уже Пашка перегнал в Брест.

— Какой... Пашка?..— спросил Андрей, энергично приседая.

— Это шофер, который тебя по черепушке стукнул.— Ржавин усмехнулся.— Ты не думай, это он с перепугу.

Андрей отрывисто спросил:

— Откуда ты знаешь?..

— А мой Толик с ним уже беседовал. И вчера мне по телефону доложил. Пашка даже катал Засохо по Бресту, с Огородниковой катал, и с Чуяновским, и еще с какой-то старушкой. Кто такая, а?

— Не знаю никаких... старушек...

Андрей уже лежал на полу и, розовея, поднимал вытянутые в струнку ноги.

— Плохо. Эх, как меня эта старушка интересует, кто бы знал! Ты кончишь наконец?

Андрей отрицательно покачал головой. Потом спросил:

— Где тебя носило?

— Увлекся,— мечтательно глядя в потолок, ответил Ржавин.— Одним человекоподобным... Много он интересных вещей знает.

— Выходит... обманываешь?..

Андрей все еще делал зарядку и немного запыхался.

— Почему «обманываешь»? — сухо возразил Ржавин.— Он сам кого хочешь обманет. Тут, старик, борьба умов.

Окончив зарядку, Андрей взял полотенце и направился в душ.

— Стой! — схватил его за трусы Ржавин.— Сначала скажи, ты договорился с дядюшкой о встрече?

— Договорился. Он завтра позвонит.

...На следующий день должен был звонить Евгений Иванович, поэтому Андрей безотлучно сидел в номере гостиницы. Утром перед уходом Ржавин ему сказал:

— Нам так и не удалось установить, где живет этот тип. Телефон тот не его, вот в чем дело!.. Поэтому решено взять его под наблюдение с сегодняшнего дня, как только он с тобой встретится. Учти.

При этом Ржавин был необычно серьезен и не позволил себе ни одной шутки.

Андрей ждал. Но время шло, а Евгений Иванович не звонил. Почему-то не звонил и Ржавин.

Мысли одна тревожнее другой проносились в го-

лове у Андрея. Куда же делся Ржавин? Значит, случилось что-то непредвиденное? Значит, Ржавин что-то прошляпил?

Но предпринять Андрей ничего не мог. И это было самое мучительное. Оставалось ждать.

Как и было условлено, Засохо позвонил Евгению Ивановичу с утра.

— Я вынужден принять ваше предложение,— расстроенным голосом сообщил он.— Давайте встретимся.

— Что ж, с удовольствием.

Голос Евгения Ивановича звучал совсем буднично, словно он ничего другого от Засохо не ждал, да и вообще это его нисколько не занимало.

— Где встретимся, когда? — спросил Засохо по привычке.

— Под вечер мне надо позвонить одному приезжему. Поэтому хотелось бы увидеться среди дня. Где вам угодно.

«Шеф» как бы подчеркивал, что Засохо теперь на службе у него не состоит и распоряжаться, как прежде, он не собирается.

— Если не возражаете,— сказал Засохо,— я заеду за вами в ту же закусочную. Не хотелось бы, знаете, в публичном месте производить расчеты.

— Да, да. Понятно. Скажем, в три часа. Идет?

Они простились, и Засохо, весело поблескивая стеклами своих очков, вошел в столовую, по привычке ероша плотный ежик седых волос на голове.

После завтрака приехал Павел. Засохо взял его под руку и увлек к себе в кабинет. Там он тщательно прикрыл за собой дверь и, усаживаясь в кресло напротив Павла, вкрадчиво сказал:

— Ну вот. Настало время проверить нашу дружбу.

На лице Павла появилось выражение озабоченности и любопытства.

— Как же ты собираешься это проделать? — спросил он.

— Все узнаешь. Все. Но постепенно. Дело-то серьезное.

Засохо взглянул на часы, с усилием поднялся из глубокого кресла и вышел в переднюю, к телефону. Павел слышал, как с треском вертелся диск телефона, и думал: «Что-то нервничает Артур Филиппович»,— и вдруг почувствовал, что невольно начинает нервничать и сам. Потом до него долетел отрывистый голос Засохо:

— Это ты?.. Мы выезжаем. До скорого.

Засохо возвратился в кабинет и тем же отрывистым тоном сказал:

— Поехали, Павлуша. По дороге все расскажу.

Но по дороге, в такси, Засохо угрюмо молчал, спрятав лицо в густой мех воротника, из которого только поблескивали стекла очков.

Павел плохо знал Москву и потому никак не мог понять, где едет машина, а адрес Засохо сказал шоферу так быстро и негромко, что Павел ничего не расслышал. Ему же очень хотелось знать, куда его везет Засохо, но спросить об этом его самого он не решался. Да и вообще разговор не получился, после двух-трех вялых фраз оба замолчали.

А такси то мчалось по широким, расчищенным от снега проспектам, по сторонам которых взбухшей белой лентой тянулись заснеженные полосы газонов, то еле ползло по узким улицам центра или простаивало на площадях у светофоров в рокочущем море других машин. Миновав центр, такси опять вырвалось на какой-то другой из новых проспектов и, проплутав по внутренним проездам между шеренгами новых зданий, неожиданно выехало на шоссе. В конце концов такси остановилось около небольшого стандартного дома этажей в пять.

Засохо, а за ним и Павел не спеша поднялись на третий этаж, и Артур Филиппович своим ключом открыл дверь.

Квартира встретила их гулкой тишиной. Сняв пальто, они прошли в скромно обставленную комнату.

— Ну вот, Павлуша,— с деланной веселостью ска-

зал Засохо, просторно разваливаясь в кресле.— Здесь ты и останешься. Будешь за хозяина. Гостей встретишь.

— Что-то я тебя не пойму,— встревоженно сказал Павел.

Он подозрительно посмотрел на Засохо. А тот, резко меняя тон, отрывисто сказал:

— Короче. С одним человеком счеты надо свести. Ты поможешь.

— Как... свести?..— опешил Павел.

— А так,— Засохо сжал волосатые кулаки.— Если надо будет, измордуем до смерти!

Столько злости было в круглых глазах Засохо, так тряслись его губы, что Павел сразу поверил его словам.

— Сколько же ждать?

— Часа через два будем все.

— Да! Послушай,— вдруг опомнился Павел,— а если настоящие хозяева?..

— Не придут,— нетерпеливо перебил его Засохо, надевая пальто.— Далеко они.

Когда за ним с каким-то странным лязгом захлопнулась дверь, Павел невольно посмотрел на ее необычные запоры. Таких замков он еще не видел. Потом вернулся в комнату, внимательно оглядел ее и перешел во вторую. «Эх! — с досадой подумал он.— А телефона-то здесь нет. Что же делать?»

Он снова вышел в переднюю и, заложив руки за спину, стал беспокойно ходить по ней, что-то обдумывая. Видно было, что ситуация, в которую он попал, ему не нравилась.

Наконец, решившись, он быстро подошел к вешалке, поспешно натянул на себя пальто, надел шапку и устремился к выходной двери. Но дверь не открывалась. Сколько Павел ни нажимал, ни крутил диковинные замки, дверь даже не шелохнулась. Ушло не меньше получаса, пока он убедился, что один из замков заперт снаружи и без ключа его открыть невозможно.

Павел, тяжело дыша, некоторое время еще стоял перед дверью, словно ожидая, что после стольких за-

трачеииых им усилий оиа теперь должиа открыться сама, потом устало сиял пальто и иаправился в комиату. «Запер, сукин сыи,— подумал ои о Засохо.— Не доверяет. А почему ие доверяет? А! Не все ли теперь равио почему?»

Ои вяло опустился в кресло и несколько минут сидел без движения. Но мозг продолжал лихорадочио работать. Сомнений ие было, то иепоиятиое и страшиое, что заподозрил вчера Павел, должно было случиться здесь. В этой квартире, по-видимому, готовилось убийство. И, оставаясь здесь, Павел ие только ие мог его предотвратить, ио как бы стаиовился даже его соучастииком. Теперь ему был ясеи замысел Засохо: скомпрометировать Павла так, чтобы иазад ему пути уже не было, чтобы иакрепко привязать его к себе общей ответствеииостью за тягчайшее преступлеиие.

Но иеужели все это затеяио только ради убийства? Что-то уж слишком сложио...

Павел вскочил с кресла и принялся беспокойио ходить по квартире. «Что же делать? Что же делать?» — волиуясь, думал он. Впервые за свою беспокойиую жизнь оказался ои в такой иелепой ловушке.

Павел чувствовал, что ему иачинают изменять, казалось, ко всему приученные иервы. Да, видно, ои здорово устал за эти дни в Москве, которые только со стороиы казались столь безмятежиоспокойными. И вот сейчас ои просто не знает, что предприиять. А делать что-то надо. Ои просто не имеет права сидеть здесь и ждать. Да, да, не имеет права!

Виезапио взгляд его упал иа балкоиную дверь. Павел подскочил к ией, ломая иогти, еле выдериул из гиезд тугие шпиигалеты и изо всех сил потянул дверь иа себя. Ледяиой ветер со свистом ворвался в комиату, сметая скатерку со стола и раскачивая под потолком трехрожковую люстру.

Павел высуиулся на узкий, заваленный сиегом балкои и, как ему ии было холодно, заставил себя виимательио осмотреть все вокруг. И, только приияв

какое-то решение, он снова, уже на один шпингалет, прикрыл дверь и подошел к столу.

Павел достал из внутреннего кармана пиджака автоматическую ручку, при этом отметив про себя: «Напрасно я оставил дома документы». Из записной книжки он аккуратно вырвал чистый листок и, подумав, написал:

«А. Ф.! Я не привык сидеть взаперти. Так у нас ничего не получится. Если хочешь по-другому...»

Тут Павел перестал писать и собрался уже было зачеркнуть последнюю фразу, но, передумав, закончил:

«...то вот мой адрес: Тургенева, 15».

Положив записку на самое видное место, Павел снял с вешалки пальто и, не надевая его, вышел на балкон.

Поеживаясь под порывами ветра, он посмотрел вниз, на тротуар, где возле детской коляски сидела какая-то закутанная в платок женщина, потом перевел взгляд на соседний балкон. Там, за покрытым изморозью стеклом, мелькнула тень. «Кто-то дома»,— подумал Павел, и эта мысль словно придала ему силы.

Вздохнув, он размахнулся и бросил пальто на соседний балкон. Оно повисло там, зацепившись за барьер.

«Главное, не поднимать паники,— говорил себе Павел.— Они должны спокойно прийти в эту квартиру». Он в последний раз огляделся и, решив, что никто его не заметит, медленно, обжигаясь руками о ледяные поручни, перелез через барьер и ступил ногами на покатый выступ стены.

Этот выступ тянулся к соседнему балкону. Расстояние было всего метра полтора. Три быстрых шага — и он уже на том балконе, так решил про себя Павел.

Ему вдруг стало страшно. Павел сделал неприятное открытие: оказывается, он не очень-то хорошо переносит высоту. Поэтому сейчас он старался не смотреть вниз. Он видел перед собой только тот балкон, свое пальто на его барьере и коротенькую, узкую белую дорожку вдоль стены, по которой ему пред-

стояло пробежать над бездной. А эта бездна помимо его воли манила, притягивала к себе.

Но Павел упорно сжал губы и, набрав зачем-то побольше воздуха, с силой оттолкнулся от барьера, за который держался. Раскинув в стороны руки и судорожно прижимаясь спиной к холодной, неровной стене, он заскользил по узкому выступу.

В тот же миг нога его споткнулась о невидимую под снегом выбоину. И сразу Павел ощутил свою беззащитность перед бездной внизу. Все вдруг замутилось у него перед глазами, к ногам прилила волна слабости, подступила тошнота. Павел нелепо взмахнул руками, на миг удерживаясь в каком-то скрюченном положении на обледенелом выступе стены, и тут же с глухим возгласом рухнул вниз.

...Между тем Засохо, поймав такси, помчался домой, где его должен был ждать Афанасий Макарович.

С шумом войдя в переднюю, он спросил жену:

— Афоня здесь?

— Нет еще!..

В этот момент раздался звонок. Засохо поспешно открыл дверь. Пришел Афанасий Макарович. Он шариком вкатился через порог, румяный больше, чем обычно, возбужденный. Сняв с головы каракулевый пирожок и обнажив розовый череп с воздушно-белым хохолком, Афанасий Макарович галантно поцеловал руку Софье Антоновне и нетерпеливо обратился к Засохо:

— Что же ты, родненький? Пора, пора. Половина третьего.

В знакомой закусочной их поджидал Евгений Иванович.

Он пришел пораньше, чтобы спокойно поесть, и сейчас, уставившись в одну точку, равнодушно жевал что-то. Мысли Евгения Ивановича были далеко отсюда. Когда он только уселся за этот столик, он думал о Засохо, этой жирной и глупой скотине, из которой он вынет сейчас кругленькую сумму. Кого захотел обвести вокруг пальца — его, Евгения Ивановича, которого сам Грюн мечтал перед смертью видеть своим

компаньоном! К сожалению, они встретились в колонии. Евгений Иванович отбывал там свой третий срок. На этот раз он сгорел на «левой» резинке, вульгарной продержечной резинке, которая давала, однако, очень неплохой доход.

Мысли Евгения Ивановича перескочили на сегодняшние заботы. Да, теперь у него чулочное «дело», он ведет его с размахом, по-крупному и, как всегда, рискованно. Чего стоит одна переброска за рубеж! Это дает неслыханную прибыль. Но тут нужна особая осторожность. Размах прибыли такой, что Евгению Ивановичу иногда кажется, будто последний указ составлен исключительно ради него.

Он привык к своей необычной, двойной жизни.

Ловкие комбинации, надутые ревизоры, заискивающие дельцы помельче, подачки одним, взятки другим, дележ с третьими, тайные свидания, условные звонки и... страх, идущий за ним по пятам. А рядом со всем этим — выступления на собраниях, доклады начальству, скромный служебный завтрак в буфете перед шумным ночным кутежом. Это вся его жизнь, сегодняшняя жизнь. А завтра... Как знать, что будет завтра! Немалый капитал в валюте и в «камушках» спрятан в нескольких надежных местах.

Но остановиться Евгений Иванович уже не может, пробовал. Это выше его сил. Да и не хочет! Вот и сейчас он вытащит из глотки у этого Засохо условленную сумму, вытащит, даже если тот потом подохнет с голоду!

Евгений Иванович словно от какого-то толчка вдруг поднял голову и увидел, как между столиками пробирается к нему Засохо и с ним Афанасий Макарович. Евгений Иванович сдержанно усмехнулся.

— А, и Афоня здесь. Ну, здравствуй, старый греховодник.

— Здравствуйте, Евгений Иванович,— заискивающим тоном ответил тот, подкатываясь к столику и торопливо пожимая протянутую ему руку.

Евгений Иванович поморщился и подозвал официантку. Через минуту все трое вышли на улицу.

Ехали долго. Когда машина уже мчалась по шоссе, Евгений Иванович иронически заметил:

— Это недалеко только сравнительно с поездкой в Тулу, например.

Наконец они приехали, и Засохо отпустил такси. В полутемном подъезде, о чем-то разговаривая и греясь у батареи, стояли двое мужчин.

Поднявшись на третий этаж, Засохо своим ключом отпер дверь.

— Павлуша! — крикнул он.— Принимай гостей!

Ответа не было. Засохо, удивленный и встревоженный, вбежал в комнату и огляделся. На темном без скатерти столе белела записка. Засохо лихорадочно пробежал ее глазами и снова, уже растерянно, огляделся. У порога стоял Евгений Иванович.

В передней позвонили. Афанасий Макарович поспешно открыл дверь. Не здороваясь, вошли те двое, что грелись в подъезде. Один из них, войдя в комнату, тут же подскочил к Евгению Ивановичу и с такой силой неожиданно ударил его в лицо, одновременно подставив подножку, что тот со стоном грохнулся на пол. Второй из вошедших навалился на него, выкручивая руки.

Началось избиение.

Засохо поспешно вышел на кухню. Здесь он, оцепенев, еще долго стоял с запиской в руках. До него доносились стоны, вскрики, шипящая ругань и раскаленный, визгливый голос Афанасия Макаровича:

— Так его!.. В морду бей!.. Ничего, ничего, потом подотрем, бей!..

Стоны перешли в вой, и он тут же оборвался. Послышалось глухое мычание. Видно, Евгению Ивановичу чем-то заткнули рот.

Это продолжалось долго. Засохо даже не смотрел на часы. Когда он, наконец, пришел в себя, то увидел в руках злосчастную записку. Минуту он напряженно смотрел на нее, потом решился и вошел в комнату.

Евгений Иванович лежал ничком на полу, глаза его были закрыты, из разбитого, вспухшего носа

струйками растекалась по полу кровь. Один из бандитов бил его ногами. При каждом ударе Евгений Иванович хрипло вскрикивал.

Второй бандит, все еще в кепке и полушубке, с интересом рассматривал небольшой, вороненой стали пистолет. Увидев Засохо, он сказал:

— Этот фраер при себе таскал. Видели?

— Дайте его мне пока,— сам не зная зачем, сказал Засохо и положил пистолет в карман.

Афанасий Макарович стоял тут же. Лицо его и голый череп были апоплексически красными, зубы ощерились, и весь он казался каким-то разъяренным зверьком.

— Я сейчас приду,— сказал Засохо и, брезгливо взглянув на Евгения Ивановича, добавил:— Как бы... не того.

Афанасий Макарович оскалился в улыбке.

— Не бойся, родненький. Живучий. Приведем в себя, и он напишет. Все, что надо будет, напишет,— он повернулся к одному из бандитов:— Ленечка, поставь чайник. Кипяточек понадобится.

Засохо вышел на лестничную площадку. Его бил озноб и слегка мутило. Держась за перила, он стал нетвердо спускаться по лестнице.

У подъезда он увидел закутанную в платок старуху возле детской коляски. Засохо огляделся, не зная, что предпринять. Он подумал, что Павел мог выбраться из квартиры только через балкон, и, запрокинув вверх голову, попытался найти этот балкон.

Старуха сначала молча следила за ним, потом словоохотливо сообщила:

— Вот оттеда и часу нет, как сверзился один. Воровством, видать, занимался. Ну, господь и наказал.

— Как же это случилось, бабушка? — быстро спросил Засохо.

— А вот так и случилось. На глазах моих упал, ну и все. «Скорая» прибрала.

Засохо, бледнея, с надеждой спросил:

— Но жив-то он остался?

— Куда там! — махнула рукой старуха.

Шатаясь, Засохо возвратился в квартиру.

Там в это время разыгрывалась дикая сцена. У стола, покачиваясь, сидел весь мокрый, в разорванной рубахе, избитый Евгений Иванович. Сбоку его поддерживал один из бандитов. Другой держал над его головой чайник с кипятком. На столе перед Евгением Ивановичем лежала бумага.

— Пиши дальше, сволочь! — визжал Афанасий Макарович.— Лично комиссару Мишину преподнесем, если не уплатишь!

Увидев входящего Засохо, он крикнул ему:

— Порядочек, родненький! Три дела описал. За них уже вышка обеспечена. Четвертое...

Но тут Евгений Иванович вдруг замотал головой и, шамкая разбитым ртом, проговорил:

— Все... Ничего... больше...

— Ленечка, а ну! — крикнул Афанасий Макарович.

Дикий вой оглушил на секунду Засохо. Пошатываясь, он вышел из комнаты и долго сидел в темной кухне, забыв зажечь свет и болезненно прислушиваясь к стонам, доносившимся из комнаты.

Потом появился Афанасий Макарович. Он зажег свет и хвастливо сообщил:

— Все. Готова исповедь. Но денежки за нее не дает. Мычит, сволочь, кровью исходит, а не дает.— Он озабоченно посмотрел на Засохо.— Кончать его надо. Все равно уж. Ночи дождемся и... увезем подальше. Как думаешь?

Засохо вдруг засуетился, встал и, нервно протирая платком очки, сказал:

— Да, да, Афоня. Раз так, то... конечно. Оно, пожалуй, и вернее. А машину я достану.

Приятели понимающе улыбнулись друг другу. Оба почувствовали несказанное облегчение. Итак, не будет больше Евгения Ивановича, страшного человека, который так цепко держал их обоих за горло, давно, оказывается, держал. Может, и в самом деле так лучше, чем содрать с него деньги? Конечно, лучше! Деньги они заработают и без него.

Не сговариваясь, они опустились на стулья и заку-

рили. Афанасий Макарович, тяжело отдуваясь, проговорил:

— Фу! Прямо гора с плеч, родненький! Ловко мы, однако, а, кура тебя забери!

Артур Филиппович, продолжая успокоенно улыбаться, кивнул головой. Не мог же он предвидеть, как дальше развернутся события.

...Поздно ночью ворвавшись домой, Засохо крикнул перепуганной жене:

— Быстро! Чемодан! Уезжаю!

— Куда? — всплеснула руками Софья Антоновна.

— К черту!..

ЛИЧНЫЙ ДОСМОТР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Наутро Ржавин, придя в управление, сказал сотруднику, который помогал ему в «московских делах»:

— Нет, ты только подумай. Пропал Евгений Иванович. Пропал Засохо. И тот дом мы вчера так и не нашли. Они же, как близнецы, дома на той улице! Даже работники «Скорой» запутались.

— Ну, ты, во-первых, не очень-то плачь. И без этих двоих ты нас вывел на такое дело и столько связей обнаружил, что памятник тебе уже обеспечен. Во-вторых, ты с какого этажа спланировал?

— С третьего. Падать тоже надо уметь. Но что теперь будем делать, а?

— Искать этих двоих. Чего же еще?

Искать! Как будто Ржавин не искал. Вчера по его просьбе сотрудники Московского уголовного розыска обзвонили все больницы, поликлиники, все вокзалы и райотделы милиции, даже морги. Все было безрезультатно. Два человека будто канули в прорубь. «Что-то случилось,— говорил себе в волнении Ржавин,— что-то случилось».

Он попросил суточную сводку происшествий по Москве и стал придирчиво ее изучать. Никто из тех двух не упоминался в сводке, никто из них не был жертвой преступления или несчастного случая. Но за то Ржавин обратил внимание, что в сводке упоминалась улица, куда таксист возил его и Засохо. Он с

особым вниманием перечитал то, что относилось к этой улице. Там около одного дома ночью нашли человека, раненого и ограбленного. Грабителей спугнул водитель такси. Они бросили свою жертву и скрылись на машине. У раненого нет при себе документов, и личность пока не установлена. И это на той самой улице!

Чутье подсказало Ржавину, что надо обязательно взглянуть на этого человека. Он поехал в больницу.

Как только Ржавин увидел пострадавшего — его худое лицо с черными сросшимися бровями, светлые щелки-глаза,— он сразу узнал Евгения Ивановича, хотя до этого видел его один только раз.

Пострадавший уже пришел в себя, даже поел и дал первые показания следователю районного отделения милиции. Их Ржавин прочел, заехав по дороге в это отделение. По словам Евгения Ивановича, неизвестные ему люди напали на него в тот вечер, затащили куда-то, ограбили и избили.

— Здравствуйте, Евгений Иванович,— сказал Ржавин, подходя к постели.

Больной пристально посмотрел на него и глухо, почти не открывая рта, ответил:

— Я вас не знаю.

Потом он еще раз, уже с интересом посмотрел на Ржавина и медленно произнес:

— Впрочем... Где-то я вас видел.

— Возможно.

— Где же?

Ржавин усмехнулся.

— Мы однажды ели в одной закусочной, на Арбате.

Евгений Иванович метнул на него короткий, острый взгляд из-под лохматых бровей и сдержанно спросил:

— Зачем я вам понадобился?

— Мне надо знать, кто с вами так обошелся.

— Я все уже сообщил следователю.

— Вот в связи с вашими показаниями я и пришел сюда и надеюсь, вы сообщите кое-что еще.

— Напрасно надеетесь. Я их не знаю, понятно вам? — резко, чуть насмешливо ответил Евгений Иванович, но при последних словах злость настолько исказила его изуродованное лицо, что Ржавин невольно подумал про себя, что, имея такого врага, спать уже спокойно не будешь.

— Но если я их встречу...— добавил он с угрозой.

Ржавин усмехнулся.

— Может быть, мы вам поможем?

— Вряд ли.

— Что же передать Артуру Филипповичу?

— Слушайте,— пытаясь улыбнуться, болезненно скривился Евгений Иванович.— Бросьте дешевить. И не берите на пушку.

— И Афанасию Макаровичу тоже ничего не передадите? — вежливо осведомился Ржавин.

Евгений Иванович презрительно покосился на него.

— В первый момент вы произвели на меня впечатление умного человека. Вы меня разочаровали.

— Жаль. Вас, конечно, удивляет, что я так поспешно открыл карты?

— Да, почему вы открываете карты?

— Потому, что я приехал к вам из Бреста,— очень серьезно ответил Ржавин, но, не удержавшись, добавил насмешливо: — На таком длинном пути встречаешь много интересных людей.

— Ну вот что,— решительно и чуть устало произнес Евгений Иванович.— Мне еще тут лежать и лежать. Как я понимаю, домой я отсюда уже не вернусь. Так?

— Не знаю.

— А я знаю. И я буду отвечать на ваши вопросы только после очных ставок. Не раньше.— Он болезненно скривился в усмешке.— Я здесь. Теперь ищите других.

...Андрей чуть-чуть приоткрыл глаза. На улице было еще совсем темно. Ржавин, постанывая, ворочался на соседней постели. Бедняга! Наверное, все

тело у него болит. Подумать только, сорваться с третьего этажа. Черт его возьми! Да и с делами, видно, у него не ладится. Но что — не говорит. Ну и работка! Интересно, когда кончит институт и займется диссертацией, он уйдет из уголовного розыска? Скорей всего нет, не уйдет. Эта работа по нему.

Андрей заворочался и поднял голову.

— Вставай, подымайся, рабочий народ,— громко объявил Ржавин, откидывая одеяло.

Перед уходом он сказал Андрею:

— Все, старик. Московские дела твои закончены. Закрывай командировку и вечером айда домой, в Брест. Завтра утром пусть Светлана тебя встречает.

— Упражняешься в остроумии? — сердито осведомился Андрей.

— Ну-ну. В общем собирайся.

— А ты?

— Я на денек задержусь. Не все, старик, гладко получается. Не все. Итак, вечером я тебя провожаю. Понятно? От лица командования — спасибо, но с оркестром и именными часами подожди.

Он все еще бодрился и шутил, этот Ржавин. И это был не наигрыш, нет. Он действительно был бодр и полон энергии. А ведь Андрей ясно видел: неприятности были, большие неприятности.

...Поезд приходил в Брест рано утром.

И все эти долгие ночные часы под стук колес и тягучие гудки паровозов Андрей не сомкнул глаз. Чем-то волновало его возвращение в Брест, чем-то радовало. Неужели он так привык к этому городку? Неужели ему приятно возвращаться в пустой дом, где все напоминает ему о случившемся несчастье? Нет, нет! Не то! Ему сейчас радостно оттого, что его ждут там. Ну, конечно же, ждут! А кроме того, его ждет там работа. Интересная работа, честное слово! И как это радостно чувствовать, что ты нужен, что тебя ждут!

...В купе все спали. Под потолком светила синяя ночная лампочка. Она погасла только на рассвете.

Точно по расписанию поезд подошел к перрону брестского вокзала.

Надя вернулась с работы усталая и издерганная. «Провались совсем эта жизнь,— с раздражением думала она,— никаких нервов на нее не хватит!» Скинув пальто, она прошла в комнату и опустилась на кушетку. Некоторое время Надя сидела на самом краешке, сгорбившись, зажав ладони между коленей, не в силах ни лечь, ни встать и разогреть обед. На красивом лице ее вдруг явственно проступили морщинки, под глазами и в уголках рта.

Сегодня у Нади был трудный день. Единственная постоянная ее клиентка, одно время работавшая администратором гостиницы, прибежала в слезах и сказала, что больше она покупать у Нади «частным образом» ничего не будет. Обо всем узнал муж и такое ей наговорил, что она не спала всю ночь. Как будто она собиралась позорить семью, позорить Брест! Но если муж так считает, то она не будет. Нет, нет! Она, дура, его почему-то любит. И опять пошли слезы.

Надя вздохнула. А кого любит она? И кто ее любит? Да, единственный человек, который любил ее по-настоящему, это был Платон, ее муж, которого она прогнала еще тогда, в Москве. Она считала его слизняком, он не помогал ей добывать деньги, просто не умел и... и не хотел. Собственно говоря, почему он слизняк? Вот не хотел и не помогал, и она ничего не могла с ним поделать. И потом, когда ее арестовали, он все рассказал, что знал. А ведь любил ее. Значит, не просто ему это было. Эх, Платоша, Платоша, где-то ты сейчас, с кем?..

А вот она по-прежнему одна, ее никто не ждет дома.

Надя снова вздохнула и, потянувшись, встала. Надо было все-таки поесть.

В этот момент в передней раздался звонок. Надя

насторожилась. Кто бы это мог быть? Сейчас она никого не ждала. А вечером должен был прийти Семен. Но это вечером...

В передней снова прозвенел звонок.

Сейчас, сейчас... Надя почувствовала внезапный холодок в груди. О господи! Сколько нервов стоят такие звонки, будь они неладны!

Надя подошла к двери и прислушалась. За дверью кто-то негромко кашлянул, переступил с ноги на ногу, проворчал что-то. Кажется, это была женщина.

Решившись, Надя щелкнула замками, и дверь открылась. На пороге стояла Полина Борисовна Клепикова, маленькая, сутулая, вся в черном.

— Ты что, милая, оглохла? — проворчала она.— Али мужика прячешь?

— Что вы говорите, Полина Борисовна! — досадливо ответила Надя, уже сердясь на себя за испуг.

Клепикова прошла в комнату, подозрительно огляделась, потом скромненько села в самом углу, расправив складки на коленях.

— А я уж думаю, не заболела ли,— равнодушным тоном сказала она.— Признаков не подаешь.

— Нету их, признаков, вот и не подаю.

— Али случилось что? — Клепикова бросила на Надю остренький взгляд.

Надя в это время накрывала на стол, вынимала посуду из буфета.

— Ничего не случилось. Пообедаете со мной?

— Можно и пообедать. Из Москвы-то что слышно?

— Ничего не слышно.

— Артур-то молчит?

— Молчит.

— И этот... как его?.. Евгений-то Иванович тоже молчит?

— Тоже молчит.

Клепикова некоторое время задумчиво жевала губами, следя, как суетится Надя, потом сказала:

— Евгений-то Иванович, говорят, будто письмо какое получил и с Артуром того, разошелся.

— Не слышала я про это, ничего не слышала,— резко, пожалуй, даже слишком резко, ответила Надя.

Но очень уж неожиданным было известие Клепиковой. Откуда она знает про письмо? Значит, у нее есть какие-то связи с Засохо, или с Евгением Ивановичем, или с кем-то еще, о которых Надя ничего не знала. Выходит, не доверяют ей больше? Ох, и хитра же, оказывается, эта старая карга! Надя насторожилась и решила выведать побольше у своей гостьи.

— Что значит — разошлись? — обеспокоенно спросила она.— Нам-то с кем работать?

А про себя Надя подумала, что ни с кем она уже работать не хочет — устала, издергалась, и ничего в жизни ей сейчас, кажется, не нужно, только бы оставили ее в покое.

— А работать, с кем пожелаешь,— уклончиво ответила Клепикова.— С Артуром, допустим.

— Провались он, твой Артур! — воскликнула Надя, не в силах скрыть своей злости.— Знать его не хочу, не только что...

Клепикова с любопытством посмотрела на нее.

— Ты, милая, очумела, что ли?

— Очумеешь тут!

— Да чего ты на Артура-то собачишься? Что он тебе сделал?

— Полина Борисовна! Да если бы вы... Да он в грош нас не ставит, пешки мы для него, прислуга. Вот... Ну, скажите, Полина Борисовна,— Надя вдруг остановилась с тарелками в руках перед Клепиковой,— скажите, вы хотите войны?

— Ты что, милая, сдурела? Не дай бог.

— Вот видите! А ему все равно! Он на деньги свои проклятые надеется! Он думает, если всем будет плохо, то ему, жабе, все равно будет хорошо!

Надю всю трясло от ненависти.

— Ну, уж это ты порешь невесть что,— покачала головой Клепикова.

Надя и сама не знала, почему вдруг в ее памяти всплыли те слова Засохо о войне, но сейчас они так

же ошеломляли ее, как и в первый раз. Она и не подозревала, что эти слова вооружили ее против Засохо куда больше, чем любые его подлости по отношению к ней самой. Эти слова заставили ее впервые задуматься о том, кто же она в конце концов, неужели она враг всем другим людям? До сих пор Наде казалось, что своей погоней за деньгами она не причиняет никому вреда. Обман, хитрость и риск — это все, по ее представлению, относилось к закону и лично никого из людей не задевало. И вот теперь Надя не раз возвращалась к обжегшей ее вдруг мысли. Неужели она враг другим людям? Неужели, если всем им будет плохо, то ей и этому Засохо будет хорошо?

А Клепикова между тем, помолчав, равнодушно спросила:

— Ты, случаем, не знаешь такого человека, Соловей Глеб Романович?

— Да что он вам всем дался, этот Соловей? — удивилась Надя.— Вот и Артур твой тоже. Аж из Москвы звонил.

Клепикова сердито поджала губы.

— Уж в крайности Артур твой, а не мой. А вот человек этот... Выходит, ты его знаешь?

— Знаю, знаю. Теперь уж совсем знаю.

— Как это понимать «теперь»?

— А так. Познакомилась недавно.

— Да ну?..

В глазах Клепиковой зажглись такие любопытные огоньки, так она вся подалась вперед при последних Надиных словах, что та невольно усмехнулась.

— Чего вы удивляетесь? Я его нарочно потом разыскала,— она подмигнула.— Вдовец небось.

— Ага. Верно.

— А почему он вас-то интересует? — с любопытством спросила Надя.

Клепикова пожевала губами, не спеша ответила:

— Должок один просили с него получить. Под расписочку брал.

— А-а... Ну, получайте, получайте.

Надя побежала иа кухию, прикрутила керосинку, потом пригласила Полииу Борисовну к столу.

— Юзека-то когда ждешь? — спросила Полииа Борисовиа.

— Ждать его еще! И так завтра приедет.

— Ну, и миого привезет?

— Почем я зиаю!

А про себя Надя тоскливо подумала: «Хоть бы ничего не привозил, старый пес...»

— И куда же ты все это?..— настороженио спросила Клепикова.— Артуру?

— Вот ои что у меия теперь получит! Видали?

И Надя сделала выразительиый жест рукой.

— Смотри, милая, ие дай маху,— задумчиво сказала Клепикова.— Тут шутить с тобой ие стаиут.

Обед закоичился в отчуждеиием молчаиии. Клепикова, встав из-за стола, сразу же ушла.

А Надя повалилась иа кушетку и долго лежала на спиие, подложив руки под голову. Сои не шел, и мыслей ие было. Было лишь какое-то усталое оцепеиение.

Вечером к Наде пришел Булаиый.

Надя поставила чайиик, и вскоре оии сели за стол. Буланый приифс вино, и они пили и чай и виио. Потом Надя пела.

Подсев к ней ближе, Булаиый пытался обиять ее. Надя сначала отстраиялась, потом ей это надоело. На душе было все так же горько и противно.

И еще одиа мысль, вдруг возиикиув, не давала Наде покоя. Зачем все-таки приходила Полииа Борисовиа? Так раиьше ие бывало, чтобы оиа приходила без зова, без телефониого звонка. И почему ее так взволиовало то, что Надя рассказала о Соловье? Хитрит, старая. И почему оиа так иитересовалась Юзеком? И потом эта угроза, которая была в ее последиих словах. Что бы это зиачило? Все это так не похоже иа Полииу Борисовну.

Надя с раздражеиием подумала о Юзеке, о его завтрашнем приезде и, скосив глаза иа обнявшего ее за плечи Булаиого — ои был ииже ее и ему это было иеудобно, оиа, вздохнув, спросила:

— Ты будешь завтра встречать берлинский экспресс?

— Конечно.

— Ты... ты можешь сделать так, чтобы осматривать вагон-ресторан?

— Что?! — опешил Буланый и, все еще не веря тому, что услышал, переспросил: — Вагон-ресторан?

— Да. А почему ты так удивился?

Буланый секунду собирался с мыслями. «Я должен ее предупредить, должен спасти». И он веско, со значением сказал:

— Надя, ты не должна даже думать об этом вагоне. Ведь ты о чем хотела меня попросить?

— Пожалуй... ни о чем.

— Это самое лучшее. Я тебя прошу, Наденька, я тебя просто умоляю...

— Не надо меня умолять!

Надя тряхнула головой. Все ясно. На Юзека уже нацелились. Что ж, тем лучше! Боже, как ей надоела такая жизнь, как она устала от нее, если бы кто-нибудь только знал! Но что же делать? Как теперь избавиться от Юзека? Он не должен больше таскать к ней товар. О, Надя, наконец, хочет быть свободной, хочет перестать бояться всего, хочет жить, как все люди! Но на память снова пришли слова Полины Борисовны: «Тут, милая, шутить с тобой не станут». Что это может значить? Кто не будет с ней шутить? Страшно...

Надя зябко повела плечами. И Буланый еще крепче прижал ее к себе.

И тут вдруг у Нади блеснула злая мысль. Ах, так? Ну, и она с ними шутить тоже не будет!

— Ты знаешь, Семен,— сказала она.— Я ведь не зря спросила о вагоне-ресторане...

Экспресс «Берлин — Москва» пересек границу и точно по расписанию подошел к блокпосту Буг. Таможенники вышли на продуваемую всеми ветрами насыпь и разбрелись вдоль состава.

Мимо Андрея деловито пробежал Буланый, и Андрей невольно вспомнил, как сегодня утром Буланый вдруг попросил Шалымова назначить его на досмотр вагона-ресторана. «У меня с этим Юзеком старые счеты»,— угрожающе заявил он. Шалымов обычным своим недовольным тоном заметил, что никто не должен во время таможенного досмотра сводить какие-то счеты и чтобы он больше не слышал от Буланого таких слов, но тем не менее назначил его досматривать вагон-ресторан. Семен после этого весь день ходил в таком приподнятом настроении, что окружающие с невольным удивлением поглядывали на него. Вместе с другими удивлялся и Андрей.

Поэтому, заметив сейчас напряженное, взволнованное лицо Буланого, пробежавшего мимо него вдоль состава, Андрей, усмехнувшись, подумал: «Самолюбивый он парень, решил что-то доказать».

Андрей взобрался на площадку своего вагона и толкнул тяжелую дверь.

— «Декларации» роздали? — спросил он встретившего его проводника.

Вскоре поезд медленно подошел к перрону брестского вокзала. По вагонам уже шли пограничники, отбирая для проверки паспорта и визы. Они тоже зорко осматривали все вокруг, ища свою «контрабанду» — людей, нелегально пересекающих границу.

Поезд давно уже остановился, когда Андрей вышел, наконец, на перрон. Задумавшись, он медленно пересек наполненный пассажирами досмотровый зал и вышел в зал ожидания. Минуту помедлив, Андрей собирался уже направиться в комнату дежурного, но в этот момент к нему подошла худенькая старушка, вся в черном, и сварливо сказала:

— Ну что же это за безобразие? Никто даже помочь не хочет. Совести у людей совсем нет. Ведь не молодая бегать тут.

— А что вам надо, мамаша?

— А то. Берлинский-то пришел? Пришел. А там племяш мой. Встретить мне его надо.

Андрей улыбнулся.

— Ну, так и ждите его здесь. Туда нельзя,— он кивнул в сторону досмотрового зала и перрона, где стоял сейчас берлинский состав.

— Сама знаю, что нельзя. Но предупредить-то его надо, что тетка ждет? А то как раз разминемся. Сходи, сынок, вызови его, дурака.

Андрей, помедлив — уж очень не хотелось возвращаться,— все же согласился:

— Ну, давай уж, мамаша. Кого там вызвать?

— Слава тебе господи, нашелся хороший человек,— обрадовалась старуха.— К вагону-ресторану подойди, сынок. Там директор. Вот ему и скажешь: мол, так и так, тетка тебя на перроне ждет, выйди к ней немедля.

При упоминании вагона-ресторана с Андрея как рукой сняло усталость. «Она ищет Юзека!» — с беспокойством подумал он.

— Ладно, мамаша. Сейчас,— ответил он как можно равнодушнее.— Вот только бумаги отнесу,— и кивнул на черную клеенчатую папку с «декларациями», которую держал в руках.

Зайдя в комнату дежурного и плотно прикрыв за собой дверь, Андрей торопливо набрал номер телефона Ржавина. Незнакомый голос ответил:

— Скворцов слушает.

— Товарищ Ржавин еще не приехал?

— Никак нет. Кто спрашивает?

— Это Шмелев с таможни говорит,— досадливым тоном ответил Андрей.

— Товарищ Шмелев, я вас слушаю! Я же замещаю Геннадия Львовича. Я в курсе... А вас я прекрасно знаю...

Скворцов говорил обрадованно и сбивчиво.

— Да нет уж, ладно,— вяло отозвался Андрей.

Но Скворцов не унимался.

— Может, чего еще с берлинским? Мы уже послали машину за Юзеком. Получили, наконец, санкцию на арест.

— Что?! — изумился Андрей.— Почему на арест?

Скворцов самодовольно засмеялся.

— А потому. Опять контрабанда обнаружена. И еще какая! А главное, доказали, наконец, что это именно он провозил. Да вы-то чего звоните?

— Понимаете,— не очень охотно начал Андрей.— Тут какая-то старушка этого Юзека спрашивает.

— Кто такая?

— Тетка, говорит.

— А-а, тетка. Ну, вы ей ничего не говорите.

— Так ведь просит вызвать.

— Скажите, что не нашли. В город, мол, ушел. А я сейчас допрашивать его пойду. Это, знаете ли, очень серьезное дело.

Андрей улыбнулся: Скворцов, очевидно, не на шутку волновался.

— Ладно, так и скажу,— ответил он и повесил трубку.

«Значит, Семен нашел все-таки контрабанду,— подумал Андрей.— Молодец, ничего не скажешь». Итак, с Юзеком покончено. Неужели теперь арестуют и Надю? Это же одна компания, вместе с Засохо, с Евгением Ивановичем. И еще, наверное, кто-нибудь в Москве у них есть. Потому, конечно, Ржавин и задержался. И тут вдруг Андрей вспомнил, что говорил ему однажды Ржавин еще в Москве, в гостинице. Он говорил про какую-то старушку. Надю и ее катал на машине тот самый шофер. Старушку!.. И Ржавин еще мечтал с ней познакомиться.

Андрей снова схватился за телефон и набрал знакомый номер. Как же Скворцов забыл про все это? Сейчас он ему напомнит...

Но телефон гудел равнодушно и бесконечно, а трубки там, в кабинете Ржавина, никто не снимал. И Андрей, наконец, понял: Скворцов ушел допрашивать Юзека. Он медленно опустил гудящую трубку на рычаг.

Что же делать? Как узнать, кто она такая, эта старушка? Неожиданно Андрей вспомнил: ведь у них на вокзале есть своя милиция! Надо только им все объяснить.

И он снова взялся за телефон.

...Ржавин ввалился к Андрею в одиннадцатом часу вечера. Из-под расстегнутого пальто виднелась кожаная куртка на «молниях», в руках он держал чемодан.

Заметив через открытую дверь в комнату бутылку вина, он закричал Андрею:

— Ага! Молодец, старик! Налей и мне! Нет, погоди, я тебя сначала обниму!

Он трижды поцеловал Андрея и, обращаясь к улыбающейся Светлане, сказал:

— Мы сентиментальные мужчины, правда? Можно на радостях я поцелую вас и еще вон ту рожу? — Он указал на стоявшего в дверях Вальку.

— Можно, можно,— смеясь, ответила Светлана.— Даже нужно. Ой, мальчики! — Она всплеснула руками.— Как все-таки замечательно, что мы опять вместе!

Она светилась такой радостью, что Андрей, глядя на нее, вдруг подумал, как о чем-то совершенно несбыточном: «Если бы моей женой была она, какой бы это был друг!» И еще он подумал, что она ведь красивая, как он раньше этого не замечал?

Ржавин перехватил его взгляд и усмехнулся.

— Пошли, пошли,— заторопил он.— Выпьем за самого счастливого из трех холостяков.

Он обнял за плечи Андрея и Светлану и запел:

Три холостяка пошли купаться в море,
Три холостяка резвились на просторе...

— А что потом? — спросил Валька.— Один из них утоп?

— Не совсем,— откликнулся Ржавин.— Но тонет, старик, тонет. Спасать его, Светка, а? Как думаешь?

Светлана озорно скосила глаза на Ржавина и тряхнула головой.

— Пусть тонет!

Когда разлили по бокалам остатки вина, Ржавин торжественно провозгласил:

— Дорогие товарищи, друзья, дамы и господа! Я буду краток. Предметом сегодняшнего разбирательства является весьма удачная — я не боюсь это-

го слова! — поездка в столицу Андрея Шмелева и вашего покорного слуги. Таких мы там, братцы, щук переловили, что и не снилось! Они от жадности и на пустой крючок кидаются. Но мы им доброго живца подпустили.

Ржавин радостно блестел глазами, и видно было, что он весь еще во власти недавних переживаний, что действительно успехом закончился его вояж.

— Кроме того, следует отметить,— тем же тоном продолжал он, скосив лукавый взгляд на Андрея,— одно счастливое для Шмелева событие в будущем, по поводу которого тут было сказано коротко и энергично: «Пусть тонет». Прения сторон считаю законченными, Шмелев от последнего слова отказался, и потому...

— Он будет краток! — саркастически заметил Валька.— Красноречие этих провинциальных юристов...

Ржавин свирепо уставился на него.

— Еще одно слово оскорбления в адрес Фемиды, и я тебя...

— Ах, так? Собираешься нарушать социалистическую законность?

Светлана весело постучала по столу.

— Мальчики! Как вы себя ведете?!.

— А ты кто такая? — задиристо спросил Ржавин.

Светлана неожиданно покраснела, и Андрей, увидев ее смущение, но не понимая его причины, все же пришел ей на помощь и возобновил прерванный появлением Ржавина разговор.

— ...И точно вам говорю, эти попики ехали вовсе не для знакомства с нашей церковью. «Христианский союз молодых людей» — это прежде всего политическая организация, и притом реакционнейшая.

— И это тоже надо знать таможеннику,— внушительно заметил Валька.

Андрей кивнул головой и посмотрел на Светлану.

Он уже несколько раз встречался с ней взглядом, и каждый раз при этом оба начинали вдруг, без всякого, казалось бы, повода счастливо улыбаться.

Неожнданно ход разговора изменнлся. Ржавнн, посуровев, сказал:

— Допрашивал сегодня вашего Юзека. Цепочка-то начиналась в Москве, а кончалась на нем. Главные ее звенья теперь можно считать установленными.

— А польские товарнщи нащупали продолжение этой цепочки у себя,— заметнл Андрей.— Бжезовский рассказывал.

— Выходит,— спросил Валька,— ты не с вокзала сюда, раз Юзека допрашивал?

— Нет, с вокзала, я туда,— усмехнулся Ржавин,— а потом уже сюда. Кстати! — вдруг вспомнил он и обернулся к Андрею.— Толик мне сказал, что Юзека разыскивала какая-то тетка. Это верно?

Андрей загадочно улыбнулся.

— Нет, неверно.

— То есть как?

— А так,— н Андрей многозначительно добавил: — Нашлась, кажется, твоя старушка. Та самая...

— Старнк! — закрнчал Ржавин.— Держн меня! А то я начну опять тебя целовать! И Светку тоже!

Когда уходили, Андрей тихо спроснл Ржавина:

— Ну как в Москве?

— Я же тебе говорю: богатый улов щук, а самая крупная из них — некий Евгений Иванович, твой подзащитный. И все, кроме него, уже дают показания и топят друг друга. Да как, ты бы видел! — усмехнулся Ржавин н, посерьезнев, добавил: — А вот мой пока в бегах.

— Засохо?

— Он самый.— И, неожиданно подмнгнув, Ржавин добавил: — Ищем во всех городах, где у него связн есть. Но чует мое сердце... В общем попробуем потянуть теперь еще одну нніточку. Спасибо за старушку.

Дом был деревянный, двухэтажный, с темным подъездом н широкой скрипучей лестницей. Как ни странно, он нмел и «черный ход».

В самом дальнем конце квартиры, за кухней, коридор упирался в небольшую дверь. За ней оказалась узкая, захламленная лесенка, прямая, без площадок, к ней вплотную примыкала наружная стена дома из тонких досок. Видно было, что лестница эта и стена за ней сооружены много позже, чем сам дом. А выходила лестница на небольшой задний дворик, окруженный сараями. Между двумя сараями был проход, кончавшийся забором с выломанной доской. Дыра эта вела в соседний большой двор, ворота которого выходили уже на другую улицу.

Все это Засохо успел детально изучить в первый же день своего добровольного заточения. На улицу он выйти не осмелился, но дворы позволил себе обойти — правда, вечером, когда уже достаточно стемнело.

Днем же он обследовал квартиру и тоже остался доволен. Заваленный рухлядью, неосвещенный коридор создавал для постороннего человека почти неодолимую преграду. В большой, набитой мебелью комнате можно было легко остаться незамеченным.

Спал Засохо в дальней комнате, поменьше. Единственное окно выходило на двор.

В первый день своего приезда Засохо до вечера без сил валялся на постели, временами забываясь в дремоте, но тут же со стоном пробуждаясь. Он неотступно видел перед собой окровавленное лицо Евгения Ивановича и слышал его мычание. А то вдруг появлялся Афоня. Засохо видел оскал на его багровом лице и воздушно-седой хохолок. Афоня визжал: «Так его!.. Ничего, ничего, потом подотрем, бей!»

Засохо со стоном открывал глаза и в страхе озирался по сторонам. Потом он щупал карман. Там лежал пистолет Евгения Ивановича. И тяжелый, холодный предмет этот успокаивал его.

— Пусть только попробуют... Пусть только сунутся...— вслух бормотал он.

На второй день он твердо решил написать в Москву. Не жене пока, нет — Афоне, и не домой, конечно, а до востребования. Засохо мучила неизвестность. Он сбежал из Москвы так стремительно, что

сейчас ему было даже стыдно вспоминать об этом. Хотя в то же время какое-то предчувствие говорило, что он поступил правильно.

На первое время Засохо решил скрыться у единственного человека, в преданности которого не сомневался. Здесь он чувствовал себя в относительной безопасности.

Больше всего его пугало то, что Евгений Иванович остался жив. Это таило в себе угрозу в сто раз большую, чем арест, чем разоблачение и суд. Потом еще эта история с Павлушей. Что за сумасшедший парень! Но, может быть, он все-таки остался жив? Это тоже следовало проверить.

В конце дня Засохо, наблюдая из окна большой комнаты за улицей, заметил вышедшего из-за угла человека, удивительно напоминавшего ему кого-то. Когда человек приблизился, Засохо чуть не вскрикнул. Это был Павлуша. Он шел задумавшись, лицо его было озабоченным. Внезапно сосредоточенный взгляд Павлуши на миг скользнул по окну, за которым притаился Засохо, и Артур Филиппович почувствовал, как от волнения и страха ладони у него стали мокрыми от пота.

В ту ночь Засохо не сомкнул глаз. Он беспокойно ходил из угла в угол по маленькой комнате — пять шагов туда, пять — обратно,— и вдруг начинало казаться, что он ходит по тюремной камере и ему уже вечно предстоит так ходить. От этих жутких мыслей лоб покрывался испариной и сердце вдруг начинало то суматошно метаться в груди, то замирало леденея. Засохо подбегал к столику, капал лекарство, потом валился на постель и со страхом ждал чего-то.

Так прошла ночь. А наутро Засохо твердо решил уезжать. И какая только нелегкая занесла его в этот проклятый город! Не-ет, больше он тут не появится. Все! Хватит. И никому не посоветует.

Когда он вышел из своей комнаты, Полина Борисовна всплеснула руками:

— Милый ты мой! Да на кого же ты похож?!

Засохо подвинулся к зеркалу. В нем отразилось

желтое, измятое лицо с фиолетовыми мешками под глазами, а в измученных глазах стояла такая тоска, что хотелось кричать. «Черт знает что,— подумал Засохо,— надо взять себя в руки».

— Ну, ну, сейчас вы меня не узнаете,— с наигранной бодростью ответил Засохо.— Вот умоюсь, побреюсь...

Во время бритья Засохо торопливо соображал, как ему лучше уехать, куда и каким поездом. Днем уезжать было опасно. А вечером, он знал, уходили два поезда: в десять часов — на Ленинград, в одиннадцать — на Киев. Пожалуй, надо ехать в Киев, там по крайней мере есть у кого остановиться.

Засохо продолжал обдумывать свой отъезд и за завтраком. Его беспокоило, что еще целый день он будет вынужден провести здесь.

— Что с Надькой делать? — спросила Клепикова.— Задумываться баба начала.

— Плевал я на нее!

— Легко тебе плевать. А мне здесь жить. О господи! Неужто не кончится это никогда?

— Это что же?

— Да власть эта проклятая. Ведь как раньше-то на контрабанде жилось! Вспоминать силушки нет. Выть хочется.

— Вой. Может, легче будет.

— Только и остается. Зубов уж нет, кусать не могу.— И с досадой закончила: — А Надька вот задумывается, стерва.

Засохо подумал об Огородниковой. Неужели она стала «задумываться»? Все идет вверх дном, все надо бросать. Забиться куда-то, выждать. Деньги есть. Ну, а потом... потом обстановка подскажет, где вынырнуть. Во всяком случае, «задумываться» он не собирается, не на такого напали. Пусть перевоспитывают мальчиков и девочек, а его поздно. И он злобно подумал: «Страна... Деньги есть — скрывай, голова на плечах есть — тоже скрывай... У-у, проклятая!..» И он почему-то снова ощутил тяжесть холодного металла в кармане.

— Вот что,— сказал после завтрака Засохо.— За билетиком надо сходить.

— Неужто уезжать надумал?

— Именно. Но скоро вернусь,— на всякий случай добавил он.

Когда Клепикова ушла, Засохо долго ходил по квартире, тяжело сутулясь, заложив руки за спину и шлепая спадавшими с ног старыми туфлями. Иногда он подходил к окну и, стараясь быть незамеченным, смотрел на улицу.

В каждом прохожем Засохо искал теперь врага и заранее ненавидел его. Кто бы ни шел по улице — мужчины или женщины, старые или молодые, все сейчас казались ему врагами, и он, прищурясь, внимательно наблюдал за каждым их движением, за каждым взглядом.

Потом вернулась с билетом Клепикова, и Засохо стал подробно расспрашивать ее, кого она встретила возле дома, на улице и на вокзале. Клепикова отвечала односложно. Она тоже была встревожена.

День тянулся изматывающе долго. Наконец сумерки сгустились, зажглись уличные фонари. Но это было еще только начало вечера, до поезда оставалась уйма времени, часа четыре. А Засохо решил появиться на вокзале за полминуты до отхода поезда, не раньше.

Внезапно в передней позвонили.

Засохо стремглав выскочил из своей комнаты, сорвал с вешалки пальто, шапку и устремился к задней двери, около кухни.

— Теперь открывайте,— шепнул он оттуда Клепиковой, прижимаясь к стене и нащупывая в кармане пистолет. «В случае чего выстрелю! — в смятении подумал Засохо.— Но не дамся! Пусть только попробуют! Выстрелю!»

Старуха между тем зажгла тусклую лампочку в коридоре и, подойдя к двери, громко осведомилась:

— Кого надо?

— Вас, Полина Борисовна,— раздался чей-то молодой голос из-за двери.— Это Сережа. Трубы проверить надо. У Сапожниковых течет.

Сережа был слесарь домоуправления, Клепикова его хорошо знала. Тем не менее она, не снимая цепочки, приоткрыла дверь и, убедившись, что перед ней действительно Сережа, проворчала:

— Ну, сейчас, сейчас. Нашел время...

Весело посвистывая, Сережа, щуплый паренек лет девятнадцати, в измазанном полушубке, осмотрел батареи в большой комнате, потом перешел в маленькую. Полина Борисовна неотступно следовала за ним. Войдя в маленькую комнату, она сразу же увидела саквояж Засохо, стоявший у постели. От испуга Полина Борисовна почувствовала на миг дурноту и оперлась рукой о стол. Но она тут же пришла в себя и ворчливо сказала:

— Вон там, там погляди...

Она заставила Сережу протиснуться между окном и столом и, пока он там копался, ногой далеко задвинула саквояж под кровать.

Вскоре Сережа ушел.

Однако не успел Засохо выбраться из своего угла, как в передней снова позвонили.

На этот раз оказалось, что пришел управдом. В знакомом его голосе Клепиковой послышались какие-то необычные, напряженные нотки. Но разбираться было некогда, и она открыла дверь.

В прихожую быстро вошел, оттесняя низенького управдома, высокий, худой парень в кожаном пальто и сухо спросил:

— Где ваш жилец? Поговорить надо.

— Какой еще жилец? — громко переспросила Клепикова.

Парень усмехнулся.

— Вы, мамаша, можете не кричать. Он и так нас слышит. Скворцов! — позвал он, не оглядываясь.

Клепикова услышала, как в дальнем конце квартиры раздался легкий шум. «Дверь открывает»,— догадалась она и, чтобы протянуть время, сказала:

— Верно, был у меня жилец. Только съехал. А недавно...

— А ну, тихо,— вдруг остановил ее парень и при-

слушался. Потом крикнул своему помощнику: — Там он, Толик! Быстро!

Оттолкнув Клепикову, он сам первым бросился по коридору к кухне.

И тут вдруг грохнул выстрел. Пуля с визгом чиркнула где-то под потолком. Клепикова слабо взвизгнула, побледнел и прижался к стене управдом.

В конце темного коридора грохнул еще один выстрел, потом еще... Стукнула дверь, затрещала лестница под какой-то стремительной тяжестью. Потом, уже глухо, трахнул еще один выстрел; кто-то крикнул: «Стой!.. Стой, сволочь!..» И в квартире воцарилась тишина.

Клепикова и управдом испуганно переглянулись. Управдом сказал:

— Ну, знаете ли, гражданка Клепикова... Это мы так не оставим... Общественность, знаете ли...

Между тем во дворе, около сараев, Ржавин, прижимая ладонь к виску, возбужденно говорил двум сотрудникам:

— Ну как он ушел, я спрашиваю? Ведь кругом сараи.

— Здесь вот щель,— виновато ответил один из сотрудников.— В другой двор ведет.

— Щель?! Да как же ты днем смотрел?.. О черт!..

Последнее восклицание относилось к ране, которую Ржавин прижимал ладонью. Пуля содрала кожу на виске, и кровь текла ручьем. Ржавин уже не мог с ней справиться.

— Ладно,— сказал он досадливо.— Далеко этот гад все равно не уйдет. Первым делом надо закрыть выходы из города. Особенно вокзал. Давай в машину.

...А Засохо чуть не бежал по темному переулку, пробираясь к вокзалу. В каком-то дворе он выбросил в помойку пистолет. Теперь для Засохо главное было — выскочить из города, как угодно, на любом поезде! Именно на поезде, смешавшись с сотнями пассажиров. Это безопаснее всего. А потом он сойдет на первой же станции. Только бы выбраться из города, пока не поднялась тревога.

На плохо освещенной привокзальной площади среди суетящихся людей Засохо почувствовал себя в относительной безопасности. Он отдышался и стал приглядываться к окружающим, соображая, у кого бы спросить, когда и куда отходит ближайший поезд. Лучше всего было отыскать носильщика или любого другого служащего. Но никого из них поблизости Засохо не видел, а идти ради этого на вокзал он боялся.

Но вот Засохо различил в толпе невысокого, плотного паренька в форме таможенника. «Этот должен знать»,— решил он. И когда паренек поравнялся с ним, Засохо спросил:

— Не скажете, какой сейчас поезд отходит?

— Какой поезд? — переспросил парень, останавливаясь. Потом он взглянул на свои часы.— Девять пятнадцать... Через пятнадцать минут отходит вюнсдорфский, на Москву. А вам какой нужен-то?

— Мне...— Засохо помедлил соображая.— Мне... на Ленинград.

— А-а... Этот еще не скоро. Почти час ждать.

В это время где-то рядом раздался возглас:

— Дубинин! Ну что же ты?

— Да вот товарищ спрашивает...— ответил парень, оглядываясь.

За ним невольно оглянулся и Засохо. К ним подходил Андрей Шмелев. И Засохо вдруг встретился с его удивленным взглядом.

— Это вы? — спросил Андрей.

— А это вы?..— натянуто улыбнулся Засохо.

— Постойте, постойте. Но ведь вы же должны быть в Москве?

Засохо усмехнулся.

— Почему вы так решили?

— Ну как же,— заволновался Андрей.— Вы же... мне... мне Надя говорила.

— Мало ли что она скажет.— Засохо небрежно махнул рукой и добавил: — Ну, не смею задерживать.

Андрей, помедлив, вдруг решительно сказал:

— Извините, но нам надо поговорить.

— В другой раз. Сейчас спешу. Привет Наде.

Засохо повернулся, чтобы уйти, но Андрей взял его за рукав пальто.

— Да погодите же...

Засохо резко выдернул руку и раздраженно сказал:

— Говорю вам, мне некогда. И не хватайте!

Андрей угрюмо преградил ему дорогу.

— Пойдемте и поговорим. Я вас прошу.

— Да что вы ко мне пристали! Хулиган!.. Смотрите, граждане!.. Да что же это такое!..

Засохо кричал скандальным, плачущим голосом. Вокруг начала собираться толпа.

— А я вас прошу...— твердил Андрей, не зная, на что решиться.

Из толпы раздались негодующие возгласы:

— Чего хулиганишь!..

— Да пьяный он!

— Смотри, к какому солидному пристал...

— А ну, разойдись!

Дубинин еще не успел сообразить, в чем дело, и вмешаться, когда увидел, что Андрей оттолкнул от себя каких-то двух мужчин и, развернувшись, вдруг с силой ударил незнакомца. Тот повалился на землю.

Толпа отхлынула, и Валька рванулся вперед.

— Андрей, что ты делаешь?

Тяжело дыша, Андрей навалился на своего противника и крикнул Вальке:

— Милицию зови! Скорее!

При этом возгласе толпа онемела от изумления, и уже никто не решился вмешаться в непонятную драку.

А потом в комнате милиции появился Ржавин. Он грубовато обнял Андрея и сказал с обычной своей иронией:

— Не ожидал, старик, такого хулиганства. Оказывается, характер у тебя — дай боже!

— Все нормально,— заметил Валька.— Эта гнида запомнит наш Брест. И другим расскажет. Чтобы неповадно было.

Андрей вдруг увидел под шапкой у Ржавина узкую полоску бинта.

— Это еще что такое? Опять?

— А! — махнул рукой Ржавин.— Не налажена у нас еще охрана труда.

Друзья переглянулись, и Валька сказал:

— Есть предложение. Раз уж встретились...

— Вечером соберемся у Шмелева? После всех переживаний? — весело осведомился Ржавин.— Что ж, старики, дело. Там и поужинаем. Сбор через час, а? Голоден я, как зверь.

— Успеем,— согласился Андрей, прикинув в уме, откуда быстрее можно позвонить Светлане.

Коротко об авторах

МОРОЗОВ ДМИТРИЙ ПЛАТОНОВИЧ родился в 1926 году. Во время Отечественной войны служил на флоте. После демобилизации работал следователем в Московской прокуратуре. Учился в Литинституте имени Горького. Свой первый рассказ опубликовал в 1949 году в журнале «Советский воин». Затем его рассказы, стихи и фельетоны неоднократно появляются на страницах центральных газет и журналов. С 1953 года Морозов — специальный корреспондент Всесоюзного радио.

Повесть «Тридцать шесть часов из жизни разведчика», кроме СССР, издана в ГДР, Чехословакии и Югославии.

На Рижской киностудии снимается художественный фильм, сценарий которого написан по мотивам этой повести.

В настоящее время Морозов заканчивает повесть о чекистах времен гражданской войны.

ЛУКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1904 году. В трудные годы становления Советской власти началась его работа в ЧК. Ему не раз приходилось выполнять опасные и ответственные задания. В годы Отечественной войны А. А. Лукин был заместителем командира по разведке в прославленном отряде Героя Советского Союза Д. Н. Медведева, где действовал легендарный разведчик Николай Кузнецов. В последние годы А. Лукин занимается литературной деятельностью.

Его повести «Операция «Дар», «Разведчики», а также «Сотрудник ЧК» и «Тихая Одесса» (последние написаны в соавторстве с Д. Поляновским) известны не только в Советском Союзе.

Совместно с Шимаевым им написана повесть «Тишина перед громом», которая в 1966 году вышла в издательстве «Молодая гвардия» под названием «Обманчивая тишина». В соавторстве с А. Гребневым Лукиным написан киносценарий для двухсерийного фильма о разведчике Н. Кузнецове. Киностудия «Мосфильм» начала постановку фильма по этому сценарию.

НИЛИН ПАВЕЛ ФИЛИППОВИЧ, известный советский писатель, родился в 1908 году в Иркутске в семье ссыльного поселенца. В 1936 году журнал «Новый мир» публикует роман Павла Нилина «Человек идет в гору» с подзаголовком «Очерки обыкновенной жизни». В 1937 году выходит сборник рассказов писателя «Золотые руки». В 1939 году переиздается сборник рассказов и выходит отдельное издание романа.

В годы войны Павел Нилин в качестве спецкора «Правды» находится на передовой. В печати регулярно появляются его очерки и рассказы. В 1942 году издательство «Советский писатель» выпускает сборник военных рассказов Нилина «Линия жизни».

Наибольшую известность получили его повести «Испытательный срок» и «Жестокость». В 1962 году вышла повесть Нилина о партизанах Белоруссии «Через кладбище».

Публикуемые рассказы написаны в период Великой Отечественной войны.

ЖЕМАЙТИС СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ родился в 1908 году в г. Николаевске-на-Амуре. Более тридцати лет он прожил на Дальнем Востоке. Работал трактористом, корреспондентом газет, служил в Военно-Морском Флоте. В годы Великой Отечественной войны находился в действующей армии. Войну начал солдатом, а затем был произведен в офицеры.

После войны Жемайтис становится профессиональным писателем. В центральных издательствах вышли его книги повестей

и рассказов: «Ребята с голубиной пади», «Теплое течение», «Поющие камни», «Журавлиная дорога», «Красная ниточка», «Взрыв в океане» и др. Свои произведения писатель адресует главным образом детям и юношеству.

ФЕДОРОВСКИЙ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ родился в 1933 году в Алтайском крае. С 1959 года он работает специальным корреспондентом журнала «Вокруг света». Много ездит по стране.

Очерки и рассказы Е. Федоровского читатель может встретить на страницах журналов «Искатель», «Смена», «Молодая гвардия», «Сельская молодежь».

Перу Е. Федоровского принадлежит документальная повесть «Секреты рыбьих стай», в которой он рассказывает о путешествии на научно-исследовательской подводной лодке «Северянка». О путешествии по 60-му меридиану от Ледовитого океана до иранской границы рассказывается в книге «Беспокойная прямая», написанной Федоровским в соавторстве с А. Ефремовым и изданной в 1962 году издательством «Молодая гвардия». Следующая книга этих же авторов «Сто дорог, сто друзей», выпущенная в 1963 году, повествует об их путешествии по Дальнему Востоку.

ПЕСКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ — известный советский журналист, лауреат Ленинской премии 1964 года, которая была ему присуждена за книгу очерков «Шаги по росе».

Родился Песков в 1930 году в селе Орлово Воронежской области. После окончания десятилетки работал шофером, киномехаником, фотографом, сотрудником воронежской областной молодежной газеты.

С 1956 года В. Песков — фотокорреспондент и очеркист «Комсомольской правды». Очерки Пескова проникнуты большой любовью к советским людям и русской природе.

ЛИНЬКОВ ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1908 году в Казани, в семье учителя. Детство и юность провел в городе Горьком. Работал на заводе фрезеровщиком, затем инспектором

рабоче-крестьянской ниспекцин. Учнлся в педагогическом и архнтектурном нистнтутах. Первые очеркн, рассказы н фельетоны Л. Лииькова былн опублнкованы в 1930 году в горьковской областной комсомольской газете «Лениниская смена». С 1932 года работает в «Комсомольской правде», потом служнт в пограничиых войсках.

В 1939 году по сценарню Л. Лиинькова поставлен фильм о морских погранннчниках «Морской пост». В 1940 году в Детгизе вышла кинжка его рассказов «Следопыт», в 1948 году в «Молодой гварднн» — повесть о советской разведке «Капнтан «Старой Черепахи». Повесть иеоднократно переиздавалась в иашей стране н в странах народной демократни и была экраинзнрована в 1956 году.

Среди кннг Л. Линькова — повести н рассказы о погранннчинках: «Источиик жизни», «Отважные сердца», «Пост семи героев», «Большой горизонт», «Малыш с Большой притоки».

В настоящее время Л. Лииьков завершает работу иад романом из нсторнн ВЧК.

РОСОХОВАТСКИЙ ИГОРЬ МАРКОВИЧ роднлся в 1929 году. Окончил педииститут, несколько месяцев работал воспитателем в детской трудовой колоиии, где собрал материал для повестей н рассказов, вошедших в кингу «Два куска сахару». Однн нз этнх рассказов, «Случайиость», был отмечен премией на конкурсе на лучший рассказ н очерк о советской милнцни в 1958 году, проводнмом МВД СССР.

Основной жанр, в котором работает И. Росоховатскнй,— научиая фантастнка. Вышли его книги: «Мост» (1954 г.), «Загадка акулы» (1962 г.), «Встреча во времени» (1963 г.), «Годннннк» (1964 г.), «Два куска сахару» (1965 г.), «Внток исторни» (1966 г.). Сейчас писатель готовит к печатн новый сборннк научно-фантастнческнх рассказов н повестей.

Повесть «Шляпколовы» взята нз кингн «Два куска сахару»

АРКАДИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ АДАМОВ родился в 1920 году в семье писателя.

В 1941 году А. Г. Адамов с четвертого курса авиационного института добровольцем ушел на фронт. После демобилизации поступил на заочное отделение исторического факультета МГУ и в 1948 году закончил его.

В том же 1948 году вышла в свет первая повесть А. Г. Адамова «Шелихов на Кадьяке», а в 1950 году — сборник рассказов «По неизведанным путям» — книги об открытиях русских мореплавателей в северной части Тихого океана, на Аляске и в Калифорнии.

В 1952 году выходит повесть о русском изобретателе «Василий Пятов».

В 1956 году в журнале «Юность» А. Г. Адамов опубликовал повесть «Дело «пестрых», посвященную сложной и опасной работе сотрудников уголовного розыска.

В последующие годы там же были опубликованы повести: «Черная моль», «Последний бизнес», «Личный досмотр». В 1965 году в журнале «Смена» печатается новая приключенческая повесть А. Адамова об оперативных работниках уголовного розыска — «След лисицы», а в 1966 году в журнале «Юность» — повесть «Стая».

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение к журналу «Сельская молодежь».
Библиотека приключений в пяти томах. Т. 4.
М., «Мол. гвардия», 1966.
496 с.

Ответственный за издание *О. Попцов*
Составитель *И. Филенков*
Оформление *А. Шипова*
Художественный редактор *Н. Михайлов*
Технический редактор *Л. Курлыкова*

А00747. Подп. к печ. 30/1 1967 г. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$. Печ. л. 15,5(26,04). Уч.-изд. л. 23,3. Тираж 165 000 экз. Цена 88 коп.

Заказ 1806. Отпечатано в тип.
«Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сущевская, 21.

Набрано и сматрицировано в
Ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, Ж-54, Валовая, 28. Заказ 927

4